765 20/21

№ 234

Ф. Плеснин

Ex Libris

№234
Г65 20/21

А. Менгеръ.

Новое ученіе о государствѣ.

Разрѣшенный авторомъ переводъ съ нѣмецкаго
П. Тучапскаго

подъ редакціей **Б. Кистяковскаго.**

2-е изданіе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1909.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

1088622

Обложка и титулъ отпечатаны въ типографіи 1-й Спб. Труд. Артели.—Лиговская, 34.

Предисловіе.

Настоящее сочиненіе, плодъ занятій нѣсколькихъ десятилѣтій, преслѣдуетъ цѣль представить въ цѣльной картинѣ, ограниченной тѣсными рамками этой книги, практическія предложенія соціализма, имѣющія въ виду преобразованіе нашего общества.

Соціализмъ вполнѣ основательно прежде всего подвергъ самой безпощадной критикѣ существующій общественный строй, потому что только такимъ образомъ можно было пріобрѣсти сочувствіе широкихъ круговъ населенія къ соціалистическимъ цѣлямъ. Эта задача выполнена, начиная съ XVIII вѣка, въ почти необозримой литературѣ преимущественно критическаго характера. Въ настоящее время, когда соціалистическое міровоззрѣніе постепенно приближается къ своему осуществленію, конечно вполнѣ своевременно придать болѣе опредѣленную, чѣмъ до сихъ поръ, форму и его положительной, организаторской сторонѣ.

Я попытался освѣтить, по крайней мѣрѣ въ самыхъ общихъ чертахъ, историческое развитіе главныхъ соціалистическихъ ученій, опираясь на ихъ важнѣйшихъ представителей: подробная исторія догмы соціализма расширила бы эту небольшую книгу до многотомнаго произведенія. Выборъ между соціалистическими писателями различныхъ національностей представлялъ большія затрудненія, и въ отдѣльныхъ случаяхъ я, вѣроятно, едва ли избѣгну упрека въ произволѣ. Огромные размѣры соціалистической литературы, трудность ея полученія, наконецъ, почти полное отсутствіе предшествующихъ научныхъ работъ въ этой области могутъ послужить извиненіемъ для тѣхъ или иныхъ промаховъ.

«Новое ученіе о государствѣ» должно ближе познакомить господствующіе и образованные классы въ Германіи и другихъ странахъ съ кругомъ соціалистическихъ идей, который въ такой полнотѣ еще никогда не былъ представленъ. Почти исключительно критическій соціализмъ неизбѣжно долженъ былъ вызывать оппозицію широкихъ круговъ общества, потому что не многія изреченія мудрости пользуются столь всеобщимъ признаніемъ, какъ старая поговорка, что критиковать легко, а лучше сдѣлать—трудно. Свое безусловное оправданіе соціалистическій идеалъ представитъ, конечно, только при своемъ полномъ осуществленіи въ одномъ изъ большихъ современныхъ культурныхъ государствъ. Но эта книга, признавая только уже дѣйствующіе въ настоящее время стимулы человѣческой дѣятельности, а также примыкая повсюду къ традиціоннымъ понятіямъ о правѣ и государствѣ и рекомендуя только извѣстныя до сихъ поръ всемірно-исторической практикѣ средства политическаго и соціальнаго преобразованія, стремится до извѣстной степени достигнуть той же цѣли теоретическимъ путемъ.

Авторъ.

Вѣна, іюль 1902 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ *).

Стр.

Предисловіе . . . . . V—VI

КНИГА ПЕРВАЯ.

Право и государство.

Глава первая: Предварительныя замѣчанія.—Неудовлетворительная тенденція существующихъ правовыхъ организацій по отношенію къ неимущимъ; попытки ихъ переустройства: христіанство, французская революція и ея слѣдствія . . . . . 3—6

Глава вторая: Анархизмъ.—Гармонія, какъ результатъ свободнаго состязанія человѣческихъ силъ: анархизмъ, Бастіа и Фурье; анархическіе элементы въ нашихъ правовыхъ организаціяхъ; упраздненіе повелѣвающаго и управляющаго государства посредствомъ организаціи, основанной на свободномъ договорѣ; старый индивидуалистическій анархизмъ: Годвинъ, Прудонъ, Штирнеръ; новый коммунистическій анархизмъ: распредѣленіе средствъ потребленія сообразно размѣрамъ труда и потребностей; критика анархизма: затрудненія при его введеніи и при его примѣненіи; недостатки договорныхъ формъ и групповой организаціи; хозяйственные недостатки группы; положительные элементы анархизма . . . . . 7—18

Глава третья: Индивидуалистическое и соціалистическое государство.—Государство Божье и человѣческое; индивидуалистическое и соціалистическое государство; происхожденіе слова «соціализмъ»; сущность индиви-

*) Главы 1—4 первой книги перевецены М. Кистяковской, главы 5—11 той же книги—М. Беренштамомъ, а книги 2, 3 и 4—П. Тучапскимъ.

Стр.

дуалистическаго государства; сущность соціалистическаго государства (народнаго трудового государства); древность соціалистической государственной идеи . . . . . 19—26

Глава четвертая: Соціалистическое и коммунистическое государство.—Задачи соціалистическаго государства; переходъ имущественныхъ правъ къ государству; преобразованіе брака не является пунктомъ соціалистической программы; равенство средствъ потребленія въ коммунистическомъ государствѣ; неравенство средствъ потребленія въ соціалистическомъ государствѣ; точки соприкосновенія между соціализмомъ и современнымъ правовымъ порядкомъ . . . . 27—34

Глава пятая: Происхожденіе права и государства.—Зданіе нашего государственнаго порядка; историческій взглядъ на происхожденіе государства; органическая теорія; теорія естественнаго права; непримѣнимость этихъ теорій къ частному праву; происхожденіе права и государства путемъ насилія; естественно выросшее и прошедшее черезъ сознаніе право . . . . . 35—42

Глава шестая: Международныя отношенія государствъ.—Недостатки нашихъ международныхъ отношеній; патріотизмъ; отношеніе знатныхъ, средняго сословія и бѣдныхъ къ патріотизму; патріотизмъ и соціализмъ; патріотическое милитаристское государство . . . . . 43—53

Глава седьмая: Индивидуалистическое государство, основанное на власти, и народное трудовое государство.—Государство, основанное на силѣ, и трудовое государство; задачи власти и культуры въ современномъ культурномъ государствѣ;—въ народномъ трудовомъ государствѣ; опасность злоупотребленія властью въ народномъ трудовомъ государствѣ . . . . . 54—62

Глава восьмая: О движущихъ силахъ въ народномъ трудовомъ государствѣ.—Эгоизмъ главная руководящая сила современнаго государства, а также и народнаго трудового государства; несогласныя соціалистическія школы; соціализмъ не произведетъ переворота въ основныхъ инстинктахъ человѣчества . . . . . 63—67

Глава девятая: Право и нравственность.—Право и нравственность; санкціонированіе нравственныхъ предписаній посредствомъ религіи и общественнаго мнѣнія; осла-

Стр.

бленіе религіозной санкціи; организація общественнаго мнѣнія, какъ руководящей пружины нравственнаго поведенія . . . 68—73

Глава десятая: Идея свободы.—Политическая и экономическая свобода; расширеніе политической свободы въ народномъ трудовомъ государствѣ; экономическая свобода богатыхъ и бѣдныхъ; уваженіе къ ней въ народномъ трудовомъ государствѣ . . . . . 74—78

Глава одиннадцатая: Идея равенства.—Равенство передъ закономъ; невозможность проведенія экономическаго равенства въ народномъ трудовомъ государствѣ; іерархическая организація государства; моменты дифференціаціи: профессія родителей, болѣе высокое духовное развитіе, избраніе, назначеніе, жребій; незначительность экономическаго неравенства въ народномъ трудовомъ государствѣ . 79—88

КНИГА ВТОРАЯ.

Организація экономической и семейной жизни въ народномъ трудовомъ государствѣ.

Глава первая: Общественное и индивидуальное благо.—Публичное и частное право; неправильное пониманіе общественнаго блага и индивидуальныхъ жизненныхъ цѣлей въ нашемъ государственномъ строѣ; система настоящаго сочиненія . . . . . 91—93

Глава вторая: Собственность.—Собственность и бракъ; соціалистическая общая собственность; ослабленіе римскаго понятія о собственности въ нашемъ правопорядкѣ; преобразованіе собственности въ соціализмѣ . . . . . 94—97

Глава третья: Вещное право народнаго трудового государства.—Насильственное основаніе института собственности; непринятіе во вниманіе экономическихъ условій; экономическій характеръ соціалистическаго вещнаго права; потребляемыя вещи; пользуемыя вещи; средства производства; частноправовыя отношенія подчиненія . . . . . 98—105

Глава четвертая: О потребляемыхъ вещахъ.—Понятіе потребляемыхъ вещей; сохраненіе частной собственности на нихъ (право употребленія и распоряженія); пріобрѣтеніе собственности; владѣніе . . . . . 106—109

Стр.

Глава пятая: Пользуемыя вещи.—Понятіе пользуемыхъ вещей; распредѣленіе ихъ, право пользованія; перечисленіе ихъ . . . . . 110—112

Глава шестая: Средства производства.— Понятіе средствъ производства; соціальное значеніе частной собственности на средства производства; устраненіе всѣхъ особыхъ правъ въ народномъ трудовомъ государствѣ . . . . . 113—115

Глава седьмая: Субъективныя системы распредѣленія.—Современная организація собственности и соціалистическія системы распредѣленія; субъективныя и объективныя системы распредѣленія; ихъ отношеніе къ коммунизму и соціализму; виды субъективныхъ системъ распредѣленія: I—самопроизвольное распредѣленіе матеріальныхъ благъ; II—государственное распредѣленіе матеріальныхъ благъ; понятіе его; обязательный трудъ; право на существованіе; отдѣльное и соединенное домашнее хозяйство; общій характеръ нынѣшняго и соціалистическаго способа удовлетворенія потребности; отклоненія отъ общаго типа распредѣленія; металлическія деньги и рабочія деньги . . . . . 116—127

Глава восьмая: Объективныя системы распредѣленія.—Отграниченіе объективныхъ системъ распредѣленія отъ частнаго права; объективныя системы распредѣленія: III—на основѣ права на полный продуктъ труда; IV—на основѣ общей собственности на землю . . . . . 128—131

Глава девятая: Обязательственное право.—Недостатки нашего современнаго договорнаго права, организація общественнаго труда путемъ приказанія и подчиненія на основаніи договора; государственная организація общественнаго труда въ народномъ трудовомъ государствѣ; сходное организированіе государствомъ политической власти съ конца среднихъ вѣковъ; продолженіе существованія нѣкоторыхъ частноправовыхъ долговыхъ отношеній; долговыя отношенія. вытекающія изъ недозволенныхъ дѣйствій . . . . . 132—139

Глава десятая: Отдѣльные договоры.—I—договоръ о наймѣ; его соціалистическое преобразованіе; II—договоръ о куплѣ, продажѣ и обмѣнѣ; Оуэновскій трудовой мѣновой банкъ; предложенія Родбертуса; III—кредитные договоры; народный банкъ Прудона; IV—общественные договоры; Фурье, Оуэнъ, Томпсонъ, американскія коммунистическія общины . . 140—147

Стр.

Глава одиннадцатая: Наслѣдственное право.—Важность наслѣдственнаго права для структуры общества; меньшее вниманіе къ этому вопросу въ соціалистической литературѣ; ограниченіе наслѣдственнаго права въ субъективныхъ и объективныхъ системахъ распредѣленія; слѣдствіе этого ограниченія . . . . . 148—152

Глава двѣнадцатая: Бракъ.—Сущность нашего современнаго брака; соціалистическія предложенія реформированія брака: I—свободная любовь и общій бракъ; II—государственный бракъ; III—многобрачіе; критика этихъ предложеній; обязанность мужа содержать свою жену; брачно-имущественное право . . . . . 153—166

Глава тринадцатая: Отношенія между родителями и рожденными въ бракѣ дѣтьми.—Обязанность содержанія и воспитанія по отношенію къ рожденнымъ въ бракѣ дѣтямъ въ современномъ правѣ; ихъ содержаніе и воспитаніе въ народномъ трудовомъ государствѣ; издержки на это; взгляды анархистовъ и соціалистовъ; законъ Мальтуса и его соціалистическіе противники; обязанности родителей въ народномъ трудовомъ государствѣ; соціалистическія предложенія противъ чрезмѣрнаго увеличенія населенія . . . . . 167—173

Глава четырнадцатая: Внѣбрачныя дѣти.—Нерѣшительное отношеніе современнаго законодательства къ внѣбрачному половому общенію; слѣдствія внѣбрачнаго сожительства: въ особенно противо-законныхъ случаяхъ уголовное наказаніе; въ другихъ случаяхъ обязанность содержанія; строгость террористовъ во время французской революціи противъ половой безнравственности; опека. . . . . 174—179

Глава пятнадцатая: Уголовное право.—Могущественныя группы населенія и уголовное право; отдѣльныя преступленія: I—преступленія противъ личности; II—противъ правопорядка: 1, преступленія противъ государства; 2, противъ имущественныхъ правъ; противъ семейныхъ правъ; исчезновеніе преступленія изъ соціальнаго строя . . . . . 180—187

Глава шестнадцатая: Процессъ.—Гражданскій процессъ; уголовное и административное производство въ современномъ правѣ; примѣненіе административнаго производства къ имущественнымъ и семейно-правовымъ отношеніямъ въ народномъ трудовомъ государствѣ; сохраненіе судебной помощи; сліяніе всѣхъ видовъ процесса въ одно производство . . . . . 188—190

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Организація народнаго трудового государства.

Стр.

Глава первая: Цѣль государства.—Отсутствіе цѣли у государства; народное благо, какъ цѣль государства; цѣли различныхъ группъ населенія съ различными интересами: 1, высшихъ руководителей государства; 2, дворянства; 3, средняго сословія; 4, неимущихъ классовъ народа; превращеніе цѣлей отдѣльныхъ группъ въ цѣли государства; поддержка цѣлей, имѣющихъ въ виду развитіе могущества, оказываемая: гипотезой о государствѣ, какъ о самостоятельномъ лицѣ; теократическимъ понятіемъ о государствѣ; взаимноугрожающимъ положеніемъ народовъ . . . . . 193—201

Глава вторая: Суверенитетъ.—Превращеніе соотношеній, основанныхъ на силѣ, въ соотношенія, предписанныя закономъ; сущность суверенитета; юридическое пониманіе его; суверенитетъ монарха и суверенитетъ народа; суверенитетъ государства; насильственное примѣненіе суверенитета въ современномъ государствѣ; ослабленіе его въ народномъ трудовомъ государствѣ . . . . . 202—210

Глава третья: Государственныя формы.—Республика и монархія въ соціалистическомъ строѣ; отношеніе романскихъ народовъ къ этому вопросу; современная политическая республика; отношеніе германскихъ народовъ къ формамъ правленія; необходимыя измѣненія въ монархіи . . 211—217

Глава четвертая: Законодательная власть.—Законодательная и исполнительная власть; отношеніе анархизма и абсолютизма къ законодательству; независимая отъ законовъ государственная дѣятельность въ современномъ государствѣ; въ народномъ трудовомъ государствѣ; границы законодательства; парламентарная система правленія; система двухъ палатъ; референдумъ; объявленіе войны . . . . . 218—227

Глава пятая: Исполнительная власть.—Исполнительная власть: управленіе и правосудіе; I—границы между ними въ современномъ правѣ; II—организація исполнительной власти въ народномъ трудовомъ государствѣ: органы порядка и хозяйственные органы; органы порядка; хозяй-

Стр.

ственные органы; положеніе анархизма и соціализма; III—переходъ къ народному трудовому государству: превращеніе судовъ и административныхъ органовъ въ органы порядка и хозяйственные органы; необходимость сильной сполнительной власти . . . . . 228—237

Глава шестая: Община.—Міровой соціализмъ; государственный соціализмъ; общинный соціализмъ; групповой соціализмъ; непосредственная связь общиннаго соціализма съ современными условіями; его преимущества; отсутствіе суверенитета у общины; обмѣнъ хозяйственными благами между соціалистическими общинами; принадлежность къ государству и общинѣ въ нынѣшнемъ правѣ; соціалистическое право по мѣсту родины; взглядъ на будущее развитіе общиннаго соціализма. . . . . 238—245

Глава седьмая: Рабочая группа.—Посредствующія организаціи въ болѣе крупныхъ общинахъ; округъ и рабочая группа; организація рабочей группы; демократическое преобразованіе рабочей группы; групповой соціализмъ Луи Блана и Лассаля; сліяніе рабочихъ группъ одной профессіи въ народномъ трудовомъ государствѣ;—въ групповомъ соціализмѣ . . . . . 246—251

Глава восьмая: Религія.—Соціальный строй передъ эпохой просвѣщенія;—послѣ нея; колебанія государства между религіей и опытной наукой; предложенія устранить религію и ввести религію разума; неисполнимость этихъ предложеній; религія Сенъ-Симона; менѣе значительная роль религіи въ народномъ трудовомъ государствѣ; перевѣсъ въ немъ міровоззрѣнія, основаннаго на опытѣ, однако безъ преслѣдованія религіи откровенія; религія—не частное дѣло; духовное способствованіе міровоззрѣнію, основанному на опытѣ; важность его для государства . . . . . 252—261

Глава девятая: Образованіе и наука.—Необходимость народныхъ идеаловъ; матеріалистическое пониманіе исторіи; воспитаніе народа какъ идеалъ государства; образованіе и соціализмъ; спеціальное образованіе; общее образованіе; уравненіе общаго образованія: посредствомъ упрощенія образовательнаго матеріала; посредствомъ расширенія образовательныхъ учрежденій; занятія наукой; вліяніе власти на науку; односторонняя истина; отношенія власти въ народномъ трудовомъ государствѣ . . . . . 262—271

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Переходъ къ народному трудовому государству.

Стр.

Глава первая: О причинахъ современнаго соціальнаго движенія.—Своеобразность современнаго соціальнаго движенія; человѣческое мышленіе, воля и чувство; человѣческая воля и дѣйствіе; несоотвѣтствіе между причиной и слѣдствіемъ; превращеніе внѣшнихъ причинъ въ личные мотивы при посредствѣ душевной дѣятельности; религія, государство и народное хозяйство, какъ первоначальные и равноцѣнные устои человѣческой дѣятельности; религія; перевѣсъ факторовъ силы въ правѣ; единичные случаи этого перевѣса; измѣненіе отношеній власти въ пользу неимущихъ классовъ народа въ настоящее время; дальнѣйшее отодвиганіе этихъ отношеній . . . . . 275—285

Глава вторая: Способъ введенія народнаго трудового государства.—Правовые и религіозные перевороты сверху и снизу; основаніе христіанства на добровольномъ вступленіи; аналогичныя соціалистическія предложенія; неприложимость къ соціализму этого способа основанія; какъ образецъ—распространеніе христіанства со времени Константина I при устраненіи однако употребленныхъ тогда насилій. 286—291

Глава третья: Общіе принципы для введенія народнаго трудового государства.—Ограниченное значеніе этихъ принциповъ; I—отклоненіе введенія народнаго трудового государства путемъ революціи; II—отрицаніе чрезмѣрнаго возрастанія могущества центральной власти; III—предоставленіе непосредственныхъ выгодъ неимущимъ классамъ . . 292—298

Глава четвертая: Принудительный выкупъ крупной собственности.—Принудительный выкупъ крупной собственности, какъ подготовительная мѣра для народнаго трудового государства; преимущества этой мѣры; детали выкупа; основаніе соціалистическихъ общинъ; касающіяся этого политическія мѣропріятія . . . . . 299—304

Глава пятая: Переходъ къ народному трудовому государству.—Совмѣстное существованіе соціалистическаго и частноправового порядковъ; переходъ послѣдняго къ соціа-

Стр.

лизму, обложеніе налогами соціалистическихъ общинъ, оказавшихся въ благопріятномъ положеніи, и выкупъ подчиненныхъ еще частному праву имущественныхъ объектовъ; 2, преобладаніе соціалистическаго правового порядка; 3, преобразованіе частнаго права; 4, распространеніе соціалистическаго строя; выгоды соціалистическаго правленія; скорое раздѣленіе между частнымъ правомъ и соціализмомъ . . . . . 305—309

Глава шестая: Заключеніе.—Одностороннее пониманіе соціалистическаго міросозерцанія; соціальное движеніе, какъ борьба за власть; грядущія задачи пролетаріата. 310—313

КНИГА ПЕРВАЯ.

Право и Государство.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Предварительныя замѣчанія.

Всѣ существовавшія до сихъ поръ правовыя организаціи возникли въ конечномъ счетѣ изъ отношеній, основанныхъ на силѣ, вслѣдствіе чего онѣ преслѣдовали всегда одну цѣль: способствовать выгодамъ немногихъ сильныхъ за счетъ широкихъ народныхъ массъ.

Правовыя системы древности — греческое и римское право — дали открытое выраженіе этимъ отношеніямъ: институтомъ рабства онѣ предоставили господамъ въ произвольную эксплоатацію большинство населенія. Такъ же точно и феодальный общественный строй, утвердившійся въ средніе вѣка и просуществовавшій вплоть до восемнадцатаго и девятнадцатаго столѣтій, обладалъ правовыми институтами, имѣвшими тѣ же цѣли и результаты,—холопствомъ и крѣпостнымъ правомъ.

Даже великая французская революція, подъ вліяніемъ которой мы находимся еще и теперь, не узтранила указанныхъ отношеній неравенства, а только сдѣлала ихъ скрытыми. Правда, французская революція и связанныя съ нею движенія уничтожили личную зависимость народныхъ массъ отъ опредѣленныхъ личностей и основали хозяйственный порядокъ на системѣ свободнаго договора; но такъ какъ эта свобода лишь кажущаяся, и во всѣхъ бо-

лѣе важныхъ договорахъ богатые противостоятъ бѣднымъ и сильные слабымъ, то, не взирая на отмѣну лично-зависимыхъ отношеній, неимущіе, какъ классъ народа, остаются попрежнему подчиненными богатымъ. Несмотря на безчисленныя попытки низшихъ классовъ народа преобразовать государство и общество въ свою пользу, еще только въ будущемъ предстоитъ создать теорію и практику такой правовой системы, которая была бы направлена на пользу широкихъ народныхъ массъ, а не немногихъ сильныхъ.

Послѣ многихъ напрасныхъ попытокъ первымъ возстаніемъ низшихъ классовъ народа, имѣвшимъ хотя бы внѣшній успѣхъ, было развитіе христіанства. Древнѣйшая христіанская вѣра отнюдь не имѣла—да иного и нельзя было бы ждать отъ программы бѣдняковъ—того почти исключительнаго направленія къ сверхчувственному, которое позже запечатлѣлось на ней подъ вліяніемъ господствующихъ классовъ. Древніе христіане, напротивъ, надѣялись, что Христосъ въ скоромъ времени со славою вторично сойдетъ съ небесъ и устроитъ великолѣпное земное царство, въ которомъ послѣдніе будутъ первыми и каждый христіанинъ, отказавшійся во имя Христа отъ имущества и семьи, будетъ вознагражденъ сторицею [1]).

Первоначальная христіанская община домогалась такимъ образомъ, подобно соціальнымъ реформаторамъ болѣе новаго времени, общественнаго порядка, благопріятнаго бѣднымъ; различіе между ними лишь въ томъ, что по представленію древнихъ христіанъ осуществленіе новаго состоянія должно совершиться при посредствѣ чуда.

Но господствовавшія при возникновеніи христіанства внѣшнія отношенія никоимъ образомъ не благопріятствовали такимъ стремленіямъ. Принявъ во вниманіе, что тогда одинъ единственный человѣкъ неограниченно вла-

---

[1]) Еванг. отъ Матѳея 19, 27 — 30; отъ Марка 10, 28 — 31; отъ Луки 18, 28 — 30: Апокал. 20, 4 и слѣд.; 21, 1 и слѣд. Срав. D. Strauss, Christliche Glaubenslehre, томъ 2 (1841), стр. 635 и слѣд.

ствовалъ надъ всѣмъ извѣстнымъ пространствомъ земного шара, что повсюду въ римскомъ государствѣ сравнительно малому числу свободныхъ гражданъ противостояла огромная масса рабовъ, что и свободные также дѣлились на чрезмѣрно богатыхъ и нищенски бѣдныхъ, никто вѣроятно не удивится тому, что древнѣйшіе христіане не имѣли мужества бороться противъ такого океана несправедливости и насилія и не отваживались на попытки осуществить права бѣдняковъ уже въ этомъ земномъ существованіи.

Поэтому, а также потому, что чудесное второе пришествіе Христа не наступало, очень скоро желанное царство Божіе было перенесено въ потустороннюю жизнь, гдѣ человѣческія судьбы должны были найти для себя справедливое возмездіе. Благодаря этому христіанство не только утратило свой соціальный характеръ, но самое вниманіе народныхъ массъ было отклонено отъ условій ихъ земного существованія, которое съ тѣхъ поръ стало казаться только преходящимъ подготовленіемъ къ вѣчному царству Божію въ загробной жизни. И мы видимъ, что дѣйствительно въ ближайшія два тысячелѣтія движенія народныхъ массъ носятъ почти исключительно религіозный характеръ и что соціальныя теченія въ нихъ были незначительны какъ по цѣлямъ, такъ и по результатамъ.

Народныя массы проснулись отъ своего мертваго сна лишь во время французской революціи, послѣ того какъ реформація и эпоха просвѣщенія значительно ослабили религіозное чувство. Правда, это великое народное движеніе по существу было лишь распрей королевской власти и привилегированныхъ классовъ съ стремящейся къ возвышенію буржуазіей главнымъ образомъ изъ-за вопросовъ политическихъ; экономическія оковы, давившія неимущіе классы, были лишь наново выкрашены, но не разбиты. Но на этотъ разъ впервые — и этотъ фактъ обезпечитъ французской революціи навсегда ея значеніе — низшіе

классы народа, побуждаемые не религіозными мотивами, выступили въ государствѣ какъ движущая сила и добились крупныхъ результатовъ, только часть которыхъ могла быть потомъ взята обратно.

Съ тѣхъ поръ стремленія низшихъ классовъ народа создать отвѣчающій ихъ интересамъ правовой порядокъ никогда вполнѣ не прекращались. До іюльской революціи (1830) народныя движенія, такъ же какъ и великая французская революція, преслѣдовали по преимуществу политическія цѣли; начиная же съ этого времени соціализмъ получилъ въ сознаніи массъ рѣшительный перевѣсъ. Въ настоящее время соціальное движеніе рабочихъ классовъ распространяется уже на Еврону и Америку, и если не обманываютъ всѣ признаки, то скоро оно захватитъ также и остальныя части свѣта, именно Азію, гдѣ, несмотря на старую культуру, низшіе классы народа находятся въ крайне угнетенномъ положеніи. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что еще до конца двадцатаго столѣтія соціальный вопросъ станетъ вопросомъ всего человѣчества.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Анархизмъ.

Первый вопросъ, на который должно отвѣтить соціалистическое ученіе о государствѣ, это вопросъ — необходимо ли вообще государство для мирнаго сожительства людей.

Вопросъ этотъ составляетъ проблему анархизма, достигнувшаго такого крупнаго значенія въ девятнадцатомъ столѣтіи.

Тотъ, кто ограничивается лишь научнымъ опредѣленіемъ существующихъ государственныхъ отношеній, можетъ, конечно, легко оставить безъ разсмотрѣнія анархистскія теоріи. Напротивъ, тотъ, кто хочетъ судить о человѣческихъ учрежденіяхъ съ свободной точки зрѣнія, независимой отъ господствующихъ правовыхъ отношеній, не можетъ обойти вопроса о томъ, не покоится ли вся неизмѣримая масса принужденія и насилія, неразрывно связанная съ каждымъ государственнымъ порядкомъ, лишь на устарѣлыхъ предразсудкахъ.

Центромъ каждой анархистской системы является мысль, что безпрепятственнаго состязанія человѣческихъ силъ и страстей и на высшихъ ступеняхъ культуры вполнѣ достаточно, чтобы гарантировать гармоническое сожительство людей. Это основное воззрѣніе присуще не одному только анархизму,—напротивъ, подобные же взгляды

защищали также нѣкоторые либералы и соціалисты, какъ, напримѣръ, Бастіа и Фурье [1]). Но только анархизмъ рѣшительно вывелъ отсюда требованіе, чтобы принудительный аппаратъ государства и церкви, которымъ при современныхъ нашихъ условіяхъ достигается взаимное приспособленіе человѣческихъ дѣйствій, былъ устраненъ, какъ безполезный и даже вредный.

Нашъ современный, по виду все регламентирующій, государственный порядокъ все-же сильно проникнутъ анархистскими элементами. Вѣдь анархистскій характеръ свойственъ каждому изъ житейскихъ отношеній, изъ котораго могутъ возникнуть споры, не подлежащіе никакому судьѣ: и тѣмъ не менѣе мирное сожительство заинтересованныхъ сторонъ вслѣдствіе этого не прекращается, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ. Такимъ образомъ живутъ же рядомъ во внѣшнемъ мирѣ въ теченіе столѣтій государства европейско-американскаго культурнаго міра безъ всякаго судьи; въ значительномъ большинствѣ случаевъ ихъ многочисленныя столкновенія разрѣшаются посредствомъ компромиссовъ между заинтересованными сторонами, и только самые серьезные конфликты интересовъ могущественныхъ державъ рѣшаются войною. Точно также сталкиваются повсюду сферы вліянія высшихъ носителей власти (правительство и парламентъ, государство и церковь), и такъ какъ здѣсь тоже нѣтъ признаннаго судьи, то возникающіе споры или остаются неразрѣшенными, или тоже сглаживаются посредствомъ компромиссовъ между заинтересованными. Даже въ области частныхъ житейскихъ отношеній, которыя въ силу тысячелѣтняго развитія наиболѣе полно подчинены господству гражданскаго права,—

---

[1]) Bastiat, Harmonies économiques (1850), въ Oeuvres compl., т. 6 (1855), стр. 2 и 22; Fourier, Le nouveau monde industriel et sociétaire (1829), стр. 57 и слѣд., въ Oeuvres complétes, т. 6, 3-е изд. (1848), стр. 47. Въ самомъ дѣлѣ, уже у Фурье и его послѣдователей встрѣчаются нѣкоторые намеки на анархизмъ. Ср. Fourier, стр. 34, въ Oeuvres, т. 6, стр. 113 и слѣд.; Considerant, Destinée sociale, т. I (1837), стр. 25 и слѣд.

даже въ этой области, напр., семья, поскольку она создаетъ отношенія между ея членами, являетъ собою примѣръ полуанархистскаго института. Личныя, точнѣе половыя отношенія между супругами, затѣмъ отношенія между родителями и дѣтьми — пользуются охраной законовъ и суда лишь въ самой незначительной своей части; однако, мирное сожительство семей вслѣдствіе этого не прекращается. Наконецъ, едва-ли не лучшимъ образцомъ анархистской группы можетъ служить тотъ нерѣдкій случай, когда родители, безъ всякаго внѣшняго принужденія и узаконеннаго авторитета, въ теченіе десятилѣтій живутъ и хозяйничаютъ вмѣстѣ со своими выросшими изъ-подъ родительской власти дѣтьми.

Анархизмъ и хотѣлъ бы распространить это свободное отъ законовъ и суда состояніе на всѣ остальныя житейскія отношенія, въ томъ числѣ на народное хозяйство и на управленіе. Само собой понятно, что съ этой точки зрѣнія наше современное господствующее и повелѣвающее государство, приказанія котораго являются въ то же время и законами, должно исчезнуть и превратиться въ организацію хозяйственнаго характера. Въ этомъ отрицаніи военно-бюрократическаго государства совершенно согласна съ анархизмомъ соціалъ-демократія [1]). Глубокое различіе между обоими міровоззрѣніями заключается лишь въ томъ, что соціалъ-демократія хочетъ примкнуть къ государственному порядку, выработанному тысячелѣтіями, но только кореннымъ образомъ преобразовать его сообразно своимъ теоріямъ, тогда какъ анархизмъ стремится устроить совмѣстную жизнь людей на совершенно новыхъ основаніяхъ: отнынѣ организація человѣческаго общества не должна покоиться на традиціонномъ насиліи, какъ въ настоящее время; напротивъ, всѣ составныя части анархистской орга-

[1]) Engels, Streitschrift gegen Dühring (1877), стр. 233, 234; Die Entwicklung des Socialismus von der Utopie zur Wissenschaft (1882), стр. 43; Bebel, Die Frau in der Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft (1883), 25-е изд. (1895), стр. 336, 396, 397.

низаціи—группа, община, провинція и областные союзы—должны быть основаны на свободномъ договорѣ заинтересованныхъ и находить опоры въ немъ [1]). Итакъ, въ то время, какъ старое естественное право кладетъ въ основаніе существующихъ государствъ туманный общественный договоръ, выраженный яко бы въ согласіи народа даже тамъ, гдѣ отвратительная тиранія и наихудшая эксплоатація массъ дѣлаютъ подобное предположеніе невозможнымъ, анархистская организація общества во всѣхъ своихъ составныхъ частяхъ должна покоиться на дѣйствительно заявленномъ соглашеніи и только на немъ.

Такимъ образомъ, всѣ анархистскія школы хотятъ уничтожить современное господствующее и повелѣвающее государство съ его законодательной и принудительной властью и водворить на его мѣстѣ организацію управленія, покоящуюся на договорѣ заинтересованныхъ; но въ вопросѣ о строѣ хозяйственной жизни разныя школы стоятъ другъ къ другу въ глубокомъ противорѣчіи. Болѣе старый анархизмъ индивидуалистиченъ; онъ хочетъ сохранить частное хозяйство современнаго общественнаго строя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и неразрывно связанную съ нимъ частную собственность. Болѣе новыя анархистскія теоріи, напротивъ, требуютъ, чтобы о производствѣ и потребленіи продуктовъ и объ оказаніи услугъ заботились свободно образовавшіяся группы, въ рукахъ которыхъ, разумѣется, должны быть тогда всѣ продукты, въ особенности средства производства. Анархизмъ, слѣдовательно, въ новѣйшемъ своемъ развитіи по существу коммунистиченъ.

Согласно болѣе старому анархизму, главными представителями котораго можно считать Годвина, Прудона и въ извѣстномъ смыслѣ также Штирнера, лишь автори-

---

[1]) Proudhon, Idée générale de la révolution au XIX siècle (1851), стр. 125 и слѣд.; Kropotkine, La conquête du pain (1892), въ 5 изд. (1895), стр. 104. 116. 136. 203; Most, Die freie Gesellschaft (1884), 3-е изд. (1884), стр. 55—58; Grave, La société future (1895), гл. 13; Tucker, Instead of a book (1893), 2-е изд. (1897), стр. 31—33.

тарное государство, его законодательство и правовая защита должны быть упразднены, отдѣльная же личность должна удовлетворять свои потребности посредствомъ частно-хозяйственной дѣятельности. Но, конечно, для того, чтобы сдѣлать хоть сколько-нибудь допустимымъ строй, преисполненный такихъ противорѣчій, теоретики анархизма должны выставлять совершенно невозможныя предположенія. Такъ, Годвинъ, желающій сохранить индивидуальное хозяйство и частную собственность, требуетъ, чтобы имущество было раздѣлено поровну между членами общины, но чтобы каждый изъ товарищей, благодаря совершенному измѣненію человѣческой психики, долженъ былъ бы быть всегда готовымъ отдать свою часть имущества кому-нибудь другому, поскольку тотъ можетъ этимъ путемъ удовлетворить свою болѣе настоятельную потребность [1]). И для анархизма Прудона является необходимой слѣдующая хозяйственная предпосылка: изъ имѣющаго быть основаннымъ народнаго банка каждый можетъ получить безпроцентную ссуду и такимъ образомъ достать себѣ средства производства, необходимыя для продуктивности своего труда, результатомъ чего необходимо должно быть почти полное уничтоженіе противоположности между богатыми и бѣдными [2]). Наконецъ, анархистская система Штирнера исходитъ изъ фантастической идеи, будто совмѣстная жизнь и общая дѣятельность людей во внѣгосударственномъ и внѣправовомъ состояніи возможны и тогда, когда всѣ члены общества, вмѣсто высшей добродѣтели самопожертвованія, будутъ двигаемы однимъ лишь необуздáннымъ эгоизмомъ [3]).

---

[1]) Godwin, Enquiry concerning political justice (1793). въ 3-мъ изд. (1798), т. 2, стр. 420—430, 432, 433, 497, 498, 502. Относительно ученія Годвина ср. Menger. Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag (1886). 2-е изд. (1891). стр. 40—46.

[2]) Proudhon. Idée générale, стр. 337. О проектѣ народнаго банка ср. Менгеръ, вышеназв. соч., стр. 76—81.

[3]) Max Stirner, Der Einzige und sein Eigentum (1845), стр. 5—8 и въ др. мѣстахъ.

Новый анархизмъ, напротивъ, по преимуществу коммунистиченъ. Объ удовлетвореніи всѣхъ жизненныхъ задачъ, въ особенности о производствѣ и распредѣленіи пищи, одежды и жилищъ, будутъ заботиться свободно образовавшіяся группы; задачи этихъ группъ, ихъ пространственное распространеніе и число ихъ членовъ будутъ опредѣляться свободнымъ рѣшеніемъ участниковъ. Въ анархистскихъ системахъ можно найти лишь очень мало опредѣленнаго какъ относительно внутренней организаціи этихъ группъ, которыя должны образовать основу анархистскаго общественнаго строя, такъ и относительно ихъ взаимныхъ отношеній. Ясно только, что въ анархистскомъ обществѣ и управленіе и хозяйственная жизнь должны опираться на одинъ и тотъ же организаціонный принципъ—свободно организованныя группы,—тогда какъ при нашихъ современныхъ соціальныхъ условіяхъ правительство и частные предприниматели, руководящіе государствомъ и народнымъ хозяйствомъ, являются совершенно различными организаціями, существенно отличающимися по ходу своего историческаго развитія. Что касается до вопроса о распредѣленіи предметовъ потребленія, то коммунистическій анархизмъ страдаетъ, понятно, тѣми же противорѣчіями, что и соціализмъ [1]). Первые представители этого ученія, именно Бакунинъ и Мостъ, исходили еще изъ воззрѣнія, что предметы потребленія должны быть распредѣляемы между всѣми членами анархистскаго общества въ строгомъ соотвѣтствіи съ количествомъ произведеннаго каждымъ труда, и что такимъ образомъ право на полный продуктъ труда должно быть признаваемо и въ анархистскомъ обществѣ [2]). Вторая группа теоретиковъ анархизма, принадлежащая собственно новѣйшему времени, держится мнѣнія, что проведеніе въ жизнь права на полный про-

---

[1]) Ср. Менгеръ, вышеназв. сочин., стр. 6—11.

[2]) Bakunin, Oeuvres complètes, 2 изд. (1895), стр. 43, 55. Ср. также предисловіе къ этому изданію, стр. XVI—XX; Most, Die freie Gesellschaft, 3 изд., стр. 33—35, 95—102.

дуктъ труда нуждается въ очень сложной общественной организаціи, не легко осуществимой безъ государства; поэтому въ анархистскомъ обществѣ каждый долженъ имѣть право пользоваться по мѣрѣ потребности всѣми наличными предметами потребленія; только въ томъ случаѣ, если средствъ потребленія нельзя имѣть въ достаточномъ количествѣ, должно было бы имѣть мѣсто искусственное распредѣленіе, осуществимое, конечно, лишь съ большими затрудненіями при отсутствіи какого бы то ни было государственнаго авторитета [1]). Опредѣленіе мѣры и качества труда должно быть также предоставлено товарищамъ, какъ это съ необходимостью явствуетъ изъ сущности внѣгосударственнаго состоянія [2]).

Таковы основныя мысли анархизма, поскольку вообще можно представить себѣ общую картину этого ученія по столь противорѣчивымъ анархистскимъ системамъ.

На вопросъ же о практической цѣнности этихъ идей можетъ быть данъ только одинъ отвѣтъ: какъ введеніе, такъ и дѣятельность анархистскихъ учрежденій должны встрѣтить непреодолимыя затрудненія.

Прежде всего, относительно введенія анархистскаго общественнаго строя большинство писателей сходятся въ мнѣніи, что послѣ торжества соціальной революціи всѣ имѣющіяся налицо богатства будутъ просто отобраны у владѣльцевъ безъ всякаго вознагражденія [3]). Но даже и при полномъ торжествѣ революціоннаго дѣла одно это принудительное отчужденіе не могло бы быть осуществлено безъ самыхъ худшихъ насилій и надолго совершенно разстроило бы порядокъ производства и потребленія. Да-

---

[1]) Kropotkine, La conquête du pain, 5-е изд. (1895), стр. 79, 116; Elysée Reclus, L'évolution, la révolution et l'idéal anarchique (1898), 4 изд. (1898), стр. 137, 138; Mackay, Die Anarchisten (1893). стр. 126.

[2]) Kropotkine, La conquête du pain, стр. 203 и слѣд.; Grave, La société future, гл. 19; Morris, News from nowhere (1891), 6-е изд. (1899), стр. 102.

[3]) Kropotkine, Paroles d'un Revolté, стр. 337 (ср. стр. 339); La conquête du pain, стр. 57 и слѣд.; Most, Die freie Gesellschaft, стр. 72; Tuker, Instead of a book, стр. 387 и слѣд.

лѣе, даже представивъ себѣ осуществленнымъ такое разрушеніе всего существующаго, подобнаго которому міръ еще не видѣлъ, нельзя не поставить вопроса, какимъ образомъ, при отсутствіи государства и законовъ, будетъ раздѣлена огромная масса богатствъ между безчисленными свободно образующимися группами, и какъ обезпечить общество хозяйственными работами, столь безконечно разнообразными. Потому что, даже допуская возможность полнаго нравственнаго перерожденія человѣчества посредствомъ анархистскихъ идей, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что каждая изъ анархистскихъ группъ будетъ все же стремиться получить самыя плодородныя пашни, наилучше устроенныя фабрики, самыя удобныя и здоровыя жилища. Несомнѣнно также, что, при полной свободѣ выбора занятій, плодоводство и цвѣтоводство, музыка и тому подобныя здоровыя и пріятныя работы будутъ находить очень много соискателей; напротивъ, на такія нездоровыя и грязныя работы, какъ чистка улицъ и каналовъ, производство спичекъ и т. п., не найдется ихъ совсѣмъ. Большая часть анархистскихъ писателей проходятъ мимо этого основного вопроса анархизма, отдѣлываясь отъ него при помощи нѣсколькихъ общихъ фразъ [1]). И однако несомнѣнно, что здѣсь дѣло идетъ о такихъ, въ полномъ смыслѣ слова, жизненныхъ вопросахъ, какъ постоянное хозяйственное положеніе отдѣльныхъ личностей и группъ; вопросы эти, при отсутствіи всякаго государственнаго и закономѣрнаго порядка, едва ли могутъ быть разрѣшены иначе, какъ посредствомъ насилія. Подобная война всѣхъ противъ всѣхъ ради важнѣйшихъ хозяйственныхъ жизненныхъ задачъ можетъ привести, какъ учитъ столѣтній опытъ, только къ военной тираніи, т.-е. къ самому могущественному, но и къ самому дурному изъ всѣхъ государственныхъ порядковъ.

Но и дѣятельность анархистскихъ учрежденій встрѣ-

[1]) Ср., напр., Kropotkine, La conquête du pain, стр. 47 и слѣд.; Most, Die freie Gesellschaft, стр. 21.

тила бы не меньше затрудненій, чѣмъ введеніе ихъ. Въ теченіе тысячелѣтій народныя массы были почти неограниченно руководимы своими правительствами въ политическомъ отношеніи, предпринимателями—въ хозяйственномъ; весь порядокъ ихъ существованія навязывался имъ сверху законами и приказаніями. И вотъ этимъ-то постоянно опекаемымъ массамъ анархизмъ ставитъ требованіе, чтобы каждая отдѣльная личность изъ ихъ среды посредствомъ своихъ договоровъ съ многочисленными группами сама какъ бы составляла себѣ сводъ законовъ для всѣхъ своихъ житейскихъ отношеній. А такъ какъ подобная задача далеко превосходитъ духовныя силы большинства, то вполнѣ естественно, что для столь разнообразныхъ групповыхъ договоровъ стали бы употребляться установленные шаблоны (формы), которые очень скоро — если не по имени, то на дѣлѣ—получили бы силу законовъ. Въ исторіи народовъ мы можемъ наблюдать безчисленное множество подобныхъ переходовъ отъ договора къ закону, отъ свободы къ повиновенію. Вѣдь и христіанство было первоначально братскимъ союзомъ, покоившимся на добровольномъ соглашеніи товарищей, и однако этотъ союзъ скоро превратился въ правовую общину съ далеко простирающейся законодательной и принудительной властью.

Эта переоцѣнка значенія договора, которую мы видимъ у большинства анархистовъ, начиная съ Прудона [1]), легко объясняется происхожденіемъ анархистскихъ доктринъ изъ крайняго либерализма. Современное развитіе права стремится снова уничтожить этотъ недостатокъ либеральнаго міровоззрѣнія и охранить массы отъ вредныхъ послѣдствій предоставленной имъ свободы договоровъ. Конечно, при анархистскомъ общественномъ строѣ сосредоточеніе въ рукахъ немногихъ предпринимателей обладанія землей и капиталомъ должно прекратиться; вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожится и важнѣйшая причина экономическаго

[1]) Ср. въ особенности Proudhon. Idée générale, стр. 235—237.

угнетенія; но и тогда сохранились бы всѣ другіе элементы духовнаго и экономическаго превосходства однихъ надъ другими. Большія, хорошо управляемыя группы, занимающіяся еще къ тому же производствомъ и распредѣленіемъ предметовъ первой необходимости и удовлетвореніемъ другихъ неотложныхъ потребностей, заняли бы очень скоро положеніе, похожее на положеніе современныхъ предпринимателей, чѣмъ снова вызвали бы въ массахъ стремленіе къ государственному строю. Вѣдь когда существующія отношенія силъ будутъ достаточно зрѣлы для введенія анархистскаго общественнаго строя, то исходящая изъ нихъ государственная власть будетъ также односторонне покровительствовать массамъ, какъ теперь она односторонне покровительствуетъ образованнымъ и имущимъ классамъ, потому что при современномъ состояніи массамъ вредятъ не государство и законъ сами по себѣ, а господство этихъ двухъ соціальныхъ силъ.

Но если ошибочно все построенное на договорѣ основаніе анархистской организаціи, то устройство по группамъ, рекомендуемое большею частью теоретиковъ, особенно нецѣлесообразно. Конечно, въ наше время весьма многія хозяйственныя, гуманитарныя, научныя и художественныя потребности удовлетворяются свободной инициативой участниковъ, благодаря высокоразвитой дѣятельности союзовъ; это и могло побудить Прудона и его послѣдователей выставлять, по примѣру Фурье, свободно образовавшуюся группу какъ бы первоначальной клѣточкой анархистскаго организма [1]). Но какъ разъ союзъ и община, соотвѣтствующіе въ нашемъ современномъ правовомъ порядкѣ анархистской группѣ, представляютъ изъ себя особенно сложныя правовыя отношенія, которыя, по старинной пословицѣ юристовъ, слишкомъ часто оказы-

[1]) Въ соціальной системѣ Фурье и его школы основаніемъ всего соціальнаго механизма также служатъ группы и серіи, т.-е. свободныя соединенія извѣстнаго числа лицъ, образуемыя этими лицами сообразно своимъ склонностямъ и страстямъ для цѣлей потребленія или производства.

ваются самымъ обильнымъ источникомъ спора (Communio mater rixarum). Такимъ образомъ, если не придерживаться утопическихъ вѣрованій въ полное перерожденіе человѣческой души посредствомъ анархизма, то онъ, съ одной стороны, вслѣдствіе организаціи по группамъ, безмѣрно умножилъ бы столкновенія между товарищами, съ другой же стороны, вслѣдствіе устраненія государства, уничтожилъ бы всѣ средства къ ихъ мирному улаживанію.

Рядомъ съ этими сомнѣніями, преимущественно юридическаго характера, организація по группамъ вызываетъ также и нѣкоторыя другія сомнѣнія — хозяйственнаго характера. Съ хозяйственной точки зрѣнія группа только тогда цѣлесообразна, когда ея цѣли легко достижимы и потому понятны для всѣхъ участниковъ ея. Такъ бываетъ постоянно, напримѣръ, при производствѣ и распредѣленіи хозяйственныхъ благъ. Если же, напротивъ, дѣло идетъ о болѣе отдаленныхъ цѣляхъ, важность которыхъ открывается только при болѣе глубокомъ взглядѣ на дѣло, то предоставить ихъ осуществленіе свободной дѣятельности массъ можно было бы, безъ явной переоцѣнки человѣческой природы, только съ большою осторожностью. Довѣрить заботу о народномъ образованіи только свободно организовавшимся группамъ, какъ учитъ опытъ всѣхъ странъ, не имѣющихъ у себя принудительнаго обученія, было бы равнозначаще вытѣсненію элементарнаго знанія изъ широкихъ круговъ народа; поэтому, даже нѣкоторые изъ самыхъ послѣдовательныхъ анархистовъ именно въ этомъ пунктѣ готовы допустить государственное принужденіе [1]). Но не иначе обстоитъ дѣло и со всѣми другими видами дѣятельности, именно съ такими, какіе при нашемъ современномъ общественномъ строѣ не приносятъ дохода и потому охотно уступаются частными предпринимателями государству и государственнымъ союзамъ, какъ,

---

[1]) Most, Die freie Gesellschaft, стр. 42, 43.

напримѣръ, медицина, постройка и содержаніе дорогъ и каналовъ, наконецъ, обширныя области искусства и науки.

Еще сомнительнѣе съ хозяйственной точки зрѣнія покажется требованіе, выставляемое современнымъ анархизмомъ, чтобы предметы потребленія могли быть присвоиваемы товарищами правильно, въ зависимости отъ ихъ потребностей. Этотъ принципъ, впрочемъ, не является отличительнымъ для анархизма,—скорѣе онъ взятъ анархистскою теоріей у авторитарнаго коммунизма, почему онъ и можетъ быть разсмотрѣнъ лишь въ связи съ коммунистическими принципами распредѣленія (ср. кн. II, гл. 7).

По представленнымъ здѣсь основаніямъ, которыя легко можно было бы еще умножить, мы во всякомъ случаѣ должны отвергнуть анархизмъ какъ будущую организацію нашего общества. И все же въ этихъ столь крайнихъ теоріяхъ заключается зерно истины. Наше современное общество съ господствующими въ немъ узкими житейскими интересами, конечно, не можетъ отказаться отъ примѣненія насилія въ самомъ широкомъ объемѣ. И человѣчество никогда, вѣроятно, не сможетъ обойтись совершенно безъ государства съ его законодательствомъ, съ его принудительной и карательной властью. Но если когда-нибудь благо всѣхъ будетъ дѣйствительно цѣлью нашихъ соціальныхъ учрежденій, и народныя массы, благодаря имъ, разовьются до болѣе высокаго уровня проницательности и готовности на жертвы, тогда возможно будетъ предоставить ихъ свободной дѣятельности гораздо въ большей степени, чѣмъ мы, вѣчно водимые на помочахъ, можемъ теперь даже мечтать.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Индивидуалистическое и соціалистическое государство.

Итакъ, мы предполагаемъ такое соціальное состояніе человѣчества, въ которомъ мирное сожительство и сотрудничество народовъ не предоставляется свободному состязанію политическихъ и хозяйственныхъ силъ, а въ которомъ всѣ живущіе на извѣстной территоріи люди подчиняются высшей власти, имѣющей право и обязанность поддерживать въ случаѣ надобности это состояніе и путемъ насилія. Вслѣдствіе этого мы считаемъ нензбѣжнымъ существованіе государственнаго порядка въ каждомъ народѣ, перешагнувшемъ первыя ступени культуры. Но, несомнѣнно, столь широкія рамки могутъ быть наполнены безконечно разнообразнымъ содержаніемъ.

Прежде чѣмъ перейти къ изображенію тѣхъ противорѣчій внутри возможныхъ государственныхъ формъ, которыя насъ здѣсь особенно интересуютъ, слѣдуетъ сначала бѣгло упомянуть о различіи между государствомъ Божіимъ и мірскимъ, или человѣческимъ (ср. кн. III, гл. 1). Если государство видитъ важнѣйшую цѣль своей дѣятельности въ религіозномъ совершенствѣ своихъ гражданъ, если земное существованіе представляется ему только временнымъ паломничествомъ, ведущимъ къ блаженному существованію въ сверхчувственной загробной жизни, короче говоря, если опредѣляющими мотивами дѣйствій го-

сударства являются не земныя цѣли людей, но ихъ отношеніе къ Богу, то передъ нами Божье государство, естественно подлежащее власти священниковъ и потому имѣющее теократическій характеръ. Божье государство, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, было въ расцвѣтѣ среднихъ вѣковъ господствующей формой государства, хотя о полномъ подчиненіи земныхъ стремленій религіознымъ цѣлямъ не можетъ быть и рѣчи даже въ моментъ наивысшаго развитія средневѣковаго міровоззрѣнія. Историческая эволюція съ конца среднихъ вѣковъ приводитъ повсюду къ свѣтскому характеру государства, ставящаго теперь своей задачей преслѣдованіе исключительно земныхъ интересовъ; достиженіе же небесныхъ цѣлей предоставляется всевозможнымъ религіознымъ общинамъ. Нѣтъ поэтому никакой надобности особенно оправдываться въ томъ, что эти страницы посвящены исключительно свѣтскому государству, стремящемуся земными средствами способствовать земнымъ цѣлямъ своихъ сочленовъ.

Если мы обратимся къ различнымъ формамъ свѣтскаго государства, наше вниманіе привлекается преимущественно различіемъ, точнѣе противоположностью, между индивидуалистическимъ и соціалистическимъ государствомъ. Индивидуалистическій государственный строй можно также опредѣлить какъ государство повелѣвающее и управляющее, или государство власти (Machtstaat), а соціалистическій государственный строй, напротивъ—какъ государство трудящихся народныхъ массъ, или же какъ народное трудовое государство. Наше современное культурное государство проявляется во всемъ какъ типъ индивидуалистическаго государства.

Противоположность между индивидуалистическимъ и соціалистическимъ государствомъ, между индивидуализмомъ и соціализмомъ очень стара, но обозначать ее этими терминами стали лишь съ относительно недавняго времени. Основатели современнаго соціализма—Мелье (Meslier) Морелли, Мабли, Бабефъ и Буонаротти во Франціи,

Томасъ Спенсъ (Spence) и его сторонники, затѣмъ Годвинъ (Godwin), Галь (Hall) и Томпсонъ въ Англіи — еще не знаютъ слова соціализмъ, а называютъ себя демократами, республиканцами, филантропами. Въ произведеніяхъ Сенъ-Симона и Фурье я также не нашелъ этихъ важныхъ партійныхъ названій, при помощи которыхъ впервые ясно обнаружилась противоположность между новымъ міровоззрѣніемъ и современнымъ состояніемъ общества.

Въ 1836 году, какъ утверждаетъ Голіэкъ (Holyoake) [1]), приверженцы Роберта Оуэна на конгрессѣ въ Манчестерѣ приняли это названіе для обозначенія партіи, благодаря чему въ Англіи и Франціи ихъ долго называли соціалистами по преимуществу. И дѣйствительно, начиная съ 1836 года, въ важнѣйшемъ органѣ Оуэновской партіи «Новый нравственный міръ», выраженіе «соціалистъ» встрѣчается довольно часто [2]); тѣмъ не менѣе въ нумерѣ отъ 18 марта 1837 года все еще ставится вопросъ, какое названіе должны принять сторонники Оуэна, и рѣшается въ пользу наименованія ихъ соціалистами, безъ упоминанія, однако, объ указанномъ рѣшеніи конгресса. Позднѣе, благодаря извѣстнымъ историческимъ трудамъ Рейбо (1840) и Лоренца Штейна (1842), слово соціализмъ получило всеобщее распространеніе для обозначенія міровоззрѣнія, противоположнаго индивидуализму.

Если спросить, однако, о сущности противоположности между индивидуализмомъ и соціализмомъ, то обыкновенно отвѣчаютъ, что въ первомъ хозяйственная дѣя-

[1]) Ср. Holyoake, History of Cooperation, т. I (1875), стр. 191, 219.

[2]) New Moral World отъ 15 окт. 1836 г., стр. 411; 29 окт. 1836 г., стр. 4; 28 янв. 1837 г., стр. 105; 4 февр. 1837 г., стр. 113; 18 февр. 1837 г., стр. 129 и позже очень часто. Выставленное Pierre'омъ Leroux въ Grève de Samarez (1863), стр. 255, 365, утвержденіе, не подтвержденное цитатой, что онъ уже въ 1833 году отчеканилъ выраженіе соціалистъ, покоится на ошибкѣ. Скорѣе слово соціалистъ было примѣнено впервые, какъ общее партійное обозначеніе, во Франціи Reybaud, въ его Études sur les réformateurs contemporains ou socialistes modernes (1840), гдѣ (стр. VI) ясно признается его англійское происхожденіе.

тельность выполняется отдѣльными личностями, а во второмъ — преимущественно общинами. Такое пониманіе вѣрно, но не исчерпываетъ вопроса. Сущность современнаго индивидуалистическаго культурнаго государства состоитъ скорѣе въ томъ, что объектомъ государственной дѣятельности являются почти исключительно интересы сильныхъ, а интересы слабыхъ—лишь въ очень незначительной мѣрѣ [1]). Тотъ фактъ, что исторически сложившееся государство предоставляетъ хозяйственную жизнь преимущественно свободной дѣятельности отдѣльныхъ личностей, нужно разсматривать, какъ естественное слѣдствіе указанной тенденціи индивидуалистическаго государства, такъ какъ хозяйственные интересы господствующихъ и имущихъ покровительствуются этимъ путемъ—по крайней мѣрѣ, при обычныхъ условіяхъ—гораздо больше, чѣмъ при какомъ бы то ни было государственномъ вмѣшательствѣ [2]).

Одностороннее направленіе современнаго культурнаго государства на поддержку индивидуальныхъ интересовъ сильныхъ ясно видно прежде всего изъ того, что государственная дѣятельность повсюду стремится къ одной цѣли: утверждать и расширять власть главы государства (кн. I, гл. 7). Большая часть государственныхъ расходовъ въ нашихъ государствахъ производится на усиленіе военнаго могущества, на уплату процентовъ по военнымъ долгамъ и на веденіе иностранныхъ дѣлъ, т.-е. направлена непосредственно на охрану власти главы государства; но и все воспитаніе народа носитъ также по преимуществу патріотическій характеръ, т.-е. оно должно вызывать во всѣхъ гражданахъ твердое убѣжденіе въ не-

---

[1]) Вѣроятно, ни въ одномъ изъ произведеній новѣйшаго времени сущность индивидуалистическаго государства, основаннаго на власти, не выражена съ такой правдивостью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ такою грубостью, какъ въ «Политикѣ» Трейчке. Ср. особенно т. I, 2-е изд. (1899 г.), стр. 32, 51 и слѣд.

[2]) Ср. Menger, Das bürgerliche Recht und die besitzlosen Volksklassen, 2-е изд. (1890), № 37, 40.

обходимости жертвовать для вышеуказанной цѣли имуществомъ и жизнью. Такія отношенія продолжаютъ, однако, существовать только до тѣхъ поръ, пока правящіе сохраняютъ свою власть; какъ только власть переходитъ въ другія руки, тотчасъ же и государственная дѣятельность обращается на индивидуальные интересы новаго главы государства. Такъ теперь, послѣ основанія Германской имперіи, мы едва можемъ даже понять прежній курфюрстско-гессенскій или великогерцогско-нассаускій патріотизмъ, или же патріотизмъ многихъ нѣмецкихъ государствъ-карликовъ XVIII столѣтія, между тѣмъ какъ въ то время, когда эти земли были еще подъ властью собственныхъ династій, значительная часть государственной дѣятельности въ нихъ была направлена на возбужденіе и поддержку такого патріотическаго чувства. Не иначе обстоитъ дѣло и въ государствахъ съ республиканскимъ образомъ правленія, только въ нихъ патріотическое чувство тѣснѣе связывается съ родной страной и съ народомъ, чѣмъ въ монархіяхъ (кн. I, гл. 6).

Но рядомъ съ заботой главы государства о сохраненіи власти, въ чемъ индивидуалистическое государство, основанное на власти, видитъ всегда важнѣйшую цѣль своей дѣятельности, оно преслѣдуетъ еще и болѣе широкія задачи: охранять имущимъ ихъ собственность и сдѣлать ее для нихъ возможно болѣе выгодной. Этой цѣли служитъ значительная часть гражданскаго и уголовнаго правосудія и такъ называемаго внутренняго управленія. Здѣсь интересы имущихъ выступаютъ большими однородными массами, и индивидуальные интересы поднимаются до классовыхъ. Если причислить къ этой государственной дѣятельности еще и управленіе финансами, которое должно снабжать правительство матеріальными средствами, то можно сказать, что современное индивидуалистическое государство, основанное на власти, въ очень значительной степени направлено на удовлетвореніе индивидуальныхъ интересовъ правящихъ и имущихъ.

Конечно, и въ нашемъ индивидуалистическомъ государствѣ, основанномъ на власти, нѣтъ недостатка въ учрежденіяхъ, служащихъ на пользу неимущимъ классамъ народа. Я назову здѣсь хотя бы только начальное народное образованіе, санитарную и наружную полицію, карательное правосудіе, поскольку оно охраняетъ безопасность жизни, здоровья и нравственности. Но по сравненію съ общей государственной дѣятельностью эта забота объ интересахъ неимущихъ классовъ народа очень незначительна, и кромѣ того, въ большинствѣ случаевъ, она предоставлена низшимъ органамъ государственнаго управленія. Только въ новѣйшее время мы можемъ констатировать, что и высшіе носители государственной власти начинаютъ проявлять значительную дѣятельность на благо низшихъ слоевъ населенія. Но для индивидуалистическаго государства, основаннаго на власти,—одного изъ самыхъ старыхъ соціальныхъ образованій человѣческаго рода,—несомнѣнно, въ высшей степени характерно то, что оно только въ девятнадцатомъ столѣтіи открыло интересы неимущихъ классовъ народа, хотя они то и составляютъ повсюду огромное большинство населенія.

Этой традиціонной формѣ государства, какъ она съ большимъ однообразіемъ развилась во всемъ культурномъ мірѣ изъ военныхъ и политическихъ отношеній, основанныхъ на силѣ, мы противопоставляемъ теперь *соціалистическое государство, или народное трудовое государство*. Его сущность, сведенную къ наиболѣе общей формулѣ, можно опредѣлить тѣмъ, что главную цѣль государственной дѣятельности составляютъ индивидуальные интересы большихъ народныхъ массъ. Правящіе и имущіе должны при этомъ перестать смотрѣть на свои житейскія цѣли, какъ на равнозначащія съ общественнымъ благомъ, какъ бы ни было съ человѣческой точки зрѣнія естественно, что выдающіяся личности и общественныя группы усматриваютъ въ своемъ собственномъ благѣ благо всѣхъ.

Но индивидуальныя жизненныя задачи широкихъ народныхъ массъ не имѣютъ политическаго характера по преимуществу, какъ это думали еще дѣятели французской революціи; участіе въ управленіи государствомъ можетъ быть разсматриваемо неимущими классами народа только какъ средство для того, чтобы ихъ интересы были приняты во вниманіе. Истинныя и коренныя задачи каждой отдѣльной личности — это скорѣе сохраненіе и поддержаніе индивидуальнаго существованія, продолженіе рода, наконецъ забота о безопасности жизни и здоровья (кн. II, гл. 1 и слѣд.). Достаточное питаніе, жилище и одежда, удовлетвореніе духовныхъ потребностей, благоустроенная семейная жизнь и ненарушимое здоровое существованіе — все это цѣли, къ которымъ каждый изъ насъ стремится и долженъ стремиться. Если гдѣ-нибудь, то именно въ этихъ важнѣйшихъ задачахъ каждой отдѣльной личности и заключается общее или общественное благо; а то, что теперь подразумѣвается подъ этимъ столь извращавшимся и возбуждавшимъ столько недоразумѣній понятіемъ, должно отступить на второй планъ. И нужно считать основнымъ недостаткомъ нашего современнаго общественнаго строя, что эти важнѣйшія и наиболѣе общія жизненныя задачи онъ превращаетъ въ частное дѣло, о которомъ каждая отдѣльная личность должна заботиться въ границахъ частнаго права собственными силами и на собственный страхъ.

Стремясь, слѣдовательно, къ такому государственному строю, въ которомъ общее и общественное блага дѣйствительно совпадаютъ, мы нисколько не гоняемся за пустымъ призракомъ. Исходнымъ пунктомъ развитія большинства народовъ, въ томъ числѣ и древнѣйшихъ германскихъ племенъ, былъ соціалистическій общественный строй [1]), который позже былъ вытѣсненъ изъ народной жизни путемъ насилія, именно вслѣдствіе перевѣса воинственныхъ эле-

1) Caesar, Bellum Gall., IV гл. 1; VI гл. 22; Tacitus, Germania, гл. 26.

ментовъ. Поэтому, какъ Монтескье въ эпоху жесточайшаго монархическаго абсолютизма съ полнымъ правомъ заявлялъ, что принципы политической свободы были открыты въ лѣсахъ Германіи [1]), такъ и мы можемъ противопоставить господствующей въ культурномъ мірѣ частной собственности указаніе на то, что у колыбели германскихъ и почти всѣхъ другихъ народовъ стоитъ преимущественно соціалистическій государственный порядокъ; поэтому соціальное движеніе нашего времени есть только требованіе возврата стариннаго наслѣдства нашихъ предковъ.

[1]) Montesquieu, De l'esprit des lois (1748), XI, 6.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Соціалистическое и коммунистическое государство.

Итакъ, соціалистическое государство, или, обозначая нагляднѣе его сущность, народное трудовое государство, построено на той основной мысли, что сохраненіе и поддержаніе индивидуальнаго существованія, продолженіе рода, наконецъ безопасность жизни и здоровья и тѣлесная неприкосновенность, являющіяся для каждой отдѣльной личности важнѣйшими жизненными задачами, должны вмѣстѣ съ тѣмъ быть и основной цѣлью всей государственной дѣятельности. Неприкосновенность жизни, здоровья и тѣла можетъ быть здѣсь пока оставлена безъ разсмотрѣнія, потому что защита этихъ благъ, какъ покажетъ дальнѣйшее изложеніе (кн. II, гл. 15), и въ соціалистическомъ государственномъ строѣ предоставляется преимущественно уголовному праву.

Такимъ образомъ, если считать настоящимъ общественнымъ благомъ сохраненіе и поддержаніе индивидуальнаго существованія гражданъ и внѣшнія гарантіи продолженія ихъ рода, то этимъ само собой совершается глубокое преобразованіе нашего современнаго имущественнаго, а также семейнаго права. И дѣйствительно, въ индивидуалистическихъ государствахъ, основанныхъ на власти, въ этой области права повсюду господствуетъ взглядъ, что обѣ вышеназванныя жизненныя задачи составляютъ частное

дѣло отдѣльной личности, о которомъ она должна заботиться на собственный страхъ въ границахъ частнаго права. Напротивъ, при соціалистическомъ правопорядкѣ государство впервые со времени своего возникновенія стало бы сознательно и намѣренно разсматривать и трактовать жизненныя задачи всѣхъ, какъ главнѣйшую цѣль своего существованія. Въ виду этого признанія первенствующаго значенія интересовъ массъ, тѣ жизненныя задачи, которыя мы теперь называемъ общественнымъ благомъ и которыя въ дѣйствительности суть не что иное, какъ интересы господства узкихъ круговъ общества, необходимо должны были бы отступить на второй планъ—какъ въ сознаніи народовъ, такъ и въ практикѣ государствъ.

Такое полное измѣненіе высшихъ государственныхъ цѣлей должно было бы естественно повліять не только на имущественное и семейное право, но и на весь государственный порядокъ; изображенію этихъ преобразованій посвящены послѣдующія части этого сочиненія (кн. II и III). Но уже и здѣсь можно отмѣтить, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, вліяніе этого измѣненнаго государственнаго устройства на имущественное и семейное право, благодаря которому инстинктъ самосохраненія и продолженія рода у человѣка будетъ обезпеченъ правовымъ порядкомъ.

Такъ какъ соціалистическое государство считаетъ своими высшими цѣлями сохраненіе и поддержаніе индивидуальнаго существованія гражданъ и внѣшнія гарантіи продолженія ихъ рода, то слѣдовательно и права, служащія для удовлетворенія этихъ цѣлей, должны перейти къ совокупности всѣхъ гражданъ. Однако это основное положеніе не можетъ служить общепримѣнимымъ правиломъ, но должно только въ общихъ чертахъ обозначить естественный ходъ соціалистическаго правового развитія; вѣдь и въ современномъ своемъ состояніи государство въ значительной части само руководитъ публичнымъ правопорядкомъ, что не мѣшаетъ ему предоставлять отдѣльнымъ

личностямъ пользоваться по своему усмотрѣнію многочисленными публичными правами (какъ, напримѣръ, избирательнымъ правомъ), подобно частнымъ правамъ.

Что касается прежде всего до имущественныхъ правъ, благодаря которымъ упорядочивается господство надъ богатствами внѣшней природы, необходимыми для сохраненія и поддержанія индивидуальнаго существованія, то въ соціалистическомъ государствѣ эти права должны принадлежать преимущественно государству и государственнымъ союзамъ, а не отдѣльнымъ личностямъ, какъ это бываетъ обыкновенно теперь. Предметы, значеніе которыхъ выше матеріальныхъ интересовъ отдѣльнаго народа и даже всего культурнаго міра, какъ, напримѣръ, море, Суэзскій каналъ, были бы послѣ полнаго осуществленія соціалистическаго порядка превращены въ собственность даже всего человѣчества. Но такъ какъ преобразованіе правового порядка никогда не должно итти дальше общественныхъ интересовъ, то и соціализація частной собственности можетъ распространиться только на предметы пользованія и средства производства (кн. II, гл. 5 и 6), потому что дѣло касается тутъ благъ, приносящихъ пользу въ теченіе долгаго времени, отчужденіе которыхъ въ частную собственность повело бы за собой превосходство хозяйственныхъ силъ имущихъ со всѣми вредными его послѣдствіями. Напротивъ, когда дѣло идетъ о предметахъ потребленія (кн. II, гл. 4), то здѣсь имѣются въ виду хозяйственныя блага, предназначенныя для непосредственнаго потребленія отдѣльными личностями и потому лишь косвенно затрагивающія интересы всего цѣлаго; здѣсь, слѣдовательно, можетъ быть сохранена частная собственность въ ея традиціонной формѣ.

Это перенесеніе имущественныхъ правъ съ отдѣльной личности на болѣе или менѣе обширную общину слѣдуетъ считать характернымъ пунктомъ соціалистической программы; этимъ она существенно отличается отъ стремленій чисто-реформаторскихъ партій, желающихъ только

улучшить традиціонный правовой порядокъ, сохранивъ всѣ его основанія.

Нѣкоторые соціалисты хотятъ подвергнуть подобному же преобразованію учрежденія семейнаго права, въ особенности бракъ и правовыя отношенія между родителями и дѣтьми. Что касается до брака, то соціалистическіе проекты и опыты распространяются на всѣ виды семейно-правовыхъ учрежденій, отъ легко расторжимаго брака между однимъ мужчиной и одной женщиной и до свободной любви и коммунальнаго брака, т.-е. полового общенія между всѣми мужчинами и женщинами цѣлой общины (кн. II, гл. 12). Точно также по планамъ очень многихъ соціалистовъ, вмѣсто семейнаго воспитанія дѣтей должно быть введено общее воспитаніе на счетъ государства и государственныхъ союзовъ (кн. II, гл. 13, 14). Однако это преобразованіе семейнаго права ни въ какомъ случаѣ не можетъ разсматриваться какъ характерная составная часть соціалистическихъ воззрѣній на государство; это станетъ вполнѣ понятнымъ, если принять во вниманіе, что въ области половой жизни при господствѣ единобрачія далеко не наблюдаются такія страшныя противорѣчія, какія существуютъ между бѣдными и богатыми. Напротивъ, благодаря именно этой формѣ половой жизни создается нѣчто въ родѣ демократическаго равенства между гражданами. Недостатковъ нашего семейнаго права слѣдуетъ искать скорѣе въ области внѣбрачныхъ половыхъ отношеній [1]).

Если видѣть сущность соціализма въ томъ, что носителями важнѣйшихъ имущественныхъ правъ являются не отдѣльныя личности, но болѣе или менѣе значительныя общины, то вполнѣ очевидно, что съ соціалистическимъ общественнымъ строемъ не связывается необходимо и хозяйственное равенство товарищей-гражданъ. Напротивъ, и въ соціалистическомъ государствѣ пользованія различ-

[1]) Ср. Menger, Das bürgerliche Recht und die besitzlosen Volksklassen (1890), № 15.

ными благами могутъ быть распредѣлены между членами общинъ неравномѣрно, въ зависимости отъ положенія каждаго изъ нихъ въ общественной и трудовой организаціи, отъ количества произведеннаго труда и другихъ причинъ. Лишь различія въ экономическомъ положеніи, которыя въ современномъ общественномъ строѣ покоятся на частной собственности, должны были бы естественно сами собой исчезнуть вмѣстѣ съ уничтоженіемъ земельной и капиталистической собственности.

Если же представить себѣ принципъ равенства примѣненнымъ въ соціалистическомъ общественномъ строѣ, то соціализмъ обратился бы въ коммунизмъ.

Такимъ образомъ въ коммунистическомъ государствѣ не только носителями наиболѣе важныхъ имущественныхъ правъ являлись бы болѣе или менѣе обширныя общины, но, сверхъ того, и пользованіе различными благами распредѣлялось бы равномѣрно между членами общины, независимо отъ соціальныхъ различій. Конечно, полное равенство въ пользованіи матеріальными и духовными благами не можетъ быть никогда проведено вслѣдствіе природныхъ различій между людьми; ни при какомъ состояніи общества не можетъ быть, напримѣръ, предоставлено одинаковое питаніе грудному младенцу и взрослому человѣку или одинаковая одежда мужчинѣ и женщинѣ. Но вполнѣ мыслимо такое устройство общества, при которомъ хозяйственное положеніе отдѣльной личности не будетъ зависѣть отъ соціальныхъ различій, которыя сохранятся и при господствѣ соціализма, особенно тамъ, гдѣ положеніе личности въ общественной и трудовой организаціи и количество производимой ею работы не будутъ вліять на степень пользованія ею различными благами. Это отрицательное опредѣленіе коммунизма заслуживаетъ предпочтенія передъ воззрѣніемъ, защищаемымъ столь многими коммунистами, согласно которому распредѣленіе средствъ потребленія въ коммунистическомъ государствѣ будетъ совершаться сообразно размѣрамъ потребностей каждой отдѣльной

личности, такъ какъ можно съ полной опредѣленностью предсказать, что ни при какомъ состояніи общества количества произведенныхъ средствъ потребленія не будетъ достаточно, чтобы удовлетворить всѣ потребности гражданъ-товарищей [1]).

Гораздо ближе къ современнымъ соціальнымъ условіямъ стоитъ идеалъ государства, который можно назвать соціалистическимъ строемъ въ узкомъ смыслѣ слова. Тутъ каждая отдѣльная личность надѣляется средствами потребленія въ неодинаковомъ размѣрѣ, въ зависимости отъ ея положенія въ общественной и трудовой организаціи; только неравенства, вызванныя частной собственностью на землю и капиталъ и неразрывно съ нею связаннымъ правомъ наслѣдованія, которыя въ нашемъ современномъ общественномъ строѣ, конечно, далеко превосходятъ по своей важности всѣ другія и къ тому же способны расти до безконечности,—только эти неравенства должны необходимо исчезнуть вмѣстѣ съ ограниченіемъ частной собственности на предметы потребленія. Стремленіе людей къ улучшенію своего хозяйственнаго положенія, которое теперь считается сильнѣйшимъ двигателемъ хозяйствен-

---

[1]) Слѣдующіе писатели высказались за равное распредѣленіе средствъ потребленія между всѣми членами общины: Morelly, Code de la nature ou le véritable esprit de ses lois (1755), стр. 194—196; Rousseau Discours sur l'origine et les fondemens de l'inégalité parmi les hommes (1755), стр. 91, 92 и въ др. мѣстахъ; Mably, De la législation (1776), кн. 1, гл. 2; Condorcet, Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain, 2 изд. (годъ III), стр. 329, 339; Бабефъ и «Заговоръ равныхъ» (Conspiration pour l'Egalité): Babeuf, Tribun du peuple, № 35, отъ 17 брюм., годъ IV (8 ноября 1795), стр. 102—106; Manifeste des Egaux въ Copie des pièces saisies dans le local que Babeuf occupoit lors de son arrestation, т. 1. (Nivôse an IV), стр. 159—163, Buonarroti, Conspiration pour l'égalité. dite de Babeuf, т. 1 (1828), стр. 68, 86—89, 183, 184; Godwin, Political justice (1793) въ 3 изд., т. 2 (1798), стр. 432, 433, 453 и слѣд.; Owen, The revolution in the mind and practice of the human race (1849), стр. 72—74; Thompson, Practical directions for the speedy and economical establishment of communities (1830), стр. 4; Cabet, Voyage en Icarie (1840), въ 6 изд. (1848), стр. 35; Dezamy, Code de la communauté (1842), стр. 30 и слѣд.; Blanqui, Critique sociale, т. 1 (1885), стр. 185; Dühring, Kursus der National-und Socialökonomie (1873), стр. 388, 392; ср. также стр. 384, 388; Bebel, Die Frau (1883), 25 изд. (1895), стр. 313; Bellamy, Looking backward (1888), гл. 9.

наго прогресса, оказывало бы свое вліяніе и при новомъ соціальномъ состояніи; въ измѣненныхъ формахъ могла бы сохраниться также іерархическая организація общества, къ которой человѣчество въ политическихъ и хозяйственныхъ дѣлахъ привыкло въ теченіе тысячелѣтій. Такъ какъ этотъ идеалъ государства особенно пригоденъ для того, чтобы быть переходной формой, то онъ и будетъ положенъ въ основу предлагаемаго сочиненія, которое должно подготовить постепенное устраненіе современныхъ соціальныхъ недуговъ [1]).

Изъ вышеизложеннаго очевидно, что противоположность между существующимъ общественнымъ порядкомъ и соціалистическимъ или даже коммунистическимъ государствомъ ни въ какомъ случаѣ не является рѣзко опредѣленною, и что черта, разграничивающая обѣ главныя формы государства, не можетъ быть проведена съ полной точностью. Въ самомъ дѣлѣ, уже въ нашемъ традиціонномъ государствѣ болѣе или менѣе обширныя общины являются носителями имущественныхъ правъ, и даже хозяйственное равенство коммунизма до извѣстной степени предуказывается нашимъ равенствомъ передъ закономъ. Наше современное общество скрываетъ въ себѣ противорѣчія гораздо болѣе острыя и непримиримыя, чѣмъ противорѣчія между индивидуалистическимъ и соціалисти-

[1]) За хозяйственное неравенство высказываются: Meslier († 1729 или 1733) въ Le testament, т. 2 (1864), стр. 170, 172, 224; Saint-Simon Du système industriel, т. 2 (1821), въ Oeuvres, т. 6 (1869), стр. 16—18 Сенъ-симонизмъ: Exposition de la doctrine Saint Simonienne (1828—1830) въ Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin. т., 41 (1877), стр. 209, 231; Fourier Le nouveau monde industriel et sociétaire (1829), стр. 6, 7, 135, 364 и слѣд., въ Oeuvres, т. 6, 3-е изд. (1848), стр. 4, 5, 115, 309 и слѣд.; Louis Blanc, Organisation du travail (1840), въ Questions d'aujourd'hui et de demain, т. 4 (1882), стр. 90—96; Pecqueur, La république de Dieu (1844), стр. 292; Rodbertus, Das Kapital (1884), стр. 108—160; Marx, Das Kapital (1867), 3-е изд. (1883), стр. 11. 48 (лишь гипотетически); Engels, Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft (1877), стр. 84, 85, 172, 173, 252, 253, 259 (очень неясно); Lassalle, Arbeiterlesebuch (1863) въ его Reden und Schriften, изданныхъ Бернштейномъ, т. 2 (1893), стр. 571, 572; Kautsky, Das Erfurter Programm (1892), стр. 159—161; Vandervelde, Le collectivisme (1900), стр. 203.

ческимъ государствомъ, что, однако, не дѣлаетъ невозможнымъ самое существованіе государства. Напомню лишь о противорѣчіи между вѣрою въ откровеніе и міровоззрѣніемъ, основаннымъ на чистомъ опытѣ; эти міровоззрѣнія раздѣлены пропастью, перекинуть мостъ черезъ которую будетъ для всякаго мыслящаго и правдиваго человѣка во всѣ времена невозможно.

Мы можемъ поэтому твердо надѣяться, что введеніе правового порядка, служащаго интересамъ широкихъ массъ, вполнѣ можетъ осуществиться путемъ постепенныхъ реформъ, при чемъ возможно будетъ избѣжать тѣхъ кровавыхъ ужасовъ, которыми Ѳеодосій I, Карлъ Великій и испанская инквизиція укрѣпляли торжество христіанства въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ. Сторонники историческаго пониманія права и государства уже на основаніи этого своего воззрѣнія должны считать осуществимымъ только такой медленный переходъ отъ одного міровоззрѣнія къ другому, противоположному. Но послѣдующее изложеніе докажетъ, что и защитники совершенно иного взгляда на основные вопросы права и государства тоже должны отстаивать такую же точку зрѣнія.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Происхожденіе права и государства.

Передъ нами стоитъ современное государство—обширное, запутанное зданіе съ многочисленными башнями, балконами, черными лѣстницами и подземными ходами, надъ которыми работали столѣтія. Въ первомъ этажѣ этого зданія живутъ аристократія, духовенство, войско и чиновничество; во второмъ — крупные представители торго́вли, промышленности и сельскаго хозяйства; третій этажъ занятъ духовными вождями народа, учеными и художниками, а громадныя массы рабочаго люда загнаны въ чердачныя каморки. Является вопросъ: какимъ образомъ возникло это странное зданіе? Каковы были первоначальныя намѣренія его строителей?

Въ послѣднія столѣтія для разрѣшенія этого важнаго вопроса выдвинуто два основныхъ воззрѣнія, получившихъ наибольшее политическое значеніе, а именно: взгляды исторической школы и школы естественнаго права [1]). Воззрѣнія исторической школы на конечныя основы права и государства поддерживаются, вполнѣ естественно, тѣми общественными кругами, которые, въ силу существующаго правопорядка, пользуются привилегіями и потому желаютъ его сохраненія; прогрессивные же элементы

[1]) Значительное количество теорій о сущности государства, съ которыми тѣсно связано ученіе о его происхожденіи, собралъ Еллинекъ, Право современнаго государства, т. 1 (1900), стр. 121—161.

общества съ давнихъ поръ обнаруживали, наоборотъ, свою склонность къ теоріямъ естественнаго права.

По воззрѣніямъ исторической школы, право и государство—порожденіе народнаго духа, т.-е. особыхъ духовныхъ свойствъ каждой націи. Въ силу этого право и государство получаютъ свое существованіе независимо отъ индивидуальнаго произвола. Даже тогда, когда въ ходѣ историческаго развитія рядомъ съ обычнымъ правомъ возникаютъ законодательство и наука права, задачей ихъ все-таки остается въ сущности лишь изображеніе и закрѣпленіе идеально уже существующаго народнаго права [1]).

Съ историческимъ воззрѣніемъ связано обыкновенно и органическое пониманіе права и государства [2]) (кн. III, гл. 1). Сущность его состоитъ въ томъ, что право и государство сравниваются съ животными и растительными организмами или даже разсматриваются сами какъ духовные организмы. Но врядъ ли право и государство имѣютъ болѣе близкое родство съ органическими образованіями животнаго и растительнаго царства, чѣмъ со всякимъ другимъ сложнымъ явленіемъ, хотя бы съ машиной или съ какимъ-либо химическимъ соединеніемъ. Очевидно также, что о государственномъ и правовомъ порядкахъ, первоначально нами самими созданныхъ и ежедневно нашей волею поддерживаемыхъ, мы должны имѣть болѣе точныя познанія, чѣмъ о созданіяхъ органическаго міра, внутренняя сущность которыхъ до сихъ поръ еще недостаточно распознана. Слѣдовательно, органическое пониманіе права и государства страдаетъ той логической

[1]) Burke, Reflections on the revolution in France, 1 изд. (1790), стр. 141 и слѣд., 246 и слѣд.; Гентцъ, въ нѣмецкомъ переводѣ этого труда, т. 2 (1793), стр. 144 и слѣд.; Savigny, Von dem Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung u. Rechtswissenschaft (1814), стр. 8—15; его же, System des heutigen römischen Rechts, т. 1 (1840), стр. 13—18; Stahl, Die Philosophie des Rechts, 3 изд., т. 2 (1854), стр. 233—236.

[2]) Lilienfeld, Gedanken über die Socialwissenschaft der Zukunft, т. 1 (1873), стр. 81 и слѣд.; Schäffle, Bau und Leben des sozialen Körpers, т. 1 (1875), стр. 53 и слѣд.; Gierke, Deutsches Privatrecht, т. I (1895) стр. 125—127.

ошибкой, что стремится неизвѣстное, или, вѣрнѣе, запутанное, объяснить при помощи еще болѣе неизвѣстнаго. Если, однако, эта теорія получила столь широкое распространеніе, и если параллель между духовными и физическими организмами проведена нѣкоторыми писателями въ ихъ обширныхъ трудахъ, то должны же быть серьезныя практическія причины, оправдывающія господство органической теоріи именно въ области право- и государствовѣдѣнія.

И дѣйствительно, эти причины налицо. Прежде всего, слѣдствіемъ органическаго воззрѣнія неизбѣжно является представленіе, что подобно тому, какъ физическіе организмы измѣняются изнутри и притомъ лишь постепенно, такъ же точно право и государство могутъ развиваться только медленно и въ направленіи, указанномъ прежнимъ ихъ состояніемъ. Правда, это мнѣніе опровергается коренными переворотами, которые были произведены въ исходѣ среднихъ вѣковъ принятіемъ римскаго права, перенесеніемъ въ истекшемъ столѣтіи англійскихъ конституціонныхъ порядковъ, а также французскаго гражданскаго, уголовнаго, процессуальнаго и административнаго права въ столь многія европейскія страны (ср. ниже, кн. IV, гл. 1). Тѣмъ не менѣе все-таки ясно, что, не взирая на все это, органическая теорія должна оказывать приверженцамъ застоя или едва замѣтнаго прогресса сильную поддержку.

Особенно враждебно настроено органическое пониманіе государства противъ всякаго соціальнаго развитія. Соціальный прогрессъ состоитъ въ томъ, что политическія и хозяйственныя функціи отдѣльныхъ классовъ и группъ народа перемѣщаются. Но вѣдь въ каждомъ развитомъ физическомъ организмѣ отдѣльнымъ составнымъ частямъ предназначены закономъ природы опредѣленныя, неизмѣнныя функціи: никогда рука не сможетъ отнять отъ мозга мышленіе, никогда нога не лишитъ желудка пріятной функціи пищеваренія. Въ силу этого понятно,

что образованные и состоятельные классы народа, занимающіе въ нашемъ обществѣ выгодныя позиціи мозга и желудка, съ давнихъ поръ старались внушить своимъ согражданамъ органическое пониманіе права и государства. Напомню только самаго древняго представителя органическаго государственнаго ученія, Менению Агриппу, который при первомъ уходѣ римскаго плебса на Священную гору (въ 494 году до Р. Х.) разсказалъ имъ, въ интересахъ патриціевъ, извѣстную притчу о томъ, какъ отдѣльныя части тѣла возмутились противъ всепожирающаго желудка, чѣмъ, однако, повредили лишь самимъ себѣ. Любопытно, что будто благодаря этой притчѣ дѣйствительно было достигнуто возвращеніе плебса въ прежнее подчиненіе [1]).

Прямо противоположны взгляды школы естественнаго права, къ которой принадлежатъ между прочимъ писатели, непосредственно предшествовавшіе французской революціи [2]). По воззрѣніямъ этой школы, государство является продуктомъ договора гражданъ, направленнаго къ основанію государственнаго союза. Такія отношенія сохраняются и при дальнѣйшемъ развитіи созданнаго по произволу государства; точно также и законодательство, хотя оно никогда не можетъ вполнѣ отрѣшиться отъ вліянія фактическихъ отношеній, покоится на свободномъ рѣшеніи законодателя; самые законы должны разсматриваться какъ общая воля гражданъ-товарищей.

И историческое, и естественно-правовое воззрѣніе на происхожденіе государственнаго и правового порядка выработались преимущественно съ точки зрѣнія господствующихъ классовъ, хотя естественному праву и приписывается такъ часто революціонный характеръ [3]). Оба воз-

---

[1]) Ливій, II, 32.

[2]) Наиболѣе вліятельнымъ изъ этихъ произведеній является несомнѣнно Руссо, Du contract social ou principes du droit politique (1762).

[3]) Срав. Menger, Das bürgerliche Recht und die besitzlosen Volksklassen, 2 изд. (1890), № 3, 4.

зрѣнія могутъ быть съ нѣкоторымъ успѣхомъ примѣнены лишь къ тѣмъ государственно-правовымъ элементамъ нашего правопорядка, къ которымъ имущіе и образованные классы общества причастны несравненно больше, чѣмъ болѣе бѣдные слои населенія, такъ какъ эти послѣдніе должны, вполнѣ естественно, домогаться прежде всего обезпеченія своего хозяйственнаго существованія и своей семейной жизни, а завоеваніе господствующаго положенія въ государствѣ могутъ разматривать лишь какъ средство къ достиженію этой важной жизненной цѣли (кн. I, гл. 3). И такъ какъ для широкихъ народныхъ массъ, никогда не имѣющихъ возможности принимать личнаго участія въ управленіи государствомъ, государственно-правовые вопросы представляютъ только косвенный интересъ, то старые и новые писатели могли выставлять зачастую самыя враждебныя народу формы государства, какъ продуктъ народнаго духа, или же основывать ихъ на высказанномъ или молчаливомъ согласіи всего народа.

Напротивъ, никода не удастся примѣнить обѣ эти основныя теоріи къ частному праву, въ которомъ заинтересованъ дѣйствительно весь народъ, а не только узкіе общественные круги, и въ границахъ коего почти исключительно свершается скромное существованіе широкихъ народныхъ массъ. Уже частная собственность, образующая центральный пунктъ всего частнаго права, не допускаетъ возможности разсматривать частно-правовыя нормы какъ продуктъ духа или воли всей націи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ выйти изъ духа цѣлаго народа частно-правовая норма, покровительствующая незначительной группѣ народа за счетъ далеко превосходящаго большинства? И какъ можно согласиться, что великое множество обездоленныхъ дало свое ясно высказанное или молчаливое согласіе на тѣ гнетущія преимущества, которыя отдѣляютъ людей отъ людей? Вотъ почему теорія, которая служитъ не интересамъ, а фактамъ, не можетъ выставлять нашъ правовой и общественный строй какъ продуктъ жизни всей націи.

а принуждена держаться воззрѣнія, что этотъ строй возникъ первоначально путемъ насилія въ пользу узкихъ круговъ населенія, да и теперь еще покоится въ своихъ существенныхъ составныхъ частяхъ на отношеніяхъ, основанныхъ на силѣ.

Послѣднее воззрѣніе подтверждается также при анализѣ традиціонныхъ государственныхъ и общественныхъ порядковъ, хотя многочисленные договорные, наслѣдственные и другіе переходы права многократно затемняли память о таковомъ происхожденіи его изъ отношеній, основанныхъ на голой силѣ. Такъ, въ Англіи, гдѣ развитіе права претерпѣло меньше переворотовъ, чѣмъ на материкѣ, можно еще и теперь свести значительную часть публичнаго и частнаго правопорядка къ норманскому завоеванію. И вообще на всемъ европейскомъ континентѣ границы государствъ, правомочія владѣтельныхъ особъ, распредѣленіе земли и прочихъ благъ установлены войнами, революціями, государственными переворотами и вызванными ими соотношеніями силъ. И во всѣхъ странахъ, какъ бы различно ни было ихъ правовое развитіе, еще и теперь въ защиту самаго незначительнаго традиціоннаго права въ случаѣ нужды вооружается все административное и военное могущество государства.

Разумѣется, на болѣе позднихъ ступеняхъ развитія народа большинство измѣненій въ правопорядкѣ основывается не на мечѣ, а на законодательствѣ. Но, во-первыхъ, эти мирныя измѣненія правового состоянія по большей части весьма незначительны; въ области частнаго права—самой важной части правового порядка—законодательство, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, удовлетворялось тѣмъ, что съ незначительными смягченіями санкціонировало сохранившіяся соотношенія силъ. А во-вторыхъ, само законодательство представляетъ изъ себя не что иное, какъ мячъ для игры соціальныхъ силъ, которыя предписываютъ законодательству содержаніе законовъ въ опредѣленныхъ границахъ, и свобода его въ мирныя вре-

мена относится почти исключительно къ декоративнымъ элементамъ правопорядка.

Эти соображенія могутъ объяснить странную форму зданія нашего современнаго государства. Не планъ одного строителя, принявшаго въ соображеніе всѣ отношенія, а произволъ и самовластіе отдѣльныхъ обитателей опредѣлили его форму. И такое самобытное происхожденіе относится какъ разъ къ главнѣйшей части нашего правопорядка, именно къ частному праву. Здѣсь государство и по сей день предоставляетъ почти все свободной игрѣ индивидуальныхъ силъ, а историческій опытъ учитъ, что и въ прошломъ оно не могло, да и не хотѣло, противиться даже самымъ губительнымъ направленіемъ, которыя избирало для себя развитіе частнаго права, между тѣмъ какъ публичное право, напротивъ, уже теперь имѣетъ преимущественно осознанный характеръ, такъ какъ конституціи большинства культурныхъ государствъ создались не какъ результатъ многовѣковой исторической борьбы, а были составлены на основаніи теорій государственнаго права и по иностраннымъ образцамъ послѣ революцій, государственныхъ переворотовъ и другихъ историческихъ событій, внезапно измѣнявшихъ въ государствѣ соотношеніе силъ.

На мѣсто естественно выросшаго права теперь во всѣхъ областяхъ должно выступить право, прошедшее черезъ сознаніе; при этомъ, вслѣдъ за полнымъ исчезновеніемъ въ государствѣ отношеній, основанныхъ на силѣ, благо широкихъ народныхъ массъ должно служить для сознанія путеводной звѣздой. Правда, во многихъ конституціяхъ благо народа и выставляется какъ высшая цѣль государства; но такъ какъ онѣ ясно предписываютъ или, по крайней мѣрѣ, предполагаютъ неприкосновенность гражданскаго права, то цѣль эта, въ границахъ теперешняго государственнаго правопорядка, можетъ быть достигнута лишь въ незначительныхъ размѣрахъ. Только тогда, когда безпорядочная груда обломковъ гражданскаго права, прине-

сенная къ намъ потокомъ тысячелѣтій, будетъ перестроена критикой и сознаніемъ въ зданіе, удобообитаемое для всѣхъ,—только тогда можно будетъ дѣйствительно сказать, что цѣлью права и государства является благо всего народа.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Международныя отношенія государствъ.

Пожалуй, самой мрачной тѣневой стороной нашего теперешняго соціальнаго уклада являются формы международныхъ отношеній однихъ государствъ къ другимъ. Въ то время какъ во внутренней жизни государствъ истинное положеніе вещей скрывается отъ непривычнаго глаза при помощи нѣкоторыхъ декоративныхъ учрежденій, здѣсь исключительное значеніе соотношеній силъ открыто выступаетъ на первый планъ. Отдѣльныя государства находятся въ состояніи непрерывной борьбы, которая во время войны ведется посредствомъ силы, а во время мира—посредствомъ хитрости. Здѣсь дозволяется все, что клеймится въ частной жизни людей и чего они гнушаются, и великимъ государственнымъ мужемъ считается тотъ, кто къ выгодѣ своего отечества съ наибольшимъ успѣхомъ перехитритъ и пересилитъ иностранныя государства.

Отраженіемъ этихъ внѣшнихъ отношеній въ духовной жизни народа является любовь къ отечеству, или патріотизмъ. Онъ состоитъ въ преданности индивидуума личнымъ политическимъ цѣлямъ правителей, съ чѣмъ часто бываетъ связано также чувство симпатіи къ странѣ и народу. Поэтому-то съ потерей правительствомъ власти исчезаетъ и соотвѣтствующій патріотизмъ,—обыкновенно для того, чтобы дать мѣсто преданности новому властелину. Патріотизмъ тосканскій, папскихъ владѣній и неа-

политанскій—нѣкогда единственно признанная форма патріотизма—носитъ теперь некрасиво звучащее названіе регіонализма. Точно также симпатія къ нѣкогда суверенным государствамъ—Ганноверу, Кургессену, Нассау и Франкфурту—называется нынѣ партикуляризмомъ; даже баварская, вюртембергская и баденская любовь къ отечеству, съ тѣхъ поръ какъ властители этихъ государствъ должны все болѣе уступать свою власть Германской имперіи, замѣтно теряетъ въ значеніи и почетѣ. Если бы кто-либо захотѣлъ свой патріотизмъ перенести цѣликомъ на одно изъ нѣмецкихъ государствъ, соединенныхъ главнымъ постановленіемъ имперскаго депутатскаго собранія (1803), онъ подвергся бы опасности быть осмѣяннымъ общественнымъ мнѣніемъ, какъ глупецъ. А вѣдь не очень давно было то время, когда правительства этихъ карликовыхъ государствъ не знали для своей дѣятельности болѣе высокой цѣли, какъ разжигать патріотизмъ къ своимъ землямъ и властителямъ.

Идеалъ патріотизма былъ бы, очевидно, достигнутъ въ томъ случаѣ, если бы государство состояло только изъ одного народа одинаковой религіи и національности, и притомъ если бы оно заключало въ своихъ предѣлахъ этотъ народъ цѣликомъ. Въ этомъ случаѣ преданность правительству естественно должна была бы сливаться съ симпатіей къ странѣ и народу. Но, конечно, этотъ идеалъ нигдѣ въ существующихъ государствахъ не достигнутъ. Большинство государствъ состоитъ изъ частицъ разныхъ народовъ, раздѣленныхъ обыкновенно также религіей и соединенныхъ съ обломками другихъ націй именно такъ, какъ это рѣшено судьбой сраженій или прихотью дипломатовъ.

Раньше, приблизительно почти до эпохи просвѣщенія, одинаковость религіи всего населенія, какъ основа патріотизма и созданія государствъ, ставилась особенно высоко. Еще и теперь это имѣетъ мѣсто на востокѣ, гдѣ, напримѣръ, православные сербы и католическіе кроаты, хотя

по языку и происхожденію они составляютъ одинъ народъ, выработали тѣмъ не менѣе свои особые и почти всегда взаимно противорѣчащіе народные патріотизмы съ совершенно различными государственными идеалами. Напротивъ, въ Западной Европѣ, главнымъ образомъ вслѣдствіе покоренія Наполеономъ I столь многихъ націй, самой прочной основой государствъ считается теперь тождество національности.

Изъ сказаннаго явствуетъ, что патріотизмъ—это чувство, не коренящееся въ глубинахъ человѣческой натуры, а явленіе болѣе искусственное, исторически многообразно обусловленное. Но точно также ошибочнымъ было бы предположеніе, что въ опредѣленную историческую эпоху всѣ классы народа одинаково относятся къ патріотизму. Напротивъ, любовь къ отечеству обусловлена еще и соціально, т.-е. интенсивность патріотическаго чувства достигаетъ той или другой степени, смотря потому, насколько близкую или далекую связь имѣютъ интересы отдѣльныхъ слоевъ населенія съ интересами государства.

Естественно, что всего сильнѣе развитъ патріотизмъ у тѣхъ слоевъ населенія, которые живутъ въ первомъ этажѣ государственнаго зданія (кн. I, гл. 5), слѣдовательно, у дворянства, духовенства, войска и чиновничества. Эти общественные классы находятся почти всегда въ близкихъ отношеніяхъ съ правителями, и ихъ существованіе—въ большей или меньшей степени—зиждется на этихъ отношеніяхъ. Поэтому ихъ патріотизмъ заключается въ преданности правителямъ, тогда какъ симпатія къ странѣ и народу отступаетъ на болѣе задній планъ. Эта покоящаяся на общности интересовъ вѣрность правителямъ продолжаетъ часто существовать еще и послѣ утраты ими власти, до тѣхъ поръ, пока не исчезнетъ надежда на возвращеніе вытѣсненнаго правителя или пока новый властелинъ не предложитъ вполнѣ прочныя и еще бо́льшія выгоды, чѣмъ старый.

Совершенно другой характеръ имѣетъ патріотизмъ

среднихъ сословій (городского и крестьянскаго), особенно если они обладаютъ болѣе высокимъ духовнымъ развитіемъ. Здѣсь обыкновенно отсутствуетъ упомянутая личная связь съ правителями, но зато среднія сословія сознаютъ культурную общность съ своими единоплеменниками, которая выражается преимущественно въ общности языка, литературы и искусства. Въ виду этого патріотизмъ среднихъ сословій заключается главнымъ образомъ въ симпатіи къ странѣ и народу; напротивъ, личность правителя этимъ слоямъ населенія, если только религія и національность остаются не затронутыми, по большей части безразлична. Но, конечно, вслѣдствіе свойственной среднему сословію политической несамостоятельности, оно и здѣсь бываетъ довольно часто увлекаемо привилегированными классами на путь ихъ особливыхъ интересовъ.

Наконецъ, въ-третьихъ, что касается до бѣднѣйшихъ классовъ народа, то у нихъ въ большинствѣ случаевъ отсутствуетъ какъ личная связь съ правителями, такъ и культурная общность съ страной и народомъ. Ихъ жалкое существованіе протекаетъ почти всегда въ непрерывной изнурительной борьбѣ, въ мелочныхъ экономическихъ заботахъ, которыя лишь въ ограниченныхъ предѣлахъ допускаютъ самопожертвованіе на пользу отдаленныхъ политическихъ цѣлей. Само государство, для котораго эти слои населенія должны приносить жертвы, въ теченіе тысячелѣтій предъявляло къ нимъ только требованія, но ничего не давало имъ; лишь немного десятковъ лѣтъ тому назадъ начало оно заботиться объ экономической судьбѣ бѣдныхъ. И война, въ которой дѣятельность патріотическо-милитаристскаго государства находитъ свое высшее выраженіе, распредѣляетъ свои дары такъ же односторонне, какъ и миръ: въ то время какъ счастливый полководецъ, которому очень часто лишь случай доставилъ побѣду, достигаетъ почти сверхчеловѣческаго положенія героя, и въ то время какъ даже подчиненнымъ ему офицерамъ перепадаютъ крупныя выгоды и почести,

массы, хотя онѣ-то и приносятъ войнѣ самыя тяжелыя жертвы, должны—уже въ силу своей большой численности—оставаться безъ всякаго вознагражденія.

Вслѣдствіе такого положенія вещей вполнѣ естественно, что патріотизмъ бѣднѣйшихъ классовъ народа въ нашемъ теперешнемъ государствѣ относительно слабъ, а также, что эти классы придаютъ лишь небольшое значеніе измѣненіямъ въ соотношеніяхъ силъ отдѣльныхъ государствъ, воздѣйствіе на которыя составляетъ важнѣйшую цѣль нашей внѣшней и внутренней государственной политики. Положительная же сторона такого взгляда на государство заключается въ томъ, что рабочіе классы, послѣ того какъ монархія объединила карликовыя государства конца среднихъ вѣковъ въ большія національныя государства, желаютъ теперь же сплотить эти послѣднія въ одно міровое государство, которое объединило бы всѣ культурныя страны.

Всѣ эти воззрѣнія и стремленія, неизбѣжно вытекающія изъ соціальнаго положенія рабочихъ классовъ народа, находятъ нынѣ свое вѣрное отраженіе въ соціалистической литературѣ. Рѣшительная антипатія къ національнымъ и государственнымъ различіямъ, особенно если они вырождаются во враждебныя противорѣчія, а также антипатія къ лежащимъ въ основѣ этихъ различій чувствамъ является старой традиціей соціализма.

Такъ, уже Сенъ-Симонъ высмѣиваетъ моралистовъ, которые порицаютъ индивидуальный эгоизмъ и, наоборотъ, выставляютъ какъ добродѣтель національный эгоизмъ, т.-е. патріотизмъ [1]).

Въ связи съ этимъ находится то, что Сенъ-Симонъ, въ изданномъ совмѣстно съ Тьерри въ январѣ 1814 г.

---

[1]) Saint-Simon, Lettres d'un habitant de Genève à ses contemporains (1803), въ Oeuvres de Saint-Simon, т. 1 (1868), стр. 43, 44.

сочиненіи [1]), проектируетъ общеевропейскій парламентъ, который долженъ состоять, по англійскому образцу, изъ палаты общинъ и палаты пэровъ и имѣть цѣлью улаживать ссоры между отдѣльными правительствами и націями. Глава исполнительной власти въ этомъ громадномъ политическомъ цѣломъ (король) болѣе точными чертами Сенъ-Симономъ не опредѣляется, а вмѣсто того дается обѣщаніе заняться рѣшеніемъ этого вопроса, представляющаго, конечно, чрезвычайныя трудности, въ одномъ изъ слѣдующихъ сочиненій. Общій французско-англійскій парламентъ, въ которомъ англичанамъ предоставлялось бы двѣ трети голосовъ, долженъ былъ бы подготовить европейскій парламентъ.

Эти мысли своего основателя школа Сенъ-Симона развила еще дальше. Въ манифестѣ, изданномъ Базаромъ и Анфантеномъ [2]) тотчасъ же послѣ іюльской революціи, цѣлью школы выставляется то, чтобы объединенные народы, или, лучше сказать, все человѣчество, составили когда-нибудь только одинъ народъ, чтобы мѣсто ограниченныхъ и взаимно борющихся государственныхъ союзовъ нашего времени занялъ всеобщій союзъ всего человѣческаго рода, и чтобы война навсегда исчезла съ лица земли. Точно также и мѣсто патріотизма, который есть не что иное, какъ національный эгоизмъ, должна занять любовь ко всему человѣчеству.

Подобныя мысли защищаютъ также Фурье и его школа. Вся земля, по мысли Фурье, должна была бы покрыться фаланстерами, или соціалистическими общинами;

---

[1]) Saint-Simon et A. Thierry, son élève, de la réorganisation de la société Européenne ou de la nécessité et des moyens de rassembler les peuples de l'Europe en un seul corps politique en conservant à chacun son indépendance nationale (1814), въ Oeuvres de Saint-Simon, т. 1 (1868), стр. 153—248.

[2]) Notice historique къ Oeuvres de Saint-Simon et l'Enfantin, т. 2 (1865), стр. 224, 225. Также Enfantin въ произнесенной 8 іюля 1831 г. рѣчи въ Not. hist., т. 3 (1865), стр. 187, 188, и Exposition de la doctrine Saint-Simonienne (1828—1830), въ Oeuvres, т. 41 (1877), стр. 123.

во главѣ каждой изъ нихъ долженъ стоять унархъ, или баронъ. Каждыя три или четыре фаланстеры должны быть руководимы дуархомъ, или виконтомъ; каждыя двѣнадцать—тріархомъ, или графомъ, и такъ далѣе—черезъ многочисленныя посредствующія ступени—вплоть до омніарха, который управлялъ бы изъ Константинополя всѣми іерархически заселенными фаланстерами земного шара [1]).

И Оуэнъ, который такъ же, какъ и Фурье, исходитъ изъ общиннаго соціализма, думаетъ при посредствѣ все болѣе расширяющихся федерацій соціалистическихъ общинъ достигнуть міровой республики [2]).

Еще болѣе, чѣмъ у Сенъ-Симона, Фурье и Оуэна, единство человѣческаго рода представляетъ изъ себя центральный пунктъ всей соціальной системы у Пьера Леру; однако по поводу рѣшающаго вопроса — при помощи какихъ учрежденій это единство должно быть осуществлено—онъ высказывается неясно [3]).

Хотя далеко не всѣ соціалистическіе писатели разсматривали вопросъ о международныхъ отношеніяхъ, но все-таки едва ли среди нихъ можно найти хоть одного, который усвоилъ бы себѣ строго національную точку зрѣнія, что, конечно, вполнѣ естественно въ виду положенія, занятаго рабочимъ классомъ по отношенію къ этому вопросу. Только Лассалю часто приписываются національныя тенденціи въ теперешнемъ смыслѣ этого слова. Впрочемъ, онѣ обнаруживаются больше въ его политическихъ

---

[1]) Fourier, Traité de l'association domestique et agricole, т. 1 (1822), стр. 286 и слѣд.; Le nouveau monde industriel et sociétaire (1829), стр. 271, 386; въ Oeuvres, т. 3 (1841), стр. 376 и слѣд.; т. 6, 3 изд. (1848), стр. 231, 326; сравн. также Bases de la politique positive, Manifeste de l'école sociétaire, fondée par Fourier (1841), во 2 изд. (1842), стр. 37, 45.

[2]) Owen, The revolution in the mind and practice of the human race (1849), стр. 119, 120.

[3]) Pierre Leroux, De l'humanité (1840), во 2 изд. т. 1 (1845), стр. 139 и слѣд. Срав. также Pecqueur, La république de Dieu (1844), стр. 199 и слѣд.

рѣчахъ и брошюрахъ [1]), чѣмъ въ позднѣйшихъ соціально-политическихъ сочиненіяхъ. Отдѣльные его послѣдователи, напр. Швейцеръ, въ напечатанныхъ въ «Соціалъ-демократѣ» за 1865 годъ статьяхъ о Бисмаркѣ, дѣйствительно стояли на односторонне національной точкѣ зрѣнія; но это обстоятельство въ связи съ другими причинами повлекло за собою, подъ предводительствомъ Маркса и Энгельса, отдѣленіе интернаціональной фракціи [2]).

Марксъ и Энгельсъ, примыкая къ старой традиціи соціализма, съ самаго начала стояли на интернаціональной точкѣ зрѣнія. Изданный ими въ февралѣ 1848 г. коммунистическій манифестъ заканчивается возгласомъ: «Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!». Основанная въ 1864 году «Международная рабочая ассоціація» тоже покоилась, какъ показываетъ уже ея названіе, на строго интернаціональныхъ основахъ; ея уставъ прямо говоритъ, что эмансипація рабочихъ классовъ — задача не мѣстная и не національная, а соціальная, захватывающая всѣ страны, въ которыхъ существуетъ современное общество, и рѣшеніе этой задачи зависитъ отъ теоретическаго и практическаго воздѣйствія наиболѣе прогрессивныхъ странъ. И вся организація «Интернаціонала» носила, въ соотвѣтствіи съ этими принципами, ярко выраженный международный характеръ.

Съ тѣхъ поръ интернаціональное направленіе соціализма стало настолько общепризнаннымъ фактомъ, что нѣтъ уже надобности доказывать его историческимъ обзоромъ тысячекратныхъ заявленій въ этомъ направленіи. Только одна малочисленная группа нѣмецкихъ соціали-

---

[1]) Сравн. особенно брошюру Лассаля: Der italienische Krieg und die Aufgabe Preussens (1859), въ изданныхъ Бернштейномъ рѣчахъ и сочиненіяхъ Лассаля, т. 1 (1892), стр. 291—364 и стр. 367; а теперь также и письма Фердинанда Лассаля къ Карлу Марксу и Фридриху Энгельсу, изданныя Францомъ Мерингомъ (1902), стр. XII, 186 и слѣд.; Sombart, Sozialismus und soziale Bewegung im 19 Jahrhundert (1896), въ 4 изд. (1901), стр. 93 и слѣд.

[2]) Mehring, Geschichte der deutscheu Socialdemokratie, т. 2 (1898), стр. 140—142.

стовъ, руководимая пасторомъ Науманомъ, стремится слить воедино соціалистическое ученіе съ требованіями патріотически-милитаристскаго государства; но до сихъ поръ эта партія успѣла пріобрѣсти лишь небольшое значеніе.

Въ этомъ контрастѣ между патріотически-милитаристскимъ государствомъ и интернаціональнымъ направленіемъ, диктуемымъ болѣе бѣднымъ классамъ народа ихъ интересами, усматриваю я важнѣйшій моментъ, который неудержимо гонитъ культурный міръ двадцатаго столѣтія на встрѣчу катастрофамъ. Ибо прогрессирующее возрастаніе милитаристскихъ требованій и идущій съ нимъ рука объ руку полицейскій гнетъ постепенно революціонизировали во всей Европѣ низшіе классы народа въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ развитіе капиталистическаго способа производства, въ которомъ многіе экономическіе соціалисты усматриваютъ главную причину революціоннаго соціализма. Въ національныхъ милитаристскихъ государствахъ какъ разъ самымъ сильнымъ пролетаріямъ въ лучшемъ возрастѣ ихъ жизни непрерывно навязывается убѣжденіе, что они во время войны и мира должны приносить величайшія личныя жертвы ради весьма отдаленныхъ интересовъ, между тѣмъ какъ пониманіе и правильная оцѣнка запутанныхъ экономическихъ соотношеній чужды широкимъ народнымъ массамъ. И вотъ потому-то тамъ, гдѣ отсутствуетъ военный и полицейскій гнетъ (напр., въ Англіи), даже длившееся цѣлое столѣтіе грандіозное развитіе капиталистическаго способа производства не смогло выдвинуть соціалистически-революціонной рабочей партіи, имѣющей хоть какое-либо значеніе.

Этотъ контрастъ въ существенныхъ чертахъ развился лишь въ девятнадцатомъ столѣтіи. Еще въ восемнадцатомъ столѣтіи монархи вели свои войны при помощи навербованныхъ профессіональныхъ войскъ, не прибѣгая обыкновенно къ содѣйствію пролетаріата. Тогда были еще достаточно благоразумны для того, чтобы не ввѣрять охрану государства отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ

тѣмъ, которые болѣе заинтересованы въ переворотѣ, чѣмъ въ сохраненіи государственнаго порядка. Впервые всеобщую воинскую повинность ввела, въ періодъ высшаго возбужденія, революціонная и демократическая Франція, и эта воинская система, несмотря на совершенно различныя политическія и соціальныя условія, была позднѣе перенята Пруссіей и прочими аристократическими и милитаристскими государствами. Въ современныхъ же государствахъ военные круги, будучи помѣшаны на цифрахъ, стремятся все болѣе и болѣе увеличивать наши огромныя пролетарскія войска и остановятся въ этомъ стремленіи развѣ только тогда, когда весь способный къ активности пролетаріатъ будетъ собранъ въ арміи. А такъ какъ тотъ, кто носитъ мечъ, въ концѣ-концовъ всегда, какъ дознано опытомъ, доставляетъ побѣду с в о и м ъ политическимъ и соціальнымъ интересамъ, то благодаря этому окончательное торжество народнаго трудового государства оказывается предрѣшеннымъ, хотя традиціонные военные порядки еще долгое время могутъ поддерживать старыя соотношенія силъ.

Если спросить въ заключеніе, какимъ же образомъ можно осуществить идею всемірнаго государства, то прежде всего станетъ ясно, что этотъ идеалъ, при нынѣшнихъ государственныхъ отношеніяхъ, можетъ быть осуществленъ только завоеваніемъ всего міра, а этого до сихъ поръ никто не достигъ. Ибо мирнымъ путемъ правительства нашихъ государствъ, считающія мечъ самымъ надежнымъ основаніемъ права, никогда не станутъ въ важныхъ государственныхъ вопросахъ подчиняться приговору иностраннаго повелителя. Поэтому-то выдвигавшіеся не разъ въ восемнадцатомъ и девятнадцатомъ столѣтіяхъ планы устранить войну [1]) соглашеніемъ культурныхъ госу-

[1]) S a i n t - P i e r r e, Projet pour rendre la paix perpétuelle en Europe, т. 1 (1713), стр. 279 и слѣд.; R o u s s e a u, Extrait du projet de paix perpétuelle de monsieur l'abbé de Saint-Pierre (1761), стр. 60 и слѣд.; C l o o t s, La république universelle (1793), стр. 42 и слѣд.; K a n t, Zum ewigen Frieden (1795), вторая заключительная статья.—«Молодая Европа», основанная главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Мадзини актомъ братскаго союза

дарствъ или даже основаніемъ всемірной республики чисто политическаго характера—къ важнѣйшимъ международнымъ вопросамъ, конечно, не примѣнимы; скорѣе ужъ въ этихъ случаяхъ, какъ учитъ опытъ, можетъ быть примѣняемо третейское разбирательство, но и то только къ менѣе важнымъ международнымъ спорамъ, отъ которыхъ не зависятъ честь и существованіе націй. Только тогда можно будетъ думать объ основаніи всемірнаго государства съ преобладающими хозяйственными задачами, когда въ народномъ трудовомъ государствѣ вопросы власти будутъ отодвинуты на задній планъ, и дѣятельность государства будетъ направлена главнымъ образомъ на хозяйственныя цѣли.

Но возникновеніе всемірнаго хозяйственнаго государства слѣдуетъ представлять себѣ, какъ прогрессивное развитіе многочисленныхъ экономическихъ учрежденій международнаго характера, а не какъ внезапное, основанное на свободномъ рѣшеніи участниковъ, событіе. Хорошимъ прообразомъ такихъ учрежденій могутъ служить уже теперь нѣкоторыя охватывающія весь культурный міръ учрежденія, какъ, напр., международный телеграфный союзъ (основанъ въ 1865 г.), всемірный почтовый союзъ (1874 г.), международныя государственныя общества для охраны промышленной, литературной и художественной собственности (1883, 1886 гг.) и т. д. [1]).

15-го апрѣля 1834 г.—Ср. напечатанный въ Ре́ши Отчетъ правительственному совѣту Бернской республики о политическихъ проискахъ со стороны политическихъ бѣглецовъ и другихъ иностранцевъ въ Швейцаріи (1836), стр. 51 и слѣд.

[1]) Сравн. Liszt, Das Völkerrecht (1898), § 17.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Индивидуалистическое государство, основанное на власти, и народное трудовое государство.

Общественное благо или цѣль государства, понимаемая въ самомъ общемъ значеніи, оказывается повсюду равнозначащей въ существенномъ съ личными и политическими цѣлями господствующихъ (кн. III, гл. 1). Слѣдовательно, если представить себѣ низшіе классы народа движущей силой въ государствѣ, то, естественно, и задачи государства должны будутъ претерпѣть коренную перемѣну. Разумѣется, эта перемѣна совершится болѣе въ событіяхъ, чѣмъ въ понятіяхъ, такъ какъ уже и теперь народное благо обыкновенно разсматривается теоретиками, какъ высшая цѣль государства, и это воззрѣніе подтверждается даже во многихъ конституціяхъ. Въ этомъ, какъ и въ безчисленныхъ другихъ случаяхъ, именно теоріей и законодательствомъ смѣшиваются интересы узкихъ круговъ населенія съ благомъ всего народа.

Главнѣйшее различіе, устанавливающееся между различными типами государствъ въ зависимости отъ ихъ цѣли,—различіе, относящееся, правда, болѣе къ будущему времени, чѣмъ къ настоящему,—заключается въ противоположности между индивидуалистическимъ государствомъ, основаннымъ на власти, главнѣйшей формой котораго на практикѣ является патріотически-милитаристское государство, и народнымъ трудовымъ или хозяйственнымъ государствомъ, къ которому явно стремятся низшіе классы народа въ культурныхъ странахъ. Передъ нами государ-

ство, основанное на власти, когда цѣль государственной дѣятельности заключается преимущественно въ охранѣ традиціонныхъ соціальныхъ отношеній противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ [1]). Напротивъ, народное трудовое государство преслѣдуетъ главнымъ образомъ цѣль—организовать духовную и физическую работу согражданъ и распредѣленіе произведенныхъ этою работою благъ въ интересахъ всего народа. Это различіе относится, однако, лишь къ основному направленію государственной дѣятельности, такъ какъ уже и теперешнее индивидуалистическое государство, основанное на власти, взяло до извѣстной степени въ свои руки организацію хозяйственныхъ отношеній, а съ другой стороны, наоборотъ, сохраненіе наличныхъ соотношеній силъ будетъ также считаться задачей и народнаго трудового государства.

По своему преобладающему характеру всѣ безъ исключенія существующія государства являются, конечно, государствами, основанными на власти и силѣ, даже если они, какъ Англія, Сѣверо-Американскіе Штаты и Швейцарія, не милитаристскія государства. Ихъ стремленія направлены почти исключительно на традиціонныя соотношенія силъ; и чѣмъ выше соціальный рангъ властелина, тѣмъ большія жертвы должны приносить народы для охраненія и расширенія его полномочій.

---

[1]) Теорія, считающія, что государство возникаетъ изъ отношеній, основанныхъ на силѣ и что настоящей цѣлью его является сохраненіе этихъ отношеній, издавна цѣликомъ или частично защищались также и несоціалистическими писателями, а именно: въ древности — болѣе поздними софистами, въ болѣе новое время—Макіавелли (который, впрочемъ, вѣрный своему обыкновенію, не выставилъ абстрактной теоріи), далѣе—Гоббсомъ, Спинозой и Галлеромъ. Сравн. Plato, Gorgias 482 E и слѣд.; de Rep. I, 338 C и слѣд.; Hobbes, De cive (1642), гл. I, 10; гл. V, 12; гл. VI, 11—15; Spinoza, Tractatus theologicus-politicus (1670), гл. 16, особенно стр. 179, 181 оригинальнаго изданія; онъ же, Tractatus politicus (1677), гл. II. § 4, 15; гл. IV, § 5, 6 и въ др. мѣстахъ; Ethica (1677), кн. IV, prop. 37, schol. 2; Haller, Restauration der Staatswissenschaften, т. I (1816), стр. 346 и слѣд.; Gumplowicz, Die soziologische Staatsidee (1892), стр. 55.—Соціалистическіе писатели, поскольку они высказываются относительно общаго характера традиціонныхъ государствъ, являются большею частью приверженцами теоріи силы. Сравн. хотя бы

Своей важнѣйшей задачей современныя государства считаютъ закрѣпленіе власти господствующихъ и, если это возможно, увеличеніе ея при помощи завоеваній. Поэтому во всѣхъ государствахъ очень значительная часть государственныхъ доходовъ тратится на войско и флотъ, а также на уплату процентовъ по военнымъ займамъ. Правда, эти громадныя жертвы, приносимыя ради цѣлей, совершенно чуждыхъ широкимъ народнымъ массамъ, очень часто оправдываются тѣмъ, что населеніе государства должно быть охраняемо противъ вторженія внѣшнихъ враговъ; но такъ какъ взаимныя угрозы государствъ—явленіе совершенно искусственное, долженствующее исчезнуть тотчасъ же, когда прочно и надолго утвердившееся народное трудовое государство оттѣснитъ военные конфликты на задній планъ, то можно не безъ основанія утверждать, что военные расходы дѣлаются главнымъ образомъ ради цѣлей господствующихъ классовъ. Ибо войско, служащее для поддержанія правового порядка внутри государства, такъ незначительно, что съ успѣхомъ можетъ быть оставлено безъ вниманія.

Точно такъ, какъ правомочія властителей охраняются дипломатіей, войскомъ и флотомъ, правомочія имущихъ классовъ охраняются администраціей и юстиціей. Глав-

Morus. De optimo statu reipublicae deque nova insula Utopia (1516), кн. II, гл. 9 въ концѣ (стр. 158, 159 изданія Мерца) (1518); Meslier, Le Testament, т. 2 (1864), стр. 238 и слѣд.; Saint-Simon въ Organisateur (1819—1820), въ Oeuvres, т. 4 (1869), стр. 147; онъ же, въ Système industriel, т. 2 (1821), въ Oeuvres, т. 6 (1869), стр. 96, 232; т. 3 (1821), въ Oeuvres, т. 7 (1869), стр. 94, 95; Nouveau Christianisme (1825), въ Oeuvres, т. 7 (1869), стр. 189 и слѣд.; Lassalle, Ueber Verlassungswesen (1862); Was nun? (1863); Macht und Recht (1863), въ собраніи Бернштейна, т. 1 (1892), стр. 463—550; Engels, Ueber den Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staates (1884), стр. 143 (сравн. Anti-Dühring (1877), стр. 132—157); Menger, Das bürgerliche Recht und die besitzlosen Volksklassen (1890), № 3, 4: Kampffmeyer, Mehr Macht (1898), стр. 12 и слѣд. и другія.—Вообще каждая революціонная партія, особенно если она стремится къ соціалистическому идеалу, сама по себѣ стоитъ на точкѣ зрѣнія теоріи силы, такъ какъ она желаетъ преобразовать существующій государственный и общественный порядокъ народнымъ возстаніемъ, слѣдовательно, внезапнымъ измѣненіемъ соотношеній силъ.

ной задачей послѣднихъ является поддержаніе правопорядка между самими имущими классами — особенно противъ неимущихъ; кромѣ того, онѣ преслѣдуютъ еще и нѣкоторыя побочныя цѣли, охраняя, напримѣръ, жизнь и тѣлесную неприкосновенность всѣхъ гражданъ. Слѣдовательно, такъ какъ юстиція и администрація являются какъ бы арміей, содержимой имущими классами народа для охраны ихъ полномочій, то старое пристрастіе буржуазіи къ этимъ учрежденіямъ становится также понятнымъ, какъ естественно, напр., то, что монархъ и дворянство выступаютъ на защиту военнаго могущества. Отдѣльные представители буржуазнаго либерализма зашли даже такъ далеко, что считали охрану частнаго права настоящей цѣлью государства [1]), — воззрѣніе, которое Лассаль вполнѣ правильно высмѣялъ, сравнивъ въ этомъ случаѣ государство съ ночнымъ сторожемъ [2]).

Нѣтъ ничего несправедливѣе и одностороннѣе, какъ когда нѣкоторые писатели, напр., Дюнойе (Dunoyer) и Спенсеръ (стр. 60, прим. 1), въ своемъ буржуазномъ пристрастіи пытаются выставить это правовое, или вѣрнѣе судебно-разбирательное государство (Justizstaat), въ чистомъ видѣ никогда и нигдѣ, впрочемъ, не существовавшее, какъ убѣжище индивидуальной свободы. Скорѣе ужъ анархизмъ (кн. I, гл. 2) имѣетъ право утверждать, что весь его общественный правопорядокъ покоится на принципѣ индивидуальной свободы, ибо, съ одной стороны, онъ допу-

[1]) Сравн. особенно Locke, Two treatises of government (1690), II, § 3; Kant, Rechtslehre (1797), § 45; Wilhelm v. Humboldt, Ideen zu einem Versuche, die Grenzen der Wirksamkeit des Staates zu bestimmen (впервые 1792), въ собраніи сочиненій, т. 7 (1852), стр. 15—41;—Dunoyer, Liberté du travail, т. 3 (1845), стр. 348 и слѣд.; Bastiat, Harmonies économiques (1850), въ Oeuvres complètes, т. 6 (1845), стр. 498; A plea for liberty, an argument against socialism and socialistic legislation (1891), особенно введеніе Герберта Спенсера, стр. 1—26; Herbert Spencer, The principles of ethics, т. 2 (1893), §§ 365—367 (сравн. однако § 364).

[2]) Lassalle, Arbeiterprogramm (1862), въ изданіи Бернштейна, т. 2 (1893), стр. 45; сравн. также: Die indirekte Steuer und die Lage der arbeitenden Klassen (1863), въ томъ же изданіи, т. 2, стр. 388, и Das Arbeiterlesebuch (1863), т. 2, стр. 546 и слѣд.

скаетъ возникновеніе государственной и хозяйственной жизни изъ свободныхъ договоровъ своихъ сочленовъ, но, съ другой стороны, и отстаиваніе происшедшихъ изъ этихъ договоровъ правъ предоставляетъ свободной иниціативѣ участниковъ безъ государственной или судебной помощи.

Напротивъ, судебно-разбирательное государство предоставляетъ имущимъ и неимущимъ, при оформливаніи ими хозяйственной жизни, свободу договоровъ съ несомнѣннымъ расчетомъ, что эта борьба должна окончиться къ невыгодѣ того, кто по своему имущественному положенію и по образованію остался далеко позади. Но въ тотъ моментъ, когда рѣчь идетъ объ осуществленіи договорныхъ правъ и когда положеніе неимущихъ бываетъ, естественно, болѣе благопріятнымъ, государственная сила выступаетъ впередъ съ гражданско-правовымъ, а очень часто и съ полицейскимъ или уголовнымъ принужденіемъ. Итакъ, въ судебно-разбирательномъ государствѣ, объявляющемъ договоры, какъ таковые, обязательными и оставляющемъ безъ вниманія вліяніе общественныхъ условій на содержаніе договоровъ, принципъ индивидуальной свободы имѣетъ силу какъ разъ на то время, когда онъ невыгоденъ массамъ.

Дипломатія, войско, флотъ, юстиція, администрація и финансовое вѣдомство, доставляющее матеріальныя средства,—короче, всѣ учрежденія, которыя по самому ихъ характеру служатъ насильственнымъ цѣлямъ привилегированныхъ круговъ населенія, привлекаютъ къ себѣ почти все вниманіе современнаго государства; рядомъ съ ними хозяйственная дѣятельность государствъ имѣетъ малое значеніе. Это становится особенно яснымъ, если обратить вниманіе на тѣ экономическія мѣропріятія, которыя споспѣшествуютъ интересамъ широкихъ народныхъ массъ и сохраненія которыхъ можно, поэтому, ожидать въ народномъ трудовомъ государствѣ. Къ такимъ учрежденіямъ, которыя не связаны непосредственно съ преходящими, основанными на силѣ отношеніями настоящаго времени и которыя поэтому — конечно, съ большими преобразова-

ніями—переживутъ современное государство, можно особенно отнести желѣзнодорожныя, медицинскія и воспитательныя учрежденія, а также страхованіе рабочихъ. Характерно для нашего современнаго государства, основаннаго на власти, что оно лишь неохотно беретъ въ свои руки эти дѣйствительно культурныя задачи и гораздо чаще передаетъ ихъ общинамъ и другимъ самоуправляющимся единицамъ для самостоятельнаго выполненія ихъ подъ общимъ контролемъ государства.

На вопросъ, въ какомъ же соотношеніи эти различные элементы государственной дѣятельности будутъ находиться въ народномъ трудовомъ государствѣ, легко можно отвѣтить такъ: культурныя задачи будутъ играть главную роль, а вопросы власти — подчиненную, второстепенную роль. Если представить себѣ всемірное хозяйственное государство, въ коемъ двигательной пружиной являются интересы рабочихъ классовъ, уже основаннымъ, то международное соперничество и служащій ему громадный дипломатическій и военный аппаратъ постепенно должны исчезнуть. Даже внутри государства, благодаря сближенію экономическаго положенія всѣхъ классовъ, самый обильный источникъ конфликтовъ изъ-за власти изсякнетъ. Поэтому народное трудовое государство должно было бы опредѣлить цѣль своей дѣятельности, подобно тому, какъ это сдѣлалъ по отношенію къ своему идеальному государству Сенъ-Симонъ, который — правда, подъ другими именами—такъ часто занимается противорѣчіемъ между государствомъ, основаннымъ на власти, и трудовымъ государствомъ (Le Système industriel). Такъ, полемизируя противъ французской хартіи Людовика XVIII, онъ предлагаетъ провозгласить первой статьей новой французской конституціи принципъ, что цѣль французскаго государственнаго союза заключается въ достиженіи благополучія его сочленовъ посредствомъ дѣйствительно полезной, мирной работы [1]).

---

[1]) Saint-Simon, Oeuvres VI, 96 (сравн. выше, стр. 55, прим. 1).

Конечно, нельзя не сознаться, что противорѣчіе между цѣлями культуры и цѣлями власти таитъ въ себѣ величайшую опасность и для народнаго трудового государства. Ибо даже учрежденія несомнѣнно демократическаго характера подвергались въ ходѣ исторіи очень часто такой судьбѣ, что изъ глубины массъ поднимался почему-либо выдвинувшійся классъ, который затѣмъ — по обычному ходу человѣческихъ дѣлъ—очень скоро охватывался жаждой власти и господства. Такъ, христіанство было первоначально демократической народной организаціей съ исключительной цѣлью удовлетворять религіозныя потребности своихъ сочленовъ. Но когда въ четвертомъ вѣкѣ нашего лѣтосчисленія преемники Константина I объявили христіанство государственной религіей Римской имперіи, то у образовавшейся къ тому времени іерархіи очень скоро обнаружились стремленія къ власти и стали оттѣснять. по крайней мѣрѣ въ высшихъ сферахъ Церкви, первоначальныя религіозныя цѣли все болѣе на задній планъ. Благодаря этому оказалось, что папа въ средніе вѣка повелѣвалъ христіанскими народами, какъ высшій ихъ правитель, и даже еще теперь онъ считается однимъ изъ первыхъ властелиновъ христіанскаго міра, тогда какъ его органы — кардиналы и епископы — конкурируютъ своимъ рангомъ и значеніемъ съ высшими степенями родовой аристократіи. Подобный перевѣсъ интересовъ власти, хотя и въ меньшемъ объемѣ, можно видѣть также и въ остальныхъ христіанскихъ Церквахъ.

Если христіанская Церковь загублена нынѣ великой обольстительницей — властью, то было бы безумiемъ не обращать вниманія на опасность, что и народное трудовое государство, лишенное къ тому же мысли о загробномъ существованіи и связанныхъ съ нею мотивахъ человѣческой дѣятельности, весьма легко можетъ подвергнуться той же судьбѣ. Вѣдь даже сами сенъ-симонисты представляли себѣ управленіе соціалистическаго государства

устроеннымъ по образцу католической іерархіи [1]). И все-таки на основаніи всѣхъ историческихъ аналогій несомнѣнно, что, разъ въ народномъ трудовомъ государствѣ появится когда нибудь независимая отъ народа іерархія, то интересы ея власти такъ же, какъ и при нынѣшнемъ строѣ, очень скоро должны будутъ оттѣснить на задній планъ культурныя потребности народа.

Вообще трудно будетъ когда либо совершенно избѣгнуть этой опасности. Противъ великаго историческаго развитія вѣдь нѣтъ тѣхъ механическихъ средствъ защиты, которыя такъ часто пытался выдвигать либерализмъ, въ видѣ, напримѣръ, учрежденія апелляціонныхъ судовъ и другихъ контролирующихъ властей. Самая дѣйствительная гарантія противъ заносчивости и жажды власти со стороны господствующихъ — это, конечно, распространеніе повсюду народнаго убѣжденія, что все совершаемое правящими — отдѣльными лицами и народными группами — имѣетъ въ сущности очень незначительную и лишь относительную цѣнность. Къ тому же такая «провиденціальная личность» не только воспитывается на матеріальныя средства своихъ соотечественниковъ и получаетъ основныя идеи изъ духовныхъ сокровищъ своего времени, но, даже когда она достигаетъ высокаго положенія, успѣхъ ея дѣятельности во всѣ рѣшительные моменты оказывается зависящимъ отъ поддержки способнаго къ энергичной дѣятельности народа.

Но въ то время, какъ это трезвое воззрѣніе на обусловленность всѣхъ индивидуальныхъ дѣйствій въ области искусства, литературы и науки распространено довольно широко, массы, воспитанныя въ традиціяхъ индивидуалистическаго государства, основаннаго на власти, еще очень склонны приписывать дѣяніямъ государственныхъ мужей и полководцевъ чрезмѣрное значеніе. А вѣдь въ этихъ

---

[1]) Exposition de la doctrine Saint-Simonienne (1828—1830), въ Oeuvres, т. 42 (1877), стр. 326 и слѣд.

случаяхъ рѣчь идетъ по большей части о такихъ дѣйствіяхъ, которыя, не будь за ними успѣха, осмѣивались бы какъ глупость, или клеймились бы какъ преступленіе. Такимъ образомъ, народъ, среди всѣхъ слоевъ котораго будутъ распространены указанныя трезвыя идеи, никогда не будетъ склоненъ преувеличивать заслуги своихъ руководителей или переносить даже эти заслуги на ихъ потомство.

Такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ о первыхъ основахъ народнаго трудового государства, то правильное опредѣленіе цѣнности человѣческихъ дѣяній для коллективнаго цѣлаго, а также условій ихъ возникновенія должно быть причислено въ такомъ государствѣ къ важнѣйшимъ задачамъ воспитательнаго дѣла. И когда вслѣдствіе такого воспитанія, въ особенности вслѣдствіе критической переработки политической и военной исторіи, изъ широкихъ народныхъ массъ будетъ вытѣснено слѣпое благоговѣніе къ героямъ [1]), тогда скоро убѣдятся, что благодаря этому исчезнутъ не герои, а лишь ихъ высокомѣріе и ихъ насиліе.

---

[1]) Сравн., напр. Carlyle, Heroes, hero-worship and the heroic in the history (1841), въ разныхъ мѣстахъ; — Nietzsche, Also sprach Zarathustra, во 2 изд. (1893), стр. 9 и слѣд. и въ друг. мѣстахъ. Нитцше создалъ для этихъ провиденціальныхъ личностей даже особую человѣческую разновидность—сверхчеловѣка, и это открытіе встрѣтило большое одобреніе, такъ какъ самые жалкіе индивидуумы могутъ не безъ основанія считать себя способными стать при нѣкоторомъ счастьи, равномъ счастью столь многихъ историческихъ людей, также провиденціальными личностями.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

О движущихъ силахъ въ народномъ трудовомъ государствѣ.

Нашъ теперешній правопорядокъ, если судить по господствующему его характеру, покоится на эгоизмѣ. Что наше право частной собственности движется почти исключительно этой пружиной, никто, конечно, не можетъ сомнѣваться; можно даже утверждать, что наша частная собственность, допускающая накопленіе богатствъ, значительно превосходящихъ потребности собственника и безотносительно къ свойствамъ объектовъ собственности, служитъ не только выраженіемъ, но и источникомъ самыхъ дурныхъ проявленій эгоизма. Но и во второмъ основномъ институтѣ частнаго права, въ семьѣ, и затѣмъ во всемъ публичномъ правѣ при нашемъ общественномъ укладѣ господствуютъ также принципы эгоизма, несмотря на то, что въ этихъ областяхъ, какъ извѣстно изъ опыта, значительную роль играютъ самопожертвованіе и преданность, вліяніе которыхъ здѣсь всегда и предполагается законодательствомъ. Тѣмъ не менѣе съ большимъ основаніемъ можно утверждать, что современное государство разсчитываетъ преимущественно на эгоизмъ, какъ на надежнѣйшую пружину соціальной машины; въ отдѣльныхъ случаяхъ къ этой пружинѣ присоединяются еще чувства братства, солидарности и любви къ ближнимъ, какъ дополнительные источники силы, впрочемъ съ второстепеннымъ и часто сомнительнымъ вліяніемъ.

Я не думаю, чтобы народное трудовое государство могло занять по отношенію къ игрѣ человѣческихъ стра-

стей и стремленій существенно иное положеніе, чѣмъ нашъ современный государственный строй. До тѣхъ поръ, пока каждый человѣкъ со своею физическою ограниченностью образуетъ изъ себя маленькій міръ, который собственную боль и собственную радость ощущаетъ непосредственно, тогда какъ радость и страданія другихъ людей затрогиваютъ его лишь косвенно, эгоизмъ будетъ всегда оставаться важнѣйшимъ изъ всѣхъ мотивовъ человѣческой дѣятельности. И введеніе народнаго трудового государства, вопреки предположенію столь многихъ соціалистическихъ писателей, не произведетъ этого чуда, если даже оно преобразованіемъ института собственности устранитъ съ пути самый важный поводъ для эгоистическихъ проявленій. Въ силу этого соціалистическій государственный строй не можетъ преслѣдовать цѣль искорененія изъ сердецъ людей эгоизма,—онъ можетъ лишь имѣть въ виду правильное руководство имъ и въ особенности устраненіе его аномалій.

Естественно, конечно, присущее соціалистическимъ школамъ всѣхъ временъ желаніе воспользоваться введеніемъ народнаго трудового государства для того, чтобы господство эгоизма замѣнить состязаніемъ болѣе благородныхъ мотивовъ. Проекты въ этой области развиваются въ двухъ направленіяхъ. Прежде всего многочисленныя соціалистическія системы требуютъ, чтобы учрежденія народнаго трудового государства сразу же были основаны на чувствѣ любви къ ближнему, солидарности и братства, подобно тому, какъ существующій государственный строй исходитъ изъ мысли, что эгоизмъ является главнымъ двигателемъ человѣческой натуры [1]). При этомъ, конечно,

[1]) Morelly, Code de la nature (1755), стр. 30, 158;—Mably, Doutes proposés aux philosophes économistes (1768), стр. 15, 16; De la législation, т. 1 (1776), стр. 49 и слѣд.;—Saint-Simon, Système industriel т. 2 (1821), въ Oeuvres, т. 6 (1869), стр. 51, 52, 103, 104; — Сенъ-Симонизмъ: Exposition de la doctrine Saint-Simonienne (1828—1830), въ Oeuvres, т. 41 (1877), стр. 113; т. 42 (1877), стр. 335 и слѣд.;—Louis Blanc, Organisation du travail (1840), въ Questions d'aujourd'hui et de demain, т. 4 (1882), стр. 27; La révolution de février au Luxembourg (1849), въ Questions, т. 5 (1889), стр. 31—32; Le socialisme, droit au travail (1848), въ Questions, т. 4, стр. 345, 352, 353.

предполагается, что на развитіе указанныхъ чувствъ будутъ оказывать вліяніе всѣ государственныя учрежденія и въ особенности цѣлесообразная воспитательная система.

Вторая группа соціалистовъ заходитъ въ противоположномъ направленіи гораздо дальше приведеннаго здѣсь воззрѣнія. Эта группа полагаетъ, что государство принимаетъ эгоизмъ своихъ сочленовъ какъ реальный фактъ, а столкновеній эгоистическихъ интересовъ стремится избѣжать тѣмъ, что выдѣляетъ каждому индивидууму отдѣльную сферу для свободной дѣятельности. Напротивъ, Фурье и его школа полагаютъ, что въ предложенномъ ими общественномъ строѣ гармонія и счастье всѣхъ возникнутъ изъ свободнаго состязанія человѣческихъ наклонностей [1]). И анархистскія школы по необходимости должны стоять на той же точкѣ зрѣнія, ибо онѣ отвергаютъ всякую запретительную и принудительную силу государства (стр. 7, 8).

Вмѣстѣ съ Руссо всѣ эти системы исходятъ изъ воззрѣнія, что человѣкъ по своей природѣ добръ и испорченъ лишь господствующими соціальными условіями, такъ что при кореннóмъ преобразованіи общественнаго строя эта природная доброта людей неудержимо выступитъ впередъ [2]). Но если это мнѣніе не безъ основанія оспаривалось уже во времена Руссо, то съ тѣхъ поръ наблюденіе надъ многочисленными дикими народами показало, что они ни въ коемъ случаѣ не превосходятъ культурныя націи по своему нравственному уровню. Правда, наша цивилизація страдаетъ тысячами недостатковъ, и «цивилизованные» заслуживаютъ большую часть упрековъ, которые противъ нихъ выдвигаетъ Фурье въ столь значительномъ количествѣ, но въ виду эгоизма, неумѣренности,

[1]) Fourier, Le nouveau monde (1829), стр. 57 и слѣд., въ Oeuvres compl., т. 6, 3 изд. (1848), стр. 47 и слѣд.;—Considerant, Destinée sociale, т. 1 (1837), стр. 43—45;—Renaud, Solidarité (1842), въ 6 изд. (1878), стр. 36.

[2]) Rousseau, Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité (1755), стр. 60—94 (противъ Hobbes'a, De cive, гл. 1);—Mirabaud (Holbach), Système de la nature, т. 1 (1771), стр. 264—271; Système social, т. 1

вѣроломства и жестокости дикихъ людей «цивилизованные» могутъ еще смѣло глядѣть въ глаза.

Вообще предположеніе, что даже самый коренной переворотъ въ государственномъ строѣ могъ бы существенно измѣнить основные инстинкты человѣческой природы, было бы роковой ошибкой. Соціалистическія системы, исходящія изъ такого взгляда, покоятся въ самомъ основаніи на зыбкой почвѣ; здравое государственное ученіе должно, напротивъ, считаться съ дальнѣйшимъ существованіемъ хорошихъ и дурныхъ страстей и при господствѣ народнаго трудового государства. Безчисленные соціалистическіе и коммунистическіе эксперименты девятнадцатаго столѣтія дѣйствительно доказали, что нравственное возрожденіе людей, ожидавшееся иниціаторами введенія новыхъ учрежденій, почти никогда не наступало.

Я всегда считалъ эту моральную переоцѣнку соціализма столь же неправильной и безцѣльной, какъ и политико-экономическое разукрашиваніе его Томпсономъ, Лассалемъ, Марксомъ и Родбертусомъ. Именно соціализмъ не нуждается въ тѣхъ химерахъ, которыя неизбѣжно должны придать ему утопическій характеръ. Современному обществу, въ которомъ широкими народными массами должны приноситься величайшія жертвы для блага узкихъ круговъ населенія, не остается, конечно, ничего другого, какъ проповѣдывать самопожертвованіе, вѣрность господамъ и патріотизмъ. Народное трудовое государство, навѣрное, никогда не создастъ полнаго равенства всѣхъ гражданъ; но все-таки соціальное положеніе всѣхъ можетъ быть настолько уравнено, что каждый найдетъ выгоду въ новыхъ учрежденіяхъ.

Я думаю поэтому, что въ народномъ трудовомъ госу-

(1773), стр. 19—30;—Helvetius, De l'homme, т. 1 (1773), стр. 228 и слѣд. и въ друг. мѣстахъ;—Owen, A new view of society or essays on the principles of the formation of human character and the application of the principle to practice (1813), напечатано въ The life of Robert Owen, т. 1 (1857), стр. 262, 292 и въ друг. мѣстахъ.

дарствѣ рѣчь будетъ итти не столько о самопожертвованіи и братствѣ, сколько о разумномъ уравненіи интересовъ. И вожди великой французской революціи тоже мечтали по большей части о внѣ-государственномъ естественномъ состояніи Руссо, но силою обстоятельствъ они скоро были вынуждены создать теперешнюю систему управленія Франціей и такимъ образомъ расширить и довершить установленную еще королевствомъ централизацію.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Право и нравственность.

Дѣйствія отдѣльныхъ лицъ опредѣляются въ нашемъ обществѣ не только нормами права, но и велѣніями морали, и наше право во многихъ важныхъ областяхъ прямо разсчитываетъ на правила нравственности, какъ на необходимое дополненіе (кн. I, гл. 8). Несомнѣнно, такое положеніе вещей, съ отдѣльными существенными измѣненіями, сохранится и въ народномъ трудовомъ государствѣ. Ибо, хотя соціалистическій правопорядокъ будетъ охватывать многія области, которыя нынѣ поддаются нормированію лишь велѣніями нравственности, тѣмъ не менѣе и для соціалистическаго государства также окажется невозможнымъ управлять всѣми человѣческими поступками при помощи нормъ права. Но во всякомъ случаѣ вліяніе мотивовъ нравственности должно будетъ подвергнуться въ народномъ трудовомъ государствѣ значительнымъ измѣненіямъ.

Въ нашемъ теперешнемъ общественномъ строѣ велѣнія права и нравственности существенно отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что именно первыя, а не послѣднія могутъ быть осуществляемы при помощи внѣшняго принужденія[1]). Однако и у велѣній нравственности нѣтъ недостатка въ санкціи, ибо каждое вообще правило дѣйствія, у котораго

[1]) Сравн. Thomasius, Fundamenta juris naturae et gentium ex sensu communi deducta (1705), I, 4, 5, въ 4 изд. 1718 г. стр. 119 и слѣд.;—Kant, Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre (1797), Einleitung in die Rechtslehre § D;—Menger, System des österr. Civilprocessrechts. т. 1 (1876), стр. 1. 2 и др.

совершенно отсутствуетъ санкція, не болѣе, какъ пустой звукъ. Но въ настоящее время эта санкція нравственныхъ предписаній по преимуществу религіозная, такъ какъ, по христіанскому воззрѣнію, за безнравственные поступки божество ниспосылаетъ виновнымъ временное и вѣчное наказаніе. Затѣмъ общественное мнѣніе является также важнымъ мотивомъ для нравственныхъ поступковъ, ибо за безнравственными дѣйствіями слѣдуетъ общественное порицаніе и связанныя съ нимъ для благополучія индивидуума послѣдствія. Такимъ образомъ нравственность, какъ и право, покоится на соотношеніяхъ силъ, съ тою только разницею, что здѣсь они организованы не такъ послѣдовательно и не такъ осязательно, какъ въ государствѣ.

Сказаннымъ объясняется чрезвычайно неудовлетворительное состояніе нравственности въ наше время. Дѣло въ томъ, что религіозная санкція нравственныхъ велѣній постепенно теряетъ въ своей силѣ и значеніи, такъ какъ она находится въ неразрывной связи съ вѣрою въ обширную систему религіозныхъ догматовъ, которые все болѣе исчезаютъ изъ сердецъ культурныхъ народовъ.

И дѣйствительно, среди верхнихъ слоевъ населенія религія, вслѣдствіе критики религіозныхъ традицій и распространенія эмпирическаго міровоззрѣнія, все болѣе теряетъ подъ собою почву, такъ что уже теперь значительная часть образованныхъ людей не стоитъ болѣе на почвѣ позитивнаго христіанства, а въ лучшемъ случаѣ исповѣдуетъ лишь религію разума, которая едва ли можетъ быть разсматриваема, какъ дѣйственный мотивъ нравственности. Благодаря этому значительно еще усиливается и безъ того очень благопріятное положеніе имущихъ и образованныхъ классовъ народа въ ихъ борьбѣ съ широкими народными массами, такъ какъ эти послѣднія еще и теперь въ своей свободѣ дѣйствій въ гораздо большей степени сдерживаются религіозными представленіями. Не иначе обстоитъ дѣло и въ томъ случаѣ, когда высшіе классы народа исповѣдуютъ въ видѣ исключенія какую-либо философскую

мораль, ибо всѣ онѣ по своей обязывающей силѣ далеко отстаютъ отъ системъ религіозной морали [1]). Потому-то въ чисто консервативныхъ кругахъ населенія, у которыхъ обыкновенно совершенно отсутствуетъ пріобрѣтенный образованіемъ идеализмъ либеральныхъ партій, распространенъ во всѣхъ странахъ взглядъ, что для народа религія должна быть сохранена, несмотря на то, что сами они давно стряхнули съ себя всякіе слѣды вѣры въ догматы.

Съ другой стороны, среди низшихъ классовъ народа все болѣе распространяется стремленіе устроить свое земное существованіе богаче и удовлетворительнѣе въ физическомъ и духовномъ отношеніяхъ; яснѣйшимъ выраженіемъ этихъ широко распространенныхъ стремленій является соціализмъ. Но вслѣдствіе этого сознаніе массъ впадаетъ неизбѣжно въ противорѣчіе съ основнымъ воззрѣніемъ современнаго христіанства, по которому земное существованіе—это только временное паломничество, долженствующее подготовить и привести къ истинной цѣли человѣчества—къ вѣчной жизни въ сверхчувственномъ загробномъ мірѣ.

Рука объ руку съ постепеннымъ ослабленіемъ религіозныхъ мотивовъ идетъ, конечно, усиленіе вліянія общественнаго мнѣнія, которое выше я отмѣтилъ, какъ второе побужденіе къ нравственному поведенію. Но и это второе побужденіе потому не достигаетъ въ наше время своего полнаго дѣйствія, что общественное порицаніе безнрав-

---

[1]) Такъ, категорическій императивъ Канта,—чтобы привести лишь наиболѣе извѣстный примѣръ,—заключается въ положеніи: «Поступай только по такому правилу, относительно котораго ты можешь желать, чтобы оно стало вмѣстѣ съ тѣмъ общимъ закономъ». Сравн. Kant, Grundlegung zur Metaphysik der Sitten (1785), въ изданіи Кирхмана (1870), стр. 20, 44, 53. Эта совершенно безсодержательная формула только потому вызвала такое восхищеніе, что она звучитъ очень высокопарно и строго, при чемъ, однако, послѣдователю такой философіи въ громадномъ большинствѣ случаевъ предоставляется возможность поступать по своему желанію. Не иначе обстоитъ дѣло съ прочими системами автономной нравственности, представляющими изъ себя не что иное, какъ нравственный анархизмъ, и такъ же мало, какъ послѣдній (кн. I, гл. 2), гарантирующими гармоническую совмѣстную жизнь всѣхъ людей.

ственныхъ поступковъ до сихъ поръ не нашло себѣ удовлетворительной организаціи.

Въ виду этого нельзя не сознаться, что современному человѣчеству, если не будутъ созданы новыя правила нравственности, угрожаетъ то же самое моральное паденіе, которое постигло античный міръ послѣ исчезновенія языческихъ народныхъ религій. Правда, народное трудовое государство не будетъ враждебно существующимъ религіямъ именно въ силу ихъ связи съ нравственностью; но въ то же время оно не сможетъ утаить отъ себя, что разрушающія религію теченія нашего времени не могутъ быть сдержаны никакими репрессивными мѣрами, и что поэтому они въ теченіе столѣтій должны свести вліяніе религіозныхъ мотивовъ почти до нуля (кн. III, гл. 8). Слѣдовательно, если народное трудовое государство желаетъ создать устойчивыя учрежденія, то оно должно имѣть въ виду, главнымъ образомъ, тѣ нравственные мотивы, которые можетъ дать должнымъ образомъ направленное и организованное общественное мнѣніе.

Эта потребность — способствовать нравственному поведенію помощью общественнаго одобренія или общественнаго порицанія,—до извѣстной степени уже теперь удовлетворяется преніями въ законодательныхъ и административныхъ корпораціяхъ и союзахъ, а особенно газетной печатью. Нельзя не признать, что свободная пресса энергично выступила вездѣ противъ алчности маленькихъ властелиновъ, бывшихъ въ прошлыя столѣтія злѣйшими бичами націй. Зато она не даетъ никакой охраны противъ безнравственныхъ поступковъ монарховъ, правительствъ, парламентовъ, родовой и финансовой аристократіи и тому подобныхъ лицъ, которыя держатъ въ своихъ рукахъ значительную часть соціальной власти и потому могутъ или уничтожать газеты или покупать ихъ деньгами и милостями.

Во всякомъ случаѣ очевидно, что въ газетной прессѣ дано дѣйствительно независимое ни отъ какой вѣры въ

догматы средство къ поощренію нравственности. При этомъ, однако, обязательны два условія: во-первыхъ, чтобы газетная пресса была при извѣстныхъ условіяхъ къ услугамъ каждаго, тогда какъ теперь лишь соціально вліятельнѣйшіе круги населенія могутъ воздѣйствовать посредствомъ нея на поведеніе своихъ гражданъ; во-вторыхъ, необходимо, чтобы эта гарантія нравственныхъ поступковъ была организована государственнымъ законодательствомъ.

Эту организацію можно представить себѣ въ такомъ видѣ: народное трудовое государство предоставляетъ независимымъ органамъ изданіе оффиціальныхъ газетъ мѣстнаго характера; каждый гражданинъ имѣетъ право пользоваться ими при наличности безнравственныхъ поступковъ, направленныхъ противъ общественнаго блага, въ остальныхъ же случаяхъ—лишь потерпѣвшій. Соотвѣтственно сущности чистой нравственности должно было бы происходить лишь обнародованіе безнравственныхъ поступковъ; къ другимъ наказаніямъ виновныхъ нельзя было бы приговаривать. Законодательство должно было бы опредѣлить детально, въ какихъ случаяхъ необходимы доказательства справедливости обнародуемаго передъ публикаціей и въ какихъ случаяхъ послѣ публикаціи допустимы доказательства невѣрности опубликованнаго.

Эти проекты имѣютъ для себя образцы въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ настоящаго времени, а именно въ предоставляемомъ во многихъ случаяхъ современными законодательствами потерпѣвшему правѣ требовать опубликованія въ газетахъ фактическихъ опроверженій. Я думаю, что подобная система гласности представляетъ для поддержанія нравственности лучшія гарантіи, чѣмъ наша равнодушная, обуреваемая тысячами сомнѣній религіозность. Правда, такая нравственность покоилась бы на эгоистическихъ мотивахъ; но развѣ вѣрующій христіанинъ, ожидающій за свои поступки награды или наказанія на томъ свѣтѣ, не руководствуется тоже эгоистическими мотивами? Конечно, къ этимъ учрежденіямъ могло бы присоединиться

нравственное воспитаніе юношества, которое рекомендовало бы упражненіе въ добродѣтели ради ея самой, но безъ того однако, чтобы народное трудовое государство могло ожидать для практической нравственности большой выгоды отъ тѣхъ правилъ нравственности, которыя, подобно категорическому императиву Канта, лишены всякой санкціи.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Идея свободы.

Свобода — это предоставленная индивидууму возможность преслѣдовать безъ произвольныхъ помѣхъ имъ самимъ избранныя цѣли. Если этой свободой надѣлена группа лицъ, находящихся въ одинаковыхъ условіяхъ жизни, то можно говорить о свободѣ корпораціи, сословія, народа.

По цѣлямъ, преслѣдуемымъ индивидуумами или цѣлой групшой ихъ, различаютъ свободу политическую, экономическую, религіозную и научную. Въ этомъ мѣстѣ разсмотрѣнію подлежитъ лишь свобода политическая и экономическая.

Прекрасно звучащее слово свобода очень часто примѣнялось къ учрежденіямъ, которыя давали возможность отдѣльнымъ, соціально наиболѣе вліятельнымъ, кругамъ населенія политически и экономически эксплоатировать своихъ согражданъ. Такъ, нѣмецкіе князья XVII-го и XVIII-го столѣтій называли нѣмецкой свободой доставшуюся имъ послѣ столѣтней борьбы возможность ослаблять и раздроблять свое отечество. Точно такъ же имущіе классы еще и теперь говорятъ о свободѣ договоровъ и взиманія процентовъ, хотя оба эти учрежденія являются самымъ вѣрнымъ средствомъ для экономическаго порабощенія неимущихъ имущими. Я имѣю здѣсь въ виду, конечно, лишь тѣ виды свободы, которые совмѣстимы съ политическимъ и экономическимъ самоопредѣленіемъ всего народа.

Что касается прежде всего до политической свободы, то это выраженіе въ нашемъ разговорномъ языкѣ имѣетъ двоякій смыслъ. Во-первыхъ, народъ или отдѣльное лицо свободны, если и поскольку они въ достиженіи своихъ цѣлей не стѣснены государственными учрежденіями. Политическая свобода въ этомъ смыслѣ не зависитъ отъ дѣйствующей конституціи государства; она можетъ встрѣчаться даже въ разумно управляемомъ абсолютномъ государствѣ, если правительственная власть вмѣшивается въ индивидуальную жизнь гражданъ лишь настолько, насколько этого требуетъ вниманіе къ всеобщему благу.

Во-вторыхъ, подъ политической свободой понимаютъ также состояніе, при которомъ граждане принимаютъ въ большемъ или меньшемъ объемѣ участіе въ управленіи государствомъ. Политическая свобода въ этомъ послѣднемъ смыслѣ процвѣтаетъ лишь въ конституціонныхъ монархіяхъ и республикахъ.

Врядъ ли кто-либо станетъ сомнѣваться, что народное трудовое государство можетъ предоставить своимъ гражданамъ значительно бо̀льшую политическую свободу, чѣмъ теперешнее индивидуалистическое государство, основанное на власти. Наиболѣе существенное расширеніе придется на долю индивидуальной политической свободы, самой важной свободы для широкихъ народныхъ массъ. Ибо, уже въ силу своего преимущественно хозяйственнаго характера, народное трудовое государство или совершенно уничтожитъ, или во всякомъ случаѣ весьма значительно ограничитъ воинскую повинность, благодаря которой въ континентальныхъ милитаристскихъ государствахъ наиболѣе сильная часть населенія въ лучшемъ своемъ возрастѣ испытываетъ на каждомъ шагу препятствія при достиженіи своихъ индивидуальныхъ цѣлей. Такъ же точно и гнетъ полиціи и суда можно будетъ, вслѣдствіе сближенія соціальнаго положенія всѣхъ гражданъ, значительно смягчить.

Болѣе подверженъ сомнѣніямъ этотъ вопросъ по отно-

шенію къ экономической свободѣ гражданъ. Очевидно о ней, а не о политической свободѣ идетъ рѣчь тогда, когда отдѣльные государственные дѣятели и писатели опредѣляютъ народное трудовое государство, какъ государство-смирительный домъ и государство-казарму [1]). Но въ этомъ надо признать все ту же односторонность, которая способна разсматривать государство и народное хозяйство — формы жизни всѣхъ—лишь съ точки зрѣнія узкихъ круговъ населенія.

И дѣйствительно, когда предполагаютъ, что въ народномъ трудовомъ государствѣ существенно уменьшится экономическая свобода, то принимаютъ во вниманіе почти исключительно соціальное положеніе богатыхъ. По отношенію къ экономической свободѣ богатый человѣкъ, безъ сомнѣнія, находится нынѣ въ чрезвычайно выгодномъ положеніи. Весь міръ при нашихъ теперешнихъ отношеніяхъ — его отечество. Всюду, гдѣ онъ появляется, всѣ стремятся къ нему, чтобы своимъ трудомъ украсить его праздное существованіе. И если онъ принимаетъ участіе въ работѣ народа, то успѣхъ его дѣятельности возрастаетъ, благодаря богатству, до безконечности. Не монархи, которые обременены работою, и не только положеніе, но и самое существованіе которыхъ все болѣе подвергается опасности со стороны народныхъ массъ, а богачи—вотъ истинные короли нашего времени. Конечно, этому избытку экономической свободы придется подвергнуться значительному сокращенію въ народномъ трудовомъ государствѣ, если только оно, вслѣдствіе злоупотребленій, не удалится отъ своей настоящей цѣли.

Въ то время какъ богатые обладаютъ экономической свободой и юридически и фактически, хозяйственное са-

[1]) Сравн., напр., рѣчь Бисмарка въ засѣданіи германскаго рейхстага 17-го сент. 1878 г.; напечатана въ «Политическихъ Рѣчахъ» князя Бисмарка, изданныхъ Горстомъ Колемъ, т. 7 (1893), стр. 259; далѣе рѣчи фонъ-Штумма въ германскомъ рейхстагѣ 3-го февр. 1893 г. и Евгенія Рихтера 4-го февр. 1893 г.

моопредѣленіе бѣдняковъ оказывается въ нашемъ общественномъ строѣ едва ли не призрачнымъ. Правда, послѣ уничтоженія рабства и крѣпостного состоянія ихъ экономическая свобода юридически уже не ограничена; но такъ какъ они не обладаютъ для поддержанія жизни необходимыми средствами производства, то фактически они принуждены довольствоваться тѣми условіями заработка, которыя предписываются имъ землевладѣльцами и капиталистами. «Теперешняя личная свобода, — правильно замѣчаетъ Родбертусъ, — для большинства есть не что иное, какъ постоянная зависимость отъ чужой индивидуальной воли и чужой индивидуальной морали, зависимость отъ воли и морали землевладѣльцевъ и капиталистовъ» [1]).

Поэтому-то для широкихъ народныхъ массъ будетъ несомнѣннымъ увеличеніемъ экономической свободы, если условія заработка, диктуемыя имъ нынѣ случаемъ и нуждой, будутъ планомѣрно опредѣляться органами народнаго трудового государства.

И все-таки было бы ошибкой отбросить совершенно ту мысль, которая лежитъ въ основѣ упомянутыхъ упрековъ. Конечно, съ народнымъ трудовымъ государствомъ не связано непремѣнно уменьшеніе хозяйственной свободы для большинства народа, но зато дѣйствительно имѣется опасность, что эта форма государства будетъ злоупотреблять своими большими хозяйственными полномочіями, порабощая отдѣльныхъ лицъ такимъ же точно образомъ, какъ нынѣшнее индивидуалистическое государство, основанное на власти, злоупотребляетъ своимъ политическимъ могуществомъ. Поэтому органы народнаго трудового государ-

[1]) Rodbertus, Das Kapital (1884), стр. 216. Сравн. также Saint-Simon, Du système industriel (1821), въ Oeuvres, т. 5 (1869), стр. 14 и слѣд., 209 и слѣд.;—Exposition de la doctrine Saint-Simonienne (1828—1830), въ Oeuvres, т. 41 (1877), стр. 40, 88—89;—Fourier, Traité d'association domestique et agricole, т. 1 (1822), стр. 104 и слѣд.; въ Oeuvres, т. 3 (1841). стр. 136 и слѣд.;—Louis Blanc, Organisation du travail (1840), въ Questions d'aujourd'hui et de demain, т. 4 (1882), стр. 16 и слѣд.; La liberté (1850), въ Questions, т. 3 (1880), стр. 221 и слѣд.:—Bebel, Die Frau (1883), въ 25-мъ изд. (1895), стр. 357.

ствѣ должны будутъ обнаружить при организаціи хозяйственныхъ силъ большое самообладаніе. Не всякая экономическая выгода можетъ быть достаточной, чтобы ради нея ограничивать индивидуальную свободу лица; только тамъ, гдѣ затрагиваются важныя хозяйственныя цѣли общины, дѣятельность гражданъ можетъ быть подчинена государственному принужденію. Въ противномъ случаѣ слѣдуетъ опасаться, что въ народномъ трудовомъ государствѣ какъ разъ самые сильные элементы очень скоро будутъ охвачены индивидуалистическими теченіями, подобно тому, какъ излишества индивидуализма стали въ наше время главной причиной развитія соціализма.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Идея равенства.

Французская революція была въ гораздо большей степени охвачена идеей равенства, чѣмъ лозунгами свободы и братства. И все-таки она, благодаря своему преимущественно политическому характеру, не пошла дальше такъ называемаго равенства передъ закономъ, подъ которымъ разумѣлось тогда прежде всего уничтоженіе налоговыхъ и судебныхъ привилегій, а затѣмъ право всѣхъ на государственную службу. Въ противоположность этому, руководящіе круги французской революціи никогда не думали о томъ, чтобы уравнять своихъ гражданъ и по отношенію къ институтамъ гражданскаго права, а именно къ собственности, хотя нѣкоторыя выдающіяся лица передъ и во время революціи довольно часто высказывали полусоціалистическія воззрѣнія [1]). Въ такомъ изувѣченномъ видѣ равенство передъ закономъ перешло въ конституцію многихъ культурныхъ государствъ.

Противъ этой карикатуры на равенство уже въ исходѣ французской революціи образовался подъ предводительствомъ Бабёфа Заговоръ равныхъ (Conjuration des Égaux),

---

[1]) Brissot de Warwille, Sur la propriété et le vol (1780), въ Брюссельскомъ изданіи 1872 г., стр. 63;—Marat, Les chaines de l'esclavage (появилось впервые на англійскомъ языкѣ въ 1774 г.), въ изданіи 1833 г., стр. 78 и слѣд. и особенно Plan de législation criminelle (1787) въ изданіи 1790 г., стр. 18—27;—Robespierre въ Défenseur de la constitution № 4 (1792), въ Oeuvres complètes par Laponneraye, т. 1 (1840), стр. 388 и его рѣчь въ конвентѣ 24-го апрѣля 1793 г., въ Oeuvres, т. 3 (1840), стр. 351—360;—Saint-Just, Fragments sur les institutions républicaines, стр. 58—60. 70—71 подлиннаго изданія (An III).

который домогался дѣйствительнаго равенства (égalité de fait), т. е. равенства воспитанія, труда и пользованія различными благами для всѣхъ гражданъ государства [1]). Съ того времени экономическое равенство стало могучимъ, широко распространеннымъ идеаломъ соціализма, который ни въ коемъ случаѣ не заслуживалъ пренебреженія Сенъ-Симона, высмѣивавшаго его, какъ турецкое равенство [2]). Но, конечно, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что этотъ идеалъ, какъ и вообще всѣ конечныя цѣли человѣческихъ стремленій, можетъ быть осуществленъ лишь приблизительно.

Дѣйствительно, полное экономическое равенство мыслимо только при анархическомъ общественномъ строѣ. Наоборотъ, въ народномъ трудовомъ государствѣ всегда найдутся противорѣчія, которыя сдѣлаютъ невозможнымъ полное экономическое уравненіе всѣхъ гражданъ. Прежде всего приходится считаться здѣсь съ противоположностью между господствующими и подчиненными или, если угодно, между управляющими и управляемыми, которая въ народномъ трудовомъ государствѣ проявится въ еще болѣе острой формѣ, чѣмъ при теперешнемъ общественномъ строѣ, такъ какъ трудовое государство распространитъ свою дѣятельность также и на всю экономическую область. А опытъ всѣхъ временъ учитъ насъ, что господствующіе всегда употребляли превосходство своихъ силъ на то, чтобы обезпечить себѣ привилегированное экономическое положеніе.

Затѣмъ, во-вторыхъ, различія въ образованіи и познаніяхъ окажутся также обильнымъ источникомъ экономическаго неравенства и въ народномъ трудовомъ государствѣ. Правда, ученые никогда не предъявляли обществу хотя бы приблизительно столь высокихъ экономическихъ требованій, какъ господствующіе; тѣмъ не менѣе превосходство въ знаніяхъ и способностяхъ создаетъ при го-

[1]) Сравн. ссылку на стр. 32, прим. 1.
[2]) St. Simon, Du système industriel, т. 2 (1821), въ Oeuvres, т. 6 (1869), стр. 17. Сравн. выше, стр. 33, прим. 1.

сподствѣ любой государственной системы силу, которая должна привести къ привилегированному экономическому положенію. Въ виду этого тѣ соціалисты, которые, подобно, напр., Сильвіану Марешалю [1]), товарищу Бабефа, выдвигаютъ на первый планъ проведеніе экономическаго равенства, предусматривали въ своемъ общественномъ идеалѣ неизбѣжность паденія и даже гибели болѣе высокой духовной жизни, не думая о томъ, что сохраненіе густого населенія культурныхъ европейскихъ государствъ требуетъ безпрестаннаго прогресса науки и техники, который по большей части можетъ быть дѣломъ лишь ученыхъ спеціалистовъ. Громадный, ежедневно расширяющійся объемъ спеціальныхъ наукъ, колоссальныя приспособленія, которыхъ требуютъ въ наше время естественно-научныя и техническія дисциплины, да даже и нравственныя науки сразу же заставляютъ казаться химерой мысль о томъ, что отдѣльныя лица могутъ, наряду съ физической работой, заниматься наукой, какъ побочнымъ дѣломъ (Бебель), или что научное преподаваніе можетъ быть соединено съ практическимъ обученіемъ ремесламъ (Прудонъ).

Третьимъ моментомъ, приводящимъ къ экономическому неравенству, является различное количество и качество произведенной отдѣльными гражданами работы. Кто придерживается взгляда, что послѣ введенія соціалистическаго общественнаго строя чувство братства замѣнитъ прежнія эгоистическія побужденія, тотъ можетъ, конечно, игнорировать эту причину экономическаго неравенства; но кто не вѣритъ въ такое чудесное вліяніе соціализма (кн. I, гл. 8), тотъ долженъ считать неизбѣжнымъ нѣкоторое соотношеніе между трудомъ и вознагражденіемъ.

Наконецъ, въ-четвертыхъ, нельзя забывать, что ны-

[1]) Buonarotti, Conspiration pour l'égalité, т. 1 (1828), стр. 115 прим., 281 и слѣд. За одинаковое воспитаніе всѣхъ гражданъ высказались также: Proudhon, Idée générale de la révolution au XIX siècle (1851), стр. 316—319;—Bebel, Die Frau und der Sozialismus, 25-е изд. (1895), стр. 357—360.

нѣшнее соціальное движеніе исходитъ главнымъ образомъ отъ промышленныхъ рабочихъ, и именно отъ тѣхъ членовъ этихъ народныхъ классовъ, которые въ духовномъ и матеріальномъ отношеніяхъ стоятъ наиболѣе высоко. И какъ буржуазныя революціи XVIII-го и XIX-го столѣтій привели преимущественно къ выгодѣ крупной буржуазіи, такъ, несомнѣнно, и соціалистическое движеніе, которое равнымъ образомъ есть вѣдь не что иное, какъ перемѣщеніе власти, окажется особенно благопріятнымъ интересамъ наиболѣе вліятельныхъ элементовъ рабочаго сословія.

Эти четыре момента очень скоро приведутъ народное трудовое государство снова къ экономическому неравенству, если бы даже въ минуту героическаго возбужденія и было сдѣлано постановленіе о хозяйственномъ уравненіи всѣхъ гражданъ. Поэтому народное трудовое государство слѣдуетъ представлять себѣ іерархической организаціей, которая должна имѣть не теократическій въ смыслѣ сенъ-симонистовъ [1]), а чисто свѣтскій характеръ. Прообразомъ могутъ послужить для насъ большія желѣзнодорожныя и пароходныя предпріятія нашего времени, преслѣдующія чисто хозяйственныя задачи и тѣмъ не менѣе работающія съ удивительною надежностью и исправностью. Менѣе годятся для такого образца тоже іерархически построенныя арміи и чиновничество, такъ какъ эти организаціи покоятся главнымъ образомъ на патріотизмѣ, жаждѣ воинской славы и тому подобныхъ исторически обусловленныхъ чувствахъ, которыя въ народномъ трудовомъ государствѣ очень скоро отойдутъ на задній планъ.

Такая іерархическая организація дѣлаетъ возможнымъ удовлетворительное разрѣшеніе двухъ важныхъ вопросовъ, которые, конечно, въ современномъ общественномъ строѣ имѣютъ меньшее значеніе. Кто въ народномъ трудовомъ государствѣ будетъ получать рѣдко производимыя приро-

---

[1]) Exposition de la doctrine Saint-Simonienne (1828—1830), въ Oeuvres, т. 42 (1877), стр. 326 и слѣд.

дою средства наслажденія? И, что еще гораздо важнѣе,— кто будетъ исполнять непріятныя и вредныя для здоровья работы, которыя останутся необходимыми даже при организаціи производства, руководствующейся исключительно народными интересами. У Фурье и его школы была странная мысль передать непріятныя работы въ каждой соціалистической общинѣ (фалангѣ) группѣ дерзкихъ, распущенныхъ дѣтей, которыя считали бы для себя честью исполнять эти работы [1]). Въ іерархически организованномъ обществѣ эти вопросы не представляютъ вовсе непреодолимой трудности, тѣмъ болѣе, что въ народномъ трудовомъ государствѣ распредѣленіе по рангамъ будетъ далеко не такъ закрѣплено и неподвижно, какъ въ нашемъ теперешнемъ общественномъ строѣ (см. кн. II, гл. 7).

Но не только по отношенію къ непріятнымъ и вреднымъ для здоровья работамъ, а и для всей физической и духовной дѣятельности іерархическій строй общества имѣетъ большое значеніе. Нельзя забывать, что въ народномъ трудовомъ государствѣ исчезнутъ многочисленныя иллюзіи, которыя теперь могущественно вліяютъ на поступки людей. А такъ какъ вслѣдствіе экономическаго уравненія всѣхъ исчезнетъ также возможность улучшенія экономическаго положенія, то является опасность, что широкія массы народа впадутъ въ полный квіетизмъ, и народное трудовое государство выродится даже въ государство откармливанія и обжорства. Эта опасность наиболѣе дѣйствительно предотвращается іерархическимъ строемъ, при которомъ каждому несравненно больше, чѣмъ при теперешнемъ общественномъ строѣ, облегчается возможность восхожденія на высшія соціальныя ступени.

Эти основныя положенія никогда не упускались изъ виду. Къ соціалистамъ, высказывающимся за экономическое неравенство, принадлежитъ не только Сенъ-Симонъ,

[1]) Fourier, Le nouveau monde industriel (1829), стр. 243 и слѣд., въ Oeuvres, т. 6, 3 изд. (1848), стр. 214 и слѣд.;—Renaud, Solidarité (1842) въ 6 изд. (1877), стр. 77—79.

но и его школа, выставляющая высшимъ принципомъ распредѣленія извѣстную формулу, по которой каждый работаетъ по своимъ способностямъ и вознаграждается по трудамъ своимъ [1]). На подобной же точкѣ зрѣнія стоитъ Фурье и его школа, которые откровенно заявляютъ, что въ предлагаемомъ ими общественномъ строѣ неизбѣжно большое имущественное неравенство [2]). И позднѣе многіе соціалисты высказывались за экономическое неравенство въ государствѣ будущаго.

Напротивъ, къ защитникамъ экономическаго равенства принадлежатъ не только тѣ, которые, подобно Бабефу и его приверженцамъ, требуютъ его непосредственно, но и тѣ писатели, которые высшимъ масштабомъ распредѣленія благъ выставляютъ потребности индивидуума [3]). Въ дѣйствительности защитники экономическаго равенства имѣютъ всегда въ виду это распредѣленіе по потребностямъ, такъ какъ вполнѣ равное распредѣленіе земныхъ благъ и услугъ, независимо отъ возраста, пола и здоровья, очевидно, немыслимо.

Если считать іерархическую организацію народнаго трудового государства неизбѣжной, то является вопросъ, по какимъ признакамъ должны быть распредѣлены граждане по различнымъ ступенямъ соціальной лѣстницы. Въ нашемъ теперешнемъ обществѣ рѣшеніе этого опредѣляющаго судьбу индивидуума вопроса зависитъ почти исключительно отъ случайностей рожденія и имущественнаго благосостоянія. Ежедневно видимъ мы, какъ при нашихъ

[1]) Сравн. изданный непосредственно послѣ іюльской революціи Базаромъ и Анфантеномъ манифестъ въ Not. hist. т. 2 (1865), стр. 228, 229, затѣмъ Exposition de la doctrine Saint-Simonienne (1828—1830) въ Oeuvres, т. 41 (1877), стр. 437.

[2]) Fourier, Le nouveau monde industriel et sociétaire (1829), стр. 7, 135, 364 и слѣд., въ Oeuvres, т. 6, 3 изд. (1848), стр. 4, 5, 115, 309 и сл.; Considerant, Destinée sociale, т. 1 (1837), стр. 355—368. Сравн. по этому вопросу Bebel, Die Frau, 25 изд. (1895), стр. 367, а также выше, стр. 33. прим. 1.

[3]) Сравн. Menger, Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag (1886) во 2 изд. (1891), стр. 8.

соціальныхъ условіяхъ высокоодаренные люди вращаютъ рукоятки машинъ или ходятъ за плугомъ, тогда какъ въ болѣе богатыхъ семьяхъ часто почти безплодно тратятся труды и деньги на воспитаніе неспособныхъ дѣтей. Не безъ основанія поэтому сенъ-симонисты объявили себя противъ всѣхъ привилегій рожденія, какъ противъ основного зла нашего общественнаго состоянія. Такъ какъ въ народномъ трудовомъ государствѣ исчезнутъ имущественныя различія, то рѣшающими моментами для распредѣленія жизненныхъ позицій среди отдѣльныхъ гражданъ будутъ слѣдующіе:

1. Профессія родителей. Этотъ моментъ представляетъ ту выгоду, что, благодаря воспитанію, дѣти сами собою срастаются съ профессіей своихъ родителей; но съ другой стороны, какъ учитъ исторія многихъ восточныхъ народовъ, чрезмѣрное вниманіе къ этой идеѣ можетъ привести къ кастовой замкнутости профессій. Въ народномъ трудовомъ государствѣ раздѣленіе населенія по городамъ и деревнямъ и распредѣленіе индивидуумовъ между различными профессіональными кругами послѣдуетъ, несомнѣнно, въ зависимости главнымъ образомъ отъ того или другого положенія ихъ родителей. Но зато этотъ моментъ не годится для высшихъ, руководящихъ позицій, такъ какъ благодаря этому неизбѣжно должна будетъ возникнуть бюрократическая аристократія, которая очень скоро направила бы народное трудовое государство на путь индивидуалистическаго государства, основаннаго на власти.

2. Болѣе высокое духовное развитіе. Духовное развитіе и опредѣленіе его посредствомъ экзаменовъ, научныхъ работъ и другихъ испытаній особенно пригодно для демократическаго государства въ качествѣ отличительнаго признака, такъ какъ интенсивная духовная дѣятельность зависитъ отъ рѣдкихъ природныхъ дарованій, которыя находятъ признаніе даже у менѣе способныхъ людей. Впрочемъ, превосходство въ познаніяхъ въ качествѣ момента дифференціаціи примѣнимо главнымъ образомъ къ болѣе

раннимъ возрастамъ и, наоборотъ, лишь въ незначительной мѣрѣ для старшаго возраста, когда индивидуумъ уже испыталъ себя въ практической жизни. Еще менѣе—вопреки мнѣнію Платона, Кампанеллы, сенъ-симонизма и Огюста Конта[1]),—возможно передать управленіе народнымъ трудовымъ государствомъ людямъ науки и ученымъ священникамъ, какъ таковымъ, такъ какъ успѣшное управленіе государствомъ зависитъ преимущественно отъ энергіи и выдержки характера, для коихъ даже высокая степень развитія и познаній не представляетъ сама по себѣ никакой гарантіи.

3. Избраніе согражданами. Избраніе на руководящія мѣста даетъ,—что въ демократическомъ государствѣ имѣетъ большое значеніе,—нѣкоторую гарантію того, что избранный умѣетъ обходиться съ народными массами; зато оно, судя по опыту, въ значительной мѣрѣ подчинено демагогіи. Въ современныхъ индивидуалистическихъ государствахъ, основанныхъ на власти, поскольку эти государства вообще обладаютъ свободной конституціей, избраніе руководителей имѣетъ все возрастающее значеніе, такъ какъ при этомъ рѣчь идетъ дѣйствительно главнымъ образомъ о политическомъ вліяніи на народныя массы. И въ народномъ трудовомъ государствѣ высшія мѣста преимущественно политическаго характера могутъ быть безъ колебаній замѣщаемы посредствомъ избранія; напротивъ, надлежащее замѣщеніе большинства руководящихъ постовъ будетъ зависѣть въ такомъ почти исключительно хозяйственномъ государствѣ отъ техническихъ познаній и ловкости, для опредѣленія которыхъ выборы были бы во всякомъ случаѣ самымъ неправильнымъ средствомъ.

4. Назначеніе высшими авторитетами. На-

---

[1]) Plato, De republ. V, стр. 473 C;—Campanella, Civitas solis (1623), въ Questiones super secunda parte philosophiae realis (1637), стр. 147, 149; Exposition de la doctrine Saint-Simonienne (1828—1830) въ Oeuvres, т. 42 (1877), стр. 335, 338 и слѣд.;—Auguste Comte, Système de politique positive, т. 4 (1854), стр. 252 и слѣд., 307 и слѣд.

значеніе болѣе благопріятствуетъ точной провѣркѣ спеціальной подготовки назначаемаго, чѣмъ выборы, но зато при этомъ возникаетъ опасность, что благосклонность и личные интересы назначающаго могутъ играть рѣшающую роль. Въ государствѣ, въ которомъ интересы высшихъ носителей власти перевѣшиваютъ всѣ другія соображенія, какъ, напримѣръ, въ нашемъ аристократически-милитаристскомъ государствѣ и въ католической церкви, замѣщеніе руководящихъ мѣстъ происходитъ поэтому обыкновенно путемъ назначеній. Наоборотъ, въ народномъ трудовомъ государствѣ одной изъ важнѣйшихъ задачъ практической политики было бы правильно разграничить области выборовъ и назначенія и такимъ способомъ заботиться какъ о сохраненіи демократической конституціи, такъ и о спеціальной подготовкѣ руководящихъ лицъ.

5. Жребій. При замѣщеніи публичныхъ должностей въ демократическихъ республикахъ древности, именно въ Аѳинахъ, жребій игралъ очень значительную роль, такъ какъ эти республики, вслѣдствіе рабства, были въ дѣйствительности узко ограниченной аристократіей, члены которой относительно образованія и подготовленности къ дѣятельности были несравненно ближе другъ къ другу, чѣмъ высшія и низшія сословія въ нашемъ теперешнемъ общественномъ строѣ. А такъ какъ такое состояніе и послѣ введенія народнаго трудового государства будетъ продолжаться еще въ теченіе одного поколѣнія, то жребій для распредѣленія гражданъ на высшія и низшія мѣста можетъ быть впервые примѣненъ лишь тогда, когда духовныя и хозяйственныя различія разныхъ слоевъ населенія, благодаря продолжительному воздѣйствію новыхъ учрежденій, значительно сгладятся.

Если подвести итогъ сказанному, то устройство іерархической организаціи въ народномъ трудовомъ государствѣ окажется приблизительно такимъ. Распредѣленіе гражданъ по различнымъ профессіямъ совершалось бы въ зависимости отъ профессіи ихъ родителей, но несогласныя съ

этимъ желанія отдѣльныхъ лицъ должны были бы по возможности приниматься во вниманіе. Вступленіе на высшее поприще было бы обусловлено особенной умственной дѣятельностью въ юношескомъ возрастѣ, тогда какъ дальнѣйшее движеніе совершалось бы въ зависимости отъ различія профессій—или посредствомъ выборовъ, или путемъ назначенія. Въ дальнѣйшемъ ходѣ развитія, когда демократическій духъ проникнетъ не только въ политическую, но и въ духовную и хозяйственную жизнь, къ устройству хозяйственнаго организма можно было бы примѣнить и жребій.

Но если даже признавать экономическое неравенство необходимымъ для народнаго трудового государства, то все-таки оно никогда не можетъ даже приблизительно достигнуть ужасающей остроты теперешней противоположности между богатствомъ и бѣдностью. Уже въ демократическихъ государствахъ настоящаго времени экономическое положеніе высшихъ и низшихъ заправилъ далеко не такъ различно, какъ въ нашемъ аристократически-милитаристскомъ государствѣ. Въ демократическомъ государствѣ безъ земельной и денежной собственности, подобномъ народному трудовому государству, различіе въ экономическомъ положеніи было бы лишь настолько велико, чтобы поощрять соревнованіе гражданъ, не вызывая ненависти и зависти оставшихся позади.

КНИГА ВТОРАЯ.

Организація
экономической и семейной жизни въ народномъ трудовомъ государствѣ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общественное и индивидуальное благо.

Наша современная правовая система распадается на публичное и частное право. Первое, согласно господствующему пониманію, обнимаетъ тѣ правовые институты, которые служатъ общему благу, тогда какъ задачей послѣдняго является регламентированіе индивидуальныхъ жизненныхъ цѣлей отдѣльныхъ лицъ [1]).

Мало вопросовъ, которые были бы такъ затемнены въ наукѣ и въ жизни благодаря воздѣйствію интересовъ, имѣющихъ могущественную силу, какъ противоположность между общественнымъ благомъ и индивидуальной жизненной цѣлью. Ибо то, что мы въ настоящее время называемъ общественнымъ благомъ, въ дѣйствительности составляетъ почти безъ исключенія личный и политическій интересъ отдѣльныхъ могущественныхъ лицъ или общественныхъ слоевъ и потому должно быть отнесено къ области индивидуальныхъ жизненныхъ цѣлей.

[1]) Это раздѣленіе основано на извѣстномъ изреченіи Ульпіана въ кн. I, § 2 Dig. de justitia et jure (см. I, 1): «Publicum jus est quod ad statum rei Romanae spectat; privatum quod ad singulorum utilitatem. Sunt enim quaedam publice utilia, quaedam privatim». Ср. Savigny, System des heutigen römischen Rechts, т. 1 (1840), стр. 23. Въ Римѣ общее благо въ республиканскій періодъ отожествлялось съ личными и политическими интересами господствовавшихъ знатныхъ родовъ, позже, во время принципата, съ интересами императорской фамиліи и тѣхъ круговъ народа, которые были связаны съ этими обѣими главнѣйшими силами въ государствѣ. Въ Римѣ, какъ и въ современныхъ государствахъ, основанныхъ на завоеваніи (Россія, Англія), это положеніе гораздо яснѣе обрисовывалось изъ хода общей политики, чѣмъ въ собственно національныхъ государствахъ, въ которыхъ истинное положеніе вещей затемнено многочисленными декоративными учрежденіями.

Наоборотъ, тѣ цѣли, которымъ служатъ учрежденія частнаго права, столь общи по своему характеру и настолько имѣютъ отношеніе ко всѣмъ отдѣльнымъ личностямъ, что ихъ слѣдуетъ разсматривать, какъ общее или общественное благо, которое вѣдь есть не что иное, какъ благо всѣхъ. Какъ ни различны могутъ быть человѣческія стремленія, все же каждый преслѣдуетъ двѣ главныхъ цѣли: во-первыхъ, поддержаніе своего существованія, во-вторыхъ, продолженіе своего рода. Первой цѣли служитъ собственность, второй — семья; къ этимъ основнымъ учрежденіямъ примыкаютъ остальные институты частнаго права, какъ производныя образованія.

Это странное извращеніе понятій во всякомъ случаѣ объясняется историческими причинами. Древнія и новыя культурныя государства возникли почти исключительно на почвѣ военныхъ успѣховъ и вслѣдствіе этого первоначально представлялись народамъ непремѣнно въ видѣ строго іерархической организаціи, въ видѣ политической и соціальной пирамиды, вершину которой образуютъ господствующіе, а основаніе — подвластные. Какъ морякъ видитъ прежде всего горныя вершины острововъ и континентовъ и только значительно позже замѣчаетъ широкую равнину, такъ и націи были склонны прежде всего принимать во вниманіе интересы вершинъ пирамидъ и ставить ихъ, въ качествѣ общаго или общественнаго блага, далеко выше жизненныхъ цѣлей находящихся подъ ними народныхъ массъ. Отсюда—то почти непонятно преувеличенное значеніе, которое еще французская революція, хотя она была въ своемъ зенитѣ чисто демократической, придавала политическимъ и государственно-правовымъ вопросамъ, отъ счастливаго разрѣшенія которыхъ тогда самымъ серьезнымъ образомъ ждали спасенія человѣчества. Правда, послѣ появленія соціализма, которое относится къ первымъ десятилѣтіямъ XIX в., начинаетъ распространяться взглядъ, что жизненныя цѣли каждаго индивидуума, именно цѣли къ поддержанію своего суще-

ствованія и продолженію рода, составляютъ истинное общее или общественное благо и что демократическое преобразованіе публичнаго права должно разсматриваться только какъ средство къ другой цѣли, именно къ преобразованію также собственности и семьи въ интересахъ народныхъ массъ.

Вслѣдствіе этого я прежде всего разсмотрю тѣ правовые институты народнаго трудового государства, которые соотвѣтствуютъ современному частному праву (книга 2-я), и только тогда перейду къ учрежденіямъ, которыя относятся къ управленію государствомъ (книга 3-я). Конечно, при этомъ слѣдуетъ помнить, что это раздѣленіе имѣетъ только въ виду сдѣлать новыя учрежденія болѣе доступными общему пониманію посредствомъ ихъ сближенія съ традиціонными понятіями. Ибо наиболѣе важная цѣль соціализма состоитъ какъ разъ въ томъ, чтобы превратить институты нашего частнаго права въ публичное право (въ современномъ смыслѣ), да и вообще противоположность между частнымъ и публичнымъ правомъ исчезнетъ вмѣстѣ съ современнымъ государственнымъ строемъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Собственность.

Центральный фокусъ спора между приверженцами стараго и новаго порядка образуетъ владѣніе и собственность, къ которымъ въ качествѣ дополняющихъ институтовъ присоединяются остальныя вещныя права, долговыя отношенія и наслѣдственное право. Напротивъ, второе основное установленіе частнаго права, бракъ, съ относящимися къ нему институтами, является сравнительно менѣе угрожаемымъ со стороны соціальнаго движенія. И дѣйствительно, собственность есть источникъ самыхъ страшныхъ контрастовъ, раздѣляющихъ человѣчество, тогда какъ выгоды и невыгоды института брака раздѣляются въ извѣстной степени равномѣрно между всѣми членами общества, а возникающіе и здѣсь контрасты зависятъ въ значительной степени отъ индивидуальныхъ качествъ супруговъ. О бракѣ и относящихся къ нему установленіяхъ будетъ говориться позже (кн. II, гл. 12—14).

Всѣ соціалистическія школы должны естественно выступать за преобладающее значеніе коллективной собственности, за оттѣсненіе или полное устраненіе частной собственности. У коммунистовъ, представителей экономическаго равенства (стр. 32, примѣч. 1), это вытекаетъ изъ ихъ основныхъ взглядовъ, такъ какъ равное распредѣленіе работъ и наслажденій можетъ быть обезпечено въ теченіе продолжительнаго времени только при общности имуществъ. Но и соціалистическія системы (стр. 33, примѣч. 1) желаютъ отдѣлить собственность отъ отдѣль-

ныхъ личностей и передать ее ассоціаціямъ, общинамъ, государству; только выпадающія на долю членовъ коллективной единицы работы и наслажденія, какъ и сами люди, не должны быть непремѣнно равны. Своимъ отношеніемъ къ собственности соціализмъ и коммунизмъ отличаются отъ обширной области простого соціальнаго реформаторства, стремящагося улучшить существующія соціальныя условія съ сохраненіемъ частной собственности въ ея теперешнемъ значеніи.

Наша современная частная собственность исходитъ изъ римскаго права, въ которомъ она представляется, какъ принадлежащая отдѣльной личности неограниченная власть надъ матеріальной вещью. Правда, уже въ римскомъ правѣ существовали нѣкоторыя ограниченія частной собственности при посредствѣ такъ называемыхъ законныхъ повинностей, но они имѣли сравнительно мало значенія. По крайней мѣрѣ доходъ съ земельныхъ участковъ въ Италіи поступалъ полностью ихъ собственникамъ, такъ какъ они въ первые четыре вѣка послѣ Р. Х. были освобождены отъ государственныхъ поземельныхъ налоговъ [1]). При такихъ условіяхъ могло образоваться то представленіе о неограниченной власти по отношенію къ вещи, которое, правда, не было вполнѣ опредѣленно высказано римлянами, но лежитъ въ основѣ всего ихъ отношенія къ вопросу о частной собственности.

Это понятіе о собственности въ послѣднія три столѣтія было однако подвергнуто въ интересахъ господствующихъ и имущихъ коренному пересмотру. Прежде всего свобода распоряженія частной собственностью была ограничена все растущимъ развитіемъ государственной власти; пользованіе собственностью все болѣе подчинялось надзору и вмѣшательству государства при помощи полиціи полевой, лѣсной, горной, промысловой, водной, дорожной, санитарной, строительной и пожарной. Конечно, это раз-

[1]) Mommsen, Römisches Staatsrecht, II, 2 (1875), стр. 944.

витіе полиціи благосостоянія (Wohlfahrtspolizei), далеко еще не завершившееся, во многихъ случаяхъ было полезно и неимущимъ классамъ народа; но наибольшую пользу принесло оно все-таки господствующимъ и имущимъ.

Затѣмъ, благодаря развитію налоговъ, и доходъ съ имущества во все возрастающемъ размѣрѣ удерживается у собственника въ пользу государства. Въ нѣкоторыхъ государствахъ съ высокимъ обложеніемъ собственники домовъ и земельныхъ участковъ должны отдавать въ общественныя кассы треть или даже половину чистаго дохода; въ другихъ же государствахъ съ меньшимъ обложеніемъ каждую минуту можетъ наступить то же самое, благодаря болѣе или менѣе продолжительной неудачной войнѣ. Такъ какъ государственные доходы, какъ я показалъ выше (кн. I, гл. 7), большею частью расходуются въ интересахъ господствующихъ и имущихъ, то частная собственность, благодаря современному государственному развитію, является и въ своей хозяйственной полезности значительно ограниченной въ пользу узкихъ круговъ населенія.

Такимъ образомъ самый интересъ господствующихъ и имущихъ привелъ къ тому, что современная частная собственность стала только тѣнью римскаго правового института и что собственникъ именно въ наиболѣе важныхъ случаяхъ оказывается занимающимъ чуть ли не скромное положеніе управляющаго, связаннаго при пользованіи своимъ правомъ на каждомъ шагу согласіемъ представителей государственной власти и даже принужденнаго значительную часть дохода съ своего имущества уступать государству (и владѣльцамъ ипотекъ).

Теперь пришло время, когда собственность должна быть преобразована въ интересахъ неимущихъ классовъ народа. Ибо рѣчь идетъ не о полномъ устраненіи собственности, какъ это можно было бы заключить изъ страстныхъ полемическихъ статей очень многихъ соціалистовъ, а только объ ея преобразованіи, которое, правда, проникнетъ еще глубже,

чѣмъ выше упомянутое преобразованіе, произведенное въ этомъ правовомъ институтѣ тремя послѣдними столѣтіями. Собственность есть вѣчное понятіе, которое никогда не исчезнетъ вполнѣ изъ соціальной жизни человѣчества. Всѣ главнѣйшія цѣли неимущихъ классовъ народа могутъ быть достигнуты уже тѣмъ, что собственность будетъ подчинена интересамъ широкихъ народныхъ массъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Вещное право народнаго трудового государства.

Институтъ собственности въ нашихъ европейскихъ культурныхъ государствахъ до настоящаго времени основывается въ своихъ наиболѣе важныхъ составныхъ частяхъ на насильственномъ завладѣніи. Когда греки, римляне и германцы послѣ долгихъ странствованій поселились на своихъ постоянныхъ мѣстахъ и позже расширяли предѣлы своей территоріи, они всюду наталкивались на осѣвшее тамъ раньше населеніе, у котораго они послѣ его покоренія насильственно отнимали всю или часть земли [1]). Институтъ собственности такимъ образомъ первоначально опирался на побѣдоносный мечъ. Но и позже великіе политическіе перевороты очень часто сопровождались на-

---

[1]) Какъ поступили греки и италійцы при допсторическомъ завладѣніи Грецією и Италіей, намъ неизвѣстно, но мы хорошо знаемъ, что греческое и римское право войны гораздо болѣе поздняго времени позволяло побѣдителю отнимать у побѣжденнаго народа всю принадлежавшую ему землю, жителей же убивать или продавать въ рабство. Этимъ правомъ греки и римляне пользовались довольно часто. Даже римскіе юристы императорской эпохи (напр., Гай II, 7) называютъ всю территорію провинцій, т. е. преобладающую часть Римской міровой имперіи, собственностью римскаго народа или императора. По сравненію съ этой жестокой суровостью древнихъ военныхъ обычаевъ приходится признать мягкимъ поведеніе вторгшихся во время переселенія народовъ въ Римскую имперію германцевъ, которые обыкновенно завладѣвали отъ одной до двухъ третей непріятельской земли; только нѣкоторыя германскія племена (напр. вандалы) послѣ истребленія или изгнанія прежнихъ собственниковъ присваивали себѣ всю территорію покоренной страны.

сильственнымъ ниспроверженіемъ господствовавшихъ раньше принциповъ собственности. Я напомню только—чтобы изъ безчисленныхъ примѣровъ привести лишь наиболѣе извѣстные—о завоеваніи и раздѣленіи Англіи норманнами (1066) г. [1]), о секуляризаціи церковныхъ имуществъ реформаціей [2]), объ отнятіи имуществъ, имѣвшемъ мѣсто въ неслыханныхъ размѣрахъ въ Богеміи послѣ Бѣлогорской битвы (1620 г.) [3]), наконецъ, о конфискаціяхъ церков-

---

[1]) Послѣ битвы при Гастингсѣ (1066) у побѣжденныхъ саксовъ была насильственнымъ образомъ отнята, для укрѣпленія норманнскаго господства, столь большая часть ихъ земельной собственности, что спустя нѣсколько поколѣній могло создаться положеніе, еще и теперь поддерживаемое англійскими юристами, что первоначальнымъ владѣльцемъ земли является король и что вся земельная собственность частныхъ лицъ исходитъ отъ него. Впрочемъ, подобнымъ же образомъ дѣйствовали и саксы при покореніи Англіи въ V вѣкѣ по отношенію къ туземному романо-бритскому населенію. Ср. Gneist, Englische Verfassungsgeschichte (1882), стр. 2 и слѣд., 106 и слѣд.

[2]) Въ дѣлѣ введенія реформаціи рядомъ съ религіозными мотивами всюду играло роль и чисто матеріальное стремленіе князей завладѣть богатыми церковными имуществами, такъ что Карлъ V имѣлъ основаніе сказать, что при реформаціи рѣчь идетъ не столько о церковномъ ученіи, какъ о церковномъ богатствѣ. Точно также при введеніи Генрихомъ VIII реформаціи въ Англіи рѣшающее значеніе имѣла конфискація неизмѣримыхъ монастырскихъ имуществъ, составлявшихъ по тогдашней оцѣнкѣ больше пятой части всего національнаго имущества. Въ Германіи была произведена почти полная секуляризація (1803 г.) рѣшеніемъ имперской депутаціи (Reichsdeputationshauptschluss), отнявшимъ у многочисленныхъ тогда епископовъ и духовныхъ корпорацій, непосредственно подчиненныхъ имперіи, ихъ свѣтскую власть вмѣстѣ съ связанными съ нею правами собственности и обложенія—съ одной стороны, чтобы вознаградить свѣтскіе имперскіе чины за ихъ владѣнія на лѣвомъ берегу Рейна, уступленныя Франціи, главнымъ же образомъ, чтобы увеличить владѣнія тѣхъ нѣмецкихъ князей, которые пріобрѣли благосклонность Бонапарта и его министровъ. Конфискація церковныхъ имуществъ въ большомъ размѣрѣ имѣла мѣсто также въ Австріи при Іосифѣ II (1782 г.), во Франціи во время великой революціи (см. ниже, примѣчаніе 1-е стр. 100), въ Испаніи въ регентство Маріи Христины (1836 г.) и въ Италіи при Викторѣ Эммануилѣ II (1866, 1867 гг.).

[3]) Послѣ Бѣлогорской битвы было конфисковано для укрѣпленія Габсбургской династіи и для возстановленія католической вѣры, по собственному свидѣтельству императора Фердинанда II въ предложеніяхъ ландтагу 1630 г., больше трети всего королевства Богеміи. Конфискованы были и движимое имущество и денежныя претензіи возставшихъ. Ср. Gindely, Geschichte der Gegenreformation in Böhmen (1894), стр. 1—82. Grünberg, Die Bauernbefreiung und die Auflösung des gutsherrlich-bäuerlichen Verhältnisses in Böhmen, Mähren und Schlesien. T. 1 (1894), стр. 106.

ныхъ и эмигрантскихъ имуществъ во время французской революціи [1]).

Для значительной части крупнаго землевладѣнія, которое всюду въ Европѣ пользуется преобладающимъ вліяніемъ на законодательство и управленіе, можно прямо указать эту связь между насиліемъ и собственностью.

Въ послѣднія десятилѣтія XIX вѣка, правда, пріобрѣтеніе собственности путемъ насилія въ значительной степени отошло на задній планъ. Важно было бы упомянуть только о принудительномъ отчужденіи имѣній польской аристократіи въ извѣстныхъ частяхъ Россіи послѣ возстанія 1863 г. и имѣній мусульманъ въ Балканскихъ государствахъ послѣ русско-турецкой войны (1877—1878 г.). Теперь большія состоянія пріобрѣтаются чаще всего при посредствѣ спекуляціи, пользованія государственными льготами, словомъ, при помощи не насилія, а хитрости.

Такъ какъ такимъ образомъ институтъ собственности въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ въ настоящее время, своимъ происхожденіемъ почти исключительно обязанъ силѣ меча, то можно съ увѣренностью сказать заранѣе, что онъ опредѣляется не хозяйственными мотивами, а носитъ на себѣ печать эгоизма и насилія войны и военнаго сословія. И въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что требованія хозяйственной жизни никоимъ образомъ не покрываются содержаніемъ нашего института собственности. Въ особенности ни современное имущественное право, ни имущественное право прошедшихъ временъ не заботятся о томъ, чтобы существующія имущественныя блага были

[1]) Въ какомъ размѣрѣ церковныя и эмигрантскія имущества конфисковались и отчуждались государствомъ во время великой революціи, изъ имѣющихся въ настоящее время источниковъ нельзя опредѣлить даже приблизительно. Рамель, писатель того времени по финансовымъ вопросамъ, исчисляетъ количество отчужденій въ 1.052,892, а вырученную при этомъ сумму—отъ 2-хъ до 16-ти милліардовъ франковъ. Уже изъ этихъ цифръ слѣдуетъ, что конфискація, которая чаще всего шла на пользу среднимъ и высшимъ сословіямъ, производилась на значительной части французской территоріи. Ср. Minzès. Die Nationalgüterveräusserung während der französischen Revolution (1892), стр. 63.

распредѣлены между отдѣльными гражданами государства сообразно ихъ потребностямъ или чтобы они были предоставлены тому, чьей хозяйственной работой они произведены [1]).

Это невниманіе къ хозяйственнымъ отношеніямъ обнаруживается также и въ томъ, что въ нашей правовой системѣ всѣ вещи въ равной мѣрѣ подчинены праву собственности и вытекающимъ изъ нея правамъ. Подобно тому, какъ военное государство имѣетъ естественную тенденцію къ абсолютизму, военная община всегда будетъ склонна отдавать добычу въ неограниченное распоряженіе отдѣльнымъ членамъ общины, не принимая во вниманіе экономическаго значенія этой добычи. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда собственность на движимое и недвижимое имущество организована различнымъ образомъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ германскихъ правахъ, больше приняты во вниманіе политическія, чѣмъ экономическія различія. Напротивъ, народное трудовое государство должно было бы распредѣлить всѣ матеріальныя богатства по ихъ хозяйственному характеру на три большія группы и образовать для нихъ существенно различныя правовыя формы.

Прежде всего слѣдуетъ выдѣлить группу матеріальныхъ благъ, отличающуюся той особенностью, что они не могутъ быть цѣлесообразно использованы безъ полнаго уничтоженія или, по крайней мѣрѣ, замѣтнаго уменьшенія ихъ сущности (Substanz). Если обычное использованіе возможно только при условіи полнаго уничтоженія, что̀ имѣетъ мѣсто, напр., по отношенію къ съѣстнымъ припасамъ, матеріаламъ для отопленія и освѣщенія, то юристы имѣютъ обыкновеніе говорить о потребляемыхъ (verbrauchbaren) вещахъ въ узкомъ смыслѣ; напротивъ, если обычное употребленіе влечетъ за собой не полное уничтоженіе, а лишь значительное уменьшеніе первоначальной сущности (напр., когда рѣчь идетъ объ одеждѣ), то мы имѣемъ дѣло съ

[1]) Menger. Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag in geschichtlicher Darstellung, 2-е изд. (1891 г.), стр. 2—4.

изнашиваемой вещью (abnützbare Sache). Ради краткости я буду эти обѣ группы обозначать терминомъ потребляемыхъ вещей въ широкомъ смыслѣ (кн. II, гл. 4) [1]). Такъ какъ эти вещи не могутъ быть обычнымъ образомъ использованы безъ глубокаго измѣненія ихъ свойствъ, а такое измѣненіе предполагаетъ исключительное господство надъ вещью, то для предоставленія потребляемыхъ вещей отдѣльнымъ гражданамъ частная собственность въ ея традиціонномъ значеніи является наиболѣе цѣлесообразной правовой формой, которая въ силу этого должна бы быть удержана для данной области и въ народномъ трудовомъ государствѣ.

Вторую группу, требующую совершенно иного правового трактованія, составляютъ тѣ вещи, которыя также приносятъ непосредственную пользу отдѣльной личности, но ихъ употребленіе не влечетъ за собой уничтоженія или хотя бы значительнаго уменьшенія ихъ сущности. Я буду обозначать эту вторую группу матеріальныхъ благъ терминомъ пользуемыя вещи [2]) (die benützbaren Sachen [3]).

[1]) Morelly, Code de la nature (1755); стр. 190 art. I;—Сенъ-симонизмъ: Exposition de la doctrine Saint-Simonienne (1828—1830) въ Oeuvres, т. 41 (1877), стр. 247.—Cabet, Voyage en Icarie (1840), 5-е изд. (1848), стр. 55, 60.—Dezamy, Code de la communauté (1842), стр. 264 art. 2;—Rodbertus, Das Kapital (1884), стр. 212:—Dühring, Kursus der National-und Socialökonomie (1873), стр. 401;—Kautsky, Das Erfurter Programm (1892), стр. 149.—Понятіе потребляемой вещи было введено теоріей права. Сравн. Code civil français (1803—1804) art. 1874, 1892; Австрійскій гражд. кодексъ (1811), § 301 Cod. civile italiano (1865), art. 1819. Нѣмецкій гражданскій кодексъ (1896), § 92.

[2]) Morelly, Code de la nature (1755), стр. 192 art. 6;—Cabet, Voyage en Icarie (1840), 5-е изд. (1848), стр. 63 и слѣд.;—Dezamy, Code de la communauté (1842). стр. 52—55.

[3]) Авторъ создаетъ здѣсь свой собственный терминъ—die benützbaren Sachen. Такъ какъ не дословный переводъ его словами «вещи пользованія» или «вещи, находящіяся въ пользованіи» могъ бы послужить источникомъ недоразумѣній, то мы рѣшаемся передавать его вообще неупотребительной въ русскомъ языкѣ причастной формой «пользуемый», соотвѣтствующей причастію «потребляемый».

Прим. переводчика.

Граница между потребляемыми и пользуемыми вещами не всегда точна и несомнѣнна; къ послѣднимъ однако можно опредѣленно причислить жилые дома, домашнюю утварь, парки, сады для гулянья и другія увеселительныя мѣста, книги, украшенія и т. д. Такъ какъ нѣкоторыя пользуемыя вещи, напр., жилые дома, необходимы для поддержанія человѣческой работоспособности, то отдѣльныя соціалистическія системы, обозначая ихъ терминомъ «средства труда» (instruments de travail), соединяютъ ихъ съ средствами производства въ собственномъ смыслѣ [1]).

Такъ какъ обычное употребленіе пользуемыхъ вещей происходитъ безъ измѣненія ихъ сущности, почему ими можетъ пользоваться, одновременно или послѣдовательно, много лицъ, то исключительное господство надъ вещами, принадлежащими къ этой группѣ, не является ни необходимымъ, ни цѣлесообразнымъ; мало того, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что чрезмѣрное накопленіе такихъ вещей въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ принадлежитъ къ самымъ темнымъ и наиболѣе замѣтнымъ дурнымъ сторонамъ нашего традиціоннаго правового порядка. Едва ли можно думать, что народныя массы, если ихъ сила и сознательность будутъ прогрессировать въ такой же степени, какъ до сихъ поръ, допустятъ, чтобы одинъ какой-нибудь богачъ владѣлъ дюжиной дворцовъ исключительно для своего пользованія, въ то время какъ тысячи людей будутъ скитаться по странѣ, не имѣя крова [2]).

---

[1]) Сравн. Exposition de la doctrine Saint-Simonienne (1828—1830), въ Oeuvres, т. 41 (1877), стр. 236, 247. Неопредѣленный терминъ «Arbeitsmittel» или «instruments de travail» пріобрѣлъ право гражданства въ позднѣйшей соціалистической литературѣ вплоть до нашихъ дней. См., напр., Louis Blanc, Organ. de travail (1840) въ Questions d'aujourd'hui et de demain, т. 4 (1882), стр. 201. Подобное выраженіе (means of labouring) встрѣчается, впрочемъ, уже у Thomson'a, Inquiry into the principles of the distribution of wealth (1824), стр. 176.

[2]) Въ бумагахъ, относящихся къ заговору Бабефа, говорится, что въ случаѣ побѣды бѣдные въ тотъ же день должны быть поселены въ жилищахъ богатыхъ. «Copie des pièces saisies dans le local que Baboeuf occupoit lors de son arrestation», т. 1 (an V), стр. 150.—Buonarroti, Conspiration pour l'égalité dite de Baboeuf, т. 1 (1828), стр. 196, т. 2, стр. 284.

Чтобы разъ навсегда устранить возможность такихъ контрастовъ, необходимо обратить частную собственность на пользуемыя вещи въ болѣе ограниченное право, которое я назвалъ бы правомъ пользованія (Benützungsrecht). Напротивъ, право собственности на пользуемыя вещи, принадлежащее государству или государственнымъ союзамъ, должно быть сохранено за этими учрежденіями.

Къ третьей группѣ принадлежатъ вещи, которыя обыкновенно въ экономической и соціалистической литературѣ обозначаются терминомъ средства производства; это тѣ вещи, обычное назначеніе которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы съ помощью или безъ помощи человѣка создавать новыя вещи или производить надлежащее распредѣленіе продуктовъ [1]). Сюда относятся всякаго рода плодоносные участки земли со всѣмъ къ нимъ относящимся, рудники, фабрики и другія промышленныя заведенія, желѣзныя дороги и пароходы, сырые матеріалы и т. д.

Насколько наше современное частное право отодвигаетъ на задній планъ хозяйственныя отношенія и почти исключительно основывается на отношеніяхъ силы, ясно показываетъ тотъ фактъ, что системы частнаго права всѣхъ народовъ смотрятъ на средства производства совершенно такъ же, какъ и на всѣ другія вещи. Правда, и нашимъ гражданскимъ кодексамъ извѣстна особая категорія «вещей, приносящихъ плодъ» (fruchttragende Sachen); но она никоимъ образомъ не совпадаетъ съ средствами производства и, кромѣ того, для организаціи вещнаго права она имѣетъ слишкомъ мало значенія.

---

[1]) Сенъ-Симонизмъ: Expos. de la doctrine Saint-Simonienne (1828—1830), въ Oeuvres, т. 41 (1877), стр. 247, 274 (Fonds de production, instruments de travail);—Engels, Streitschrift gegen Dühring (1877), стр. 233—236;—Erfurter Programm der deutschen Socialdemokratie von 1891 и Каутскій въ сочиненіи подъ тѣмъ же заглавіемъ (1892), стр. 104 и др. Искусственное выраженіе «средства производства» принадлежитъ, впрочемъ, политической экономіи, но въ этой наукѣ оно очень неопредѣленно и спорно.

Напротивъ, въ правѣ народнаго трудового государства изъ того свойства вещи, что она является средствомъ производства, должно проистекать непремѣнное слѣдствіе, что новымъ правовымъ порядкомъ никогда не можетъ быть признано исключительное право (Sonderrecht) отдѣльныхъ лицъ на эту вещь.

Ибо правовая система, которая позволяетъ отдѣльному лицу за собственный счетъ производить новыя богатства, въ скоромъ времени неминуемо возвратилась бы ко всѣмъ недостаткамъ современнаго строя. Употребленіе средствъ производства и распоряженіе ими, или, выражаясь современнымъ терминомъ, собственность на нихъ, должны быть въ виду этого предоставлены исключительно государству и государственнымъ союзамъ.

Частная собственность на пользуемыя вещи и на средства производства является при современномъ общественномъ строѣ основаніемъ для наиболѣе важныхъ частноправовыхъ отношеній подчиненія. Ибо какія бы ограниченія законодательство ни установило, квартиронаниматель, арендаторъ, наемный рабочій всегда остаются зависимыми отъ собственника. Въ то время, какъ всѣ права господства, имѣющія публичный характеръ, съ конца среднихъ вѣковъ постепенно перешли къ государству, такъ что въ настоящее время ни одинъ гражданинъ не можетъ на основаніи спеціальнаго права исполнять по отношенію къ другому никакихъ функцій, относящихся къ области юстиціи, администраціи, военнаго или финансоваго вѣдомства, частноправовыя отношенія подчиненія остались почти незатронутыми. Вслѣдствіе этого задача грядущихъ столѣтій будетъ состоять въ томъ, чтобы, послѣ того какъ публичныя права господства совершенно потеряли свой прежній патримоніальный характеръ, произвести передачу въ вѣдѣніе государства (Verstaatlichung) также и частноправовыхъ отношеній подчиненія.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О потребляемыхъ вещахъ.

Потребляемыя вещи—это тѣ вещи, которыя не могутъ быть использованы согласно своему назначенію безъ полнаго уничтоженія или по крайней мѣрѣ замѣтнаго уменьшенія ихъ сущности (кн. II, гл. 3). Назначеніе этихъ вещей можетъ основываться или на природѣ вещи, или на распоряженіи государственныхъ органовъ. Такъ, приготовленные для употребленія съѣстные припасы являются по своей природѣ потребляемыми вещами. Напротивъ, горючіе матеріалы являются или потребляемыми вещами или средствами производства, сообразно тому, предназначили ли ихъ хозяйственные органы государства для согрѣванія жилища или для топки паровой машины. Законъ могъ бы также изъ практическихъ соображеній объявить нѣкоторыя вещи потребляемыми, хотя бы по своей природѣ онѣ не были таковыми, подобно тому, какъ наше современное частное право, по соображеніямъ практической пользы, весьма часто разсматриваетъ несомнѣнно движимыя вещи, какъ недвижимыя.

Для потребляемыхъ вещей было бы цѣлесообразно сохранить частную собственность въ ея существенныхъ чертахъ (кн. II, гл. 3). Но наша частная собственность заключаетъ въ себѣ двойной рядъ правъ: прежде всего право употребленія, согласно которому собственникъ можетъ по своему желанію пользоваться вещью или оставлять ее безъ употребленія или даже уничтожить ее; во-вторыхъ, право распоряженія, въ силу котораго соб-

ственникъ вещи можетъ уступить ее другому, заложить, отказаться отъ владѣнія ею или какъ-нибудь иначе опредѣлить ея правовую судьбу.

Право употребленія по отношенію къ потребляемымъ вещамъ могло бы быть удержано въ неизмѣненномъ видѣ и въ народномъ трудовомъ государствѣ. Правда, это послѣднее очень заинтересовано въ правильномъ употребленіи потребляемыхъ вещей, потому что оно обязано въ конечномъ счетѣ заботиться о благѣ отдѣльной личности (кн. II, гл. 7); но примѣненіе контроля въ этомъ пунктѣ слишкомъ вовлекло бы государственные органы въ мелочи частной жизни. Расточительность и другія злоупотребленія легко можно было бы предотвратить путемъ соотвѣтствующаго сокращенія сроковъ надѣленія (Zuteilungsperioden) потребляемыми вещами.

Напротивъ, право распоряженія собственника по отношенію къ потребляемымъ вещамъ должно было бы подвергнуться коренному ограниченію, потому что въ народномъ трудовомъ государствѣ долговыя отношенія могутъ существовать только между государствомъ и отдѣльными гражданами, а не между этими послѣдними по отношенію другъ къ другу (кн. II, гл. 9). Конечно, тотъ, кому законнымъ образомъ досталась та или иная потребляемая вещь, имѣлъ бы право ее подарить или обмѣнять, но только подъ условіемъ, чтобы отсюда не возникло никакого обязательства ни для него, ни для получателя [1]). Правда, вслѣдствіе этого отдѣльныя лица могли бы накоплять въ значительныхъ размѣрахъ потребляемыя вещи, могущія сохраняться болѣе продолжительное время, напр., одежду и топливо, но правовыя основы народнаго трудового государства врядъ ли подверглись бы вслѣдствіе этого особенной опасности въ виду все же преходящаго характера этихъ вещей.

Пріобрѣтеніе потребляемыхъ вещей въ собственность

[1]) Ср. Bebel, Die Frau (1883), 25 изд. (1895 г.), стр. 362, 363.

въ народномъ трудовомъ государствѣ могло бы происходить преимущественно путемъ надѣленія, которое слѣдуетъ понимать, какъ чистый актъ воли государственныхъ органовъ, безъ обязательной наличности дѣйствительной передачи [1]). Но и бо̀льшая часть другихъ способовъ пріобрѣтенія собственности, указываемыхъ нашимъ современнымъ частнымъ правомъ, должна была бы сохраниться для извѣстныхъ исключительныхъ случаевъ, хотя эти способы и не признаютъ связи между собственностью и трудомъ, а также и потребностями отдѣльной личности; впрочемъ, подробное выясненіе этого вопроса слишкомъ вовлекло бы насъ въ детали юридической техники.

Рядомъ съ абсолютнымъ распредѣленіемъ имуществъ путемъ частной собственности наши правовыя системы знаютъ еще относительное обладаніе вещами въ видѣ владѣнія, для котораго часто признается нѣсколько градацій. Въ случаѣ тяжбы владѣлецъ (der Besitzer) выигрываетъ, правда, не противъ собственника (Eigentümer), но, противъ того, кто не можетъ удостовѣрить никакого владѣнія по отношенію къ спорной вещи или удостовѣрить только болѣе неосновательное владѣніе. Какъ ни кажется съ давнихъ поръ загадочнымъ юристамъ и философамъ права это относительное распредѣленіе преимуществъ, оно превосходно подходитъ къ нашему правопорядку, основывающемуся на отношеніяхъ силы. Ибо если собственности нѣтъ налицо или она не доказана, то для временнаго обладанія вещью достаточно фактическаго господства надъ нею.

Система владѣнія въ народномъ трудовомъ государствѣ естественно должна имѣть совершенно иной характеръ. Именно, если оно не желаетъ само подвергнуть посте-

---

[1]) Сравн. выше, стр. 102, примѣч. 1. Напечатанный въ книгѣ Буонаротти «Conspiration pour l'égalité» т. 2 (1828), стр. 310—311, декретъ о раздѣленіи и употребленіи общинныхъ имуществъ (De la distribution et de l'usage des biens de la communauté) требуетъ въ ст. 1-й дѣйствительной передачи государственными органами.

ненному уничтоженію свои важнѣйшія правовыя основы, оно не можетъ разсматривать распредѣленіе матеріальныхъ благъ, подобно нашему современному правовому порядку, какъ частное дѣло заинтересованныхъ лицъ: оно должно всегда опредѣлять оффиціальнымъ порядкомъ права на потребляемыя и пользуемыя вещи, такъ же какъ и на средства производства, подобно тому, какъ оно уже въ настоящее время подвергаетъ своему разслѣдованію и рѣшенію бракъ и другія правовыя отношенія семейнаго права часто безъ просьбы объ этомъ со стороны заинтересованныхъ лицъ (кн. II, гл. 16). Это разслѣдованіе естественно должно было бы быть направлено непосредственно на вопросъ о собственности и въ большинствѣ случаевъ могло бы быть произведено весьма легко, въ виду того, что собственность на потребляемыя вещи, какъ правило, должна будетъ основываться на государственномъ надѣленіи; вопросъ о владѣніи почти всегда долженъ былъ бы отступать на задній планъ. Только въ рѣдкихъ случаяхъ слишкомъ запутаннаго фактическаго или правового положенія государство, которое и безъ того будетъ имѣть въ своихъ рукахъ большую часть матеріальныхъ благъ, могло бы до окончанія спора взять въ свое владѣніе спорную потребляемую вещь.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Пользуемыя вещи.

Къ пользуемымъ вещамъ принадлежатъ, какъ мы видѣли выше (кн. II, гл. 3), тѣ матеріальныя блага, которыя приносятъ отдѣльной личности непосредственную пользу, но безъ уничтоженія или значительнаго уменьшенія ихъ сущности, и которыми вслѣдствіе этого можетъ пользоваться одновременно или послѣдовательно много лицъ. Въ этомъ случаѣ для удовлетворенія потребностей отдѣльной личности достаточно предоставить ей право пользованія вещью, тогда какъ право собственности должно принадлежать общинѣ, округу, государству или, можетъ быть, еще болѣе значительнымъ общественнымъ союзамъ, смотря по тому, какая форма соціализма будетъ господствовать въ данное время (кн. III, гл. 6).

Пользуемыя вещи распадаются, какъ показываетъ уже данное выше опредѣленіе, на двѣ отличныхъ другъ отъ друга группы. Прежде всего сюда относятся тѣ вещи, которыя, какъ, напр., дороги, площади, общественные парки, мосты, гавани, могутъ находиться одновременно въ пользованіи неопредѣленнаго количества лицъ, при чемъ это одновременное пользованіе не влечетъ за собой взаимныхъ стѣсненій. По отношенію къ этимъ вещамъ, которыя уже при настоящемъ правовомъ порядкѣ играютъ важную роль, предоставленіе отдѣльнымъ лицамъ особаго права пользованія не являлось бы ни необходимымъ, ни цѣлесообразнымъ. Напротивъ, является вполнѣ умѣстнымъ, чтобы собственникъ подобныхъ вещей, предоставляя ихъ

въ общее пользованіе, нормировалъ это пользованіе обязательными для всѣхъ правилами.

Принадлежащія ко второй группѣ пользуемыя вещи отличаются той особенностью, что ими, согласно ихъ природѣ, могутъ пользоваться исключительно отдѣльныя лица или семейства. Къ этой группѣ относятся семейныя жилища (въ противоположность общественнымъ помѣщеніямъ), мебель, книги, предметы украшенія, карманные часы и т. д. Право пользованія по отношенію къ этимъ вещамъ всегда должно бы быть предоставляемо отдѣльной личности государствомъ или государственными союзами въ каждомъ случаѣ особо, при чемъ право пользованія могло бы распространяться только на самую вещь, а не на плоды ея, потому что пользуемая вещь, поскольку она приноситъ плоды, должна быть разсматриваема вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ средство производства (сравн. кн. II, гл. 6). Въ виду этого нельзя отнестись съ одобреніемъ къ тому, что нѣкоторыя соціалистическія общины позволяютъ своимъ сочленамъ собирать въ свою пользу плоды съ находящихся при ихъ жилищахъ фруктовыхъ садовъ и огородовъ. Такъ, первобытный аграрный соціализмъ, въ томъ видѣ, въ какомъ мы наблюдаемъ его въ индійской и русской сельскихъ общинахъ, несомнѣнно имѣетъ тенденцію выдѣлить изъ общей земли особые усадебные участки, урожай съ которыхъ достается не общинѣ, а отдѣльнымъ домохозяевамъ [1]).

Пользуемымъ вещамъ (такъ же, какъ и средствамъ производства) должны были бы вестись особые реестры, которые по отношенію къ недвижимымъ вещамъ, конечно, имѣли бы постоянный характеръ. Но эти реестры были бы несравненно проще нашихъ поземельныхъ книгъ (Grundbücher), въ которыхъ неестественность и запутан-

[1]) Сравн. Baden-Powell, The Indian village-community (1896), стр. 347; (см. также Баденъ-Поуэллъ, Происхожденіе и развитіе деревенскихъ общинъ въ Индіи);—Simkhowitsch, Die Feldgemeinschaft in Russland (1898), стр. 151.

ность нашего института собственности отражается яснѣе, чѣмъ въ большинствѣ другихъ учрежденій. Вообще болѣе простая, болѣе соотвѣтствующая природѣ матеріальныхъ благъ форма вещнаго права дала бы возможность снести безъ остатка тѣ башни и бастіоны, которые тысячелѣтнее развитіе права возвело въ защиту собственности.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Средства производства.

Вещи, обычное назначеніе которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы съ содѣйствіемъ или безъ содѣйствія человѣка создавать новыя вещи или производить необходимое распредѣленіе матеріальныхъ благъ, называютъ средствами производства. Это выраженіе слѣдуетъ предпочесть также часто употребляемому въ соціалистической литературѣ термину «средства труда» (Arbeitsmittel, instruments de travail), потому что послѣднія, согласно традиціонному словоупотребленію, заключаютъ въ себѣ отчасти и пользуемыя вещи (кн. II, гл. 3).

Къ средствамъ производства въ особенности слѣдуетъ отнести слѣдующія вещи съ ихъ принадлежностями: 1) участки земли, служащіе для производства новыхъ вещей, стало быть, поля, лѣса, копи, рѣки и другія воды; 2) фабрики и другія промышленныя заведенія; 3) средства сообщенія въ самомъ широкомъ смыслѣ, куда относятся не только желѣзныя дороги, пароходы, дороги, судоходныя рѣки, но и магазины и другія учрежденія, служащія для надлежащаго распредѣленія матеріальныхъ благъ; 4) требующіеся для производства сырые матеріалы.

Послѣдней цѣлью производства всегда является созданіе потребляемыхъ и пользуемыхъ вещей, которыя приносятъ намъ непосредственную пользу. Но передъ достиженіемъ этой цѣли процессъ производства долженъ, вслѣдствіе нашей сложной техники, пройти нѣсколько промежуточныхъ ступеней. Такъ, сельскій хозяинъ производитъ

рожъ, мельникъ—муку, булочникъ—хлѣбъ. Въ народномъ трудовомъ государствѣ рожь и мука относились бы къ средствамъ производства, хлѣбъ же — къ потребляемымъ вещамъ.

Частная собственность на средства производства въ связи съ обязательственнымъ правомъ есть та часть нашей правовой системы, которая предоставляетъ группѣ лицъ съ одной стороны — полученіе дохода безъ всякаго труда и съ другой — экономическое господство надъ ихъ согражданами. Эти институты, такимъ образомъ, превосходно выражаютъ авторитарный, направленный на использованіе человѣка человѣкомъ характеръ нашего общественнаго строя. Владѣніе потребляемыми и пользуемыми вещами, какъ правило, не можетъ имѣть такого соціальнаго вліянія вслѣдствіе по большей части преходящаго характера этихъ матеріальныхъ благъ. Только наличныя деньги и отдающіеся въ наемъ дома могутъ доставить своему владѣльцу, при посредствѣ договоровъ займа и найма, соціальное и экономическое положеніе, подобное положенію собственника средствъ производства.

Рѣшающее значеніе, которое средства производства имѣютъ для экономическаго и, можетъ быть еще болѣе, для государственнаго порядка, влечетъ за собой то необходимое слѣдствіе, что въ народномъ трудовомъ государствѣ на нихъ ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть предоставлены особыя права отдѣльнымъ личностямъ. Право собственности на всѣ средства производства принадлежитъ такимъ образомъ исключительно государству и государственнымъ союзамъ; совершенно непослѣдовательно вмѣстѣ съ нѣкоторыми полусоціалистами исключать частную собственность только по отношенію къ землѣ [1]). Частноправовые способы пріобрѣтенія собственности, которые до из-

[1]) Сравн. Mably, Doutes proposés aux philosophes économistes (1768), стр. 37 и слѣд.;—Thomas Spence, Meridian sun of liberty (1775), въ изд. 1796 г., стр. 6—11; — Ogilvie, An essay on the right of property in land (1782), въ изд. 1891 г., стр. 7 и слѣд., 92 и слѣд.;—Henry George,

вѣстной степени могутъ быть сохранены по отношенію къ потребляемымъ вещамъ (кн. II, гл. 4), не находятъ никакого примѣненія по отношенію къ средствамъ производства (такъ же, какъ и по отношенію къ пользуемымъ вещамъ). Въ особенности долженъ быть признанъ недѣйствительнымъ самый опасный для разумнаго правового состоянія способъ пріобрѣтенія, а именно — путемъ давности.

Но отдѣльной личности не должно было бы быть предоставлено и право пользованія средствами производства (и въ этомъ заключается ихъ очевидное различіе отъ пользуемыхъ вещей). Конечно, цѣль средствъ производства и въ народномъ трудовомъ государствѣ должна была бы заключаться въ томъ, чтобы ими пользовались для созданія новыхъ вещей; но это пользованіе было бы—подобно тому, какъ въ настоящее время у наемнаго рабочаго на фабрикѣ или въ имѣніи—чисто фактическимъ отношеніемъ и всегда производилось бы за счетъ государства или государственныхъ союзовъ.

Средства производства, слѣдовательно, по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ должны были бы стоять внѣ обращенія, и можно сказать съ увѣренностью, что будущее народнаго трудового государства будетъ зависѣть отъ достаточно точнаго соблюденія этого правила. Насколько же средства производства могутъ составлять предметъ обращенія между государствами и государственными союзами, объ этомъ будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ (кн. III, гл. 6).

Progress and poverty (1880), кн. VIII, гл. I и слѣд.;—Flürscheim, Auf friedlichem Wege (1884), стр. 179 и слѣд.;—Hertzka, Die Gesetze der sozialen Bewegung (1886), стр. 156; см. также Menger, Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag, § 12.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Субъективныя системы распредѣленія.

Какъ должны быть распредѣляемы матеріальныя блага поскольку вообще допустимо надѣленіе этими благами между гражданами народнаго трудового государства? Такъ какъ соціализмъ есть по преимуществу проблема распредѣленія, то этотъ вопросъ составляетъ центральный пунктъ соціалистическихъ правовыхъ системъ, и отвѣтъ на него является рѣшающимъ для опредѣленія характера и практической цѣнности соціалистическихъ теорій. Я могу здѣсь, конечно, коснуться только важнѣйшихъ изъ этихъ соціалистическихъ системъ распредѣленія съ ихъ наиболѣе существенными особенностями.

Если мы прежде всего остановимся на различіи между нашей современной организаціей собственности и соціалистическими системами распредѣленія, то это различіе въ общемъ мы можемъ опредѣлить такимъ образомъ: современная организація собственности есть по преимуществу право, выросшее естественнымъ путемъ, соціалистическія же системы распредѣленія являются по преимуществу правомъ, выработаннымъ сознаніемъ кн. (I, гл. 5). Существенныя основы нашего института собственности были заложены путемъ захвата и завоеванія задолго до выступленія на сцену исторіи законодательства и науки о правѣ; напротивъ, всѣ соціалистическія системы распредѣленія являются результатомъ политическаго и научнаго мышленія. Вслѣдствіе этого между ними существуетъ различіе, подобное различію въ религіозной области между первобытными религіями арійцевъ и семитовъ и ученіями христіанства, буддизма и ислама, созданными немногими лицами.

Между соціалистическими системами распредѣленія въ свою очередь нужно различать системы субъективныя и объективныя. Сущность первыхъ состоитъ въ томъ, что потребляемыя вещи и пользованіе пользуемыми вещами распредѣляются между отдѣльными сочленами сообразно ихъ потребностямъ; здѣсь, такимъ образомъ, рѣшающимъ факторомъ при распредѣленіи благъ является субъектъ и его потребности, мѣняющіяся сообразно возрасту, полу и воспитанію. Между тѣмъ въ объективныхъ системахъ распредѣленія распредѣленіе благъ хотя и производится также по общему принципу, а не въ зависимости отъ случайностей частноправового пріобрѣтенія собственности, но руководящая нить для распредѣленія дается здѣсь извѣстными внѣшними экономическими фактами, именно количествомъ и качествомъ произведенной отдѣльной личностью работы. Впрочемъ, проблема распредѣленія рѣшается исчерпывающимъ образомъ только частноправовымъ порядкомъ и субъективными системами распредѣленія, тогда какъ объективный способъ распредѣленія всегда приходится дополнять до извѣстной степени путемъ позаимствованія изъ первой или изъ второй системы. Такъ, общественный строй, принимающій въ качествѣ масштаба распредѣленія продуктивность труда товарищей, долженъ заботиться въ той или другой формѣ о содержаніи многочисленной категоріи лицъ, неспособныхъ къ работѣ (кн. II, гл. 8).

Въ какомъ же отношеніи находятся субъективная и объективная системы распредѣленія къ различію между коммунизмомъ и соціализмомъ, которое было обрисовано выше (кн. I, гл. 4)? Коммунизмъ основывается всегда на субъективной системѣ распредѣленія, потому что здѣсь масштабъ распредѣленія составляютъ индивидуальныя потребности отдѣльной личности, такъ что надѣленіе ея матеріальными благами совершенно не зависитъ отъ ея положенія въ государственной и трудовой организаціи. Напротивъ, соціализмъ въ собственномъ смыслѣ, допускаю-

щій экономическое неравенство, можетъ положить въ основу распредѣленія какъ субъективную, такъ и объективную систему распредѣленія. Первую въ томъ случаѣ, когда за масштабъ распредѣленія хотя и берутся потребности отдѣльной личности, но удовлетворяются онѣ, сообразно съ общественнымъ положеніемъ сочленовъ, неравнымъ образомъ; вторую въ томъ случаѣ, если масштабомъ распредѣленія служитъ какой-нибудь экономическій фактъ (напр., произведенная отдѣльной личностью работа), потому что съ этимъ необходимо связано экономическое неравенство.

Распредѣленіе въ субъективныхъ системахъ можетъ быть или самопроизвольное (selbsttätige) или при помощи государства и государственныхъ союзовъ.

I. Сущность самопроизвольнаго распредѣленія состоитъ въ томъ, что оно производится имѣющими на это право товарищами самостоятельно, безъ содѣйствія высшей власти. Другими словами: при господствѣ этого принципа распредѣленія каждый членъ государства или государственнаго союза можетъ брать себѣ изъ потребныхъ ему вещей столько, сколько онъ хочетъ. Уже при современномъ порядкѣ важную роль играютъ такъ называемыя не подлежащія праву частной собственности вещи, т. е. такія вещи, которыя, какъ воздухъ, море и текущія воды, обыкновенно имѣются въ столь большомъ количествѣ, что предоставляются въ свободное пользованіе всѣмъ. Точно также каждый можетъ пользоваться въ извѣстныхъ предѣлахъ по своему усмотрѣнію улицами, площадями, гаванями, общественными парками и другими вещами, предназначенными для общаго употребленія (кн. II, гл. 5). Этотъ способъ распредѣленія, осуществленный въ нѣкоторыхъ случаяхъ уже при современномъ частномъ правѣ, нѣкоторыя коммунистическія системы [1]) расширяютъ на всѣ полезныя вещи, позволяя каждому члену общины присваивать изъ

[1]) Сравн., напр., Morelly, Naufrage des isles flottantes ou Basiliade, т. 1 (1753), стр. 5, 6; Code de la nature (1755), стр. 194, гл. 11;—Dezamy, Code de la communauté (1842), стр. 264, въ Lois fondamentales, ст. 5.

нихъ себѣ столько, сколько кто пожелаетъ, при чемъ никакого опредѣленнаго соотношенія между количествомъ присвоенныхъ благъ и размѣромъ произведенной имъ работы не должно существовать. Коммунистическій анархизмъ, согласно своимъ основнымъ воззрѣніямъ, неизбѣжно долженъ принимать систему самопроизвольнаго распредѣленія, такъ какъ онъ совершенно отрицаетъ государственный организмъ, который могъ бы взять на себя распредѣленіе матеріальныхъ благъ (стр. 13, прим. 1).

Конечно, ни одинъ трезво смотрящій человѣкъ не будетъ оспаривать, что такой соціальный строй, при которомъ каждый можетъ потреблять такъ много и работать такъ мало, какъ пожелаетъ, является въ предвидимомъ будущемъ совершенно непримѣнимымъ къ нашимъ народнымъ массамъ, выросшимъ при существованіи института частной собственности. Подобное состояніе предполагаетъ продолжающееся столѣтія воспитаніе народовъ въ духѣ братства и самопожертвованія,—воспитаніе, которымъ какъ разъ совершенно перестало заниматься христіанство послѣ того, какъ оно примкнуло къ господствующимъ классамъ при императорѣ Константинѣ I (306—337). Тѣмъ не менѣе народное трудовое государство могло бы значительно расширить кругъ вещей, предоставленныхъ всѣмъ и назначенныхъ для общаго употребленія, въ то же время сохраняя за собой заботу о распредѣленіи другихъ матеріальныхъ благъ, а именно такимъ образомъ, чтобы въ тѣ періоды, когда нѣтъ острой нужды, напримѣръ, самые простые съѣстные припасы, матеріалы для отопленія и для чистки были бы предоставлены въ свободное распоряженіе членовъ государства. Если же будущій соціальный порядокъ постепенно введетъ систему общихъ жилищъ и общихъ обѣдовъ (Mahlzeiten), что естественно вытекаетъ изъ его тенденцій, то этимъ будетъ само собой дано значительное расширеніе самопроизвольнаго распредѣленія благъ.

Еще болѣе могла бы быть расширена система самопроизвольнаго распредѣленія, если бы это распредѣленіе

было обставлено въ подходящей формѣ гарантіями публичности. Уже въ настоящее время за табльдотами въ гостиницахъ и пансіонахъ, которые, благодаря тому, что даютъ и общее помѣщеніе и общіе обѣды, во многихъ отношеніяхъ представляютъ прообразъ будущаго соціальнаго строя,— каждый гость можетъ брать изъ предложенныхъ кушаній столько, сколько онъ хочетъ, но эгоизмъ отдѣльной личности, даже при скудости угощенія, обуздывается нѣкотораго рода публичностью всего происходящаго.

II. Вторая субъективная система распредѣленія—государственное распредѣленіе благъ. При этой системѣ потребляемыя вещи и пользованіе пользуемыми вещами распредѣляются между членами государства сообразно ихъ потребностямъ государственными органами. Въ связи съ этой системой распредѣленія находится обязательность труда для всѣхъ способныхъ къ труду гражданъ, при чемъ однако предоставляемыя отдѣльной личности вещи (и услуги) не должны стоять въ опредѣленномъ отношеніи съ произведенной ею работой.

Между потребностями выдвигаются на первый планъ тѣ, отъ удовлетворенія которыхъ для отдѣльной личности зависитъ поддержаніе достойнаго человѣческаго существованія и которыя вслѣдствіе этого можно назвать самыми насущными потребностями. Если правовая система признаетъ [1]) за каждымъ членомъ общества право требовать,

[1]) Meslier († 1729 или 1733), Le testament, т. 2 (1864), стр. 170;—Morelly, Code de la nature (1755), стр. 190, гл. 2:—Mably, Doutes proposées aux philosophes économistes (1768), стр. 39:—Babeuf въ «Tribun du peuple» 20 frimaire an IV (11 дек. 1795), стр. 112;—Buonarroti, Conspiration pour l'égalité, т. 2 (1828). стр. 311 (De la distribution et de l'usage des biens de la communauté, art. 2);—Fourier, Le nouveau monde (1829), стр. 4, 333, 373; въ «Oeuvres», т. 6 (1848), стр. 3, 4, 283, 317;—Сенъ-симонизмъ: Exsposition de la doctrine saint-simonienne (1828—1830), въ «Oeuvres», т. 41 (1877), стр. 274;—Owen, The revolution in the mind and practice of the human race (1849), стр. 72;—Cabet, Voyage en Icarie (1840), 5 изд. (1848). стр. 35;—Dezamy, Code de la communauté (1842), стр. 265. въ Lois distributives et économiques, гл. 4;—Weitling, Garantien der Harmonie und Freiheit (1842), 3-е изд. (1849), стр. 170, гл. 6 и слѣд., стр. 194, гл. 2;—Bellamy, Looking backward (1888), гл. 12.

чтобы ему были предоставлены потребныя для поддержанія достойнаго человѣческаго существованія вещи и услуги сообразно съ наличностью средствъ, раньше чѣмъ будутъ удовлетворены менѣе настоятельныя потребности другихъ, то мы имѣемъ передъ собой право на существованіе (Recht auf Existenz). Но въ этомъ правѣ заключается, смотря по возрасту лицъ, пользующихся имъ, различное содержаніе. По отношенію къ несовершеннолѣтнимъ дѣло идетъ о поддержаніи ихъ существованія и о воспитаніи; по отношенію къ взрослымъ — о поддержаніи существованія: по отношенію къ лицамъ, которыя, вслѣдствіе старости, болѣзни и другихъ причинъ, неспособны къ труду, — о попеченіи [1]). Наше современное право въ устройствѣ домовъ для подкидышей и сиротъ, а также въ страхованіи противъ безработицы, болѣзни, несчастныхъ случаевъ, старости и инвалидности содержитъ скромные зачатки осуществленія права на существованіе.

Удовлетвореніе самыхъ насущныхъ потребностей должно было бы направиться прежде всего на вопросъ о жилищахъ. Такъ какъ наше современное строительное искусство покоится преимущественно на индивидуалистической основѣ, то въ началѣ было бы цѣлесообразно предоставить семейнымъ лицамъ отдѣльное семейное хозяйство (система обособленнаго хозяйства), тогда какъ несемейные мужчины и женщины могли бы немедленно поселиться въ общихъ жилищахъ и имѣть общіе обѣды (система соединеннаго хозяйства) [2]). Только со временемъ, съ раз-

[1]) Сравн. Menger, Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag, 2 изд. (1891), стр. 8—11. Право на трудъ, полусоціалистическое дополненіе современнаго частноправового порядка, мы оставляемъ здѣсь безъ разсмотрѣнія. Сравн. назв. соч., стр. 11—26; — Singer-Sieghart, Das Recht auf Arbeit (1895), стр. 75—79.

[2]) Въ американскихъ коммунистическихъ общинахъ существуетъ частью обособленное, частью соединенное хозяйство: первое — въ общинахъ Amana (отдѣльныя жилища, общіе обѣды), Harmony и Zoar (отдѣльные жилища и обѣды); послѣднее — у шэкеровъ (Shacers) и въ общинѣ Oneida (общіе жилища и обѣды). Община Zoar прекратила свое существованіе въ 1889 г.; Oneida обратилась въ акціонерное общество въ 1881 г.; обѣ находились въ моментъ уничтоженія общности имуществъ въ очень благопріятномъ

витіемъ соціалистическаго строительнаго искусства и съ измѣненіемъ семейныхъ нравовъ, могло бы быть постепенно расширено примѣненіе послѣдней системы, въ виду ея значительныхъ экономическихъ преимуществъ. Въ данномъ случаѣ слѣдовало бы использовать предложеніе Оуэна и Фурье, а также постройки американскихъ соціалистическихъ общинъ, въ качествѣ образцовъ для групповыхъ и общинныхъ дворцовъ трудового государства.

Только послѣ полнаго осуществленія права на существованіе каждой отдѣльной личности, могли бы быть удовлетворены и болѣе изысканныя потребности высшихъ классовъ населенія (кн. I, гл. 11). Изслѣдованіе этихъ потребностей въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ было бы, конечно, практически неосуществимо; скорѣе средства удовлетворенія должны были бы быть сгруппированы въ извѣстныя общія категоріи, подобно тому, какъ это имѣетъ мѣсто при градаціяхъ содержанія нашей бюрократической іерархіи, при чемъ могли бы быть приняты во вниманіе и желанія заинтересованныхъ лицъ. Демократическій характеръ трудового государства будетъ зависѣть отъ того, что средства удовлетворенія іерархически высшихъ слоевъ населенія не будутъ слишкомъ превосходить мѣру простыхъ потребностей существованія.

Экономическія слѣдствія настоящей и будущей системы распредѣленія могутъ быть, слѣдовательно, опредѣлены приблизительно слѣдующимъ образомъ. Такъ какъ наша форма собственности покоится главнымъ образомъ на отношеніяхъ, основанныхъ на силѣ, то она организована въ существенныхъ чертахъ такимъ образомъ, чтобы прежде всего были удовлетворены потребности господствующихъ и имущихъ, съ опасностью, что значительныя массы наи-

---

экономическомъ положеніи. Ср. Nordhoff, The communistic societies in the United States (1875), стр. 32, 88, 89, 111—136, 277;—Hinds, American communities, 1-е изд. (1878), стр. 51, 109, 121, 131, 134; 2-е изд. (1902), стр. 118 и слѣд., 202 и слѣд.

болѣе обездоленныхъ не будутъ имѣть средствъ даже для поддержанія достойнаго человѣческаго существованія. Наоборотъ, въ демократическомъ трудовомъ государствѣ болѣе изысканныя потребности высшихъ слоевъ населенія могли бы быть удовлетворены только въ томъ случаѣ, если бы предварительно всѣмъ гражданамъ государства было обезпечено поддержаніе достойнаго человѣческаго существованія. Вокругъ этой основной реформы, несомнѣнно величайшей, къ какой когда-либо стремился человѣческій родъ, уже въ теченіе столѣтія вращается соціальное движеніе.

Опредѣленный размѣръ средствъ потребленія и опредѣленное рабочее время— вотъ принципъ субъективной государственной системы распредѣленія, принципъ, несомнѣнная непреклонность котораго будетъ, правда, смягчаться прогрессирующимъ проникновеніемъ самопроизвольнаго распредѣленія благъ. Подобно тому, какъ средства для удовлетворенія потребностей различны для высшихъ и низшихъ классовъ населенія, рабочее время также не будетъ одинаково для всѣхъ профессій. Большая свобода въ этомъ направленіи необходима для народнаго трудового государства, если оно хочетъ достигнуть нѣкоторыхъ обязательныхъ для него цѣлей, напримѣръ, надлежащей продуктивности непріятныхъ или вредныхъ для здоровья работъ.

Отъ этого общаго типа государственнаго распредѣленія благъ однако должны были бы быть допущены, по практическимъ соображеніямъ, отступленія двоякаго рода,—прежде всего потому, что для отдѣльной личности и въ народномъ трудовомъ государствѣ могутъ возникнуть извѣстныя обязательства, которыя ей пришлось бы исполнять при помощи доставшихся ей на долю средствъ потребленія. Такъ, должна была бы быть признана обязанность родителей поддерживать существованіе своихъ дѣтей, чтобы доставить будущему общественному строю тѣ же гарантіи, какія даетъ современное частное право (кн. II,

гл. 13, 14). Точно также изъ недозволенныхъ дѣйствій должны были бы возникнуть для виновника различнаго рода обязательства возмѣщенія убытковъ (кн. II, гл. 9). Всѣ эти обязательства могли бы быть исполнены только путемъ увеличенія рабочаго времени или уменьшенія причитающагося отдѣльной личности количества средствъ потребленія, при чемъ однако эти послѣднія не должны бы были опускаться значительно ниже уровня самыхъ насущныхъ потребностей.

Теперь, однако, нужно обсудить также вопросъ, можетъ ли народное трудовое государство допустить для отдѣльной личности, по ея желанію, болѣе продолжительное рабочее время, чѣмъ опредѣленное общими правилами, чтобы удовлетворить такимъ путемъ болѣе изысканныя или болѣе широкія потребности. Нѣкоторые соціалисты желаютъ предоставить въ этомъ отношеніи отдѣльной личности полную свободу. Такъ, согласно предложеніямъ Вейтлинга, общество должно взять на себя обязанность доставить каждому своему члену, положимъ, за шестичасовую работу всѣ необходимыя и полезныя вещи и услуги: но каждый долженъ имѣть право путемъ извѣстнаго количества добавочныхъ рабочихъ часовъ пріобрѣтать для себя и просто пріятные продукты и услуги [1]). Безъ сомнѣнія, будущій соціальный строй, подобно жизни въ современныхъ гостиницахъ и пансіонахъ, повлечетъ за собой большую равномѣрность потребностей и склонностей, но все-таки онъ долженъ будетъ до извѣстной степени дать возможность отдѣльной личности удовлетворять повышенныя потребности при посредствѣ повышенной работы. Съ другой стороны администрація народнаго трудового государства никогда однако же не должна будетъ

[1]) Weitling, Garantien der Harmonie und Freiheit (1842), 3-е изд. (1849), стр. 193 и слѣд. Подобные же взгляды и у Pequeur'a, La république de Dieu (1844), стр. 294;—Renard, Le régime socialiste (1898), 2-е изд. (1898), стр. 33;—Vandervelde, Le collectivisme (1900), стр. 202. 203.

забывать, что слишкомъ утонченное потребленіе можетъ стать почти столь же роковымъ для демократическаго характера трудового государства, какъ и накопленіе земельной и денежной собственности въ нашемъ современномъ общественномъ строѣ.

Только что обрисованную субъективную систему распредѣленія слѣдуетъ разсматривать, какъ такую, къ которой несомнѣнно стремится современное соціальное движеніе. Дѣйствительно, она представляетъ очень значительныя преимущества какъ для переходнаго, такъ и для постояннаго состоянія. Въ переходное время она даетъ возможность народному трудовому государству не только опереться на привычныя для населенія условія труда и потребленія, но даже удержать традиціонныя денежныя цѣны на вещи и рабочій трудъ съ тѣми измѣненіями, какія возникнутъ благодаря измѣнившимся отношеніямъ силы.

Удержаніе денежныхъ цѣнъ сдѣлало бы ненужной всеобщую переоцѣнку всѣхъ вещей и рабочаго труда, переоцѣнку, которая была бы неизбѣжна, если бы цѣнность всѣхъ полезныхъ вещей должна была бы быть измѣрена новымъ мѣриломъ цѣнности, положимъ, количествомъ вложеннаго въ нихъ средняго труда (рабочія деньги—Arbeitsgeld [1]). Такая всеобщая переоцѣнка уже сама по себѣ

---

[1]) Рабочія деньги соціалистическихъ системъ несомнѣнно опираются на взглядъ Локка, Адама Смита, Рикардо и многочисленныхъ другихъ англійскихъ экономистовъ, что главной основой цѣнности является трудъ. Поэтому когда Робертъ Оуэнъ въ 1832 году основалъ свой рабочій мѣновой банкъ, то каждому вкладчику выплачивались за доставленные имъ въ магазинъ полезные предметы не наличныя деньги, а рабочіе ярлыки (labour notes) за столько часовъ, сколько долженъ былъ бы потратить на изготовленіе даннаго товара средній рабочій. Эти рабочія деньги не только перешли въ многочисленныя соціалистическія системы, напр. Вейтлинга, Родбертуса, Энгельса, Бебеля и др., но послужили также основой теорій цѣнности Маркса и Родбертуса. Сравн. L o c k e, Two treatises of government (1690), II. 40;—A d a m S m i t h, An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations (1776), кн. I, гл. 5;—R i c a r d o, The principles of political economy (1817), гл. 1;—O w e n, Report to the county of Lanark (1821), стр. 19 и слѣд.; онъ же, Report of the proceedings at the several public meetings held in Dublin (1823), стр. 127 и слѣд.;—Crisis (офиціальный органъ оуэновскаго рабочаго мѣнового банка), т. 1

имѣла бы значеніе громадной экономической революціи со всѣми ея раздорами и замѣшательствами, а между тѣмъ этотъ переворотъ не могъ бы принести значительной пользы тому общественному строю, въ основѣ котораго лежитъ право на существованіе.

Затѣмъ, во-вторыхъ, послѣ того, какъ войдетъ въ жизнь групповой и общинный соціализмъ, удержаніе извѣстныхъ денежныхъ цѣнъ значительно облегчило бы переходъ къ новому соціальному порядку, такъ какъ въ этомъ случаѣ между отдѣльными группами и общинами должно было бы продолжать существовать частное право и обусловливаемый имъ порядокъ опредѣленія цѣнъ (кн. III. гл. 5, 6). Если, наконецъ, частно-правовой и соціалистическій правопорядки будутъ существовать долго рядомъ другъ съ другомъ (кн. IV, гл. 4, 5), то безъ общаго мѣрила цѣнности—во всякомъ случаѣ нельзя будетъ обойтись. Между соціалистическими сочленами народнаго трудового государства, вмѣсто расплаты наличными, естественно, станутъ примѣняться банковскіе подсчеты и отчисленія.

Но и послѣ наступленія окончательно установившагося положенія наша система распредѣленія имѣла бы то преимущество, что ею цѣликомъ разрѣшалась бы проблема распредѣленія; часть произведенныхъ цѣнностей обращалась бы для капитализированія, все остальное—для распредѣленія между товарищами. Точно также, если бы

(1832—1833), стр. 77—80. 108;—Gray. The social system (1831), стр. 64: онъ же, Lectures on the nature and use of money (1848), стр. 161 и слѣд.;—Osiah Warren, Equitable commerce, a new development of principles, New-York (1852), стр. 82 и слѣд.; сравн. ниже. стр. 142. прим. 1;—Weitling, Garantien der Harmonie und Freiheit (1842), въ 3-мъ изд. (1849). стр. 180 и слѣд.;—Rodbertus, Ueber den Normalarbeitstag (1871), въ изданныхъ Морицемъ Виртомъ «Мелкихъ сочиненіяхъ» (1890), стр. 342 и слѣд.;—его же Das Kapital (1884). стр. 149 и слѣд.;—Schaffle. Die Quintessenz des Sozialismus (1875). стр. 42—48;—Engels, Anti-Dühring (1877), стр. 259 и слѣд.;—Bebel, Die Frau, 25 изд. (1895), стр. 361 и слѣд.;—Menger. Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag, стр. 94—96. Ср. ниже, стр. 129. 142—144

народное трудовое государство удержало исторически традиціонныя денежныя цѣны, оно могло бы предпринимать необходимыя измѣненія постепенно, съ большой осмотрительностью, между тѣмъ какъ оцѣнка по количеству вложеннаго въ матеріальныя блага средняго труда постоянно подвергалась бы новымъ революціямъ вслѣдствіе непрерывныхъ переворотовъ въ техникѣ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Объективныя системы распредѣленія.

Объективныя системы распредѣленія предполагаютъ такое состояніе общества, при которомъ всѣ средства производства, или, по крайней мѣрѣ, земля, находятся во владѣніи государства или государственныхъ союзовъ. Напротивъ, къ собственно соціалистическимъ системамъ распредѣленія нельзя причислить тѣ предложенія, которыя имѣютъ цѣлью только возможно болѣе равномѣрное распредѣленіе между сочленами государства частной собственности, особенно на землю. Ибо такія предложенія имѣютъ въ виду не уничтожить частную собственность, а напротивъ обезпечить и укрѣпить ее путемъ уничтоженія самыхъ худшихъ тѣневыхъ ея сторонъ [1]).

III. Объективныя системы распредѣленія, предполагающія переходъ въ вѣдѣніе государства всѣхъ средствъ производства, естественно имѣютъ въ основѣ право на полный продуктъ труда (auf den vollen Arbeitsertrag) [2]). При господствѣ этого права доходъ безъ труда (поземельная рента, прибыль на капиталъ) невозможенъ,

[1]) Вслѣдствіе этого спартанское и критское аграрное устройство вовсе не имѣло соціалистическаго характера, несмотря на бывшія въ обычаѣ въ обѣихъ странахъ общія трапезы (сисситіи); то же можно сказать объ аграрныхъ законахъ обоихъ Гракховъ и о часто возникавшемъ во время французской революціи планѣ равнаго распредѣленія пахатной земли (loi agraire).

[2]) Ср. Menger, Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag, 2-е изд. (1891), стр. 6—7 и въ другихъ мѣстахъ; далѣе Foxwell y Menger'a, The right to the whole produce of labour, translated by Tanner (1899), стр. XXVII и слѣд.;—Andler y Menger'a. Le droit au produit intégral du travail, traduit par Bonnet (1900), стр. XXX и слѣд.

и весь продуктъ труда, по отчисленіи платежей въ пользу государства, распредѣляется между работающими товарищами. Мѣсто металлическихъ денегъ занимаютъ рабочія деньги, но мѣриломъ цѣнности является не просто время труда, а время средняго труда. Поэтому каждый рабочій получаетъ плату не за то количество рабочихъ часовъ, которое онъ дѣйствительно потратилъ на произведенныя имъ матеріальныя блага и услуги, а за то, которое долженъ былъ бы потратить рабочій съ среднимъ прилежаніемъ и средними способностями. Исходя изъ этого основанія, государство должно было бы таксировать всѣ матеріальныя блага и услуги въ среднихъ рабочихъ часахъ, и каждый рабочій могъ бы получать изъ государственныхъ магазиновъ всѣ средства для удовлетворенія своихъ потребностей сообразно съ количествомъ оплаченныхъ ему рабочихъ часовъ (стр. 125, прим. 1) [1]).

Ясно, что эта система распредѣленія рѣшаетъ задачу распредѣленія только для способныхъ къ труду; о тѣхъ, которые неспособны къ труду вслѣдствіе своей юности, болѣзни, старости или по другимъ подобнымъ причинамъ, пришлось бы позаботиться при посредствѣ другихъ частноправовыхъ и соціалистическихъ учрежденій. Кромѣ того, таксировка всѣхъ матеріальныхъ благъ въ среднихъ рабочихъ часахъ—даже для самаго совершеннаго государства слишкомъ трудная и сложная задача, тѣмъ болѣе, что эти таксы (Tarife) постоянно должны были бы быть пересматриваемы вслѣдствіе измѣненій въ продуктивности труда. Государство можетъ охватить только крупное, осязательное, общее для всѣхъ; вслѣдствіе этого и система субъективнаго государственнаго распредѣленія благъ (кн. II, гл. 7) также должна была бы отказаться отъ разслѣдованія

[1]) Сравн. Rodbertus, Das Kapital (1884), стр. 109—160. Всѣ средства производства должны, по мысли Родбертуса, принадлежать государству (не общинѣ). Марксъ (Das Kapital (1867), 3-е изд. (1883), стр. 48) также выразилъ одобреніе распредѣленію сообразно съ рабочимъ временемъ, конечно, только гипотетически. Сравн. также Renard, Le régime socialiste (1898), 2-е изд. (1898), стр. 157—176).

индивидуальныхъ потребностей и принимать во вниманіе только самыя общія категоріи потребностей.

Тѣ, которые разсматриваютъ уравненіе всѣхъ въ матеріальныхъ условіяхъ жизни, какъ опасность для прочности и продолжительнаго существованія народнаго трудового государства, уже потому отвергнутъ объективную систему распредѣленія, что она по своей сущности стремится къ полному формальному равенству работающихъ товарищей. Если этотъ способъ распредѣленія провести вполнѣ послѣдовательно и безъ заднихъ мыслей, то средній рабочій часъ Рафаэля долженъ быть оцѣненъ одинаково съ среднимъ рабочимъ часомъ простого поденщика, и даже довольно часто Рафаэль будетъ стоять въ экономическомъ отношеніи позади поденщика, потому что рабочій день художника и ученаго заключаетъ въ себѣ большею частью меньше среднихъ рабочихъ часовъ, чѣмъ рабочій день механическаго рабочаго.

IV. Въ то время, какъ распредѣленіе благъ сообразно количеству средняго труда носитъ еще по преимуществу соціалистическій характеръ вслѣдствіе широкаго участія въ немъ государственныхъ органовъ, та система распредѣленія, которую предстоитъ намъ обрисовать сейчасъ, представляетъ уже переходъ къ порядку, основанному на правѣ частной собственности. Сущность этой системы состоитъ въ томъ, что земля принадлежитъ государству или, что является правиломъ, общинѣ, тогда какъ промышленныя заведенія, средства сообщенія и другія средства производства находятся въ рукахъ частныхъ лицъ. Противоположная система, при которой промышленныя заведенія и т. д. принадлежали бы обществу, а земля, напротивъ, отдѣльнымъ лицамъ, не возникала ни въ дѣйствительности, ни въ соціалистической теоріи. Очевидно, для такого развитія идей рѣшающимъ было то соображеніе, что земля есть по преимуществу свободный даръ природы, остальныя же средства производства въ значительной мѣрѣ—дѣло человѣческихъ рукъ.

Такъ какъ въ этой формѣ распредѣленія преобладаютъ частноправовые элементы, то земля не воздѣлывается самой общиной, а періодически, раздѣленная на участки, сдается членамъ общины, или безденежно, или за арендную плату, которая въ такомъ случаѣ обращается на покрытіе общественныхъ потребностей общины. Члены общины пользуются своими участками совершенно въ формахъ частноправового правопорядка, подобно обыкновеннымъ арендаторамъ; они увеличиваютъ свои рабочія силы при помощи договора найма, они покупаютъ потребныя имъ вещи и продаютъ свои продукты на рынкѣ. Подобный соціальный порядокъ имѣетъ, такимъ образомъ, всѣ признаки современнаго частноправового обращенія съ проявленіемъ лишь заботы о равномѣрномъ распредѣленіи земельной собственности. Такова соціальная система русской сельской общины («міра») [1]; та же идея лежитъ и въ основѣ предложеній нѣкоторыхъ соціалистовъ [2]).

Обрисованныя выше системы распредѣленія (№№ I—IV) слѣдуетъ разсматривать, какъ основныя соціалистическія рѣшенія проблемы распредѣленія, которыя я формулировалъ не столько по логической схемѣ, сколько на основѣ историческаго развитія соціализма. Между этими типичными формами распредѣленія естественно возможны многоразличныя переходныя и связывающія ступени. Но онѣ, такъ же какъ и еще болѣе многочисленные переходы отъ объективныхъ формъ распредѣленія къ нашему современному строю, находятся внѣ области моего разсмотрѣнія.

---

[1]) Сравн., напр., Simkhowitsch, Die Feldgemeinschaft in Russland (1898), стр. 105 и слѣд.

[2]) Thomas Spence, The meridian sun of liberty (1775), въ изданіи 1796 г., стр. 8—11; — Charles Hall, The effects of civilization on the people in European states (1805), гл. 38. Сравн. также выше, стр. 114, прим. 1.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Обязательственное право.

Однимъ изъ самыхъ худшихъ враговъ дѣйствительно демократической государственной жизни является наше обязательственное право, въ особенности же дѣйствующее право договора. Согласно праву договора, какъ оно формулировано въ гражданскихъ кодексахъ всѣхъ націй, наниматель можетъ на законномъ основаніи поставить своего рабочаго посредствомъ увольненія предъ вопросомъ о существованіи, домовладѣлецъ можетъ его и его семью выбросить даже на улицу, если рабочій не имѣетъ возможности найти другого пристанища, и точно также пролетарій предоставленъ на произволъ эксплуатаціи мелкаго торговца и ростовщика безъ всякихъ дѣйствительныхъ ограниченій этой эксплуатаціи со стороны закона. Нѣкоторыя изъ этихъ правъ—не что иное, какъ историческое выраженіе стараго преобладанія имущихъ классовъ, но въ большинствѣ случаевъ они—необходимое слѣдствіе существующаго строя, основаннаго на институтѣ частной собственности. Вслѣдствіе этого понятно, что нѣкоторые богатые смотрятъ съ пренебреженіемъ на бѣдныхъ, такъ какъ они чувствуютъ себя свободными отъ тысячи невидимыхъ оковъ, которыя на каждомъ шагу связываютъ пролетарія въ его жизненной дѣятельности.

Изъ этого столь привыкшаго къ произволу человѣческаго матеріала демократическіе писатели XVIII вѣка и примыкавшія къ нимъ политическія народныя движенія пытались построить демократическое государство. Если

эти попытки постоянно бывали безуспѣшны и если даже въ самыхъ свободныхъ республикахъ оказывалось мало дѣйствительно демократической жизни, то причина, очевидно, заключается въ томъ, что отъ народныхъ массъ напрасно ждутъ прочной преданности чуждымъ имъ политическимъ цѣлямъ въ то время, какъ онѣ въ своихъ важнѣйшихъ и наиболѣе ихъ интересующихъ частныхъ дѣлахъ ежедневно и ежечасно подвергаются произволу отдѣльныхъ лицъ. Ибо что такое для широкихъ народныхъ массъ даже преисполненное произвола господство Тиверія или Калигулы, только отдаленнымъ образомъ касающееся ихъ, иногда даже полезное имъ, по сравненію съ тиранiей грубаго нанимателя или домовладѣльца или съ эксплуатацiей жаднаго ростовщика или мелкаго торговца? Ничто не показываетъ такъ вѣрно блестящихъ практическихъ дарованiй римскаго народа, какъ тотъ фактъ, что плебеи никогда не выражали желанiя прекратить государственное единство съ патрицiями изъ-за политическихъ столкновенiй, но въ то же время, вслѣдствiе недобросовѣстнаго эксплоатированiя со стороны плутократiи договора о займѣ нѣсколько разъ удалялись на Священную гору. Вслѣдствiе этого слѣдуетъ считать признакомъ возрастающаго пониманiя вещей, если чисто политическая демократiя въ мысляхъ и желанiяхъ культурныхъ нацiй все больше отступаетъ на задній планъ.

Народному трудовому государству нельзя будетъ обойтись безъ коренного преобразованiя договорнаго права, если оно заранѣе не желаетъ создать совершенно шаткое положенiе вещей. Эта реформа должна въ существенныхъ чертахъ преслѣдовать ту цѣль, чтобы ни одинъ гражданинъ не могъ быть подчиненъ другому только вслѣдствiе частноправового договора. Но и здѣсь, какъ и по отношенiю къ вещному праву, рѣчь идетъ отнюдь не о созданiи совершенно новаго порядка, такъ какъ зародыши новыхъ учрежденiй уже скрыты въ существующихъ правовыхъ отношенiяхъ.

И дѣйствительно, если мы разсмотримъ учрежденія, при помощи которыхъ получаетъ порядокъ и стройность громадная масса работъ, необходимыхъ для поддержанія существованія общества, то мы увидимъ, что эта организація общественнаго труда [1]) осуществляется преимущественно въ двухъ главныхъ формахъ: во-первыхъ, при посредствѣ приказанія высшей власти, во-вторыхъ, при посредствѣ подчиненія по договору одного лица волѣ другого [2]).

Организація труда при посредствѣ приказанія высшей власти имѣетъ въ наше время большое и все возрастающее значеніе.

Необозримое множество работъ, производимыхъ современнымъ государствомъ при помощи своихъ служащихъ и армій, получаетъ порядокъ и стройность не при посредствѣ договора, а при посредствѣ приказанія. Хозяйственныя работы членовъ семьи точно также получаютъ свое направленіе при посредствѣ приказанія отца семейства. Равнымъ образомъ нѣкоторымъ привилегированнымъ экономическимъ предпріятіямъ, напр., желѣзнодорожнымъ обществамъ, капитанамъ судовъ, дѣйствующимъ правовымъ порядкомъ предоставлена такая власть надъ ихъ подчиненными, которая далеко превышаетъ границы простого частноправового договора. Вообще, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ руководителю предпріятія предоставлено право

---

[1]) Выраженіе «организація труда» (organisation du travail) въ первый разъ было употреблено въ «Exposition de la doctrine Saint-Simonienne» (1820—1830), въ «Oeuvres», т. 41 (1877), стр. 102, и стало очень извѣстнымъ благодаря сочиненію Луи Блана, впервые появившемуся въ 1840 г. въ видѣ брошюры «Organisation du travail». Большинство соціалистическихъ писателей понимаютъ подъ организаціей труда такой соціальный строй, при которомъ общественный трудъ бываетъ руководимъ изъ одного или нѣсколькихъ центральныхъ пунктовъ. Но и взаимное подчиненіе гражданъ на основѣ нашего современнаго договорнаго права есть организація—правда, несовершенная и раздробленная—общественнаго труда.

[2]) Maine, Ancient law (1874), стр. 168—170; — Herbert Spencer, Plea for liberty, an argument against socialism and socialistic legislation (1891), стр. 6 и слѣд.; сравн. также Steinbach, Rechtsgeschäfte der wirtschaftlichen Organisation (1897); Genossenschaftliche und herrschaftliche Verbände (1901).

наказанія или дисциплинарная власть надъ работающими въ этомъ предпріятіи, всегда оправдывается предположеніе, что организующимъ факторомъ такого общества служитъ по крайней мѣрѣ преимущественно приказаніе, а не основанное на договорѣ подчиненіе.

Рядомъ съ организаціей общественнаго труда при посредствѣ приказанія важное, даже преобладающее значеніе въ нашихъ правовыхъ системахъ занимаетъ также организація при посредствѣ договора. Общій организаціонный принципъ, выражающійся тамъ въ правѣ господства высшей власти, здѣсь отсутствуетъ, если не считать незначительныхъ слѣдовъ, сохранившихся въ странахъ съ отсталымъ правовымъ порядкомъ отъ крѣпостной зависимости (напр., въ нѣкоторыхъ уставахъ о прислугѣ — Gesindeordnungen). Общественный трудъ въ тѣхъ областяхъ, на которыя современное государство смотритъ какъ на совершенно частное дѣло, организуется такимъ путемъ, что одинъ гражданинъ обязуется при посредствѣ договора передъ другимъ совершить извѣстную работу, все равно, относится ли соглашеніе непосредственно къ работѣ (договоръ найма) или предметомъ его является вещь, въ которой заключенъ человѣческій трудъ (покупка, обмѣнъ, заемъ). Государство относится къ этой частной организаціи безразлично; и только въ томъ случаѣ, если договоръ не исполняется надлежащимъ образомъ, оно доставляетъ судебную помощь.

Эти обѣ столь различныя формы организаціи вполнѣ соотвѣтствуютъ той оцѣнкѣ, которую дѣлаетъ современное общество интересамъ различныхъ слоевъ населенія. Пока государство разсматриваетъ интересы извѣстныхъ привилегированныхъ круговъ народа, какъ равнозначущіе съ общественнымъ благомъ, оно будетъ ихъ оффиціально защищать и создастъ для этой цѣли соотвѣтствующія публичныя организаціи; защиту всѣхъ остальныхъ интересовъ оно спокойно предоставитъ самодѣятельности заинтересованныхъ лицъ. Но разъ народное трудовое госу-

дарство видитъ въ обезпеченіи для народныхъ массъ достойной человѣка экономической жизни важнѣйшую изъ всѣхъ государственныхъ цѣлей, истинное общественное благо (кн. II, гл. 1), то оно должно устранить частную организацію общественнаго труда и замѣнить ее публичной. Это великое преобразованіе сдѣлается неизбѣжнымъ въ томъ случаѣ, если государство станетъ владѣльцемъ пользуемыхъ вещей и средствъ производства (кн. II, гл. 5 и 6).

Правовыя системы европейскихъ культурныхъ народовъ испытали подобное преобразованіе въ политической области послѣ исхода среднихъ вѣковъ. Въ средніе вѣка и вплоть до новаго времени юстиція, администрація, армія и финансы, словомъ, все то, что мы теперь называемъ государственной властью, было предметомъ частноправовыхъ договоровъ и индивидуальнаго пользованія (патримоніальное государство). Тогда даже самые близорукіе глаза не могли не видѣть, что государственная власть служитъ не общему благу, а пользѣ узкихъ круговъ населенія.

Позже нѣсколько семействъ возвысились надъ остальными династіями и корпораціями, взяли у нихъ изъ рукъ государственную власть и основали для ея примѣненія искусственный, руководимый изъ одного центральнаго пункта организмъ. Интересы извѣстныхъ слоевъ населенія все еще составляли главную цѣль государства, хотя интересы власти правящихъ семействъ выступали все больше на первый планъ, и привилегированные круги народа постепенно значительно расширялись; но теперь по крайней мѣрѣ стало возможнымъ обманываться относительно истинныхъ цѣлей государственной дѣятельности, потому что привилегированные слои населенія по большей части уже не были сами господствующими обладателями власти. Такимъ же точно образомъ трудящіеся классы могутъ теперь, когда они непрерывно возрастаютъ въ силѣ и интеллектуальномъ развитіи, потребовать, чтобы государство постепенно создало подобный же организмъ и

для нихъ—для планомѣрнаго руководства экономической жизнью, которая является наиболѣе близкою имъ областью интересовъ.

При замѣнѣ нынѣшней частной организаціи общественнаго труда публичной, обязательственныя отношенія будутъ возможны только между государствомъ и государственными союзами и отдѣльными гражданами, но не между этими послѣдними. Безчисленныя средоточія, изъ которыхъ теперь исходитъ самостоятельное руководство общественнымъ трудомъ (подобно тому, какъ въ средніе вѣка это имѣло мѣсто по отношенію къ политической жизни), должны исчезнуть.

Конечно, вслѣдствіе того, что противъ отдѣльной личности стояло бы могущественное государство, явилась бы возможность злоупотребленій и произвола; но въ такой демократической государственной организаціи, какъ трудовое государство, подобному искаженію его природы должна быть противопоставлена естественная тенденція увеличить отвѣтственность руководящихъ лицъ и подчинить ихъ дѣятельность общимъ законамъ и административнымъ предписаніямъ. Только въ томъ случаѣ, если даже самый незначительный членъ общества будетъ имѣть дѣло въ своей хозяйственной дѣятельности съ отвѣтственнымъ руководителемъ, который долженъ относиться къ нему такъ, какъ этого требуютъ общія правила, а не личный произволъ, только тогда между низшими классами народа постепенно будетъ развиваться то благородство убѣжденій и то глубокое чувство своего полнаго равноправія, которыя съ давнихъ поръ составляютъ наиболѣе прочную основу всѣхъ демократическихъ конституцій.

Рядомъ съ этой публичной организаціей общественнаго труда должно было бы сохранить нѣкоторое, правда, скромное значеніе и наше современное договорное право. Такъ какъ въ народномъ трудовомъ государствѣ частная собственность на потребляемыя вещи будетъ продолжать существовать (кн. II, гл. 4), то этимъ признается въ

извѣстныхъ границахъ обязательное дѣйствіе договора. При этомъ долженъ былъ бы соблюдаться принципъ, что только тѣ договоры дѣйствительны, которые немедленно ликвидируются и, слѣдовательно, не влекутъ за собой въ будущемъ никакого подчиненія одного гражданина волѣ другого. Подарокъ, безвозмездная или немедленно вознагражденная услуга, непосредственно при заключеніи договора выполненный обмѣнъ—во всякомъ случаѣ должны были бы быть допущены. Напротивъ, договоры, касающіеся кредита, въ особенности договоръ займа, во всѣхъ случаяхъ должны были бы признаваться недѣйствительными, такъ какъ ихъ сущность состоитъ въ установленіи обязательства должника на будущее время. Точно также и договоры товариществъ, имѣющіе въ виду экономическую выгоду, такъ какъ они почти никогда не могутъ быть ликвидированы немедленно, въ громадномъ большинствѣ случаевъ должны были бы быть признаны не имѣющими никакой силы.

Упорядоченіе общественнаго труда было бы, слѣдовательно, въ народномъ трудовомъ государствѣ главнымъ образомъ задачей публичной организаціи; частной иниціативѣ должно было бы быть предоставлено, по крайней мѣрѣ въ правовой области, ограниченное поле дѣйствія. Тѣмъ больше она должна была бы развиться, вполнѣ естественно, въ области морали. Уже въ настоящее время договорное право значительно дополняется и смягчается семейной любовью, дружбой, состраданіемъ, благопристойностью и другими подобными моральными побужденіями; въ народномъ трудовомъ государствѣ, въ которомъ исчезнетъ столько разъединяющихъ современное общество контрастовъ, дѣйствіе этихъ моральныхъ стимуловъ, безъ сомнѣнія, должно очень сильно возрасти.

Въ нашемъ современномъ частноправовомъ строѣ обязательства возникаютъ не только изъ договоровъ, но и изъ недозволенныхъ дѣйствій; эти послѣднія обычно вызываютъ обязательство вознагражденія убытковъ. Въ на-

родномъ трудовомъ государствѣ, гдѣ плоскости тренія индивидуальныхъ интересовъ должны, благодаря государственной собственности на средства производства и пользуемыя вещи, а также благодаря публичной организаціи общественнаго труда, сильно уменьшиться, эти обязательства вознагражденія убытковъ могли бы играть только очень незначительную роль. Но, съ другой стороны, осуществленіе такихъ обязательствъ при новомъ порядкѣ вещей было бы связано съ большими трудностями, такъ какъ право на существованіе отдѣльной личности не должно быть черезчуръ умалено путемъ различныхъ отчисленій (кн. II, гл 7). Эта опасность, впрочемъ, могла бы быть легко предупреждена тѣмъ, что наиболѣе важныя недозволенныя дѣйствія, влекущія за собой въ настоящее время только частноправовыя послѣдствія, были бы подчинены уголовному праву съ установленіемъ за нихъ извѣстныхъ легкихъ наказаній (напр., публичнаго выговора); такой порядокъ былъ бы болѣе основательнымъ, чѣмъ принятая теперь система,—тѣмъ болѣе, что эти дѣйствія въ правовыхъ системахъ всѣхъ временъ и народовъ составляли пограничную область между гражданскимъ и уголовнымъ правомъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Отдѣльные договоры.

Государственная собственность на пользуемыя вещи и на средства производства, а также публичная организація общественнаго труда составляютъ два наиболѣе вѣрныхъ признака истинно соціалистическаго общественнаго строя. Вслѣдствіе этого онѣ всегда будутъ истинной цѣлью соціалистическаго движенія, потому что только онѣ обезпечиваютъ для широкихъ народныхъ круговъ достойное человѣка существованіе. Такъ какъ, однако, достиженіе этой цѣли предполагаетъ полное преобразованіе традиціонныхъ общественныхъ формъ, то многочисленныя соціальныя системы довольствовались сохраненіемъ дѣйствующаго вещнаго и обязательственнаго права, подвергая коренному измѣненію только отдѣльные договоры. Важнѣйшіе договоры, о которыхъ идетъ рѣчь въ данномъ случаѣ, суть приблизительно слѣдующіе.

I. Договоръ найма. При договорѣ о наймѣ рабочій отчуждаетъ нанимателю на опредѣленное время (плата по времени) или на опредѣленную работу (поштучная, сдѣльная плата) свою рабочую силу, которую наниматель или используетъ непосредственно, какъ это имѣетъ мѣсто по отношенію къ прислугѣ, для удовлетворенія личныхъ потребностей, или обращаетъ на производство матеріальныхъ благъ, какъ это имѣетъ мѣсто по отношенію къ рабочимъ въ сельскомъ и лѣсномъ хозяйствѣ и въ промышленности. Основной недостатокъ нашего обязательственнаго права, заключающійся въ томъ, что свобода сторонъ, вступающихъ въ договоръ, столь часто только кажущаяся, этотъ недостатокъ съ особенной рѣзкостью

выступаетъ на первый планъ при договорѣ о наймѣ, такъ какъ здѣсь стоятъ другъ противъ друга почти исключительно бѣдные и богатые; вслѣдствіе этого въ болѣе близкое къ намъ время развитіе соціальнаго движенія исходило именно отъ этого договора. Имущіе классы пытались смягчить худшія стороны мнимо-свободнаго договора о наймѣ путемъ рабочаго законодательства, распространеннаго сначала на дѣтей, подростковъ и женщинъ, а потомъ и на взрослыхъ рабочихъ, при чемъ однако договоръ найма не терялъ, благодаря указаннымъ скорѣе полицейскимъ ограниченіямъ, своего чисто частноправового характера. Этотъ результатъ не достигается даже въ томъ случаѣ, если государство устанавливаетъ, путемъ закона или административныхъ предписаній, нормальный рабочій день или минимальную заработную плату.

Реформа договора о наймѣ только въ томъ случаѣ получила бы истинно соціальное значеніе, если бы она поставила рабочаго въ постоянное правовое отношеніе къ средствамъ производства. которыми онъ пользуется при своей работѣ. Этой цѣли могло бы лучше всего служить постановленіе, что наниматель можетъ отпустить рабочаго только при наличности достаточныхъ причинъ и обязанъ снова принять его даже въ случаѣ обоснованнаго увольненія. если нужно будетъ увеличить количество рабочихъ. Такъ далеко въ преобразованіи договора о наймѣ, конечно, не пошло ни одно законодательство, хотя рабочіе союзы въ Англіи и въ другихъ странахъ и стремятся къ подобнымъ цѣлямъ. Съ правовой точки зрѣнія противъ такого ограниченія правъ нанимателя едва ли можно было бы возразить больше, чѣмъ противъ запрещенія произвольнаго изгнанія крестьянъ изъ имѣній,— запрещенія, которое государство дѣйствительно провело въ XVII-мъ и XVIII-мъ столѣтіяхъ противъ крупныхъ землевладѣльцевъ въ Австріи и Германіи. Впрочемъ, по отношенію къ современнымъ наемнымъ рабочимъ податные и военные интересы, бывшіе въ прежнее время дѣйстви-

тельнымъ основаніемъ законодательства въ пользу крестьянъ, далеко не играютъ той же важной роли для наиболѣе вліятельныхъ круговъ.

II. Договоръ купли-продажи и мѣны. При договорѣ купли-продажи покупателю передается продавцомъ извѣстная вещь за опредѣленную денежную цѣну. Такъ какъ этотъ договоръ чаще всего имѣетъ мѣсто въ современномъ обиходѣ, то нашъ экономическій порядокъ, благодаря этому, характеризуется главнымъ образомъ какъ денежное хозяйство. Нѣкоторые соціальные реформаторы, переоцѣнивающіе вліяніе денежной системы на нашъ правовой и экономическій строй, проектировали преобразованіе договора купли-продажи въ томъ смыслѣ, чтобы металлическія деньги были замѣнены рабочими деньгами (см. выше, стр. 125,—прим. 1).

Сюда относится прежде всего основанный Робертомъ Оуэномъ въ сентябрѣ 1832 года рабочій мѣновой банкъ (Equitable Labour Exchange). Каждый членъ банка могъ вкладывать въ него полезные произведенные имъ продукты, которые оцѣнивались банковскими органами въ среднихъ рабочихъ часахъ и оплачивались производителю рабочими ассигнаціями (labour notes); производитель съ своей стороны могъ пользоваться запасами банка для удовлетворенія своихъ потребностей, пока онъ не исчерпывалъ засвидѣтельствованный банковскими органами итогъ своихъ рабочихъ часовъ. Публичный и частноправовой порядокъ должны были продолжать существовать рядомъ съ этимъ учрежденіемъ. Рабочій мѣновой банкъ Оуэна преслѣдовалъ такимъ образомъ исключительно ту цѣль, чтобы поставить производителей въ непосредственную связь другъ съ другомъ, введя одновременно болѣе справедливое мѣрило цѣнности [1]).

[1]) Сравн. «Crisis» (оффиціальный органъ оуэновскаго рабочаго мѣнового банка), т. I (1832—1833), стр. 56. Еще раньше, чѣмъ Оуэнъ (въ 1827 г.), но на основѣ его принциповъ, подобный же экспериментъ предпринялъ Josiah Warren въ Цинцинати. Сравн. Josiah Warren, Practical details of equitable commerce. New Jork. 1852, стр. 14 и слѣд.

При помощи подобныхъ же средствъ Родбертусъ желаетъ достичь болѣе широкихъ цѣлей. Родбертусъ, какъ мы знаемъ (кн. II, гл. 8), является авторомъ соціалистической системы безъ частной собственности на средства производства; но онъ дѣлаетъ и второе предложеніе, согласно которому современный институтъ частной собственности долженъ продолжать существовать. Государство, по этому плану, должно создать такія учрежденія, при помощи которыхъ было бы возможно оцѣнивать всѣ товары и услуги въ среднихъ рабочихъ часахъ и уплачивать за нихъ производителю рабочими деньгами. Такъ какъ, однако, это второе предложеніе Родбертуса простирается на всю націю, а не на однихъ только членовъ рабочаго мѣнового банка, то при распредѣленіи продукта должно быть обращено вниманіе и на остальныя отрасли національнаго дохода. Родбертусъ представляетъ себѣ распредѣленіе такимъ образомъ, что 10 процентовъ отчисляются на государственныя нужды, по 30 процентовъ приходится на поземельную ренту и прибыль отъ капитала и, наконецъ, остающіеся 30 процентовъ достаются на долю собственно труда. Рабочій, такимъ образомъ, изъ 10 среднихъ рабочихъ часовъ получалъ бы удостовѣреніе только за три часа, которые и могъ бы обратить на удовлетвореніе своихъ потребностей.

Родбертусъ при помощи этой сложной организаціи желаетъ не только, подобно Роберту Оуэну, поставить производителей въ непосредственную связь между собою и замѣнить металлическія деньги болѣе справедливымъ мѣриломъ цѣнности, но онъ хочетъ кромѣ того обезпечить прочное участіе во всемъ національномъ доходѣ тѣмъ классамъ общества, которые созданы нашимъ строемъ, основаннымъ на частной собственности. Въ частности вознагражденіе рабочихъ, въ случаѣ возвышенія производительности труда благодаря изобрѣтеніямъ и другимъ улучшеніямъ, должно было бы возрастать въ томъ же отношеніи, какъ и доходъ землевладѣльцевъ и собствен-

никовъ капитала, тогда какъ въ настоящее время это вознагражденіе, даже при возрастающей производительности труда, благодаря желѣзному закону заработной платы, понижается до уровня необходимыхъ жизненныхъ потребностей [1]).

III. Кредитные договоры. Сущность кредитныхъ договоровъ состоитъ въ томъ, что оказывающій кредитъ передаетъ получающему кредитъ за вознагражденіе или безъ вознагражденія извѣстную вещь на опредѣленное время, по истеченіи котораго должна быть возвращена или самая вещь или ея эквивалентъ (напр., при наймѣ помѣщеній, арендѣ, займѣ и т. д.). Кредитъ уже теперь даетъ возможность тому, кто умѣетъ возбудить довѣріе, основать экономическое предпріятіе безъ собственныхъ средствъ и создать себѣ по крайней мѣрѣ внѣшнюю видимость богатства. Вслѣдствіе этого кредитные договоры уже давно привлекли къ себѣ вниманіе тѣхъ соціальныхъ реформаторовъ, которые желали бы произвести преобразованіе существующаго общественнаго строя безъ насильственныхъ дѣйствій и вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ ударомъ волшебной палочки превратить нужду массъ въ довольство и благосостояніе. Изъ этихъ нѣсколько фантастическихъ друзей человѣчества слѣдуетъ въ особенности упомянуть о Прудонѣ, вслѣдствіе его особеннаго значенія.

Прудонъ хочетъ, сохраняя частную собственность и индивидуальное хозяйство, разрѣшить соціальный вопросъ предоставленіемъ каждому возможности пользоваться безпроцентнымъ или почти безпроцентнымъ кредитомъ. При этомъ условіи, по мнѣнію Прудона, не только каждый могъ бы безъ собственныхъ средствъ основывать экономическія предпріятія, но вскорѣ должны были бы также совершенно исчезнуть изъ нашей экономической жизни

---

[1]) Rodbertus, Ueber den Normalarbeitstag (1871), въ его мелкихъ произведеніяхъ, изданныхъ Морицемъ Виртомъ (1890), стр. 337—359, а также Menger, Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag, 2-е изд. (1891), стр. 88—91.

поземельная рента и прибыль на капиталъ. Ибо, конечно, никто не сталъ бы платить собственнику квартирной и арендной платы и другихъ видовъ нетрудового дохода, если бы въ каждый данный моментъ могъ получить въ свое распоряженіе, путемъ безпроцентнаго займа, средства производства и пользуемыя вещи. Для достиженія этихъ грандіозныхъ цѣлей Прудонъ считаетъ достаточнымъ— что довольно странно—основать народный банкъ, который выдавалъ бы своимъ членамъ на самыхъ льготныхъ условіяхъ бумажныя деньги (bons de circulation), при чемъ эти деньги банкъ не имѣлъ бы нужды размѣнивать на металлическія, а члены банка были бы обязаны принимать ихъ въ своихъ дѣловыхъ отношеніяхъ въ качествѣ платежнаго средства [1]).

Ясно, что при помощи этихъ учрежденій никогда не можетъ быть достигнута безвозмездность кредита, а тѣмъ болѣе уничтоженіе нетрудового дохода. Ибо, если бы народный банкъ, подобно нашимъ современнымъ кредитнымъ институтамъ, выдавалъ свои бумажныя деньги только платежеспособнымъ лицамъ, принадлежащимъ къ имущимъ классамъ, то указанныя важныя соціальныя цѣли не могли бы быть достигнуты уже въ силу такого ограниченнаго обращенія этихъ денегъ; и наоборотъ, если бы «bons de circulation» были выпускаемы въ большихъ массахъ безъ принятія во вниманіе платежеспособности берущихъ ихъ лицъ, то цѣнность ихъ вскорѣ должна была бы безгранично упасть, и этимъ была бы уничтожена самая способность ихъ къ обращенію.

IV. Договоры о промышленныхъ товариществахъ. При договорахъ о промышленныхъ товариществахъ трудъ или имущество нѣсколькихъ лицъ соединяются для одной общей цѣли. Такъ какъ при товариществѣ (ассоціаціи) подчиненіе одного лица другому въ

[1]) Сравн. статуты народнаго банка, датированные 31 января 1849 г., въ «Oeuvres complètes» Прудона, изд. Lacroix, т. 6-й (1868), стр. 259—312, въ особенности art. 9, 16, 18, 31, 32.

цѣляхъ экономической эксплуатаціи имѣетъ мѣсто далеко не въ такой мѣрѣ, какъ при остальныхъ договорахъ, то товарищество привлекло къ себѣ при началѣ соціальнаго движенія вниманіе тѣхъ реформаторовъ, которые хотѣли основать новый общественный строй путемъ свободнаго союза и безъ государственнаго принужденія. Но свободныя частноправовыя формы товарищескаго договора постоянно оказывались недостаточными для созданія новаго соціальнаго строя. Ибо тѣсное жизненное общеніе, которое должно связывать членовъ народнаго трудового государства, ни въ коемъ случаѣ не можетъ возникнуть изъ простыхъ частноправовыхъ договоровъ, точно такъ же, какъ армія или церковь совершенно не могутъ покоиться исключительно на такихъ союзныхъ началахъ.

Къ соціалистамъ, которые хотятъ основать новый общественный строй путемъ добровольной ассоціаціи, принадлежатъ Фурье [1]), Оуэнъ [2]), Томпсонъ [3]) и сѣверо-американскія коммунистическія общины [4]), при чемъ всѣ они относятся къ первымъ временамъ современнаго соціа-

---

[1]) Fourier, Le nouveau monde industriel (1829), стр. 119, въ «Oeuvres», т. 6 (1848), стр. 100;—Considerant, Destinée sociale, т. I (1837), стр. 369 и слѣд.

[2]) Robert Owen, Letter published in the London newspapers of September 10 (1817), напечатано въ «Life of Robert Owen», т. IA (1858), стр. 119—138. Позже Оуэнъ высказался также за преобразованіе общества путемъ государственнаго принужденія. Сравн. его произведеніе «The revolution in the mind and practice of the human race» (1849), стр. 56 и слѣд. и въ др. мѣстахъ. За образованіе ассоціацій, основанныхъ на договорѣ, уже задолго до Оуэна высказывался John Bellers, Proposals for raising a colledge of industry (1696), напечатанномъ въ «Life of Robert Owen», т. IA, стр. 157 и слѣд.

[3]) Thomson (ученикъ Оуэна), An inquiry into the principles of the distribution of wealth (1824), стр. 386 и слѣд.; Practical directions for the speedy and economical establishment of communities (1830), стр. 11 и слѣд.

[4]) Американскія коммунистическія общины всѣ основаны на частноправовыхъ договорахъ, которые частью напечатаны въ произведеніяхъ Нордгоффа и Гайндса (см. выше, стр. 121, прим. 2). Это относится и къ тѣмъ многочисленнымъ общинамъ, которыя были основаны въ Сѣверной Америкѣ по планамъ Оуэна (съ 1826 г.) и Фурье (съ 1843 г.), но съ того времени распались. Ср. Noyes, Hist. of American social. (1870), стр. 13 и слѣд.

лизма. Точно также Луи Бланъ [1]) и Лассаль [2]) желаютъ разрѣшить соціальную проблему путемъ основанія ассоціацій. Такъ какъ они, однако, имѣютъ въ виду поддержку ассоціацій государствомъ и постепенное распространеніе ихъ на всю область хозяйственнаго производства, то они уже составляютъ переходъ къ тѣмъ соціалистамъ, которые желаютъ основать народное трудовое государство путемъ преобразованія нашего современнаго государственнаго строя при помощи его же авторитета и могущества, пріобрѣтенныхъ въ теченіе тысячелѣтій.

Было бы нетрудно привести имена еще нѣсколькихъ реформаторовъ, которые хотятъ исправить недостатки нашего соціальнаго строя преобразованіемъ отдѣльныхъ договоровъ. Наиболѣе важные изъ предложеній этого рода я подвергъ подробной критикѣ въ моемъ сочиненіи о правѣ на полный продуктъ труда. Заключительный выводъ этой критики можно свести къ тому, что могущество поземельныхъ и промышленныхъ собственниковъ въ нашемъ обществѣ слишкомъ велико, чтобы его могло поколебать дѣйствіе отдѣльнаго договора, и что вообще наше частное право никогда не можетъ быть побѣждено своими собственными орудіями и составными частями [3]).

---

[1]) Louis Blanc, Organisation du travail (1840), въ «Questions d'aujourd'hui et de demain», т. 4 (1882), стр. 153. Подобныя же мысли встрѣчались уже раньше у анонима (Шустеръ?) въ «Gedanken eines Republikaners» Paris, 1835, стр. 18.

[2]) Lassalle, Offenes Antwortschreiben (1863), въ изданіи Бернштейна. т. 2 (1893), стр. 429. 443; Arbeiterlesebuch (1863). т. 2, стр. 557; Herr Bastiat-Schulze von Delitzsch (1864), т. 3 (1893), стр. 220 и слѣд.

[3]) Ср. Vandervelde, Le collectivisme (1900), стр. 232.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Наслѣдственное право.

Наслѣдственное право въ нашемъ современномъ общественномъ строѣ имѣетъ почти столь же важное значеніе, какъ и право собственности: если послѣднее опредѣляетъ строеніе нашего общества для настоящаго, то первое опредѣляетъ его для будущаго. Все національное имущество въ преобладающей мѣрѣ находится въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ; точно также и накопленіе капиталовъ производится почти исключительно ими. По мѣрѣ же того, какъ эти отдѣльныя лица вслѣдствіе смерти исключаются изъ круга богачей, народный интересъ, перевѣшивающій почти всѣ остальные вопросы, заключается въ томъ, чтобы та громадная масса богатствъ, на которой покоится экономическое существованіе всей націи, была распредѣлена между слѣдующимъ поколѣніемъ вполнѣ цѣлесообразно. Кто въ настоящее время имѣетъ въ своемъ распоряженіи наслѣдственное право, тотъ распоряжается соціальной структурой и слѣдующаго поколѣнія, подобно тому какъ владѣющій школой является до извѣстной степени господиномъ духовныхъ теченій будущаго. Вслѣдствіе этого, аристократическіе элементы всѣхъ націй, хотя они въ другихъ случаяхъ удѣляютъ частному праву мало вниманія, съ давнихъ поръ пытались преобразовать наслѣдственное право въ интересахъ упроченія своего преобладающаго положенія [1]).

Несмотря на эту огромную важность наслѣдственнаго права для нашего общественнаго строя, оно тѣмъ не менѣе вы-

[1]) Ср. Menger. Das bürgerliche Recht und die besitzlosen Volksklassen, 2-я и 3-я тысячи (1890) № 56.

звало соціалистическую критику въ несравненно меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ частная собственность. Между соціальными системами, которыя удѣляютъ особенное вниманіе этому вопросу, слѣдуетъ упомянуть «заговоръ равныхъ» Бабёфа и сенъ-симонизмъ, желающій на мѣсто дѣйствующаго семейнаго наслѣдственнаго права поставить наслѣдственное право государства и такимъ путемъ постепенно, безъ насильственныхъ дѣйствій, сосредоточить все національное имущество въ рукахъ государства [1]). Дѣлающіе такія предложенія, впрочемъ, упускаютъ обыкновенно слишкомъ легко изъ виду, что наслѣдственное право есть исключительно слѣдствіе частной собственности, и что поэтому ограниченію наслѣдственнаго права должно предшествовать ограниченіе собственности.

Значеніе наслѣдственнаго права въ народномъ трудовомъ государствѣ гораздо меньше, чѣмъ въ нашемъ современномъ правопорядкѣ. Въ народномъ трудовомъ государствѣ главная масса матеріальныхъ благъ, именно средства производства и пользуемыя вещи, находится въ собственности государства или государственныхъ союзовъ; отдѣльная личность можетъ распоряжаться въ извѣстныхъ рамкахъ свободно только уничтожаемыми и менѣе цѣнными предметами потребленія. Вслѣдствіе этого, отъ одного поколѣнія къ другому, путемъ наслѣдственнаго права, могутъ переходить имущества только незначительныхъ размѣровъ и умѣреннаго соціальнаго значенія.

Въ народномъ трудовомъ государствѣ наслѣдственное право можетъ, такимъ образомъ, простираться исключительно на потребляемыя вещи. Но такъ какъ это право есть важнѣйшее изъ всѣхъ учрежденій, при помощи которыхъ въ настоящее время граждане раздѣляются на высшіе и низшіе классы, безъ всякаго вниманія къ ихъ

[1]) Buonarroti, Conspiration pour l'égalité, т. 2 (1828), стр. 305: Fragment d'un projet de décret économique, art. 3;—Exposition de la doctrine St.-Simonienne (1828 — 1830), въ «Oeuvres» т. 41 (1877), стр. 236. 243, 247.

личнымъ заслугамъ, то едва ли оно даже въ этомъ ограниченномъ объемѣ найдетъ со стороны новаго порядка вещей болѣе благосклонное отношеніе, чѣмъ, напр., наслѣдственное дворянство въ современной политической демократіи. Во всякомъ случаѣ, народное трудовое государство должно придать наслѣдственному праву строго демократическій характеръ. Болѣе значительныя наслѣдственныя массы, которыя могутъ образоваться благодаря большимъ денежнымъ полученіямъ наслѣдодателя съ государства и государственныхъ союзовъ, должны быть уменьшаемы высокими налогами на наслѣдство. Если есть дѣти или другіе потомки, то наслѣдство должно дѣлиться между ними, на основаніи закона, поровну, и только въ случаѣ отсутствія прямыхъ наслѣдниковъ наслѣдодатель имѣетъ право завѣщанія [1]). Наслѣдовать по закону имѣютъ право только дѣти, родители и братья и сестры; при отсутствіи ихъ наслѣдуетъ государство или государственный союзъ [2]). Если наслѣдникъ состоитъ только въ отдаленномъ родствѣ съ наслѣдодателемъ или же родства совсѣмъ нѣтъ, то налогъ на наслѣдство долженъ быть соотвѣтствующимъ образомъ повышенъ даже при небольшихъ наслѣдствахъ.

Въ объективныхъ системахъ распредѣленія благъ (кн. II, гл. 8) область частной собственности и вмѣстѣ съ тѣмъ наслѣдственнаго права значительно расширяется. Уже въ объективной системѣ распредѣленія безъ частной собственности на средства производства,—системѣ, основу которой составляетъ право на полный продуктъ труда (Родбертусъ),

---

[1]) Подобныя постановленія уже заключаются въ декретѣ французскаго конвента отъ 7 марта 1793 г. и 17 нивоза II г. art. IX.

[2]) Saint-Just, Fragments sur les institutions républicaines (an III), стр. 58. Болѣе поздніе писатели также требовали часто полной отмѣны или, по крайней мѣрѣ, коренного ограниченія наслѣдственнаго права боковыхъ линій родственниковъ; см., напр., статью въ «Globe» отъ 23 іюля 1831; — Louis-Blanc, Organisation du travail (1840) въ «Questions d'aujourd'hui et de demain», т. 4-й (1882), стр. 144;—Lange, Die Arbeiterfrage (1865), 4-е изд. (1879), стр. 286, 287; — Menger, Das bürgerliche Recht und die besitzlosen Volksklassen (1890), № 57.

отдѣльная личность можетъ въ какомъ угодно количествѣ пріобрѣтать и передавать по наслѣдству рабочія деньги. Еще болѣе при такомъ общественномъ порядкѣ, при которомъ собственностью государства и государственныхъ союзовъ является исключительно земля, весь капиталъ остается предметомъ частной собственности и передачи по наслѣдству. Здѣсь, какъ и тамъ, наслѣдственное право, вслѣдствіе этого, должно въ существенныхъ чертахъ сохранить тѣ же формы, какъ и при нашемъ современномъ правопорядкѣ.

Кореннымъ ограниченіемъ наслѣдственнаго права въ народномъ трудовомъ государствѣ была бы устранена, безъ сомнѣнія, одна изъ самыхъ худшихъ тѣневыхъ сторонъ нашего современнаго правового строя. Ибо ни одно учрежденіе не отрицаетъ столь кореннымъ образомъ связи между заслугой и вознагражденіемъ и не предоставляетъ направленіе человѣческихъ судебъ въ жертву случайности происхожденія въ такой мѣрѣ, какъ именно наслѣдственное право.

Правда, защитники этого института утверждаютъ, что дѣятельность родителей чрезвычайно повышается благодаря надеждѣ на обезпеченіе ихъ дѣтей; но развѣ наблюденіе дѣйствительности не доказываетъ обратнаго? Именно наиболѣе дѣятельные классы—наемные рабочіе, частные служащіе, ученые, художники, государственные служащіе и военные—получаютъ вознагражденіе только пожизненно, при чемъ къ этому вознагражденію, въ лучшемъ случаѣ, присоединяется жалкое обезпеченіе ихъ вдовъ и сиротъ. Только предприниматели часто имѣютъ возможность, благодаря пріобрѣтенію земель и капиталовъ, обезпечить для своихъ потомковъ на всѣ времена нетрудовой доходъ. Отсюда то своеобразное явленіе, что внукъ Гёте жилъ въ очень скромныхъ условіяхъ, тогда какъ потомки счастливаго фабриканта ваксы, если они благоразумны и бережливы, въ теченіе столѣтій могутъ вести нетрудовое и беззаботное существованіе. Если бы было возможно кон-

струировать такой легко осуществимый общественный строй, который обезпечивалъ бы отдѣльной личности владѣніе и пользованіе пріобрѣтеннымъ ею имуществомъ исключительно въ теченіе ея жизни, то низшіе классы народа едва ли бы отвергли такой планъ; но съ нынѣшними формами наслѣдственнаго права они никогда надолго не примирятся.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Бракъ.

Послѣ того какъ я въ предшествующихъ главахъ (кн. II, гл. 3—11) изслѣдовалъ тѣ правовыя учрежденія, которыя служатъ для поддержанія существованія отдѣльныхъ индивидуумовъ, я перехожу теперь къ разсмотрѣнію правовыхъ институтовъ, при помощи которыхъ получаетъ свою правовую организацію продолженіе рода. Эти правовые институты въ нашей современной частноправовой системѣ образуютъ семейное право, которое обнимаетъ бракъ, правовыя отношенія между родителями и дѣтьми, опеку и нѣкоторыя другія второстепенныя учрежденія въ этой области. Центральнымъ пунктомъ семейно-правовыхъ учрежденій является, естественно, бракъ, къ которому всѣ остальныя относятся только какъ слѣдствія и дополненія.

Бракъ основывается въ нашихъ христіанскихъ культурныхъ государствахъ на союзѣ супруговъ, который свободенъ настолько, насколько это вообще возможно въ нашемъ обществѣ, въ которомъ господствуютъ собственность и сила. Рядомъ съ этимъ договоромъ супруговъ проявляетъ свою дѣятельность и государство—въ двухъ направленіяхъ. Прежде всего тѣмъ, что оно предписываетъ для заключенія брака строгія формы, ставящія въ большинствѣ случаевъ внѣ сомнѣній его законность. Во-вторыхъ, вмѣшательство государства выражается также въ томъ, что правовыя слѣдствія однажды заключеннаго брачнаго договора, поскольку они касаются не только имущественныхъ вопросовъ, но и личныхъ отношеній супруговъ, точно опре-

дѣляются закономъ и не могутъ быть измѣнены по произволу участвующихъ въ договорѣ. Это ограниченіе, впрочемъ, свойственно не только брачному праву; современное законодательство неоспоримо имѣетъ тенденцію тѣ договоры, которые касаются личной жизни вступающихъ въ договоръ сторонъ, изъять отъ свободнаго усмотрѣнія договаривающихся, путемъ закрѣпленія содержанія не подлежащаго измѣненію договора [1]).

Такъ какъ бракъ и собственность служатъ обѣимъ главнымъ цѣлямъ человѣчества, то вполнѣ понятно, что нѣкоторые соціалисты желаютъ къ коренному преобразованію собственности присоединить такое же преобразованіе брака. Но это относится далеко не ко всѣмъ соціалистическимъ писателямъ и партіямъ, и вслѣдствіе этого полную реорганизацію условій половой жизни никоимъ образомъ нельзя разсматривать, какъ пунктъ соціалистической системы, пользующійся всеобщимъ признаніемъ. Предложенія же упомянутыхъ выше соціалистовъ можно свести къ тремъ основнымъ воззрѣніямъ.

Одна группа соціальныхъ реформаторовъ желаетъ поставить на мѣсто нашего современнаго брака свободную любовь, т. е. такое состояніе, при которомъ продолжительность половыхъ отношеній между мужчиной и женщиной вообще не предписана закономъ, а зависитъ исключительно отъ склонности заинтересованныхъ лицъ. Если свободная любовь простирается только на членовъ извѣстнаго узкаго круга, напримѣръ, племени или религіозной общины, то мы имѣемъ общій бракъ (Gesamtehe), сущность котораго состоитъ въ томъ, что каждый членъ такой общины при извѣстныхъ условіяхъ можетъ требовать отъ каждаго члена другого пола вступленія съ нимъ въ половыя отношенія. Здѣсь существуетъ, такимъ образомъ, какъ и при нашемъ бракѣ, длительная обязательность по-

[1]) Сравн. Menger, Das bürgerliche Recht und die besitzlosen Volksklassen, 2-я и 3-я тысяча (1890), №№ 41—49, и относящіеся сюда §§ 544 и 618 нѣмецкаго гражданскаго кодекса.

ловыхъ отношеній, но такъ какъ она относится къ довольно значительной группѣ мужчинъ и женщинъ, то этимъ общій бракъ по своимъ практическимъ результатамъ приближается къ свободной любви.

За свободную любовь въ послѣднее время высказывались соціалистъ Августъ Бебель [1]) и бо̀льшая часть анархистовъ [2]). Общій бракъ (complex marriage) долгое время существовалъ въ общинахъ перфекціонистовъ въ Онейдѣ и Валлингфордѣ въ Сѣверной Америкѣ [3]). Обѣ эти формы половой жизни, естественно, предполагаютъ, что государство или община берутъ на себя содержаніе и воспитаніе дѣтей.

Вторая группа соціалистовъ, главнымъ представителемъ которой, какъ извѣстно, является Платонъ, желаетъ подчинить половыя отношенія организаціи, которую можно, пожалуй, назвать государственнымъ бракомъ (Staatsehe). Продолжительныхъ половыхъ отношеній между мужчиной и женщиной для членовъ господствующаго класса Платонъ въ своей «Республикѣ» не имѣетъ въ виду, но столь же мало онъ желаетъ допустить и свободную лю-

---

[1]) Bebel, Die Frau und der Sozialismus (1883), 25-е изд. (1895), стр. 427—435. Ср. однако уже Meslier († 1729 или 1733), Le testament, т. 2 (1864), стр. 226, 227;—Thompson, Appeal of the one half of the human race, women, against the other half, men (1825), стр. 199 и слѣд. (?);—Dezamy, Code de la communauté (1842), стр. 266. — Годвинъ и Оуэнъ, вслѣдствіе сильнаго стремленія къ ослабленію брачныхъ узъ, также очень приближаются къ свободной любви, хотя они и желаютъ сохранить бракъ. Ср. Godwin, Enquiry concerning political justice (1793), 3-е изд. т. 2-й (1798), стр. 507—511;—Owen, The marriage system in the new moral world (1838), стр. 66 и слѣд.; Manifesto (1840), стр. 56—58: What is socialism and what would be its practical effects upon society (1841), стр. 40 и слѣд.

[2]) Morris, News from nowhere (1891), 6-е изд. (1899), стр. 90;—Tucker, Instead of a book (1893), 2-е изд. (1897), стр. 15;—Jean Grave, La société future (1795), гл. 22;—Charles Albert, L'amour libre, 3-е изд. (1899), стр. 191 и слѣд.

[3]) Въ Онейдѣ должно было быть получено согласіе другой стороны на сожительство (zur Beiwohnung) при посредствѣ третьихъ лицъ, обыкновенно старшихъ членовъ общины, и до 1869 года были принимаемы мѣры противъ чрезмѣрнаго размноженія. Такъ какъ эти учрежденія вызывали жесточайшія нападки, въ особенности со стороны духовенства, и даже предполагалось изданіе репрессивнаго закона, то общій бракъ, послѣ

бовь [1]). По его мнѣнію, государственная власть, чтобы содѣйствовать рожденію сильныхъ и дѣльныхъ мужей, должна по своему усмотрѣнію, указывать отдѣльнымъ гражданамъ ихъ женъ и даже наблюдать за сожительствомъ и руководить имъ [2]). Ребенокъ не долженъ знать своего отца и отецъ ребенка, и государственная власть должна брать новорожденнаго для чисто государственнаго воспитанія [3]). Но государственный бракъ распространяется только на воиновъ, т. е. на господствующій классъ государства, такъ какъ Платонъ, какъ настоящій аристократъ, едва удостоиваетъ упоминанія преобладающую массу трудящихся классовъ народа. Позже въ своемъ сочиненіи «О законахъ», если впрочемъ оно дѣйствительно написано имъ, Платонъ оставилъ свою точку зрѣнія, выраженную въ «Республикѣ», и снова возвратился съ нѣкоторыми незначительными модификаціями къ частному браку [4]).

Между соціалистами новаго времени Анфантенъ имѣлъ, повидимому, такіе взгляды относительно организаціи половыхъ отношеній, согласно которымъ должна господствовать форма брака, занимающая средину между общимъ бракомъ и чѣмъ-то въ родѣ государственнаго брака. Сенъ-Симонъ, учитель Анфантена, нигдѣ въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ не даетъ никакихъ указаній, на основаніи которыхъ можно было бы предполагать, что и онъ также имѣетъ въ виду преобразованіе существующей организаціи половыхъ отношеній. И сенъ-симонистская

тридцатилѣтняго существованія, въ 1879 г., еще до уничтоженія общности имуществъ (1881), былъ уничтоженъ, послѣ чего постепенно почти всѣ находившіеся въ брачномъ возрастѣ члены общины вступили въ нормальные браки между собою. Ср. Nordhoff, The communistic societies of the United States (1875), стр. 275 — 277; — Noyes (глава прежней общины Онейда), History of American socialisms (1870), стр. 623 — 640; Health of children (1878), стр. 2; — Hinds, American communities, 2-е изд. (1902), стр. 196 и слѣд.

[1]) Plato, De republ., стр. 458 Steph. Однако сравн. и стр. 461.

[2]) Plato, назв. соч., стр. 459, 460. Ср. также Campanella, Civitas solis (1623), въ Philosophiae realis pars sec. (1637), стр. 149.

[3]) Plato, назв. соч., стр. 460.

[4]) Plato, De leg., стр. 773 D. E.; 774 E.

школа до выхода изъ нея Базара твердо держалась, какъ видно изъ ея манифестовъ въ іюлѣ [1]) и октябрѣ [2]) 1830 г., принципа нерасторжимаго единобрачія, установленнаго христіанствомъ [3]); только жена должна быть вполнѣ уравнена съ мужемъ, и соціальный индивидуумъ долженъ въ будущемъ состоять изъ мужа и жены, такъ что всякое религіозное, научное или промышленное занятіе должно быть выполняемо мужемъ и женой (а не единичнымъ лицомъ, какъ теперь) [4]). Позже, однако же, Анфантенъ пришелъ, какъ кажется, къ тому взгляду, что между членами сенъ-симонистской общины долженъ существовать общій бракъ и что жреческая чета (couple sacerdotal), которой и во всемъ остальномъ должно быть предоставлено руководство общиной, должна регулировать половыя отношенія членовъ общины [5]). Хотя Анфантенъ публично никогда не высказывался вполнѣ ясно относительно своихъ взглядовъ и отсрочивалъ осуществленіе своей новой морали до болѣе позднихъ временъ [6]), однако достаточно было

[1]) Сравн. «Notice historique» въ «Oeuvres complètes», т. 2, (1865), стр. 229.

[2]) Notice hist., т. 4-й (1865), стр. 123.

[3]) Сравн. также «Notice hist.», т. 6-й (1866), стр. 43 — Олинда Родригеса.

[4]) Сравн. кромѣ мѣстъ, указанныхъ въ примѣчаніяхъ 2-омъ и 3-емъ еще «Notice hist.», т. 3 (1865), стр. 113, 114, 185, 186; т. 5 (1866), стр. 46 и т. д.

[5]) Со взглядами Анфантена на половыя отношенія, единодушно впрочемъ отвергнутыми верховнымъ совѣтомъ сенъ-симонистовъ, лучше всего можно познакомиться изъ направленной противъ нихъ полемики Базара въ «Discussions morales, politiques et religieuses», а также изъ полемики Олинда Родригеса въ его «Note sur le mariage et le divorce»; менѣе опредѣленны заявленія Анфантена въ собраніи сенъ-симонистской общины (Famille) 19-го ноября 1831 г. и проповѣдь (enseignement) «Sur les relations de l'homme et de la femme», напечатанная въ «Globe» 19-го февр. 1832 г., какъ и статья Дюверье (Duveyrier) «De la femme» («Globe» 12-го янв. 1832 г.). За двѣ послѣднія статьи редакторъ «Globe» Мишель Шевалье, Анфантенъ и Дюверье были присуждены 28-го августа 1832 г. парижскимъ судомъ присяжныхъ, за преступленіе противъ нравственности, къ году тюремнаго заключенія. Сравн. Bazard, «Discussions morales, politiques et religieuses» (янв. 1832 г.), стр. 1—8;—Morale, Réunion générale de la famille (апр. 1832 г.), стр. 5—17, 59—64;—«Globe» отъ 12 янв. и 19 февр. 1832 г., стр. 46, 197 и слѣд.;—Procès en la cour d'assises de la Seine (1832), стр. 305.

[6]) Not. hist., т. 6-ой (1866), стр. 39.

одной постановки этихъ вопросовъ, чтобы вызвать неизлѣчимый расколъ въ начинавшей расцвѣтать и полной надеждъ сенъ-симонистской школѣ.

Наконецъ, третья группа соціалистовъ думаетъ устранить недостатки нашей организаціи половой жизни при посредствѣ многобрачія (многомужества, многоженства). Многобрачіе отличается отъ свободной любви и общаго брака тѣмъ, что оно является формой половыхъ отношеній между однимъ исключительно мужчиной и многими женщинами или одной женщиной и многими мужчинами, а отъ государственнаго брака отличіе его состоитъ въ томъ, что при многобрачіи заключеніе и форма отношеній зависитъ только отъ воли заинтересованныхъ лицъ. Многомужество и еще болѣе многоженство принадлежатъ къ наиболѣе распространеннымъ правовымъ институтамъ; напомнимъ только объ исламѣ и изъ христіанскихъ сектъ — о мормонахъ.

Между соціалистическими защитниками многобрачія лѣдуетъ прежде всего назвать Шарля Фурье. Его критика существующей организаціи половыхъ отношеній по справедливости пріобрѣла громкую извѣстность [1]), но его реформаторскіе планы странны и неосуществимы. Фурье исходитъ изъ того взгляда, что современныя брачныя учрежденія причиняютъ насиліе естественнымъ влеченіямъ мужчинъ и, въ особенности, женщинъ и вызываютъ всеобщее лицемѣріе въ половыхъ отношеніяхъ. Поэтому, въ своемъ болѣе раннемъ большомъ произведеніи («Théorie des quatre mouvements», 1808 г.) онъ предлагаетъ для переходнаго времени (для шестого періода), чтобы всѣ дѣвушки старше 18 лѣтъ получали по закону право сво-

[1]) Fourier, Théorie des quatre mouvements (1808), стр. 147 и слѣд., и въ «Oeuvres compl.», т. 1, 3-е изд. (1846), стр. 110 и слѣд.; Traité de l'association domest.-agricole, т. 2, (1822), стр. 365 и слѣд., 290 и слѣд. и въ «Oeuvres compl.», т, 4, 2-е изд. (1841), стр. 51 и слѣд.; т. 5 (1841), стр. 210 и слѣд.; Le nouveau monde industriel (1829), стр. 264 и слѣд. и въ «Oeuvres compl.», т. 6, 3-е изд. (1848), стр. 225 и слѣд.

бодной любви [1]), но чтобы бракъ вмѣстѣ съ тѣмъ продолжалъ существовать, при чемъ въ бракъ вступали бы старшія, болѣе зрѣлыя лица [2]). Въ седьмой періодъ, который все еще однако не являлся бы высшимъ пунктомъ развитія, каждая женщина могла бы имѣть одновременно мужа, оплодотворителя (géniteur), пользующагося благосклонностью (favori), и, наконецъ, неопредѣленное количество «обладателей» (possesseurs); отъ перваго она имѣетъ двухъ дѣтей, отъ второго — одного ребенка, тогда какъ пользующіеся благосклонностью раньше жили съ женщиной и позже удержали это званіе [3]).

Такимъ образомъ, въ упомянутомъ выше произведеніи Фурье предлагаетъ комбинацію многобрачія и свободной любви; онъ, понятно, не входитъ въ разсмотрѣніе тѣхъ въ высшей степени запутанныхъ правовыхъ отношеній, которыя должны были бы неминуемо возникнуть изъ проектированныхъ учрежденій. Точно также Фурье не сообщаетъ намъ, какія реформы въ половой жизни онъ имѣетъ въ виду для восьмого періода, въ которомъ его идеи должны были бы осуществиться вполнѣ. Въ своихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ онъ детальнѣе опредѣлилъ нѣкоторые отдѣльные пункты, но ни въ чемъ существенномъ отъ своихъ реформаторскихъ плановъ не отступилъ [4]).

Странныя и смутныя идеи Фурье относительно преобразованія половой жизни были для его приверженцевъ постояннымъ источникомъ тяжелыхъ затрудненій, и тамъ, гдѣ приступали къ практическому осуществленію его соціальной системы, эти идеи, какъ и слѣдовало ожидать,

[1]) Fourier, Théorie des quatre mouvements, стр. 91, 183, и въ «Oeuvres compl.», т. 1, стр. 52, 134.

[2]) Fourier, Théorie des quatre mouvements, стр. 192, 193, и въ «Oeuvres compl.», т. 1, стр. 140, 141.

[3]) Fourier, Théorie des quatre mouvements, стр. 169, и въ «Oeuvres compl.», т. 1, стр. 125, 126.

[4]) Fourier, Traité de l'association domestique-agricole, т. 1, стр. 510 и слѣд. и Nouveau monde industriel, стр 264 и слѣд.; въ «Oeuvres compl.», т. 5, стр. 229 и слѣд.: т. 6, стр. 225 и слѣд.

всегда оставлялись безъ примѣненія [1]). Позже самъ Фурье откладывалъ введеніе новой организаціи половыхъ отношеній до столь отдаленнаго будущаго, что это было равнозначительно полному оставленію имъ своихъ реформаторскихъ идей [2]).

Если мы теперь поставимъ вопросъ о практической цѣнности всѣхъ этихъ реформаторскихъ проектовъ, то здѣсь мы можемъ принять въ соображеніе только свободную любовь и общій бракъ, но не государственный бракъ и многобрачіе: государственный бракъ отпадаетъ потому, что мы, въ противоположность древности, обладаемъ слишкомъ живымъ сознаніемъ цѣнности личной свободы, чтобы допустить столь глубокое вторженіе государства въ самое индивидуальное изъ всѣхъ человѣческихъ отношеній; многобрачіе же отпадаетъ потому, что въ немъ заключаются всѣ недостатки единобрачія, но безъ его многочисленныхъ достоинствъ.

Но можетъ быть на мѣсто нашего современнаго брака слѣдуетъ поставить свободную любовь или общій бракъ? Отвергать эту реформу, какъ это очень часто дѣлается, съ точки зрѣнія нравственности, несомнѣнно, неправильно. Такое состояніе, какъ свободная любовь или общій бракъ, чрезъ которое прошла въ процессѣ своего развитія большая часть народовъ [3]), не можетъ считаться безнравствен-

---

[1]) Сравн., напр., Base de la politique positive, Manifeste de l'école sociétaire, fondée par Fourier (1842), стр. 128, 129;—Renaud, Solidarité, 6-е изд. (1877), стр. 160, 161. Также Brisbane, Social destiny of man (1840), стр. 8, 9,—это произведеніе легло въ основу начавшагося въ Сѣверной Америкѣ съ 1843 г. фурьеристскаго движенія; конечную цѣль его стремленій авторъ видитъ только въ реорганизаціи труда; многочисленные фаланстеры, основанныя въ Сѣверной Америкѣ, стремились разрѣшить не половую, а экономическую проблему.

[2]) Fourier, Le nouveau monde industriel (1829), стр. 182, 183; въ «Oeuvres compl.», т. 6, стр. 154, 155. Ср. также «Oeuvres compl.», т. 1, 3-е изд. (1846), стр. 103—106.

[3]) Bachofen, Das Mutterrecht (1861), 2-е изд. (1897), стр. 19, 22, 384 и слѣд.; — Morgan, Ancient Society (1877), стр. 498, 500 — 502;— Engels, Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staates (1884), стр. 17;—Stein, Die soziale Frage im Lichte der Philosophie (1897), стр. 68 и слѣд.

нымъ. Если бы соціальное движеніе должно было снова привести къ этимъ учрежденіямъ и, постепенно перейдя къ нимъ, за ними стояло бы громадное большинство населенія, то они очень скоро начали бы казаться фанатикамъ дѣйствительности единственно нравственной организаціей половой жизни.

Большое значеніе имѣетъ то возраженіе, что рѣшеніе соціальной проблемы еще болѣе усложняется, благодаря привлеченію вопросовъ, относящихся къ организаціи половой жизни. У соціальнаго движенія и безъ того такая многообъемлющая программа, что для ея осуществленія, какъ можно предполагать, понадобятся столѣтія; я назову только ограниченіе частной собственности, государственную организацію общественнаго труда, превращеніе современнаго индивидуалистическаго государства, основаннаго на власти, въ народное трудовое государство. Что такое въ сравненіи съ этими задачами даже столь значительный переворотъ, какъ введеніе христіанства? Только послѣ того, какъ народное трудовое государство произведетъ правовое и нравственное возрожденіе человѣчества, могъ бы быть вообще поставленъ вопросъ о реформѣ въ области половой жизни.

Но если даже всѣ необходимыя условія для этой реформы будутъ налицо, то, несомнѣнно, народныя массы отвергнутъ свободную любовь и общій бракъ и удержатъ современную форму брака [1]), который только не долженъ быть нерасторжимымъ, какъ у католиковъ, а—въ духѣ

[1]) Morelly, Code de la nature (1755), стр. 216;—Gray, Social system (1831), стр. 194;—Cabet, Voyage en Icarie (1840), 5-е изд. (1848), стр. 141 и слѣд.;—Pecqueur, La républ. de Dieu (1844), стр. 194 и слѣд.;—Engels, Der Ursprung der Familie (1884), 4-е изд. (1892), стр. 71—73 (?);—Bellamy, Looking backward (1888), гл. 25;—Kautsky, Das Erfurter Programm (1892), стр. 145 и слѣд.;—Atlanticus, Produktion und Konsum im Sozialstaat (1898), стр. 9. — Къ писателямъ, которые въ существенныхъ чертахъ желаютъ удержать современный бракъ, принадлежатъ по большей части также и соціалистическіе теоретики, которые вообще не занимаются проблемой преобразованія половыхъ отношеній, а имѣютъ въ виду только экономическіе вопросы, какъ, напр., Луи Бланъ, Родбертусъ, Марксъ, Лассаль.

протестантскаго брачнаго права — можетъ быть расторгаемъ при наличности важныхъ основаній. Общій бракъ уже потому неосуществимъ, что въ народномъ трудовомъ государствѣ отсутствуютъ тѣ религіозныя и племенныя группы, съ которыми можно было бы связать это учрежденіе. Свободная же любовь страдаетъ такими недостатками, что широкія народныя массы принуждены были бы отвергнуть ее даже въ томъ случаѣ, если бы всѣ стоящія за современнымъ единобрачіемъ политическія и церковныя силы ходомъ событій были присуждены къ молчанію.

Въ самомъ дѣлѣ, если, для того чтобы пріобрѣсти критерій для оцѣнки, сравнить половыя и экономическія условія, то можно сказать, что единобрачіе въ области половой жизни привело къ состоянію, подобному тому, какое возникло бы въ области экономическихъ отношеній, если бы собственность была раздѣлена поровну и наслѣдственное право было уничтожено. Дѣйствительно, половыя наслажденія распредѣлены при посредствѣ брака довольно равномѣрно; если, несмотря на это, отдѣльныя личности находятъ въ бракѣ удовлетвореніе въ очень различной степени, то это неравенство зависитъ не отъ правового института, а отъ индивидуальныхъ особенностей супруговъ и имѣло бы мѣсто и при всякой другой организаціи половой жизни.

Напротивъ, свободную любовь слѣдуетъ сравнивать съ свободной конкуренціей, свободой договора и другими подобными экономическими учрежденіями, которыя, подъ видомъ свободы, поддерживаютъ господство богатыхъ и могущественныхъ. Власть, заработокъ, образованіе, краснорѣчіе, физическая красота и сила доставили бы одареннымъ этими качествами такой перевѣсъ въ состязательной борьбѣ свободной любви, что оттѣсненные на задній планъ въ большей или меньшей степени были бы лишены половыхъ наслажденій, правда, не въ силу права, но фактически. Такимъ образомъ, если наиболѣе радикальные соціалисты и анархисты проповѣдуютъ свободную любовь,

то они безсознательно стремятся для половой жизни къ тому именно состоянію, съ которымъ они такъ энергично борются въ области экономической жизни.

Кромѣ того, благодаря свободной любви, половая жизнь, являющаяся полезной для духовнаго и физическаго блага людей только при ограниченіи ея узкими рамками, очень скоро стала бы слишкомъ интенсивной. Чрезвычайное разнообразіе въ этой области въ связи съ сознаніемъ полной безотвѣтственности должно было бы усилить это могущественнѣйшее изъ всѣхъ естественныхъ влеченій, выведя его далеко за существующіе теперь предѣлы. Конечно, народное трудовое государство не имѣетъ никакихъ основаній бороться съ половымъ влеченіемъ, какъ съ таковымъ, но съ другой стороны, оно не можетъ освободить его проявленія отъ всѣхъ ограниченій и тѣмъ придать всей общественной жизни своихъ членовъ грубо-чувственный характеръ.

На взгляды защитниковъ свободной любви, несомнѣнно, имѣла вліяніе также и оппозиція христіанству. Христіанство, которое смотритъ на нашу земную жизнь только какъ на короткое подготовленіе къ вѣчному царству Божію, проповѣдывало умерщвленіе плоти и даже въ бракѣ видѣло лишь неизбѣжное зло. Народное трудовое государство не можетъ ставить себѣ такихъ неестественныхъ и неосуществимыхъ задачъ; но, вслѣдствіе этого, ему нѣтъ надобности становиться въ этомъ вопросѣ и на совершенно противоположную точку зрѣнія. Вообще, недостатокъ радикализма состоитъ въ томъ, что демократическія партіи, въ виду того, что государство и христіанская церковь повинны во многихъ грубыхъ ошибкахъ по отношенію къ низшимъ классамъ, склонны дѣлать столь же грубыя ошибки, хотя и въ противоположномъ направленіи.

Весьма также вѣроятно, что защитники свободной любви въ своей борьбѣ противъ современнаго брака имѣютъ въ виду, по преимуществу, половое общеніе и при этомъ забываютъ общность жизни супруговъ, ихъ взаимную под-

держку, помощь и вліяніе другъ на друга. Этотъ духовный и нравственный элементъ половой жизни, который при возрастающей культурности массъ все больше выступаетъ на первый планъ, можетъ проявиться во всемъ своемъ значеніи только при продолжительномъ хорошо организованномъ бракѣ. Меньше всего можно обойтись безъ взаимной поддержки супруговъ и членовъ семьи въ народномъ трудовомъ государствѣ, потому что здѣсь, вслѣдствіе уничтоженія института прислуги, домашнія работы, именно при системѣ отдѣльнаго домашняго хозяйства (стр. 121, прим. 2), должны исполняться женщинами и младшими членами семьи.

Такимъ образомъ, какъ видно изъ сказаннаго выше, нѣтъ никакой необходимости замѣнять нашъ современный бракъ свободной любовью или общимъ бракомъ. Браки давно уже заключаются въ преобладающемъ большинствѣ случаевъ соотвѣтственно положенію (standesgemäss), т. е. между такими лицами, которыя равны по своему соціальному положенію, образованію и матеріальному состоянію. Вслѣдствіе этого, и брачное право лишено той односторонности и несправедливости, въ которыхъ нѣтъ недостатка ни въ одной правовой области, гдѣ регулярно приходятъ въ столкновеніе интересы различныхъ классовъ населенія. Въ народномъ трудовомъ государствѣ должны окончательно исчезнуть наиболѣе крупные изъ недостатковъ, еще свойственныхъ современному браку, такъ какъ тогда матеріальные интересы далеко не будутъ оказывать на заключеніе брака того вліянія, какое они оказываютъ при современномъ общественномъ строѣ. Точно также есть основаніе надѣяться, что проституція, вслѣдствіе сравнительно незначительныхъ экономическихъ различій въ народномъ трудовомъ государствѣ (кн. I, гл. 11; кн. II, гл. 7), должна будетъ очень скоро исчезнуть, за исключеніемъ лишь единичныхъ, рѣдкихъ случаевъ, которые тогда будутъ объясняться не матеріальной нуждой, а физическими и душевными особенностями отдѣльныхъ индивидуумовъ.

Согласно дѣйствующимъ системамъ частнаго права мужъ обязанъ обезпечить своей женѣ соотвѣтствующее ихъ соціальному положенію содержаніе. Эта обязанность мужа не могла бы войти въ правовую систему народнаго трудового государства. Напротивъ, здѣсь жена имѣетъ самостоятельное право на существованіе; но если право мужа и жены по отношенію къ количеству и качеству средствъ удовлетворенія принадлежитъ къ различнымъ категоріямъ (кн. I, гл. 11; кн. II, гл. 7), то, вполнѣ естественно, положеніе перваго имѣетъ рѣшающее значеніе для обоихъ супруговъ. Зато на жену простирается также всеобщая обязательность труда (кн. II, гл. 7), предметомъ котораго будетъ прежде всего забота о домашнемъ хозяйствѣ, а потомъ, если въ этомъ представится надобность, и работы, которыя должны быть исполняемы внѣ дома.

Только при предоставленіи женщинамъ самостоятельнаго права на существованіе въ народномъ трудовомъ государствѣ, онѣ были бы фактически уравнены съ мужчинами. Пока, какъ при нашемъ современномъ общественномъ порядкѣ, жены будутъ жить на счетъ своихъ мужей, дочери—на счетъ отцовъ, пока, такимъ образомъ, значительное количество женщинъ въ матеріальномъ отношеніи будетъ зависѣть отъ мужчинъ, о полномъ равноправіи обоихъ половъ не можетъ быть и рѣчи.

Правда, это равноправіе, какъ и всякій значительный успѣхъ, будетъ куплено женщинами цѣной тяжелой жертвы—всеобщей обязательностью труда. Такъ какъ уже въ настоящее время женщины неимущихъ классовъ народа выполняютъ въ значительныхъ размѣрахъ домашнія и внѣдомашнія работы, то ихъ соціальное положеніе при введеніи всеобщей обязательности труда едва-ли потерпитъ глубокія измѣненія. Напротивъ, нововведенія народнаго трудового государства затронули бы изъ всѣхъ слоевъ населенія чувствительнѣе всего богатыхъ женщинъ, потому что онѣ почти совсѣмъ не выполняютъ внѣдомашнихъ работъ и даже свое домашнее хозяйство чаще всего ввѣ-

ряютъ попеченію лицъ, принадлежащихъ къ неимущимъ классамъ народа.

Такъ же, какъ обязанность мужа содержать свою жену, въ народномъ трудовомъ государствѣ должно отпасть все имущественное право супруговъ, потому что въ народномъ трудовомъ государствѣ супруги относительно другъ друга являются какъ два независимыхъ лица, съ самостоятельнымъ правомъ на существованіе. Мужъ и жена удерживаютъ, такимъ образомъ, въ своихъ рукахъ свою частную собственность, которая, кромѣ того, при господствѣ соціалистическаго правового порядка обнимаетъ весьма незначительную область, и то, что даютъ родители или третьи лица одному изъ супруговъ по случаю вступленія въ бракъ, должно быть разсматриваемо, какъ дареніе, изъ котораго, согласно съ выше изложенными принципами (кн. II, гл. 9), не можетъ возникнуть ни для одной изъ участвующихъ сторонъ долгового отношенія.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Отношенія между родителями и рожденными въ бракѣ дѣтьми.

Подобно тому какъ по отношенію къ браку народное трудовое государство проявитъ, безъ сомнѣнія, консервативный характеръ, оно сохранитъ также традиціонный порядокъ правовыхъ отношеній между родителями и рожденными въ бракѣ дѣтьми, поскольку право на существованіе и здѣсь не дѣлаетъ необходимыми существенныхъ измѣненій.

Согласно нашимъ частноправовымъ системамъ, прежде всего отецъ, а затѣмъ мать обязаны содержать своихъ рожденныхъ въ бракѣ дѣтей; въ случаѣ нужды эта обязанность переходитъ къ дѣду и бабушкѣ и другимъ родственникамъ по восходящей линіи. Точно также и обратно—дѣти должны, въ случаѣ нужды, обезпечить содержаніе своимъ родителямъ, дѣду и бабушкѣ и т. д. Но уже при современномъ правовомъ строѣ важное соціальное значеніе имѣетъ только обязанность родителей содержать и воспитывать своихъ дѣтей,—обязанность, по отношенію къ которой остальные случаи являются только рѣдкими исключеніями. Конечно, въ народномъ трудовомъ государствѣ, въ которомъ каждый имѣетъ самостоятельное право на существованіе и вслѣдствіе этого не долженъ прибѣгать ни къ частной, ни къ общественной матеріальной поддержкѣ, рѣчь можетъ итти только объ упомянутой сейчасъ обязанности родителей.

Въ первый годъ жизни питаніе доставляется ребенку непосредственно матерью, и потому онъ долженъ нахо-

диться на попеченіи родителей. Это состояніе является, естественно, независимымъ отъ той или иной организаціи соціальнаго строя. Только институтъ кормилицъ, благодаря которому въ каждомъ болѣе значительномъ культурномъ государствѣ тысячи дѣтей пролетаріевъ обрекаются на преждевременную смерть или крайнюю болѣзненность, долженъ, само собой разумѣется, въ народномъ трудовомъ государствѣ исчезнуть [1]).

Содержаніе и воспитаніе дѣтей въ слѣдующій періодъ ихъ жизни, до совершеннолѣтія (приблизительно отъ 2 до 14 лѣтъ), должны зависѣть отъ общей организаціи общественной жизни. Если народное трудовое государство или община высказываются за систему раздѣльнаго домашняго хозяйства (кн. II, гл. 7), къ чему они еще долго будутъ вынуждены, благодаря свойствамъ имѣющихся налицо жилищъ, то содержаніе и воспитаніе могутъ быть даваемы дѣтямъ, какъ и до сихъ поръ, въ домѣ родителей.

Только въ двухъ направленіяхъ могутъ наступить и при этомъ условіи заслуживающія упоминанія перемѣны. Прежде всего дѣти тѣхъ родителей, которымъ ихъ работа мѣшаетъ имѣть надлежащій надзоръ за дѣтьми или которые вообще этого пожелаютъ, должны приниматься въ общественные дѣтскіе пріюты. Во всякомъ случаѣ одна изъ худшихъ тѣневыхъ сторонъ нашего современнаго правопорядка заключается въ томъ, что государство, хотя оно и сейчасъ достаточно зрѣло, чтобы рѣшить эту задачу, чаще всего полагается въ этомъ дѣлѣ на частную благотворительность, вслѣдствіе чего безчисленное количество дѣтей пролетаріевъ вырастаетъ кандидатами въ тюремные питомцы. Тогда же питаніе дѣтей и забота о нихъ, вполнѣ естественно, будутъ связаны съ школьнымъ обученіемъ, и потому это послѣднее получитъ еще большее, чѣмъ теперь, значеніе по сравненію съ семейной жизнью.

[1]) Сравн. Menger, Das bürgerliche Recht und die besitzlosen Volksklassen, 2 и 3 тысяча (1890), № 18.

Если, напротивъ, государство или государственный союзъ высказываются за систему соединеннаго домашняго хозяйства, то содержаніе и воспитаніе дѣтей всего цѣлесообразнѣе поручить заботѣ общественныхъ органовъ въ предназначенныхъ для этой цѣли помѣщеніяхъ. Подобно тому, какъ вообще въ народномъ трудовомъ государствѣ все частное право переходитъ въ административное право, такъ и вопросъ о томъ, кто долженъ заботиться о духовномъ, нравственномъ и физическомъ благѣ дѣтей въ первый періодъ ихъ жизни, долженъ будетъ въ существенныхъ чертахъ рѣшаться административнымъ путемъ.

Затѣмъ большое соціальное значеніе имѣетъ вопросъ, должно ли содержаніе и воспитаніе дѣтей производиться на счетъ родителей или на счетъ государства. Конечно, каждый ребенокъ имѣетъ по отношенію къ государству самостоятельное право на существованіе, независимо отъ того, есть ли у него родители или онъ круглый сирота. Съ этимъ однако вполнѣ совмѣстимо, что государство получаетъ отъ родителей издержки по содержанію и воспитанію дѣтей, такимъ ли путемъ, что оно помѣщаетъ родителей въ низшую категорію относительно полученія средствъ удовлетворенія, или — что, вѣроятно, будетъ постояннымъ правиломъ—путемъ возвышенія ихъ обязательнаго труда выше общей нормы (кн. II, гл. 7).

Защитники свободной любви, вполнѣ естественно, держатся того взгляда, что содержаніе и воспитаніе дѣтей должно производиться на счетъ государства [1]). Но и нѣко-

---

[1]) Сравн. Meslier, Le testament, т. 2 (1869), стр. 226—229;—Dezamy, Code de la communauté (1842), стр. 266;—Bebel, Die Frau (1883), 25-е изд. (1895), стр. 406. Для анархизма является почти неразрѣшимымъ вопросъ, кто долженъ заботиться о ребенкѣ, содержать его и воспитывать, такъ какъ въ анархическомъ строѣ нѣтъ государственной власти, которая, въ виду того, что ребенокъ самъ не можетъ защищать свои духовные и физическіе интересы, брала бы на себя эти задачи или принуждала къ ихъ выполненію нежелающихъ ихъ выполнять родителей. Вслѣдствіе этого анархистскіе писатели принуждены или удовлетворяться совершенно непріемлемыми выводами или ограничиваться общими фразами. Сравн.

торые соціалисты, которые желаютъ сохранить бракъ, защищаютъ то же мнѣніе [1]). Напротивъ, я думаю, что народное трудовое государство должно будетъ, по крайней мѣрѣ на очень долгое время, включить въ свою правовую систему обязанность родителей содержать и воспитывать своихъ дѣтей.

Какъ извѣстно, Мальтусъ [2]) выставилъ положеніе, что населеніе въ общемъ имѣетъ тенденцію возрастать быстрѣе, чѣмъ растутъ въ данной странѣ средства пропитанія. Этотъ взглядъ оспаривался нѣкоторыми экономистами и соціалистами [3]), и дѣйствительно въ отдѣльныхъ культурныхъ странахъ, напр. во Франціи, приростъ населенія по сравненію съ количествомъ доставляемыхъ страной пищевыхъ припасовъ не только не чрезмѣренъ, но даже прямо недостаточенъ. Тѣмъ не менѣе, для большинства европейскихъ культурныхъ народовъ законъ Мальтуса можетъ считаться правильнымъ, пока не подвергнутся коренному измѣненію нравы, господствующіе въ области половой жизни.

Наиболѣе же важной мѣрой противъ чрезмѣрнаго увеличенія населенія, поскольку такія мѣры зависятъ отъ соціальнаго строя, во всякомъ случаѣ является обязатель-

---

Tucker, Instead of a book, 2-е изд. (1897), стр. 134—149;—Jean Grave, La société future (1895), гл. 23;—Charles Albert, L'amour libre, 3-е изд. (1899), стр. 216.

[1]) Morelly, Code de la nature (1755), стр. 220; Loix d'éducation, art. 4;—«Заговоръ равныхъ» Бабефа; сравн. Buonarroti, Conspiration pour l'égalité, т. 1 (1828), стр. 282;—Owen, The revolution in the mind and practice of the human race (1849), стр. 78—82.

[2]) Malthus, An essay on the principle of population (1798), стр. 13—17. Также въ позднѣйшихъ изданіяхъ этого сочиненія.

[3]) Godwin, On population, an inquiry concerning the power of increase in the numbers of mankind (1820), стр. 507 и слѣд.;—Owen, Report of the proceedings at the several meetings held in Dublin (1823), стр. 100, 107 и слѣд;—Gray, Social system (1831), стр. 178 и слѣд;—Proudhon, Système des contradictions économiques, т. 2 (1846), стр. 397 и слѣд.;—Leroux, Malthus et les économistes (1846), въ новомъ изданіи 1849 г., стр. 212, 213;—Marx, Das Kapital, т. 1 (1867), 3-е изд. (1883), стр. 637, 638;—H. George, Progress and poverty (1880), кн. II, гл. 4;—Bebel, Die Frau (1883), 25-е изд, (1895), стр. 441—463;—Bernstein, Zur Geschichte u. Theorie des Sozialismus (1901), стр. 72.

ность для родителей содержать и воспитывать до работоспособнаго возраста произведенныхъ ими на свѣтъ дѣтей. Народное трудовое государство, включая въ свои законы эту обязанность родителей, ставитъ столь же дѣйствительный соціальный предѣлъ чрезмѣрному приросту населенія, какъ и современный правовой порядокъ, но при этомъ все-таки нельзя сказать, чтобы проблема народонаселенія была дѣйствительно окончательно рѣшена той или другой государственной формой.

Правда, многіе соціалисты указываютъ на громадныя, еще неиспользованныя пространства земли въ различныхъ частяхъ свѣта, откуда мы можемъ получать средства пропитанія или куда мы можемъ посылать переселенцевъ при избыткѣ населенія [1]). Но дѣйствительно ли можно навѣрное разсчитывать, что мы всегда будемъ имѣть возможность предложить имѣющіе спросъ объекты обмѣна за продукты земли, такъ какъ чрезвычайная концентрація производительныхъ силъ въ народномъ трудовомъ государствѣ вызоветъ очень скоро повсюду цвѣтущую промышленность. Что же касается до эмиграціи, то рѣшиться на переселеніе въ далекую страну съ другимъ климатомъ, другимъ языкомъ, религіей и нравами для гражданина народнаго трудового государства, у котораго вѣдь всегда есть самостоятельное право на существованіе, будетъ слишкомъ трудно; къ тому же выполненіе намѣренія переселиться будетъ зависѣть также отъ того, захочетъ ли чужая страна принимать переселенцевъ. Коротко говоря, такія предложенія очень напоминаютъ совѣты либеральныхъ политико-экономовъ, даваемые съ легкимъ сердцемъ рабочему, занятому въ приходящей въ упадокъ отрасли производства, перейти къ другой работѣ, хотя очень часто такой переходъ неосуществимъ и даже въ случаѣ осуществимости нерѣдко является настоящей катастрофой для заинтересованнаго лица.

[1]) Godwin, On population, стр. 444 и слѣд.;—Bebel, Die Frau, 25 изд., стр. 455 и слѣд.

Нѣкоторые защитники свободной любви думаютъ также, что улучшенныя условія жизни и повышенная культурность массъ въ народномъ трудовомъ государствѣ сдѣлаютъ половыя наслажденія менѣе частыми и менѣе оплодотворяющими [1]). Но если даже признать вполнѣ правильной устанавливаемую этими писателями причинную связь въ такой области соціальной жизни, которая почти совершенно ускользаетъ отъ точнаго наблюденія, то все же предположенное воздѣйствіе новаго соціальнаго строя могло бы сказаться въ лучшемъ случаѣ только черезъ много поколѣній.

Обязанность родителей содержать и воспитывать своихъ дѣтей принадлежитъ къ числу тѣхъ важныхъ ограничительныхъ учрежденій, которыя могутъ быть легче устранены, чѣмъ снова введены. Она является поэтому столь дѣйствительной, что поражаетъ человѣческій эгоизмъ въ самомъ источникѣ, непосредственно связывая необдуманное половое наслажденіе съ личными и экономическими тяготами [2]). Уничтожить эту важную ограничительную институцію или смягчить ея дѣйствіе придетъ время только въ томъ случаѣ, если надежды соціалистическихъ теоретиковъ будутъ подтверждены опытомъ многихъ поко-

---

[1]) Bebel, Die Frau, стр. 449.

[2]) Вопросъ, какими средствами общество можетъ противодѣйствовать чрезмѣрному увеличенію населенія, обсуждался чаще прежними соціалистами, чѣмъ въ настоящее время, когда соціалистическая мысль ограничивается, благодаря вліянію Маркса, Лассаля и Родбертуса, немногими экономическими вопросами, предоставляя обсужденіе проблемъ, касающихся половой жизни, нео-мальтузіанцамъ. Сравн. Robert Dale Owen (сынъ), Moral physiology or a brief and plain treatise on the population question (1830), 8-е изд. (1832), стр. 47, 50;—Oneida-Community: Noyes, Essay on scientific propagation, появилось около 1873 г.; Male continentice, 1872, напечатано въ Alice Stockham, Karezza, Ethics of marriage, Чикаго, стр. 120—127; Dixon and his copyists (1874), стр. 32 и слѣд.; Health of children in Oneida community (1878), стр. 2; History of American socialisms (1870), стр. 366;—Nordhoff, The communistic societies of the United States (1875), стр. 276;—George Noyes Miller, Zugassent's discovery, Chicago (1901), стр. 63 и слѣд., 80 и слѣд.;—Kautsky, Der Einfluss der Volksvermehrung auf der Fortschritt der Gesellschaft (1880), стр. 156 и слѣд.

лѣній, или если вслѣдствіе будущихъ изобрѣтеній станетъ возможно дешево производить средства пропитанія непосредственно изъ минеральныхъ или имѣющихся въ изобиліи растительныхъ матеріаловъ, напр. изъ дерева, листьевъ и т. д.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Внѣбрачныя дѣти.

Правовое положеніе незамужнихъ матерей и внѣбрачныхъ дѣтей есть пробный камень для живой дѣйственной нравственности извѣстнаго народа, нравственности, которую слѣдуетъ, разумѣется, отличать отъ моралистическихъ фразъ и тому подобной внѣшней мишуры. Мужчины, принадлежащіе къ имущимъ классамъ народа, исключительно въ рукахъ которыхъ находится законодательство, въ высшей степени заинтересованы въ томъ, чтобы имѣть возможность дополнять безъ чрезмѣрныхъ жертвъ свою брачную половую жизнь до и послѣ заключенія брака свободной любовью съ женщинами неимущихъ классовъ народа. Противъ этого во всякомъ случаѣ предосудительнаго стремленія съ точки зрѣнія нашего современнаго нравственнаго порядка возставали серьезно и энергично право средневѣковой церкви [1]), судебная практика общаго германскаго права [2]) и даже прусское гражданское право (Preussisches Landrecht), этотъ многократно подвергавшійся порицаніямъ продуктъ эпохи просвѣще-

[1]) По каноническому праву, которое въ этомъ пунктѣ примыкало къ Моисееву законодательству, соблазнитель дѣвушки долженъ былъ жениться на ней *и* дать ей приданое. Если же онъ отказывался или отецъ не хотѣлъ ему отдать дѣвушку въ жены, то онъ подвергался тѣлесному наказанію, отлученію отъ церкви и заключенію въ монастырь. Если внѣбрачное сожительство имѣло послѣдствія, то отецъ былъ обязанъ обезпечить ребенку содержаніе. Сравн. c. 1, 2 X de adulteriis et stupro (5, 16); c. 5 X de eo qui duxit in matr. (4, 7).

[2]) Германская судебная практика въ существенныхъ чертахъ оставила въ силѣ опредѣленія каноническаго права (предыдущ. прим.), но смягчила строгость послѣдняго уже тѣмъ, что предоставила соблазнителю право выбора жениться на дѣвушкѣ *или* дать ей приданое.

нія [1]). Только въ XIX вѣкѣ противоположная тенденція одержала полную побѣду въ кодексахъ Франціи, Австріи, Италіи и Германіи [2]). Въ высшей степени характерно для значенія половыхъ интересовъ въ человѣческой жизни то, что многія правовыя постановленія, которыя я защищалъ въ интересахъ неимущихъ классовъ населенія въ другихъ областяхъ гражданскаго права, были дѣйствительно приняты нѣмецкимъ гражданскимъ уложеніемъ [3]), изъ моихъ же очень умѣренныхъ предложеній въ пользу внѣбрачныхъ дѣтей въ него, за незначительными исключеніями, не перешло ничего [4]).

Въ народномъ трудовомъ государствѣ контрасты богатства и силы, вызывающіе въ современномъ обществѣ столь печальныя нравственныя и правовыя послѣдствія, будутъ весьма значительно смягчены, и, благодаря этому,

---

[1]) Сравн. Menger, Das bürgerliche Recht und die besitzlosen Volksklassen (1890), № 22.

[2]) Code civil français (1803, 1804), art. 340. Oesterreichisches bürgerliches Gesetzbuch (1811) §§ 163 и слѣд. Codice civile italiano (1865), art. 189. Deutsches bürgerliches Gesetzbuch (1896), §§ 1708—1718.

[3]) Такъ нѣмецкое гражданское уложеніе присоединилось къ моей критикѣ проекта уложенія въ слѣдующихъ пунктахъ: по отношенію къ послѣдствіямъ незнанія закона (Rechtsunkenntnis), относительно примѣненія закона по аналогіи (analoge Rechtsanwendung), относительно распространенія понятія ростовщичества (Wucherbegriff) на всѣ юридическія сдѣлки (§ 138 Deutsches b. G.-B.), относительно охраны жизни, здоровья и нравственности нанимателемъ въ услуженіе и сдающимъ въ наемъ квартиру (§§ 618, 544 Deutsches b. G.-B.) и т. д. Сравн. Menger, Das bürgerliche Recht und die besitzlosen Volksklassen, 2 и 3 тысяча (1890), №№ 8, 9, 38, 39—48, 49.

[4]) Хотя мои предложенія, имѣвшія въ виду улучшеніе соціальнаго положенія внѣбрачныхъ дѣтей, по большей части примыкали къ всеобщему прусскому гражданскому праву (Allgemeines preussisches Landrecht), однако нѣмецкое гражданское уложеніе приняло только единственное предложенное мною постановленіе, именно, что мать еще до своего разрѣшенія отъ бремени можетъ требовать отъ судьи временнаго распоряженія, чтобы виновникъ беременности уплатилъ впередъ издержки, связанныя съ родами, и стоимость содержанія ребенка въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Сравн. Menger, назв. соч., № 26 и Deutsches b. G.-B., § 1716. Въ частности, въ интересахъ высшихъ классовъ, было удержано постановленіе, несмотря на его очевидную несправедливость, на основаніи котораго для отвода признается достаточнымъ, если незамужняя мать въ періодъ зачатія имѣла половое общеніе и съ другими мужчинами. Сравн. Menger, назв. соч. № 19—27. Deutsches b. G.-B., §§ 1705—1718.

будетъ создана основа для справедливаго отношенія къ незамужнимъ матерямъ и внѣбрачнымъ дѣтямъ.

Что касается до незамужней матери, то слѣдуетъ различать, было ли внѣбрачное сожительство вызвано насиліемъ, угрозами, хитростью (именно обѣщаніемъ жениться), а также злоупотребленіемъ отношеніями зависимости, или нѣтъ.

Въ первомъ случаѣ того, кто особенно противозаконнымъ образомъ склонилъ дѣвушку къ сожительству, должно было бы, конечно, постигать уголовное наказаніе [1]). Наши современные уголовные законы уже и въ настоящее время подводятъ нѣкоторые особенно выходящіе изъ ряду вонъ случаи подъ уголовную отвѣтственность, напр., если соблазненной угрожали опасностью для жизни, если злоупотребили ея безвольнымъ или безсознательнымъ состояніемъ или несовершеннолѣтнимъ возрастомъ [2]) и т. д. Но только при посредствѣ соотвѣтственнаго общаго уголовнаго законодательства найдетъ достаточную уголовную охрану женская честь, которая, какъ высшее личное достояніе женщины, въ государствѣ, почти лишенномъ собственности, должна выступить на первый планъ. По той же причинѣ эта уголовная охрана должна имѣть мѣсто также и въ томъ случаѣ, когда сожительство, достигнутое противозаконными средствами, не повлечетъ за собой беременности соблазненной женщины.

Уголовное наказаніе не должно было бы примѣняться въ этихъ обоихъ случаяхъ, если мужчина изъявитъ готовность загладить свой противозаконный поступокъ бракомъ. Но если онъ не можетъ или не желаетъ жениться на соблазненной, то за ней должны были бы быть признаны права разведенной безъ ея вины замужней женщины, а за ея ребенкомъ — права рожденнаго въ бракѣ ребенка.

---

[1]) Deutsches b. G.-B., § 825 предоставляетъ въ такихъ случаяхъ только частноправовую претензію на возмѣщеніе убытковъ.

[2]) Deutsches St.-G.-B, § 176.

Напротивъ, если сожительство не явилось слѣдствіемъ особенно противозаконнаго образа дѣйствій, то мужчина долженъ нести извѣстныя обязанности только въ случаѣ рожденія внѣбрачнаго ребенка. Право соблазненной на вознагражденіе, право, которое является вполнѣ оправданнымъ при нашемъ современномъ общественномъ строѣ, въ народномъ трудовомъ государствѣ могло бы быть упразднено, потому что въ немъ и безъ того каждый имѣетъ право на существованіе.

Ребенокъ, рожденный отъ внѣбрачнаго сожительства, естественно, имѣетъ по отношенію къ государству такое же право на существованіе, какъ и рожденный въ бракѣ, сообразно съ тѣмъ жизненнымъ уровнемъ, на какомъ стоитъ его мать. Государство, однако же, имѣетъ и въ этомъ случаѣ по отношенію къ родителямъ право на возмѣщеніе своихъ расходовъ, но это возмѣщеніе должно быть въ большей долѣ возложено на отца, такъ какъ онъ не несетъ личныхъ тяготъ брака и воспитанія дѣтей. Внѣбрачный ребенокъ носитъ имя своей матери, на попеченіи и воспитаніи которой онъ находится, поскольку не примѣняется содержаніе и воспитаніе въ общественныхъ заведеніяхъ (кн. II, гл. 13); наслѣдственное право признается только между матерью и ея родными (кн. II, гл. 11) съ одной стороны и ребенкомъ съ другой. Отцомъ внѣбрачнаго ребенка считается тотъ, кто имѣлъ половое общеніе съ его матерью въ тотъ періодъ, когда могъ быть зачатъ ребенокъ; если такихъ лицъ нѣсколько, то возмѣщеніе расходовъ по содержанію ребенка должно быть распредѣлено между ними сообразно ихъ жизненному уровню.

Эти предложенія слѣдуетъ разсматривать какъ минимумъ того, на что могутъ имѣть право незамужнія матери и внѣбрачныя дѣти въ народномъ трудовомъ государствѣ. Законодательство французской революціи, несмотря на то, что оно послѣдовательно проводило принципъ частной собственности, далеко перешло эти границы,

въ нѣкоторыхъ пунктахъ почти уравнивая по отношенію къ состоянію и праву наслѣдованія [1]) добровольно признанныхъ отцомъ внѣбрачныхъ дѣтей съ рожденными въ бракѣ, такъ что и при соціалистическомъ правовомъ порядкѣ, конечно, скоро возникла бы потребность еще больше приблизить положеніе незамужнихъ матерей и внѣбрачныхъ дѣтей къ положенію замужнихъ женщинъ и дѣтей, рожденныхъ въ бракѣ.

Только благодаря такому преобразованію семейная жизнь массъ постепенно достигла бы чистоты и непорочности, соотвѣтствующей государственному строю, при которомъ господствуетъ не знать, а широкіе народные слои. Нѣтъ ничего неправильнѣе желанія нѣкоторыхъ соціалистовъ, напр. Бебеля (сравн. стр. 155), распространить въ качествѣ общаго правила безпутные нравы высшихъ круговъ народа, кажущіеся до извѣстной степени сносными только благодаря своимъ утонченнымъ внѣшнимъ формамъ. Исторія французской революціи, напротивъ, показываетъ, что пролетаріатъ въ эпоху террора, когда онъ фактически имѣлъ въ своихъ рукахъ верховную власть, выступалъ съ большой, можетъ быть, даже съ слишкомъ большой строгостью противъ половой безнравственности [2]). Сдѣланныя мной предложенія представляютъ, пожалуй, золотую середину между слишкомъ большой распущенностью нравовъ и неосуществимымъ, по крайней мѣрѣ на продолжительное время, терроризмомъ добродѣтели.

Заключеніемъ этихъ разсужденій относительно организаціи семьи пусть послужатъ нѣсколько замѣчаній объ опекѣ. При современномъ общественномъ строѣ опека

---

[1]) Сравн. законы 4 іюня 1793 г.; 12 брюм. II г.; 3 ванд. IV г.; 26 ванд. IV г.; 15 терм. IV г.; 2 ванд. VI г.

[2]) Извѣстно, что гебертистъ Шометтъ, въ качествѣ прокурора парижской коммуны, преслѣдовалъ съ крайней строгостью проституцію и порнографическую литературу. Сравн. выпущенный по предложенію Шометта декретъ парижской коммуны отъ 4 окт. 1793 г. «Moniteur univ.» отъ 6 окт. 1793 г.; распоряженіе Шометта въ «Moniteur» an II, № 27; наконецъ, постановленіе парижской коммуны отъ 17 нивоза II года въ «Moniteur» отъ 10 янв. 1794 г.

преслѣдуетъ главнымъ образомъ одну цѣль, именно—обезпеченіе цѣлесообразнаго управленія имуществомъ сиротъ изъ зажиточныхъ семействъ; осиротѣлыхъ дѣтей неимущихъ классовъ народа какъ низшія, такъ и высшія опекунскія учрежденія совершенно не имѣютъ въ виду [1]). Въ народномъ трудовомъ государствѣ имущество опекаемыхъ можетъ быть лишь весьма незначительнымъ по своимъ размѣрамъ и, конечно, объ управленіи имуществомъ въ собственномъ смыслѣ едва ли можетъ итти рѣчь. Попеченіе опекуна должно было бы, вслѣдствіе этого, простираться преимущественно на личность опекаемаго; въ частности, онъ долженъ былъ бы принимать участіе въ важныхъ событіяхъ жизни опекаемаго, напр., при выборѣ профессіи и при заключеніи брака. У дѣтей, родители которыхъ еще живы, это право участія въ важнѣйшихъ событіяхъ ихъ жизни должно, естественно, принадлежать родителямъ.

[illegible] Das bürgerliche Recht und die besitzlosen Volksklassen (1890). [illegible].

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Уголовное право.

Уголовное право, уголовный и гражданскій процессъ принадлежатъ въ нашей современной правовой системѣ къ области публичнаго права и вслѣдствіе этого должны бы быть разсмотрѣны въ третьей книгѣ этого сочиненія — о сущности и организаціи народнаго трудового государства. Такъ какъ, однако, въ народномъ трудовомъ государствѣ и все частное право станетъ публичнымъ правомъ, и такъ какъ уголовное право и процессъ уже много столѣтій примѣняются тѣми же государственными органами (судами), что и частное право, то является вполнѣ умѣстнымъ изслѣдовать эти обѣ области права въ связи съ имущественно- и семейно-правовыми институтами.

Наиболѣе вѣрной гарантіей осуществленія права все-таки остается наказаніе. Вслѣдствіе этого вліятельныя группы населенія съ давнихъ поръ открыто или замаскированно вписали свои требованія въ уголовные кодексы, и изъ этихъ послѣднихъ можно гораздо точнѣе узнать истинное соотношеніе соціальныхъ силъ извѣстнаго времени, чѣмъ изъ наполненныхъ столькими бумажными правами конституціонныхъ, административныхъ и гражданскихъ законовъ. Тѣмъ не менѣе наши уголовные кодексы содержатъ, рядомъ съ многочисленными постановленіями, вытекающими изъ самыхъ основныхъ побужденій человѣческой природы, также нѣкоторыя второстепенныя добавленія, которыя были созданы случайнымъ ходомъ исторіи и колебаніемъ соотношенія соціальныхъ силъ. Вслѣдствіе этого я могу обрисовать здѣсь тѣ измѣненія

въ уголовномъ правѣ, которыя сдѣлаются необходимыми благодаря новому общественному строю, только въ самыхъ общихъ чертахъ.

Преступленія (преступленія, проступки и нарушенія)[1]) направляются или непосредственно противъ личности, и тогда они независимы отъ господствующаго общественнаго строя (преступленія противъ личности—Personalvergehen), или заключаютъ въ себѣ нарушенія правъ, признанныхъ правовымъ строемъ, и должны вслѣдствіе этого, съ преобразованіемъ послѣдняго, подвергнуться кореннымъ измѣненіямъ (преступленія противъ права—Rechtsvergehen).

I. Къ первой группѣ принадлежатъ преступленія противъ жизни и тѣлесной неприкосновенности, а именно предумышленное убійство, не предумышленное убійство, тѣлесное поврежденіе. Далѣе, проступки противъ личной свободы, напр. похищеніе кого-либо и лишеніе свободы; преступленія противъ нравственности, направленныя непосредственно противъ личности, для которыхъ я предложилъ выше (кн. II, гл. 14) значительное расширеніе; наконецъ, преступленія противъ чести.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что при всякомъ состояніи общества эти преступленія противъ личности и самыхъ непосредственныхъ личныхъ интересовъ будутъ вызывать кары со стороны государства. Уже вслѣдствіе этого одного надежда анархистовъ, что государство можетъ когда-либо совершенно исчезнуть (кн. I, гл. 2), является тщетной; но точно также необосновано и мнѣніе нѣкоторыхъ соціалистическихъ теоретиковъ (стр. 8, прим. 1), что соціализмъ превратитъ нынѣшнее господствующее и повелѣвающее государство въ организмъ, исключительно управляющій и хозяйствующій. Ибо можетъ ли наступить

[1]) Въ подлинникѣ Verbrechen, Vergehen und Uebertretungen. Термины, употребленные въ переводѣ, принадлежатъ авторамъ проекта новаго уголовнаго уложенія (изд. 1895 г.). Въ окончательномъ текстѣ новаго уголовнаго уложенія (изд. 1903 г.) они замѣнены терминами: «тяжкія преступленія, преступленія и проступки». *Примѣч. переводчика.*

когда-либо время, когда культурный народъ будетъ предоставлять наказаніе убійства случаю [1]) или когда культурное государство будетъ наказывать это преступленіе просто административнымъ порядкомъ? По отношенію къ преступленію и народное трудовое государство не будетъ имѣть возможности выпустить изъ рукъ мечъ. Личная безопасность и достоинство вмѣстѣ съ достойной человѣка экономической обстановкой и упорядоченной семейной жизнью всегда будутъ составлять три главныхъ цѣли человѣческой жизни, личная безопасность и достоинство даже необходимо должны выступить на первый планъ, какъ только экономическое существованіе отдѣльной личности благодаря преобразованію общественнаго строя будетъ обезпечено.

II. Гораздо болѣе глубокія измѣненія должны испытать въ народномъ трудовомъ государствѣ законодательство и судебная практика по отношенію къ тѣмъ преступленіямъ, которыя я назвалъ преступленіями противъ права. Они направляются или непосредственно противъ государства и его правъ, или противъ имущественныхъ, или, наконецъ, противъ семейныхъ правъ.

1. Между преступленіями, направленными противъ государства и его правъ, слѣдуетъ отмѣтить: государственную измѣну, оскорбленіе величества, сопротивленіе государственной власти, въ частности возстаніе и мятежъ. Неопредѣленный и растяжимый составъ этихъ преступленій и строгость наказаній за нихъ ясно показываютъ, что въ данномъ случаѣ дѣло идетъ объ обезпеченіи господствующаго положенія наиболѣе вліятельныхъ лицъ противъ основательныхъ и неосновательныхъ нападеній.

Народное трудовое государство также едва-ли можетъ обойтись безъ подобныхъ средствъ самообороны въ пере-

---

[1]) За безнаказанность убійства въ анархистскомъ обществѣ тѣмъ не менѣе высказываются: Proudhon, Idée générale de la révolution au XIX siècle (1851), стр. 289, 301;—Morris, News from nowhere (1891), 6-е изд. (1899), стр. 90 и др. Сравн. также ниже, стр. 186, прим. 1.

ходный періодъ, съ его жаркой партійной борьбой и колеблющимся правовымъ строемъ. Но какъ только наступитъ окончательное водвореніе новаго порядка вещей, одною изъ важнѣйшихъ задачъ демократическаго трудового государства должно явиться значительное уменьшеніе наказаній за государственныя преступленія. Уже при политической демократіи государственныя преступленія караются несравненно мягче, чѣмъ при монархіи; тѣмъ болѣе народное трудовое государство будетъ имѣть возможность сузить кругъ наказуемыхъ дѣяній и значительно смягчить самыя наказанія. Ибо вслѣдствіе преобразованія государственнаго суверенитета, о чемъ рѣчь будетъ ниже (кн. III, гл. 2), противоположность между правящими и управляемыми вообще должна быть очень ослаблена. Кромѣ того, народное трудовое государство должно являться преимущественно управляющимъ и хозяйствующимъ организмомъ, который, естественно, будетъ несравненно менѣе вызывать нападенія и сопротивленія своихъ членовъ, чѣмъ нашъ во власти и блескѣ господствующій государственный строй.

2. Изъ второй группы преступленій противъ права, именно преступленій, направленныхъ противъ имущественныхъ правъ (преступленія противъ собственности), я укажу воровство, растрату, грабежъ, нарушеніе домашняго спокойствія, мошенничество, поврежденіе вещей. Угрозой наказанія за эти преступленія институтъ собственности защищенъ отъ нападеній несравненно дѣйствительнѣе, чѣмъ частно-правовыми жалобами и гражданскимъ процессомъ. Но уголовно-правовая защита по своимъ наиболѣе характернымъ для нея свойствамъ относится исключительно къ единственно понятной массамъ внѣшней сторонѣ отношеній собственности, именно къ владѣнію вещами; напротивъ, осуществленіе имущественныхъ правъ въ отдѣльности предоставлено гражданскому процессу.

Преобладающее значеніе имущихъ классовъ въ нашемъ обществѣ особенно ясно обнаруживается при сравненіи наказаній за болѣе важныя преступленія противъ личности

съ одной стороны и противъ собственности—съ другой. Такъ, по германскому имперскому уголовному уложенію [1]), нанесеніе легкихъ ранъ карается только по жалобѣ потерпѣвшаго (§ 232 St.-G.-B.) тюремнымъ заключеніемъ до трехъ лѣтъ или денежнымъ штрафомъ до тысячи марокъ (§ 223 St.-G.-B.); простое же воровство, напротивъ, наказывается по иниціативѣ властей и притомъ всегда тюремнымъ заключеніемъ до пяти лѣтъ (§ 242 St.-G.-B.). Причиненіе увѣчья по тому же закону наказывается заключеніемъ въ смирительномъ домѣ (Zuchthaus) до пяти лѣтъ или тюремнымъ заключеніемъ не менѣе одного года (§ 224 St.-G.-B.); а квалифицированное воровство — заключеніемъ въ смирительномъ домѣ до десяти лѣтъ или тюрьмой не менѣе трехъ мѣсяцевъ (§ 243 St.-G.-B.); такъ что взломавшаго въ какомъ-нибудь зданіи помѣщеніе для вещей и похитившаго оттуда какую-нибудь вещь обыкновенно постигаетъ болѣе строгое наказаніе, чѣмъ причинившаго увѣчье, благодаря которому потерпѣвшій потерялъ ногу, руку, зрѣніе или слухъ. Наконецъ грабежъ, являющійся, правда, прямымъ и рѣшительнымъ отрицаніемъ института собственности, по отношенію къ наказанію почти уравненъ съ намѣреннымъ, хотя и необдуманнымъ заранѣе убійствомъ человѣка, то есть съ непредумышленнымъ убійствомъ (§§ 249, 212 St.-G.-B.). Только привычкой къ исконному привилегированному положенію имущихъ классовъ во всѣхъ областяхъ общественной жизни можно объяснить, какимъ образомъ подобное правовое состояніе вообще можетъ казаться выносимымъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что народное трудовое государство будетъ карать преступленія противъ собственности гораздо мягче не только потому, что тогда со-

---

[1]) Я привожу для краткости только постановленія германскаго импер. уголовнаго уложенія, но и въ остальныхъ культурныхъ государствахъ дѣло обстоитъ не иначе, такъ какъ соотношеніе соціальныхъ силъ, несмотря на очень значительное различіе политическихъ конструкцій, во всѣхъ странахъ довольно однородно.

вершенно исчезнетъ господствующее положеніе имущихъ классовъ, но также и потому, что благодаря праву на существованіе,—праву, которое будетъ принадлежать каждому гражданину, должно исчезнуть важнѣйшее побужденіе къ дѣяніямъ, угрожающимъ праву собственности.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ обратная сторона права на существованіе—обязательный трудъ для всѣхъ (кн. II, гл. 7)—должна составить основаніе для новаго вида преступленій. При нашемъ общественномъ строѣ праздность богатыхъ людей ни въ какомъ случаѣ не является наказуемой,—наоборотъ, она составляетъ даже наиболѣе характерный признакъ фешенебельнаго образа жизни. Но если уклоняющійся отъ работы бѣденъ, то онъ подлежитъ уголовной или полицейской отвѣтственности и можетъ быть принужденъ къ работѣ въ рабочемъ домѣ (§§ 361, 362 St.-G.-B). Въ народномъ трудовомъ государствѣ, напротивъ, каждый гражданинъ безъ различія его положенія долженъ былъ бы признаваться заслуживающимъ наказанія, разъ онъ колеблетъ основы этой государственной формы противозаконнымъ отказомъ отъ работы.

3. Важнѣйшія преступленія противъ семейныхъ правъ — двоеженство, прелюбодѣяніе, похищеніе. Такъ какъ бракъ и правовое отношеніе между родителями и рожденными въ бракѣ дѣтьми должны быть удержаны и въ народномъ трудовомъ государствѣ, то эти преступленія должны перейти и въ новую правовую систему. Они, впрочемъ, трактуются уже и въ дѣйствующихъ уголовныхъ кодексахъ совершенно безпристрастно, такъ какъ здѣсь не играетъ роли противоположность между имущими и неимущими классами народа.

Что касается до внѣбрачныхъ половыхъ отношеній, то я уже въ предыдущей главѣ (кн. II, гл. 14) указалъ на то, что во всѣхъ случаяхъ, когда внѣбрачное сожительство явилось результатомъ насилія, угрозъ, хитрости или злоупотребленія отношеніями зависимости, должна имѣть мѣсто уголовная отвѣтственность. Въ этихъ рам-

кахъ могло бы быть тогда безъ всякихъ колебаній наказываемо и сводничество. Отношеніе современнаго уголовнаго права къ сводничеству (§§ 180, 181 St.-G.-B.) создаетъ одно изъ наиболѣе яркихъ правовыхъ неравенствъ между богатымъ и бѣднымъ, такъ какъ по большей части бѣдная сводня подвергается обезчещивающему наказанію, тогда какъ ея знатные кліенты, истинные виновники наказуемаго дѣянія, остаются совершенно безнаказанными и даже, можетъ быть, выступаютъ въ процессѣ сводни въ качествѣ свидѣтелей.

Съ давнихъ поръ друзья человѣчества мечтаютъ о томъ, что съ оздоровленіемъ государственной жизни преступленіе наконецъ исчезнетъ изъ соціальнаго организма, подобно излѣченной болѣзни. Такое воззрѣніе является почти обязательнымъ въ томъ случаѣ, если считать вмѣстѣ съ столь многими философами эпохи просвѣщенія (см. выше, стр. 65, прим. 2) нравственные недостатки человѣчества лишь необходимымъ слѣдствіемъ господствующаго соціальнаго строя [1]). Эту надежду однако народное трудовое государство оправдаетъ столь же мало, какъ и какая бы то ни было другая государственная форма. Мы должны удовлетвориться тѣмъ, что преобразованіе индивидуалистическаго государства, основаннаго на власти,

---

[1]) Изъ соціалистовъ Робертъ Оуэнъ въ безчисленныхъ сочиненіяхъ и рѣчахъ проводилъ тотъ взглядъ, что направленіе воли людей является почти исключительно результатомъ внѣшнихъ условій. Но отсюда онъ дѣлаетъ выводъ—и этимъ онъ отличается отъ большинства сторонниковъ детерминизма,—что государство и общество обязаны окружить своихъ членовъ учрежденіями, наиболѣе благопріятными для ихъ развитія, что для Оуэна равносильно введенію коммунистическаго общественнаго строя. По отношенію къ тѣмъ лицамъ, которыя вырастутъ уже при господствѣ коммунизма, должны быть упразднены всякія наказанія. Сравн. O w e n, Essays on the formation of character (1813), въ «Life of Owen», т. 1 (1857), стр. 253 и въ др. мѣст.; The revolution in the mind and practice of the human race (1849), стр. 113; см. также D e z a m y, Code de la communauté (1842), стр. 184.

въ народное трудовое государство и ограниченіе частной собственности значительно уменьшатъ количество преступленій противъ государства и собственности, и что преступленія противъ личности и семейныхъ правъ также должны будутъ, благодаря возрастающему просвѣщенію массъ, повторяться все рѣже и рѣже.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Процессъ.

Наша современная правовая система проводитъ различіе между гражданскимъ процессомъ и уголовнымъ и административнымъ судопроизводствами; первый въ общемъ служитъ для осуществленія частныхъ правъ, тогда какъ при посредствѣ послѣднихъ должны проводиться въ жизнь публичныя права. Гражданскій процессъ обычно начинается на основаніи жалобы заинтересованнаго лица и, согласно большей части законодательствъ, остается въ зависимости отъ воли сторонъ и во все время своего теченія; напротивъ, публичныя права въ большинствѣ случаевъ осуществляются и проводятся въ жизнь государственными органами въ силу ихъ компетенцій.

Основаніемъ для этихъ различій, столь важныхъ для всей совокупности осуществленія права, является старая ошибка относительно противоположности индивидуальныхъ интересовъ и общественнаго блага (кн. II, гл. 1). Ибо въ виду того, что при посредствѣ частныхъ правъ согласно этому взгляду преслѣдуется лишь индивидуальное благо отдѣльной личности, является вполнѣ послѣдовательнымъ предоставить осуществленіе ихъ доброй волѣ заинтересованныхъ лицъ. Въ данномъ случаѣ, безъ сомнѣнія, играло роль также намѣреніе по возможности избавить отъ вторженія правящихъ сферъ частное право, какъ особую правовую область внутри всего правового строя, нѣкоторымъ образомъ какъ «право въ правѣ». Напротивъ, всѣ права и обязанности, относящіяся къ поддержанію внѣшняго порядка въ государствѣ, въ церкви

и въ общественныхъ отношеніяхъ, къ организаціи арміи, къ финансамъ, короче говоря, къ поддержанію господствующаго положенія крупныхъ и мелкихъ властителей, отождествленному съ общественнымъ благомъ, должны были съ этой точки зрѣнія осуществляться государственными органами по собственному почину.

Въ народномъ трудовомъ государствѣ, въ которомъ будутъ господствовать народныя массы, ихъ интересы должны будутъ вліять и на понятіе объ общественномъ благѣ. Но интересы низшихъ слоевъ народа можно свести къ слѣдующимъ тремъ главнымъ категоріямъ: безопасность личности, достойное человѣка экономическое положеніе, упорядоченная семейная жизнь; первыя двѣ относятся къ поддержанію существованія индивидуума, послѣдняя же — къ продолженію рода (кн. II, гл. 1). Поэтому, если народное трудовое государство признаетъ эти интересы широкихъ народныхъ круговъ истиннымъ общественнымъ благомъ, то оно должно сдѣлать частноправовой строй государственно-правовымъ, частныя права превратить въ права административнаго управленія и осуществлять ихъ при посредствѣ своихъ органовъ въ силу ихъ компетенцій. Сообразно съ этимъ всѣ имущественно- и семейно-правовыя отношенія — не исключая даже частной собственности на пользуемыя вещи (кн. II, гл. 4)— должны быть регулируемы административнымъ путемъ. Напротивъ, особые интересы крупныхъ и мелкихъ властителей въ народномъ трудовомъ государствѣ, естественно, отступятъ въ весьма значительной степени на задній планъ.

Вслѣдствіе того, что народное трудовое государство будетъ административнымъ путемъ регулировать частноправовыя отношенія, которыя въ настоящее время регулируются частью индивидуальной иниціативой, частью гражданскими судами, судебная помощь, къ тяжеловѣснымъ, но солиднымъ формамъ которой народы привыкли въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, ни въ какомъ случаѣ не

должна быть устранена. Напротивъ, каждый гражданинъ, который найдетъ распоряженіе хозяйственныхъ органовъ (Wirtschaftsbehörden) (кн. III, гл. 5), касающееся его имущественныхъ или семейныхъ правъ, несправедливымъ, долженъ имѣть право требовать пересмотра этого распоряженія органами порядка (Ordnungsbehörden), подобно тому, какъ уже теперь многія административныя распоряженія могутъ быть обжалованы въ административные суды (Verwaltungsgerichte). Правда, народное трудовое государство, какъ это будетъ показано ниже (кн. III, гл. 5), уничтожитъ существующую въ настоящее время противоположность между судами и административными органами и сольетъ ихъ въ одинъ организмъ—подъ именемъ органовъ порядка; но это не мѣшаетъ тому, чтобы для дѣйствій, заслуживающихъ наказанія, затѣмъ для пересмотра рѣшеній, относящихся къ имущественнымъ и семейнымъ правамъ, были сохранены пригодные къ употребленію элементы стараго суда и дѣлопроизводства.

Такимъ способомъ упраздняется важнѣйшее различіе, существующее теперь между гражданскимъ процессомъ и уголовнымъ и административнымъ судопроизводствами. Всѣ три рода процесса сливаются въ одно и то же производство, которое является разслѣдованіемъ, производимымъ по иниціативѣ государственныхъ органовъ [1]). Одновременно исчезла бы изъ правовой практики и послѣдняя характерная особенность обширной и важной области права, называемой нами въ настоящее время частнымъ правомъ.

---

[1]) Уже и для современнаго правопорядка я нашелъ возможнымъ въ моемъ сочиненіи: «Das bürgerliche Recht und die besitzlosen Volksklassen» (1890), № 12, предложить примѣненіе въ извѣстныхъ предѣлахъ производства по иниціативѣ государственныхъ органовъ и въ гражданскомъ процессѣ. Эта идея перешла и въ австрійскій уставъ гражданскаго процесса (Zivilprozessordnung) 1895 г., тогда какъ германское законодательство при измѣненіи гражданскаго процесса, послѣдовавшемъ благодаря изданію новаго гражданскаго уложенія, сохранило старые предразсудки, столь выгодные для высшихъ классовъ народа.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Организація народнаго трудового государства.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Цѣль государства [1].

Отъ наиболѣе общихъ цѣлей человѣчества мы переходимъ теперь къ особымъ интересамъ сильныхъ и власть имущихъ, по преимуществу находящихъ свое удовлетвореніе въ современномъ индивидуалистическомъ государствѣ, основанномъ на власти (кн. I, гл. 3 и 7). Правда, и въ другихъ областяхъ духовной жизни—въ наукѣ, въ искусствѣ, въ религіи—мы можемъ констатировать преобладаніе факторовъ, поддерживающихъ силу и власть, надъ интересами, вытекающими изъ существа этихъ проявленій духовной жизни. Но никакой области общественной жизни сильные и власть имущіе не предписываютъ въ столь сильной степени выгоднаго для нихъ направленія, какъ государству, потому что у государства совершенно нѣтъ самостоятельной цѣли, вытекающей изъ его сущности. Ибо государства, какъ таковыя, не имѣютъ никакой цѣли — ее имѣютъ только обладающіе въ нихъ властью.

Этотъ взглядъ, впрочемъ, раздѣляется только немногими [2]. Государство есть совокупность людей, живущихъ на одной территоріи подъ властью верховнаго правителя. Между тѣмъ какъ союзы, промышленныя товарищества, корпораціи публичнаго права и вообще всякаго рода обще-

[1] Сравн. Еллинекъ, «Право современнаго государства», русскій перев., Спб., 1903, стр. 146—181.

[2] Schelling, Vorlesungen über die Methode des akademischen Studiums (1803) въ собраніи сочиненій, I отд. т. 5 (1859), стр. 316;—Adam H. Müller, Die Elemente der Staatskunst, т. 1 (1809), стр. 67—69;—Preuss, Gemeinde, Staat, Reich als Gebietskörperschaften (1889), стр. 260, 280.

ства имѣютъ опредѣленную цѣль, къ выполненію которой они могутъ быть принуждаемы стоящими надъ ними судебными и административными органами, по отношенію къ государству нѣтъ такой высшей власти, которая могла бы наблюдать за выполненіемъ имъ своей цѣли и принудить его къ такому выполненію. Поэтому постановка цѣли для дѣятельности государства фактически зависитъ всецѣло отъ произвола его верховныхъ правителей.

Правда, въ рѣчахъ и сочиненіяхъ руководящихъ государственныхъ людей довольно часто истинной цѣлью ихъ дѣятельности выставляется государственная необходимость, благо народа или государства [1]). Но того, что дѣйствительно составляетъ всеобщее благо, — безопасности личности, достойнаго человѣка экономическаго положенія и упорядоченной семейной жизни въ широкихъ народныхъ массахъ,—всего этого наше современное государство, опирающееся на военные успѣхи отдѣльныхъ обладателей власти, можетъ и хочетъ достигнуть только въ очень ограниченномъ размѣрѣ. Чаще всего цѣли наиболѣе вліятельныхъ въ каждый данный моментъ группъ населенія отождествляются съ благомъ государства и возводятся на степень цѣлей государства. Можно назвать слѣдующія

---

[1]) Насколько неопредѣленно и безсодержательно выраженіе «народное благо», какъ цѣль государства, и насколько оно получаетъ свое настоящее значеніе въ зависимости отъ господствующихъ въ каждомъ государствѣ классовъ населенія, ясно показываетъ то обстоятельство, что самыя различныя государственныя организаціи выставляютъ въ своихъ конституціяхъ истинной цѣлью ихъ существованія—народное благо. Аристократическое военное государство, какимъ является Германская имперія, совершенно такъ же, какъ и буржуазныя республики Швейцарская и Сѣверо-Американская, опредѣляютъ свою цѣль, какъ попеченіе о народномъ благосостояніи. Но тотъ же принципъ мы находимъ и въ революціонной конституціи террористической Франціи 1793 г. и даже въ проектахъ радикально-коммунистическаго заговора равныхъ (Бабефа). Сравн.: Конституцію Германской имперіи отъ 16-го апрѣля 1871 г., введеніе;—Ст. 2 швейцарской союзной конституціи отъ 28 мая 1874 г.;—Введеніе къ конституціи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ отъ 17-го сент. 1787 г.;—Конституцію Французской республики отъ 24-го іюня 1793 г.: «Декларацію правъ человѣка» ст. 1-я.—Analyse de la doctrine de Babeuf въ соч. Buonarroti, «Conspiration pour l'égalité, dite de Babeuf», т. 2 (1828), стр. 137, ст. 10, стр. 244, 248 и др.

группы населенія, различающіяся по своимъ интересамъ и пріобрѣвшія болѣе или менѣе неизмѣнный характеръ въ процессѣ историческаго развитія европейскихъ культурныхъ государствъ:

1. Верховные обладатели власти въ государствѣ, къ которымъ въ монархіи принадлежатъ монархъ и его семья. въ республикѣ—ея мѣняющееся верховное правительство. Ихъ стремленія направлены преимущественно на силу и блескъ государства, такъ какъ значеніе государства, во главѣ котораго они стоятъ, есть ихъ собственное значеніе и опредѣляетъ ихъ вѣсъ въ кругахъ, стоящихъ на одной ступени съ ними. Вслѣдствіе этого они, естественно. стремятся къ сохраненію и расширенію территоріи государства съ находящимся на ней народонаселеніемъ, а также къ усиленію потребныхъ для этой цѣли военныхъ и финансовыхъ средствъ. Культурныя стремленія народовъ съ этой точки зрѣнія принимаются во вниманіе преимущественно какъ средство, пригодное для укрѣпленія вліятельнаго положенія самихъ обладателей власти. Выражаясь кратко, можно сказать, что стремленія высшихъ руководителей государства направлены обыкновенно на достиженіе силы и блеска.

2. Второй устойчивой заинтересованной группой населенія является въ большинствѣ европейскихъ государствъ дворянство, къ которому можно также причислить и высшее духовенство. Такъ какъ это сословіе въ настоящее время находитъ мало поддержки и сочувствія въ народныхъ массахъ, то оно повсюду стремится вступить въ тѣсныя отношенія съ дворами и готово раздѣлять и поддерживать ихъ стремленія къ силѣ и блеску. За это оно требуетъ не только выдающагося соціальнаго положенія. но хочетъ также въ широкихъ размѣрахъ жить на счетъ общества—или путемъ полученія лучшихъ мѣстъ въ гражданской и военной службѣ, или путемъ гарантій нетрудового дохода при посредствѣ освобожденія отъ налоговъ и при помощи пошлинъ и монополій. Такимъ образомъ

стремленія дворянства направлены преимущественно на достиженіе привилегированнаго положенія.

3. Третью заинтересованную группу составляетъ буржуазія и крестьянское сословіе, которыя приблизительно совпадаютъ съ среднимъ сословіемъ. Среднее сословіе стоитъ по большей части во главѣ хозяйственнаго производства и въ этомъ положеніи преслѣдуетъ, какъ главную цѣль, матеріальную выгоду. Кромѣ того, въ настоящее время по преимуществу среднее сословіе занимается наукой и искусствомъ. При посредствѣ собственности и образованія среднее сословіе достигаетъ такого же привилегированнаго положенія, какъ и дворянство, при чемъ это положеніе укрѣпляется еще тѣмъ, что преимущества средняго сословія независимы отъ двора и государства. Съ другой стороны, однако, въ высшихъ слояхъ средняго сословія распространено стремленіе стать въ близкія отношенія къ верховнымъ обладателямъ власти и подняться въ круги дворянства. Но все же сущность стремленій средняго сословія сводится къ пріобрѣтенію матеріальной и духовной собственности.

4. Четвертую заинтересованную группу, значительно превосходящую по своей численности всѣ остальныя, образуютъ неимущіе классы народа, совпадающіе въ общемъ съ рабочимъ сословіемъ. Ихъ интересы тождественны съ самыми общими цѣлями человѣчества и направлены на личную безопасность, достойное человѣка экономическое положеніе и упорядоченную семейную жизнь. Такъ какъ неимущіе классы народа, за исключеніемъ сравнительно незначительной части, составляютъ весь народъ, то они могутъ стремиться только къ обезпеченному, но отнюдь не къ богатому или, тѣмъ болѣе, роскошному существованію; напротивъ, по всему своему соціальному положенію они являются противниками силы и блеска лицъ, власть имущихъ, и привилегій дворянства и буржуазіи. Ихъ стремленія больше всего направлены на обезпеченіе условій существованія.

Эти различныя цѣли являются необходимо присущими указаннымъ четыремъ группамъ населенія въ силу ихъ историческаго развитія. Нѣтъ ничего несправедливѣе того, когда рабочіе ставятъ въ упрекъ (а это дѣлаютъ они очень часто) монархамъ ихъ воинственныя наклонности, дворянству—его высокомѣріе, буржуазіи — ея стремленіе къ выгодѣ. Но точно также неосновательны обвиненія рабочихъ въ отсутствіи патріотизма, изъ-за того что они не раздѣляютъ придворныхъ стремленій къ силѣ и блеску, или въ жадности—потому, что они хотятъ устранить или ограничить привилегіи дворянства и буржуазіи.

Чѣмъ могущественнѣе какая-нибудь изъ упомянутыхъ выше группъ, тѣмъ успѣшнѣе она можетъ превратить свои собственныя цѣли въ цѣли государства. До половины восемнадцатаго столѣтія рѣшающее значеніе для внѣшней и внутренней политики имѣли прежде всего интересы монарховъ, сводившіеся къ поддержанію ихъ власти; поскольку дѣло не касалось этихъ интересовъ, внутреннее управленіе направлялось почти исключительно въ интересахъ дворянства и духовенства. Съ того времени, въ особенности же со времени французской революціи, и буржуазіи удалось для очень многихъ своихъ спеціальныхъ цѣлей добиться государственнаго содѣйствія; но, несмотря на это, все же нельзя этотъ періодъ назвать эпохой преобладающаго вліянія буржуазіи, какъ это часто дѣлаютъ. Вѣдь не могла же буржуазія воспрепятствовать непомѣрнымъ, взаимно нейтрализирующимся вооруженіямъ. Наконецъ, особыя цѣли неимущихъ классовъ населенія, хотя они составляютъ подавляющее большинство у всѣхъ народовъ, были замѣчены государственными людьми, стоящими во главѣ верховнаго управленія, только во второй половинѣ девятнадцатаго столѣтія и осуществлены лишь въ очень жалкихъ размѣрахъ. Поэтому, несмотря на цѣлый рядъ революцій и несмотря на полное измѣненіе формъ правленія въ различныхъ государствахъ, мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ похвалиться, чтобы въ тече-

ніе послѣднихъ столѣтій были сдѣланы большіе шаги впередъ въ выработкѣ и преобразованіи понятія о цѣли государства.

Если мы поставимъ вопросъ, почему послѣ столь значительныхъ перемѣнъ цѣли государства все еще опредѣляются интересами сравнительно небольшихъ группъ населенія, то увидимъ, что въ данномъ случаѣ очень значительное вліяніе имѣли главнымъ образомъ двѣ причины—одна теоретическая и другая—практическая. Теоретическая состоитъ въ томъ, что государству было приписано самостоятельное существованіе, и что такимъ образомъ было создано миѳическое существо, отличное отъ народа,—существо, которому можно было безъ всякихъ колебаній придавать всѣ возможныя свойства и цѣли. Практическая заключается въ томъ, что для чрезмѣрнаго развитія могущества лицъ, стоящихъ во главѣ государствъ, прекрасную почву и предлогъ создаетъ угрожающее положеніе націй по отношенію другъ къ другу; а это положеніе можетъ быть устранено только при посредствѣ интернаціональной организаціи, для которой наше современное международное право еще не даетъ удовлетворительныхъ средствъ.

Что касается прежде всего гипотезы относительно самостоятельнаго существованія государства, какъ юридической личности, то на основаніи этой гипотезы государство отдѣляется отъ своихъ членовъ и ихъ цѣлей и представляется особымъ существомъ съ собственными цѣлями и стремленіями. Благодаря этому становится возможнымъ приписывать этому вымышленному существу цѣли наиболѣе вліятельныхъ группъ населенія и дѣлать ихъ въ извѣстномъ смыслѣ цѣлями всѣхъ. Не многія правовыя понятія въ такой степени проникли въ умы и въ словоупотребленіе массъ, какъ эта гипотеза относительно самостоятельнаго существованія государственной личности. Довольно часто можно слышать отъ лицъ, у которыхъ нѣтъ никакого теоретическаго представленія о государ-

ствѣ, заявленіе, что могущество и блескъ государства требуютъ извѣстныхъ жертвъ, при чемъ эти лица совершенно не сознаютъ, насколько незначительные круги населенія стоятъ за этими требованіями [1]). Только при систематическомъ уравненіи цѣлей государства съ индивидуальными жизненными стремленіями народныхъ массъ можно правильно судить о государственной дѣятельности и ея результатахъ.

Можетъ быть, еще бо̀льшія услуги, чѣмъ гипотеза о самостоятельности существованія государственной личности, оказываетъ въ указанномъ направленіи теократическое ученіе о государствѣ (кн. I, гл. 3), — ученіе, которое, впрочемъ, все больше и больше теряетъ своихъ приверженцевъ вслѣдствіе того, что религіозныя убѣжденія отошли на задній планъ. Сущность этого ученія состоитъ въ томъ, что истиннымъ властелиномъ человѣчества считается Богъ, во имя и по порученію котораго правятъ народами монархи и другія главы государствъ. Такъ какъ относительно политическихъ намѣреній Бога, по понятнымъ причинамъ, ничего вполнѣ точнаго неизвѣстно, то ему можно приписывать, не боясь опроверженій, цѣли привилегированныхъ группъ населенія — особенно передъ кругомъ вѣрующихъ читателей. Такъ Юліусъ Шталь, главный представитель теократическаго ученія о государствѣ въ Германіи, въ своей философіи права [2]) послѣдо-

---

[1]) Эти широко распространенныя народныя воззрѣнія получаютъ свое научное выраженіе въ многочисленныхъ теоріяхъ, приписывающихъ государству самостоятельное существованіе, въ такомъ ли видѣ, что онѣ понимаютъ его прямо, какъ коллективное лицо, подобное физическому лицу отдѣльнаго человѣка, или въ такомъ, что онѣ усматриваютъ въ немъ организмъ или самостоятельное коллективное цѣлое. Сравн. объ этомъ Еллинекъ, Право современнаго государства, русскій перев., Спб. 1903 г., стр. 88—114, и выше, стр. 36, прим. 2.

[2]) Сравн. Stahl, Die Philosophie des Rechts, II, 2, 3-е изд. (1856), стр. 176—185 и въ др. мѣстахъ. Шталь здѣсь договаривается до слѣдующаго утвержденія: «Божественность этого учрежденія (государства) состоитъ не только въ томъ, что государство есть вообще установленіе Бога, но также и въ томъ, что повсюду опредѣленное государственное устройство и опредѣленныя лица, правящія государствомъ, имѣютъ санкцію отъ Бога». Это теократическое представленіе о государствѣ примѣ-

вательно становится на ту точку зрѣнія, что Богъ въ важнѣйшихъ политическихъ вопросахъ раздѣляетъ взгляды остъ-эльбскихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, при чемъ это странное предположеніе дѣйствительно нельзя опровергнуть вполнѣ достовѣрными историческими фактами.

Вторая причина, вызывающая неподвижность цѣлей государства при столь значительныхъ измѣненіяхъ политическихъ условій, есть несовершенство нашей международно-правовой организаціи (кн. I, гл. 6). Такъ какъ вооруженія каждой страны очень быстро догоняются или перегоняются соперничающими націями, то указанное выше прогрессирующее развитіе могущества высшихъ правителей государства по существу не имѣетъ значенія даже для внѣшней безопасности государства. Если, несмотря на это, широкіе круги буржуазіи и крестьянства вопреки своимъ важнѣйшимъ интересамъ поощряютъ своимъ согласіемъ безпредѣльное развитіе могущества незначительныхъ группъ населенія, то въ данномъ случаѣ, рядомъ съ боязнью государственныхъ кризисовъ (кн. III, гл. 2), играетъ роль и взаимное угрожающее положеніе существующихъ другъ подлѣ друга индивидуалистическихъ государствъ, основанныхъ на власти. Для борьбы съ этимъ положеніемъ не найдено дѣйствительнаго средства въ рамкахъ нашей современной международной организаціи. Правда, въ 1899 г. состоялась по предложенію Россіи гаагская мирная конференція, которая должна была смягчить или даже устранить это взаимное угрожающее положеніе, но съ самаго начала не было никакихъ сомнѣній, что созданныя ею учрежденія не будутъ имѣть успѣха.

Миръ внѣшній можетъ исходить только отъ мира

няется Шталемъ въ интересахъ монархіи и аристократіи и считается въ Германіи и другихъ странахъ отличительнымъ признакомъ консервативнаго образа мыслей; но политическая литература первой англійской революціи (1640—1660 гг.), всецѣло проникнутой еще религіозными мотивами, ясно показываетъ, что Богу можно приписывать и очень демократическія идеи.

внутренняго. Но до тѣхъ поръ, пока современныя индивидуалистическія государства, основанныя на власти, будутъ удерживать цѣлые народы въ составѣ государственнаго союза противъ ихъ воли, пока они, далѣе, будутъ считать своей важнѣйшей цѣлью во внутренней политикѣ сохраненіе традиціоннаго соотношенія силъ, взаимное угрожающее положеніе не исчезнетъ изъ жизни народовъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Суверенитетъ.

Правовой порядокъ есть совокупность соотношеній силъ, прочно признанныхъ въ извѣстной странѣ. Первоначально эти соотношенія силъ существуютъ только въ сознаніи и въ обычномъ употребленіи народовъ; позже они закрѣпляются также письменно въ законахъ. Но это бумажное право очень далеко отъ того, чтобы дать исчерпывающую картину существующихъ въ извѣстномъ государствѣ отношеній господства и подчиненія. Гражданинъ, который желаетъ изучить право своей собственной страны, долженъ всюду дополнять содержаніе законовъ изъ своего личнаго и историческаго опыта; тѣмъ болѣе право чужихъ странъ никогда не можетъ быть узнано исключительно изъ дѣйствующихъ тамъ законовъ. Тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію стремленіе современныхъ государствъ закрѣпить всѣ признанныя ими соотношенія, основанныя на силѣ, въ писанныхъ законахъ; существуетъ даже довольно много соотношеній, основанныхъ на силѣ, которыя впервые возникли на такомъ бумажномъ основаніи. Но какъ бы ни стремилось современное законодательство набальзамировать всѣ соотношенія, основанныя на силѣ, и сложить ихъ, какъ муміи, въ сводахъ законовъ, одно важнѣйшее во всемъ государственномъ правѣ правовое понятіе ускользаетъ отъ такого превращенія въ мумію и совершенно не допускаетъ, чтобы его втиснули въ рамки печатнаго листа. Это понятіе—суверенитетъ.

Суверенитетъ есть высшая фактическая власть въ государствѣ. Вопросъ о томъ, кто является сувереномъ въ

данномъ государствѣ, можетъ быть рѣшенъ только путемъ внимательнаго наблюденія всего хода государственной жизни и съ помощью историческаго опыта, но ни въ какомъ случаѣ не путемъ одного изученія законовъ этой страны, въ которыхъ, впрочемъ, фактъ такой важности долженъ также оставить значительные слѣды. Ибо довольно часто всѣ приписывали высшую власть въ государствѣ опредѣленному лицу или корпораціи, и тѣмъ не менѣе ходъ исторіи обнаруживалъ ошибочность этого мнѣнія. Съ суверенитетомъ связаны, какъ непосредственное слѣдствіе, независимость суверена во внѣшнихъ отношеніяхъ и высшее достоинство и авторитетъ внутри государства («величество»); впрочемъ, въ народномъ трудовомъ государствѣ послѣднее, естественно, не могло бы имѣть большого значенія.

Само собой понятно, что суверенъ въ высшей степени заинтересованъ въ укрѣпленіи и болѣе точномъ опредѣленіи пріобрѣтенной имъ фактической власти законодательнымъ путемъ; но юристы съ давнихъ поръ при опредѣленіи понятія суверенитета придавали слишкомъ большое значеніе этой бумажной декораціи. Ибо фактически суверенитетъ можетъ быть пріобрѣтенъ и потерянъ безъ измѣненія хотя бы одной буквы въ законѣ. Вечеромъ 14 іюля 1789 года, послѣ удачнаго штурма Бастиліи, суверенитетъ перешелъ отъ французскаго короля къ народу; но только въ конституціи 1791 г. этотъ переходъ высшей фактической власти былъ вполнѣ фиксированъ письменно. Генералъ Бонапартъ овладѣлъ верховной властью во французскомъ государствѣ 9-го ноября 1799 г. (18 брюмера VIII г.), конституція же, вводившая консулатъ, была обнародована только 13-го декабря 1799 г. (22 фримера VIII г.) [1]).

[1]) Очень хорошую картину тѣхъ условій, которыя явились слѣдствіемъ перехода высшей фактической власти благодаря государственному перевороту 18-го брюмера, даетъ декретъ отъ 19-го брюмера VIII г., которымъ совѣтъ пятисотъ и старѣйшинъ ввѣрялъ правленіе комиссіи консуловъ.

Такъ какъ довольно часто является сомнительнымъ, кто именно въ извѣстномъ государствѣ обладаетъ высшей фактической властью, то для отвѣта на этотъ вопросъ стремились найти объективный существенный признакъ суверенитета. Говорили, что суверенитетъ въ государствѣ принадлежитъ тому лицу или той корпораціи, которыя могутъ по собственному усмотрѣнію опредѣлять границы круга своихъ дѣйствій или въ правѣ объявлять и вести войну [1]). Кто серьезно думаетъ, что и высшія соотношенія власти, подобно какому-нибудь вексельному праву, можно выразить въ рамкахъ дюжины другой параграфовъ, тотъ, конечно, будетъ стремиться найти такіе выраженные въ законѣ признаки суверенитета. Въ дѣйствительности по отношенію къ обладанію высшей фактической властью рѣшающимъ является не то обстоятельство, имѣетъ ли право суверенъ пользоваться извѣстными государственно-правовыми функціями, а совершенно противоположный фактъ, именно, имѣетъ ли онъ возможность въ случаѣ нужды, даже вопреки закону, принудить государство выполнять свою волю. Многократно обсуждавшійся вопросъ, кто является сувереномъ въ монархіяхъ, глава ли государства или народъ, такимъ образомъ, при столь общей постановкѣ вообще не можетъ получить отвѣта. Правильнѣе всего признать, что государь является сувереномъ въ томъ случаѣ, если соотношенія силъ въ государствѣ таковы, что онъ въ случаѣ нужды можетъ съ успѣхомъ произвести государственный переворотъ — coup d'état (Staatsstreich); народъ же является сувереномъ, если онъ въ силахъ произвести успѣшную революцію.

Съ этой точки зрѣнія въ Германіи (такъ же какъ и въ нѣмецкой Австріи) несомнѣнно существуетъ суверенитетъ государей, потому что здѣсь въ послѣднемъ столѣтіи почти всѣ революціи не удавались и почти всѣ coups d'état сопровождались успѣхомъ. Только въ послѣднія десяти-

[1]) Treitschke, Politik, т. 1, 2-е изд. (1899), стр. 30 и слѣд.

лѣтія непрерывный ростъ и прекрасная организація соціалъ-демократіи и все прогрессирующее превращеніе армій въ войска, состоящія изъ пролетаріевъ (кн. I, гл. 6), снова поставили этотъ вопросъ на очередь. Напротивъ, многократно обсуждавшійся вопросъ, являются ли суверенными высшіе органы Германской имперіи или государи отдѣльныхъ странъ, входящихъ въ ея составъ, въ настоящее время еще не можетъ быть разрѣшенъ. Если бы императору пришлось вступить въ конфликтъ съ государями отдѣльныхъ странъ, входящихъ въ составъ Германской имперіи, по поводу какого-нибудь вопроса чрезвычайной важности, то та сторона оказалась бы суверенной, которая въ спорѣ показала бы себя болѣе сильной.

Въ Англіи высшая фактическая власть находится въ рукахъ народа, потому что тамъ, въ противоположность Германіи, въ послѣднія столѣтія революціи удавались, а coups d'état не удавались. Если бы однако англійское профессіональное войско, вслѣдствіе имперіалистической политики, очень значительно увеличилось, то вопросъ о принадлежности власти монарху или народу могъ бы быть поставленъ снова. Во Франціи, странѣ какъ успѣшныхъ революцій, такъ и coups d'état, господствуетъ суверенитетъ народа, но крайняя централизація управленія и многочисленная армія являются предпосылками суверенитета монарха. Въ Швейцаріи и Сѣверо-Американскомъ союзѣ сувереномъ является тоже народъ, но здѣсь и нѣтъ тѣхъ внѣшнихъ средствъ, при помощи которыхъ отдѣльная личность могла бы овладѣть суверенитетомъ.

Не слѣдуетъ думать, что такое распредѣленіе силъ имѣетъ значеніе только въ періоды кризиса и борьбы; оно и въ мирныя времена опредѣляетъ образъ дѣйствій высшихъ обладателей власти въ качествѣ «крайняго аргумента». Никогда среднее сословіе не допустило бы въ послѣднее столѣтіе столь опаснаго для соціальнаго строя преобладанія цѣлей, имѣющихъ въ виду развитіе могущества государства надъ культурными цѣлями, если бы

на фонѣ важнѣйшихъ военныхъ и дипломатическихъ вопросовъ не выступала угроза coup d'état. И столь же мало имѣло бы шансовъ когда-нибудь возникнуть законодательство, направленное къ охранѣ и страхованію рабочихъ, если бы господствующіе не имѣли въ виду положить преграду революціоннымъ стремленіямъ въ рабочемъ классѣ.

Ясно, что изложенное пониманіе суверенитета связано съ представленіемъ о государствѣ, какъ о такой коллективной единицѣ, которая не только въ своихъ нѣдрахъ, но и на своихъ вершинахъ руководима тяжелой борьбой и контрастами. Вслѣдствіе этого приверженцы нашего современнаго государственнаго порядка, именно юристы, сдѣлали попытку отдѣлить понятіе о суверенитетѣ отъ народовъ и ихъ правителей и перенести его на органическое единство обоихъ — на государство (суверенитетъ государства). Но какимъ образомъ можно выставлять пассивную и только повинующуюся и платящую налоги народную массу совладѣлицей высшей власти въ столь многочисленныхъ вполнѣ или на половину абсолютныхъ монархіяхъ? Въ международныхъ вопросахъ понятіе государственнаго суверенитета является достаточнымъ, такъ какъ здѣсь дѣйствительно рѣчь идетъ только о томъ, имѣетъ ли государство по отношенію къ другимъ государствамъ право свободнаго самоопредѣленія; но для рѣшенія главной проблемы, именно проблемы распредѣленія власти внутри государствъ, такое пониманіе суверенитета, конечно, совершенно непригодно.

Существованіе высшей фактической власти не находится въ зависимости отъ дѣйствующей конституціи государства: такая власть, естественно, будетъ существовать и въ народномъ трудовомъ государствѣ. Но сила, съ которой суверенная власть вторгается въ жизнь государства, очень различна, смотря по различію государственныхъ формъ. Такъ какъ наше современное государство основано или упрочено почти сплошь благодаря военнымъ успѣхамъ, то

мы привыкли разсматривать его, какъ коллективную единицу, которая объединяется путемъ крайняго насилія и которая можетъ быть разъединена только вслѣдствіе катастрофы. Поэтому мы ожидаемъ заранѣе, что въ предѣлахъ своего государства суверенъ въ вопросахъ первостепенной важности осуществитъ свою волю вопреки всякому сопротивленію. Съ тѣхъ поръ, какъ Боденъ опредѣлилъ понятіе суверенитета, абстрагировавъ его отъ абсолютнаго и централистическаго французскаго королевства, оно въ теченіе послѣднихъ трехъ столѣтій сохранило этотъ вполнѣ опредѣленный характеръ при однородныхъ по существу политическихъ условіяхъ [1]).

Все это имѣетъ силу и по отношенію къ меньшинству населенія, враждебному суверену вслѣдствіе различія ихъ политическихъ, національныхъ, религіозныхъ и экономическихъ интересовъ, хотя бы это меньшинство жило на одной территоріи и, такимъ образомъ, обладало условіемъ для образованія самостоятельнаго государственнаго цѣлаго кн. III, гл. 1). Согласно современнымъ воззрѣніямъ, оно должно просто покориться волѣ суверена. Даже Руссо, который является вообще безусловнымъ сторонникомъ народнаго суверенитета и допускаетъ даже произвольное смѣщеніе народами своихъ монарховъ и властей [2]), исходитъ изъ того взгляда, что большинство гражданъ всегда можетъ навязать свою волю меньшинству [3]). Между тѣмъ населеніе, принадлежащее извѣстному государству, т. е. на взглядъ Руссо суверенная коллективная единица, въ очень сильной степени зависитъ отъ капризовъ военнаго

---

[1]) Bodin, Six livres de la république (1577), I, 1 и 11; стр. 1—7, 190—215.

[2]) Rousseau, Du contrat social (1762), III, 18.

[3]) Rousseau, Du contrat social (1762), IV, 2. И въ другихъ случаяхъ Руссо обнаруживаетъ очень преувеличенныя представленія о сущности и вліяніи суверенитета,—представленія, которыя трудно согласовать съ его демократическими взглядами на управленіе, и которыя во время французской революціи не мало способствовали насильственному образу дѣйствій по отношенію къ федералистически настроеннымъ партіямъ и провинціямъ. Сравн. Du contrat social, I, 7; II, 1, 2, 4.

счастья и случайнаго исхода дипломатическихъ переговоровъ. Очень многія нѣмецкія государства теперь не существовали бы, если бы ихъ монархи во время войнъ революціи не предали французамъ своего нѣмецкаго отечества или если бы они не нашли на Вѣнскомъ конгрессѣ вліятельныхъ ходатаевъ.

При посредствѣ этого суроваго примѣненія (Ausübung суверенитета, примѣненія, которое ясно напоминаетъ о его военномъ происхожденіи, значительная часть культурныхъ народовъ удерживается въ состояніи угнетенія и неволи, несмотря на свободныя конституціонныя формы. Въ спокойныя времена, правда, эта громадная масса принужденія и связаннаго съ нимъ недовольства не проявляется, такъ какъ правительства заботятся о внѣшнемъ спокойствіи при помощи суровыхъ законовъ противъ государственныхъ преступленій. Но можно съ полнымъ основаніемъ утверждать, что ни одно культурное государство, не исключая самыхъ старыхъ и самыхъ свободныхъ республикъ, не могло бы сохранить свою теперешнюю территорію, если бы населенію была предоставлена возможность свободно отдѣляться отъ государственнаго союза, хотя бы только болѣе значительными массами, или если бы оно пользовалось издавна этимъ правомъ.

Такое примѣненіе суверенитета, конечно, не могло бы сохраниться въ народномъ трудовомъ государствѣ. Здѣсь долженъ былъ бы очень скоро исчезнуть грозный блескъ нашего современнаго индивидуалистическаго государства, основаннаго на власти, съ его войнами и сраженіями, съ его гражданскими и военными смотрами и парадами, уступивъ свое мѣсто государственному порядку, соотвѣтствующему скромному настроенію народныхъ массъ. Такъ какъ въ народномъ трудовомъ государствѣ господствующая и повелѣвающая дѣятельность должна была бы быть совершенно оттѣснена хозяйственными и культурными стремленіями на задній планъ, то государство должно было бы постепенно принять видъ культурнаго предпріятія преимущественно

хозяйственнаго характера, предпріятія, хорошими прообразами котораго являются уже теперь желѣзнодорожныя, почтовыя и телеграфныя учрежденія.

Но такое культурное и хозяйственное государство, конечно, не могло бы думать о томъ, чтобы противъ воли удерживать большія массы населенія въ составѣ государственнаго союза. Это ослабленіе государственнаго суверенитета, впрочемъ, имѣло бы своимъ прообразомъ развитіе католической церкви, которая въ средніе вѣка также могла препятствовать мѣрами самаго крайняго насилія отпаденію отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ народовъ, тогда какъ въ настоящее время единичный и массовый выходъ изъ христіанскихъ исповѣданій разрѣшенъ почти повсюду безъ всякаго ущерба для религіозной жизни.

Сообразно съ этимъ извѣстная часть населенія должна была бы получить возможность, по рѣшенію большинства принадлежащихъ къ ней взрослыхъ лицъ, отдѣлиться отъ народнаго трудового государства, если бы она располагала достаточнымъ количествомъ народа и территоріи, чтобы или быть въ состояніи образовать новое государство, или примкнуть къ другому уже существующему государству [1]). Чтобы предупредить слишкомъ поспѣшныя рѣшенія подвижной толпы и дать возможность существующему правительству исправить свои ошибки, должно было бы имѣть мѣсто повтореніе голосованія черезъ болѣе или менѣе продолжительные промежутки (примѣрно три голосованія черезъ каждыя пять лѣтъ). Голосованія должны были бы производиться интернаціональной организаціей трудовыхъ государствъ (кн. I, гл. 6), которая должна была бы дѣлать

[1]) Уже и въ настоящее время такія отдѣленія нерѣдко имѣютъ мѣсто, конечно, революціоннымъ путемъ, такъ какъ до сихъ поръ нѣтъ признанной международнымъ правомъ правовой формы для измѣненій этого рода. Такъ отдѣлились Бельгія отъ королевства Нидерландовъ (1830—1839) и сельскіе округа республики Базель (1830—1833), тогда какъ движеніе, направленное къ образованію отдѣльнаго союза кантоновъ въ Швейцаріи (Sonderbundsbewegung) (1847) и попытка отдѣленія Сѣверо-Американскихъ южныхъ штатовъ (1861—1865) были подавлены силой оружія.

и болѣе точныя указанія относительно осуществленія такихъ рѣшеній.

Только путемъ такого ограниченія суверенитета, которое народное трудовое государство могло бы, правда, установить лишь послѣ того, какъ его положеніе будетъ упрочено, государства превратились бы въ союзы дѣйствительно свободныхъ людей. Ибо какую цѣну имѣютъ даже самыя свободныя государственныя конституціи, пока въ международномъ и государственномъ правѣ признано въ качествѣ не допускающаго исключенія принципа, что побѣдитель можетъ удерживать подъ своей властью доставшійся ему благодаря счастливому сраженію городъ до тѣхъ поръ, пока онъ снова не освободится при помощи новой кровавой катастрофы? И бо́льшая часть конституціонныхъ гарантій противъ злоупотребленія правительственной властью стала бы даже излишней, если бы практика народныхъ трудовыхъ государствъ прониклась убѣжденіемъ, что и часть народа, если она располагаетъ внѣшними предпосылками для образованія новаго государства, должна имѣть право отвернуться отъ несправедливаго или враждебнаго культурѣ государства.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Государственныя формы.

Государства различаются частью по цѣлямъ своей дѣятельности, частью по формѣ своего устройства. Наиболѣе важное различіе, созданное различіемъ государственныхъ цѣлей, или, вѣрнѣе, цѣлями господствующихъ въ государствѣ группъ населенія (кн. III, гл. 1) есть различіе между современнымъ индивидуалистическимъ государствомъ, основаннымъ на власти, и народнымъ трудовымъ государствомъ. Обрисовкѣ этого различія посвящена бо́льшая часть настоящаго сочиненія.

По отношенію къ формѣ государственнаго устройства различаютъ монархію, аристократію и республику. Аристократія нигдѣ не является въ настоящее время какъ особая государственная форма, а выступаетъ исключительно какъ придатокъ монархіи, вмѣстѣ съ которой она существуетъ и погибаетъ. Такимъ образомъ, рѣчь можетъ итти только о томъ, обязательна ли республиканская форма [1]) для народнаго трудового государства, или оно можетъ быть

---

[1]) За введеніе республики одновременно съ преобразованіемъ соціальнаго строя высказываются: Meslier, († 1729 или 1733), Le testament, т. 3 (1864), стр. 378 и слѣд.;—Morelly, Code de la nature (1755), стр. 211, и слѣд.;—Godwin, Political justice (1793), 3-е изд., т. 2 (1798), стр. 6, 31 и слѣд.;—«Заговоръ равныхъ» Бабефа (который рядомъ съ коммунистическимъ общественнымъ строемъ имѣлъ цѣлью и возстановленіе радикальной республиканской конституціи 1793 г.). Сравн. Buonarroti, La conspiration pour l'égalité, т. 2 (1828), стр. 244: Acte d'insurrection art. 2, 3;—Owen, The revolution in the mind and practice of the human race (1849), стр. 66 срав. съ стр. 70 и слѣд.;—Dezamy, Code de la communauté (1842), стр. 268, 269;—Weitling, Garantien der Harmonie und Freiheit (1842), 3-е изд. (1849), стр. 178.

совмѣщено и съ монархіей, конечно, кореннымъ образомъ видоизмѣненной [1]).

Какъ и всѣ важные вопросы монархической и республиканской политики, этотъ вопросъ является вопросомъ о силѣ. Отвѣтъ на него зависитъ отъ того, какъ велика революціонная сила народа и насколько сильна позиція, занятая монархіей въ процессѣ ея историческаго развитія. Сообразно съ этимъ у романскихъ народовъ народное трудовое государство наступитъ, конечно, въ формѣ республики. Напротивъ, у англичанъ, нѣмцевъ и другихъ германскихъ націй династіи могутъ путемъ цѣлесообразной политики достигнуть того, что существованіе монархіи будетъ обезпечено на болѣе или менѣе продолжительное, можетъ быть даже на неопредѣленно-продолжительное время и послѣ введенія новаго общественнаго строя.

Революціонныя дарованія романскихъ народовъ далеко превосходятъ такія же способности народовъ германскихъ. Каждому нѣмцу при изученіи исторіи романскихъ народовъ должно броситься въ глаза, какъ легко достигались тамъ величайшія политическія цѣли путемъ революціонныхъ движеній. Я напомню только о томъ, съ какимъ единодушнымъ воодушевленіемъ поднялась Италія въ 1860—1870 гг. для завоеванія своего политическаго объединенія, тогда какъ въ то же самое время у нѣмцевъ оно должно

[1]) За сохраненіе существующихъ политическихъ условій, въ томъ числѣ и монархіи, высказываются: Saint-Simon, L'industrie, т. 2 (1817), Oeuvres, т. 3 (1869), стр. 20, 21; Du système industriel, т. 1 (1821), Oeuvres, т. 5 (1869), стр. 26 и слѣд., 206 и слѣд., 239 и слѣд.; Du système industriel, т. 2 (1821), Oeuvres, т. 6 (1869), стр. 29 и т. 7 (1869), стр. 56. Въ противоположномъ смыслѣ: Exposition de la doctrine Saint-Simonienne (1828—1830), Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin, т. 41 (1877), стр. 48 и слѣд., 447;—Fourier, Traité de l'association domestique-agricole, т. 1 (1822), стр. 116—143, Oeuvres compl. de Ch. Fourier, т. 3 (1841), стр. 151 и слѣд.;—Bases de la politique positive. Manifeste de l'école sociétaire, fondée par Fourier (1841), 2-е изд. (1842), стр. 119 и слѣд., 194 и слѣд.;—Considerant, Manifeste de la démocratie au XIX siècle, 2-е изд. (1847), стр. 68—72;—Cabet, Voyage en Icarie (1840), 5-е изд. (1848), стр. 537, 538, сравн. стр. 361;—Rodbertus, Ueber den Normalarbeitstag (1871) въ изд. Морицемъ Виртомъ «Kleine Schriften» (1890), стр. 359;—Atlanticus, Produktion und Konsum in Sozialstaat (1898), стр. 9, 10.

было быть водворено Гогенцоллернами съ оружіемъ въ рукахъ. Монархія въ теченіе послѣдняго столѣтія тоже никакъ не могла найти для себя твердой почвы у романскихъ народовъ, волнуемыхъ всякаго рода революціонными теченіями. Вслѣдствіе этого можно съ увѣренностью сказать заранѣе, что примѣру Франціи навѣрное послѣдуютъ остальныя романскія націи, самое позднее—при введеніи народнаго трудового государства.

Нынѣшняя почти исключительно политическая республика является несомнѣнно государственной формой, исполненной противорѣчій, которая неизбѣжно постоянно колеблется между плутократіей и цезаризмомъ. Ибо неимущія народныя массы, перебивающіяся со дня на день въ частной жизни и предоставленныя на каждомъ шагу произволу богатыхъ, только при особенно благопріятныхъ условіяхъ обнаружатъ въ качествѣ гражданъ то сильное и готовое къ жертвамъ чувство свободы и равенства, которое составляетъ наиболѣе прочную основу всѣхъ демократическихъ государственныхъ конституцій (кн. II, гл. 9). Республиканской государственной формѣ будетъ обезпечено безопасное существованіе только тогда, когда политическія и экономическія права населенія будутъ уравнены народнымъ трудовымъ государствомъ. Тогда и политическая жизнь романскихъ народовъ, въ которой до сихъ поръ было столько внезапныхъ прыжковъ, будетъ двигаться впередъ въ рамкахъ спокойнаго безпрерывнаго развитія. Однако, судя по всѣмъ историческимъ аналогіямъ, эта благопріятная перемѣна будетъ произведена народнымъ трудовымъ государствомъ только послѣ того, какъ его положеніе будетъ упрочено, тогда какъ въ переходный періодъ преобладающей формой правленія должна явиться открытая или замаскированная диктатура.

Существенно иначе будутъ разрѣшены, безъ сомнѣнія, всѣ эти вопросы англичанами, нѣмцами и другими германскими народами. Консервативный духъ этихъ націй дѣлаетъ вѣроятнымъ, что имъ удастся совершить даже

величайшее изъ всѣхъ политическихъ измѣненій—превращеніе индивидуалистическаго государства, основаннаго на власти, въ народное трудовое государство и коренное ограниченіе частной собственности—безъ полнаго разрыва съ принципомъ непрерывности правопорядка и безъ ненужнаго разрушенія традиціонныхъ политическихъ формъ.

Что касается прежде всего Англіи, то въ настоящее время это, безъ сомнѣнія, страна, въ которой больше всего развитъ капиталистическій способъ производства. На основаніи воззрѣній Маркса и Энгельса, слѣдовало бы ожидать, что Англія обладаетъ вслѣдствіе этого и самой многочисленной соціально-революціонной партіей и что тамъ непосредственно предстоитъ экспропріація экспропріаторовъ. Но здѣсь ясно обнаруживается, что политика народовъ, совершенно такъ же, какъ и политика монарховъ, гораздо меньше опредѣляется экономическими, чѣмъ чисто политическими факторами. Въ Англіи уже больше двухсотъ лѣтъ не было попытки произвести coup d'état; наиболѣе далеко идущія народныя желанія удовлетворялись законодательнымъ путемъ. Континентальный военный и полицейскій гнетъ тамъ почти неизвѣстенъ. Съ справедливой гордостью британецъ можетъ указать на то, что на его родинѣ вѣрность законамъ требуется не только отъ низшихъ классовъ, но соблюдается и самыми могущественными лицами, и что личная свобода массъ не можетъ быть нарушена изъ-за придворныхъ и аристократическихъ интересовъ. Вслѣдствіе этого правдоподобно, что и соціальный вопросъ въ Англіи будетъ рѣшенъ путемъ медленнаго законодательнаго и административнаго развитія и съ сохраненіемъ монархіи. Впрочемъ, я при этомъ предполагаю, что расширеніе имперіалистической политики не породитъ и тамъ революціонныхъ теченій, подобно тому какъ уже въ настоящее время многочисленныя оставшіяся безъ исправленія нарушенія права въ Ирландіи вызвали условія, подобныя существующимъ на континентѣ.

Гораздо неблагопріятнѣе все политическое положеніе въ Германіи. Нѣмцы—самый консервативный народъ въ Европѣ, но въ то же время они имѣютъ самую многочисленную и наилучше организованную соціально-революціонную партію въ мірѣ. Это противорѣчіе объясняется ходомъ нѣмецкой исторіи въ истекшемъ столѣтіи.

Для прочности правосознанія въ Германіи оказалось роковымъ уже то обстоятельство, что непоколебимое упрямство придворной политики послѣ паденія Наполеона I сдѣлало необходимой революцію 1848 года. Крушеніе народныхъ стремленій къ объединенію, несмотря на столь многочисленныя обѣщанія, далѣе цѣлый рядъ удачныхъ coups d'état почти во всѣхъ германскихъ государствахъ—должны были самымъ глубокимъ образомъ поколебать правовое чувство нѣмецкаго народа. Далѣе слѣдовало династическое объединеніе Германіи при посредствѣ прусскаго военнаго конфликта съ его многочисленными нарушеніями конституціи, путемъ возстанія Пруссіи противъ Германскаго союза, который, несмотря на свои слабыя стороны, представлялъ законную конституцію Германіи, наконецъ, путемъ устраненія трехъ законныхъ монарховъ и вольнаго города Франкфурта. Немедленно послѣ основанія Германской имперіи началась борьба противъ католической церкви и вскорѣ послѣ этого борьба противъ соціалъ-демократіи; и та и другая велись въ законной формѣ, но имѣли насильственный, враждебный интересамъ наиболѣе широкихъ народныхъ круговъ характеръ. Къ этому присоединился еще возрастающій военный и полицейскій гнетъ, благодаря которому была ограничена личная свобода широкихъ народныхъ массъ ради далекихъ, по большей части непонятныхъ имъ цѣлей. Эти и подобныя событія вызвали въ нѣмецкомъ народѣ революціонныя стремленія въ такомъ размѣрѣ, на который не рѣшались надѣяться даже приблизительно самые ярые фантазеры—революціонеры тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ.

Несмотря на это, я не думаю, чтобы неимущіе классы

народа, когда въ ихъ рукахъ будутъ находиться политическія судьбы Германіи, устранили монархію. Революціонная сила и страсть нѣмцевъ незначительны. Изъ трехъ нѣмецкихъ революцій, происходившихъ съ конца среднихъ вѣковъ, двѣ демократическія, именно крестьянская война (1525) и движеніе 1848 года, не удались. Третья—реформація—правда, сопровождалась значительнымъ успѣхомъ, но только потому, что она была предпринята при содѣйствіи жадныхъ къ церковнымъ имуществамъ нѣмецкихъ князей.

Если пролетаріатъ согласится сохранить при введеніи народнаго трудового государства монархію, что у германскихъ народовъ вполнѣ вѣроятно, то это можетъ случиться только на извѣстныхъ условіяхъ. Наиболѣе важнымъ условіемъ, во всякомъ случаѣ, должно быть, чтобы неимущимъ классамъ народа была предоставлена рѣшающая власть при дворѣ, въ арміи и въ администраціи, и чтобы эти учрежденія, соотвѣтственно новому порядку, были кореннымъ образомъ преобразованы. Но тогда дворы должны будутъ понизить и свои хозяйственныя требованія до уровня, согласнаго съ скромнымъ характеромъ народнаго трудового государства. Время для такого компромисса наступитъ, самое позднее, тогда, когда наши сухопутныя и морскія боевыя силы, непомѣрно возросшія благодаря цифровой маніи военныхъ круговъ, окажутся въ рукахъ своихъ вождей ненадежнымъ орудіемъ (см. выше стр. 51—52).

Пусть не думаютъ, что такое соглашеніе неимущихъ классовъ народа съ монархіей невозможно. Справедливо, что монархическія и рабочія партіи въ Германіи и Италіи (но не въ Англіи) по большей части стоятъ по отношенію другъ къ другу въ положеніи безусловной враждебности и постоянной борьбы. Но развѣ такія же отношенія не существовали въ первыя три столѣтія нашей эры и между язычниками и христіанами? Это, однако, не помѣшало тому, что императоръ Константинъ I перешелъ въ

христіанство и сдѣлалъ его господствующей религіей въ Римскомъ государствѣ, а его преемники отплатили язычникамъ за ихъ гоненія христіанъ одинаково безчеловѣчнымъ обращеніемъ съ язычниками.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Законодательная власть.

Организація современныхъ культурныхъ государствъ состоитъ изъ законодательной и исполнительной властей, при чемъ послѣдняя въ свою очередь распадается на судебную и административную. Законодательство, которое создается не только законодательными учрежденіями, но и органами исполнительной власти путемъ декретовъ, предписываетъ гражданамъ направленіе ихъ дѣятельности, тогда какъ исполнительная власть способствуетъ осуществленію этихъ закономъ предписанныхъ дѣйствій въ жизни. Но это отношеніе между законодательной и исполнительной властью таково только въ основныхъ своихъ чертахъ, такъ какъ живыя соотношенія силъ, въ особенности въ томъ видѣ, какъ они выступаютъ въ управленіи, всюду прорываютъ бумажныя перегородки, воздвигаемыя законами.

Анархизмъ считаетъ одинаково безполезными и вредными какъ законодательную, такъ и исполнительную власть; дѣятельность товарищей въ анархистскомъ обществѣ должна получать свое направленіе исключительно при посредствѣ договоровъ между отдѣльной личностью и группами (кн. I, гл. 2). Точно также и чисто абсолютная монархія не знаетъ истиннаго законодательства, а лишь исполнительную власть, опирающуюся на произволъ монарха. Фильмеръ, несомнѣнно самый наивный и самый чистосердечный защитникъ абсолютной монархіи, безъ всякихъ колебаній высказываетъ тотъ взглядъ, что монархъ во всѣхъ случаяхъ можетъ рѣшать дѣло по своему произволу, и что

изданные имъ законы имѣютъ лишь то значеніе, что они ставятъ въ извѣстность подданныхъ относительно воли монарха въ тѣхъ случаяхъ, когда у него нѣтъ необходимаго досуга для рѣшенія дѣла въ собственномъ смыслѣ этого слова [1]).

Но и въ нашихъ современныхъ культурныхъ государствахъ, республикахъ и ограниченныхъ монархіяхъ рѣшеніе общественныхъ дѣлъ должно довольно часто производиться по усмотрѣнію рѣшающаго правительственнаго органа, т. е. безъ изданнаго раньше предписанія закона. Въ первоначальныхъ стадіяхъ развитія государствъ, когда еще не было писанныхъ законовъ, государственная дѣятельность вообще производилась большею частью по свободному усмотрѣнію государственныхъ органовъ. Римляне первые подчинили частную собственность, семью и связанныя съ ними частноправовыя отношенія установленнымъ заранѣе нормамъ права и передали эти нормы слѣдовавшимъ за ними культурнымъ народамъ, какъ римское гражданское право; напротивъ, возникновеніе современнаго административнаго права едва ли можно отодвинуть далѣе начала XVI столѣтія, и превращеніе независимаго отъ закона рѣшенія въ рѣшеніе по предписанію закона осуществлено въ этой области права еще далеко не въ той степени, какъ въ римскомъ гражданскомъ правѣ. Еще въ настоящее время можно ежедневно наблюдать во всѣхъ государствахъ процессъ постояннаго суженія области независимыхъ отъ закона рѣшеній административныхъ органовъ и подчиненія ихъ вновь изданнымъ административнымъ предписаніямъ.

Введеніе народнаго трудового государства должно вновь оживить въ болѣе широкихъ размѣрахъ рѣшеніе общественныхъ дѣлъ по свободному усмотрѣнію. Это вытекаетъ прежде всего изъ того обстоятельства, что тогда все част-

[1]) Filmer († 1653), Patriarcha or the natural power of kings (1680), стр. 92. Возраженія см. Locke, Two treatises of government (1690) I, 8 и слѣд.

ное право должно превратиться въ публичное и именно въ административное право, между тѣмъ это новое административное право на первыхъ порахъ можетъ быть установлено только въ самыхъ общихъ чертахъ. Но коренному измѣненію подвергнутся также и тѣ правовыя области, которыя уже въ настоящее время относятся къ государственному и административному праву, вслѣдствіе отступленія на задній планъ цѣлей, имѣющихъ въ виду развитіе могущества государства, передъ хозяйственными задачами государства. Эта громадная, прежде только въ незначительной степени подчиненная правовымъ нормамъ, область должна естественно на первыхъ порахъ подпасть независимой отъ закона государственной дѣятельности. Можно, однако, быть увѣреннымъ, что наша вѣчно движущаяся законодательная машина очень скоро устранитъ этотъ недостатокъ, и именно—въ началѣ путемъ административныхъ предписаній, а позже—путемъ законовъ и обстоятельныхъ кодексовъ.

Законодательство народнаго трудового государства должно съ особенной заботливостью отнестись къ тѣмъ соотношеніямъ силъ, которыя будутъ существовать въ будущемъ обществѣ. Наши современные законодатели находятся въ этомъ смыслѣ въ очень благопріятномъ положеніи, потому что они могутъ разсматривать существующую правовую систему какъ прочное, построенное на надежномъ фундаментѣ зданіе, въ которомъ они своими законами желаютъ улучшить въ большинствѣ случаевъ только нѣсколько не имѣющихъ значенія арабесокъ или, самое большее, маленькую боковую башенку. Напротивъ, законодательство народнаго трудового государства должно по большей части возводить все зданіе наново. При этомъ оно не должно никогда забывать, что законы въ сущности не что иное, какъ застывшія, отлитыя въ неизмѣнную форму соотношенія силъ въ обществѣ. Хорошую помощь при этомъ окажетъ соображеніе, могли ли бы сторонники новаго закона принудить его противниковъ къ принятію предполо-

женнаго измѣненія соотношенія силъ и безъ вмѣшательства государства или законодательства. Очень многіе безуспѣшные законодательные эксперименты, напримѣръ прусскіе законы, относящіеся къ Kulturkampf'у, и обще-германскіе законы противъ соціалъ-демократіи, никогда не были бы предприняты, если бы рѣшавшіе соотвѣтственные вопросы государственные люди раньше произвели въ своемъ умѣ этотъ простой примѣрный расчетъ.

Съ законодательными корпораціями въ тѣхъ странахъ, гдѣ господствуетъ суверенитетъ народа (кн. III, гл. 2), обыкновенно связана парламентская система правленія. Эта система и ея искаженія находятся въ тѣсной связи съ внутренней сущностью нашего современнаго культурнаго государства, которое направлено почти исключительно на проявленія власти. Подобно тому, какъ абсолютный или полуабсолютный монархъ никогда не допуститъ отнять у него право увольнять въ отставку своихъ министровъ по своему произволу и даже по своему капризу, такъ и могущественный парламентъ не можетъ отказаться отъ низверженія министровъ. Если власть должна постоянно давать о себѣ знать массамъ, то она нуждается въ видимомъ, можетъ быть даже немотивированномъ проявленіи.

Вслѣдствіе этого въ народномъ трудовомъ государствѣ парламентской системѣ правленія могли бы быть подчинены только тѣ высшіе государственные органы, кругъ дѣятельности которыхъ состоитъ преимущественно въ поддержаніи господствующаго соотношенія властей, т. е.— если можно въ примѣненіи къ совершенно иному порядку вещей употребить современные термины—министръ-президентъ, министры внутреннихъ дѣлъ, военный, морской, юстиціи и, можетъ быть, народнаго просвѣщенія.

Напротивъ, высшіе органы, руководящіе различными отраслями государственнаго хозяйства—земледѣліемъ, горнымъ дѣломъ, промышленностью, торговлей и путями сообщенія—должны были бы быть изъяты изъ сферы парламентарнаго режима—такимъ ли путемъ, что они будутъ

организованы въ духѣ стараго административнаго права въ видѣ коллегій, или такимъ, что высшіе техническіе служащіе будутъ цѣлесообразнымъ образомъ подчинены отвѣтственнымъ министрамъ.

Гораздо больше, чѣмъ содержаніе законодательства, обсуждалась спеціалистами государствовѣдѣнія всѣхъ направленій его форма, въ особенности число и составъ законодательныхъ учрежденій. Даже два наиболѣе демократическихъ публициста новаго времени, Локкъ и Руссо, занимались почти исключительно формой законодательства. Я могу вслѣдствіе этого ограничиться по поводу много обсуждавшагося вопроса нѣкоторыми немногими замѣчаніями.

И въ народномъ трудовомъ государствѣ, такъ же какъ въ современныхъ политическихъ республикахъ, слѣдуетъ предпочесть систему двухъ палатъ. Въ противоположность по большей части осторожной аристократіи, монархія и демократія страдаютъ въ одинаковой степени склонностью къ опрометчивости; первая—потому, что въ ней въ столь сильной степени господствуютъ личные вліянія и интересы, вторая—потому, что массы лишь съ трудомъ могутъ быть благоразумны и ихъ такъ легко увлечь къ крайностямъ. Между тѣмъ, въ народномъ трудовомъ государствѣ всякая опрометчивость вдвойнѣ опасна, потому что здѣсь рѣчь будетъ итти преимущественно о соціальныхъ, а не о политическихъ задачахъ. Историческій же опытъ учитъ, что самыя крупныя перемѣщенія политической власти очень легко могутъ быть возвращены къ прежнему состоянію, между тѣмъ какъ соціальные перевороты почти всегда создаютъ такое положеніе вещей, которое устраняетъ возвратъ къ прошлому. Вслѣдствіе этого цѣлесообразно, чтобы и въ народномъ трудовомъ государствѣ законодательная работа выполнялась двумя палатами: выборной, которая всегда будетъ предоставлена демократическимъ теченіямъ, и аристократической, которая должна состоять, конечно, не изъ самыхъ безполезныхъ, а дѣйствительно изъ самыхъ лучшихъ членовъ государства.

Для выборной палаты хорошимъ образцомъ можетъ служить народное представительство въ республикахъ и монархіяхъ, поскольку оно основано на всеобщемъ избирательномъ правѣ. Только въ народномъ трудовомъ государствѣ женщинамъ во всякомъ случаѣ должно быть предоставлено какъ активное, такъ и пассивное избирательное право. Уже въ настоящее время лишеніе женщинъ этихъ политическихъ правъ является несправедливостью: хотя онѣ въ большинствѣ случаевъ и зависятъ экономически отъ своихъ родителей и мужей, но по нашимъ современнымъ государственно-правовымъ воззрѣніямъ экономическая зависимость не исключаетъ обладанія политическими правами (кн. II, гл. 9). Тѣмъ болѣе въ народномъ трудовомъ государствѣ, гдѣ женщина имѣетъ такое же право на существованіе и такъ же обязана работать, какъ и мужчина (кн. II, гл. 7), политическое равноправіе ихъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію.

Въ верхнихъ палатахъ въ Германіи господствуютъ дворянство и отчасти крупная буржуазія. Это учрежденіе позаимствовано, съ нѣкоторыми измѣненіями, изъ англійскаго права, при чемъ не была принята во вниманіе громадная разница между нѣмецкимъ и англійскимъ дворянствомъ. Благодаря тому, что нѣмецкое дворянство, въ особенности въ прусской палатѣ господъ, пріобрѣло себѣ трибуну, съ которой оно могло узкимъ и одностороннимъ образомъ постоянно защищать свои сословные интересы, оно способствовало революціонизированію низшихъ и среднихъ классовъ еще въ то время, когда соціалъ-демократія не существовала или, по крайней мѣрѣ, не имѣла значительнаго вліянія.

Такъ какъ въ народномъ трудовомъ государствѣ крупная собственность отсутствуетъ, то здѣсь верхняя палата, подобно римскому сенату позднѣйшаго республиканскаго и императорскаго періода, можетъ быть образована только изъ высшихъ еще дѣйствующихъ или уже оставившихъ свою дѣятельность государственныхъ чиновниковъ. При

этомъ должно было бы быть безразлично, простирался ли кругъ дѣятельности чиновника на поддержаніе соотношенія властей или на руководство экономической жизнью (кн. III, гл. 5). Точно также путемъ выбора или назначенія должны были бы найти мѣсто въ верхней палатѣ и наиболѣе выдающіеся представители науки, искусства и литературы. При такой организаціи законодательной власти народная палата представляла бы волю и силу народа, верхняя палата—его знаніе и умѣніе.

Въ Швейцаріи, по примѣру французской конституціи 24-го іюня 1793 г., съ законодательствомъ, осуществляемымъ при помощи представительныхъ учрежденій, соединенъ и такъ называемый референдумъ. Каждый законопроектъ, прошедшій чрезъ представительныя учрежденія, или долженъ быть предложенъ для окончательнаго принятія на голосованіе всего народа (обязательный референдумъ), или эта передача на голосованіе всего народа должна имѣть мѣсто только по требованію извѣстнаго числа гражданъ (факультативный референдумъ). Это прямое законодательство, осуществляемое непосредственно народомъ, далеко не имѣло для массъ тѣхъ благопріятныхъ результатовъ, на которые надѣялись Риттингаузенъ и Консиделанъ [1]); напротивъ, во многихъ случаяхъ оно оказалось элементомъ регресса. Это стоитъ въ связи съ тою противоположностью, въ которой въ настоящее время повсюду стоятъ по отношенію другъ къ другу частноправовая зависимость и обладаніе политическими правами (кн. II, гл. 9).

---

[1]) Rittinghausen, La législation directe par le peuple ou la véritable démocratie (1850); La législation directe par le peuple et ses adversaires (1852), стр. 252, 253; Sozialdemokratische Abhandlungen, Heft 3 (1868): Ueber die Notwendigkeit der direkten Gesetzgebung durch das Volk, стр. 5;—Considerant, La solution ou le gouvernement direct du peuple (1851), стр. 25 и слѣд. Противъ прямого законодательства высказались: Louis Blanc, Le gouvernement direct du peuple par lui-même (1851), въ Questions d'aujourd'hui et de demain, т. 1 (1873), стр. 45—200;—Proudhon, Idée générale de la revolution au XIX siècle (1851), стр. 162 и слѣд.

Такъ какъ народное трудовое государство можетъ начать свою дѣятельность не раньше, какъ по фактическомъ устраненіи по крайней мѣрѣ въ значительной степени этой противоположности, то оно можетъ безъ колебаній принять референдумъ въ число своихъ учрежденій. Если новая государственная форма будетъ организована федералистически, то возможно установить обязательный референдумъ: если же, напротивъ, будетъ желательно сохранить большія національныя государства настоящаго времени, то всеобщему народному голосованію могутъ быть подвергаемы только самыя важныя общественныя дѣла [1]). Референдумъ, безъ сомнѣнія, соединимъ и съ монархіей въ томъ видѣ, въ какомъ только она можетъ существовать въ народномъ трудовомъ государствѣ.

Гораздо важнѣе, чѣмъ эти болѣе формальныя измѣненія, было бы расширеніе компетенціи законодательной власти на объявленіе войны. Въ то время, какъ въ античныхъ республикахъ для объявленія войны требовалось постановленіе народа [2]), въ настоящее время въ монархіяхъ

[1]) По французской конституціи 24-го іюня 1793 года слѣдующіе законопроекты должны были передаваться на голосованіе первичныхъ собраній, если бы этого потребовало извѣстное число гражданъ (ст. 59): относящіеся къ гражданскому и уголовному праву; касающіеся общаго управленія обыкновенными государственными доходами и расходами; относящіеся къ національнымъ имуществамъ; относящіеся къ монетной системѣ и налогамъ; объявленіе войны; далѣе—законопроекты, относящіеся къ измѣненіямъ въ административномъ раздѣленіи Франціи и къ общественному обученію, а также къ возданію почестей памяти великихъ людей (ст. 54). Именно эти постановленія опредѣлялись многими историками и государствовѣдами XIX столѣтія, какъ верхъ революціонной экзальтаціи и демагогическаго угожденія народу. Между тѣмъ уже цѣлыя десятилѣтія въ Швейцаріи существуютъ учрежденія, идущія гораздо дальше и до сихъ поръ служившія тамъ больше консервативнымъ, чѣмъ радикальнымъ интересамъ. Въ Швейцаріи народному голосованію была подвергнута прежде всего конституція 20 мая 1802 г.; въ своемъ нынѣшнемъ видѣ референдумъ былъ введенъ въ отдѣльныхъ кантонахъ и во всемъ союзѣ благодаря народнымъ движеніямъ, имѣвшимъ мѣсто послѣ іюльской революціи (1830). Сравн. Curti, Geschichte der schweizerischen Volksgesetzgebung (1882), стр. 109, 128 и слѣд. (русск. перев. изд. тов. «Знаніе»).

[2]) Такъ въ Аѳинахъ и въ Спартѣ объявленіе войны постановлялось народнымъ собраніемъ (Ekklesia), въ Римѣ—центуріатными комиціями. Точно такъ же конституція Французской республики 24-го іюня 1793 г.

это право принадлежитъ монарху, въ союзныхъ государствахъ и республикахъ—ограниченной по числу членовъ коллегіи. При нашемъ государственномъ строѣ для самаго незначительнаго закона, касающагося юстиціи, требуется согласіе законодательныхъ учрежденій; напротивъ, война, съ началомъ которой по отношенію къ враждебному государству уничтожаются всѣ постановленія права, за исключеніемъ жалкихъ правилъ военнаго права, обыкновенно можетъ быть объявлена одною личностью. А между тѣмъ всякій учебникъ исторіи учитъ, что самыя опустошительныя войны начинались часто благодаря капризу монарха, затруднительному положенію министра или даже благодаря вліянію духовниковъ и фаворитокъ.

Для народнаго трудового государства необходима мирная политика, потому что всякое развитіе могущества вовнѣ неизбѣжно влечетъ за собой такое же развитіе, направленное внутрь. И дѣйствительно, война и опасность, связанная съ нею, съ давнихъ поръ заставили народы поставить цѣли, имѣющія въ виду развитіе могущества государства, впереди культурныхъ цѣлей.

Одно изъ средствъ помѣшать возникновенію войны—правда, не самое важное и не самое дѣйствительное—состоитъ въ томъ, чтобы связать инициативу войны съ болѣе отягчающими условіями. Въ настоящее время инициаторы войны стоятъ при началѣ войны передъ двоякой возможностью, а именно: въ случаѣ побѣдоноснаго исхода они могутъ достичь положенія, подобнаго положенію полубоговъ, тогда какъ послѣдствія пораженія касаются ихъ только въ очень незначительной мѣрѣ, падая всей своей тяжестью на широкія народныя массы. Только въ послѣднія десятилѣтія, вслѣдствіе образованія большихъ революціонныхъ партій, неудачный исходъ войны и для инициаторовъ ея сталъ нѣсколько болѣе невыгоднымъ. Напро-

(ст. 54, 59, 60) требуетъ для объявленія войны изданія особаго закона, который по заявленію извѣстнаго числа первичныхъ собраній долженъ быть подвергнутъ народному голосованію.

тивъ, для интересовъ самыхъ широкихъ круговъ народа даже побѣдоносная война является роковой.

Вслѣдствіе этого можно быть убѣжденнымъ, что массы, если правильное воспитаніе просвѣтитъ ихъ относительно ихъ истинныхъ интересовъ, всегда будутъ высказываться за мирную политику. Въ виду этого народное трудовое государство должно будетъ на первыхъ порахъ предоставить рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ законодательнымъ органамъ, а послѣ того какъ его положеніе упрочится— народному голосованію. Безопасность отдѣльнаго государства не можетъ подвергнуться угрозѣ благодаря такому преобразованію, потому что народное трудовое государство окончательно упрочится только тогда, когда всѣ государства европейскаго культурнаго круга превратятся въ трудовыя государства.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Исполнительная власть.

Исполнительная власть въ нашихъ культурныхъ государствахъ выполняется частью судами, частью органами управленія; сообразно съ этимъ различаютъ правосудіе и администрацію. Это различіе должно при введеніи народнаго трудового государства претерпѣть коренныя измѣненія. Чтобы возможно яснѣе изложить этотъ довольно сложный вопросъ, я обрисую въ самыхъ общихъ чертахъ сначала современное правовое состояніе (I), затѣмъ учрежденія народнаго трудового государства послѣ того, какъ оно упрочится (II) и наконецъ, въ третьихъ, переходныя формы отъ перваго положенія вещей ко второму (III).

I. Границы между сферами дѣйствія юстиціи и администраціи въ современномъ государствѣ довольно часто пытались опредѣлить при помощи теоретической формулы: но никогда эти формулы не могли хотя бы лишь приблизительно охватить все богатство самыхъ различныхъ явленій. Вѣдь у колыбели нашего государства и нашихъ государственныхъ учрежденій стояла не теорія, а историческій случай, направляемый мечемъ. Такъ—чтобы упомянуть только объ одномъ изъ наиболѣе распространенныхъ взглядовъ — Юліусъ Шталь [1]) думаетъ, что тамъ, гдѣ справедливость является единственной цѣлью, имѣетъ мѣсто юстиція; тамъ же, гдѣ справедливость есть только предѣлъ, а не опредѣляющее основаніе рѣшенія, выступаетъ администрація. Но мы уже знаемъ (кн. III, гл. 4), что управленіе съ прогрессирующимъ развитіемъ админи-

[1]) Stahl, Die Philosophie des Rechts II, 2, 3 изд. (1856), стр. 609, 646.

стративнаго права все больше превращается въ простое примѣненіе права, т. е. въ дѣятельность, совершенно подобную правосудію. И, наоборотъ, суды довольно часто, напр., въ дѣлахъ, относящихся къ опекѣ и въ другихъ случаяхъ добровольнаго обращенія къ суду, должны постановлять рѣшеніе преимущественно съ точки зрѣнія цѣлесообразности, такъ что въ этихъ случаяхъ право есть только предѣлъ, а не опредѣляющее основаніе ихъ рѣшенія. Словомъ, формула Шталя не только ошибочна въ главныхъ пунктахъ, но она въ процессѣ историческаго развитія все больше теряетъ свою относительную справедливость.

Но, конечно, можно указать тѣ общія цѣли, которыя во всѣхъ культурныхъ государствахъ заставили господствующіе элементы передать рѣшеніе общественныхъ дѣлъ двумъ системамъ государственныхъ органовъ со столь различной организаціей и дѣятельностью. Съ этой точки зрѣнія можно сказать, что главная задача административныхъ органовъ состоитъ въ томъ, чтобы осуществлять въ дѣйствительной жизни интересы власти верховныхъ правителей государства. Вслѣдствіе этого центральный пунктъ административной дѣятельности во всѣхъ странахъ съ давнихъ поръ составляютъ финансы, вооруженная сила и поддержаніе общественнаго спокойствія и порядка (полиція).

Только въ болѣе позднія времена къ этой главной задачѣ управленія присоединилось также удовлетвореніе нѣкоторыхъ культурныхъ интересовъ, напр. руководство народнымъ, среднимъ и высшимъ образованіемъ. Но и хозяйственные интересы занимаютъ въ рамкахъ современнаго административнаго управленія довольно значительное мѣсто, потому ли, что государство само занимается хозяйственной дѣятельностью, или потому, что оно руководитъ дѣятельностью входящихъ въ составъ его гражданъ и надзираетъ за этой дѣятельностью. Я упомяну только заботу о дорогахъ, каналахъ, желѣзныхъ дорогахъ и другихъ средствахъ сообщенія, объ использованіи

и охранѣ водъ, о постройкѣ больницъ и домовъ для умалишенныхъ и т. д. Но для нашего индивидуалистическаго государства, основаннаго на власти, является характернымъ, что оно такъ охотно предоставляетъ общинѣ и другимъ самоуправляющимся корпораціямъ заботу объ удовлетвореніи этихъ культурныхъ и экономическихъ интересовъ, и безъ того играющихъ въ нашей государственной жизни очень скромную роль сравнительно съ задачами развитія могущества государства.

Какъ администрація есть преимущественно органъ господствующихъ, такъ суды — органъ подчиненныхъ господству. Три великія жизненныя цѣли людей—личная безопасность, достойное человѣка экономическое положеніе и организованная семейная жизнь, такъ же какъ и опирающіяся на нихъ учрежденія—стоятъ подъ защитой уголовныхъ и гражданскихъ судовъ. Такимъ образомъ, защита личной безопасности есть задача уголовной юстиціи, съ которой, впрочемъ, во многихъ случаяхъ конкурируютъ и гражданскіе суды. Собственность и семья со всѣми вытекающими изъ нихъ учрежденіями, при посредствѣ которыхъ должны быть достигаемы при господствующемъ правовомъ порядкѣ остальныя двѣ изъ упомянутыхъ выше жизненныхъ цѣлей, защищаются гражданскими судами, хотя уголовная защита частноправового порядка въ иныхъ отношеніяхъ гораздо дѣйствительнѣе (кн. II, гл. 15).

Къ этимъ главнымъ задачамъ судовъ процессъ историческаго развитія добавилъ еще нѣкоторые придатки, переступающіе указанную границу, подобно тому, какъ это имѣетъ мѣсто и по отношенію къ административнымъ органамъ. Такъ, государственныя преступленія по большей части судятся обыкновенными судами, споры относительно частныхъ правъ монарха и государства въ большей части странъ подлежатъ вѣдѣнію гражданскихъ судовъ и т. д.

Дѣятельность административныхъ и судебныхъ органовъ существеннымъ образомъ различна. Администра-

тивные органы вполнѣ зависятъ отъ главы государства; мѣры для охраны ввѣренныхъ ихъ попеченію интересовъ принимаются ими обыкновенно по собственной иниціативѣ; дѣлопроизводство здѣсь быстрое, лишенное формальности и рѣшительное. Напротивъ, суды пользуются извѣстной независимостью, которая, впрочемъ, ограничена тѣмъ, что повышеніе судей почти повсюду зависитъ отъ главы государства. Въ спорахъ имущественныхъ и семейныхъ, которые въ настоящее время составляютъ главное содержаніе судебной дѣятельности, судъ обыкновенно до тѣхъ поръ не вмѣшивается въ дѣло, пока лицо, имѣющее на это право, не призоветъ его на помощь жалобой; ихъ производство медленное, дорогое, окруженное запутанными формальностями. Сразу замѣтно, что тамъ идетъ дѣло объ интересахъ значительныхъ людей, а здѣсь—объ интересахъ людей незначительныхъ и маленькихъ.

Изъ сказаннаго вытекаетъ, что между кругомъ дѣятельности судовъ и административныхъ органовъ собственно не существуетъ принципіальнаго различія, такъ какъ оба эти учрежденія по своему преобладающему характеру преслѣдуютъ одну задачу, именно сохраненіе существующаго соотношенія силъ. Конечная цѣль упомянутаго раздѣленія государственной дѣятельности на юстицію и администрацію состоитъ, безъ сомнѣнія, въ томъ, чтобы при помощи извѣстной независимости судовъ обезпечить важнѣйшія индивидуальныя жизненныя цѣли гражданъ противъ злоупотребленій высшихъ обладателей власти. Это также совершенно въ духѣ стараго ученія о государствѣ, которое имѣетъ въ виду главнымъ образомъ защиту подданныхъ противъ верховнаго главы государства, тогда какъ въ настоящее время, съ тѣхъ поръ какъ появился соціализмъ, должно подлежать ограниченію также и преобладаніе высшихъ классовъ надъ низшими.

II. Когда народное трудовое государство окончательно упрочится и осуществитъ всѣ присущія ему цѣли, его органы должны будутъ распасться на органы порядка и

хозяйственные органы. Первые имѣли бы своей задачей охранять существующее соотношеніе властей и вмѣстѣ съ тѣмъ внѣшнее спокойствіе и порядокъ; вторые, напротивъ, должны были бы заботиться о руководствѣ экономической стороной жизни (производствомъ, распредѣленіемъ и потребленіемъ матеріальныхъ благъ и услугъ). Органы порядка по своей организаціи могли бы примкнуть къ нашимъ современнымъ судамъ и административнымъ органамъ вслѣдствіе одинаковаго въ существенныхъ чертахъ круга дѣятельности, тогда какъ хозяйственные органы могли бы найти хорошій образецъ въ организаціи крупныхъ хозяйственныхъ предпріятій (почты, желѣзныхъ дорогъ, телеграфа и т. п.), а также въ нашихъ современныхъ городскихъ и другихъ мѣстныхъ органахъ самоуправленія съ ихъ преимущественно хозяйственными задачами.

Органы порядка [1]) вообще должны бы выполнять тѣ задачи, которыя въ настоящее время подлежатъ вѣдѣнію судовъ и административныхъ органовъ; однако, культурные и экономическіе интересы, которые при нашемъ го-

---

[1]) Вопросъ, должны ли при соціалистическомъ общественномъ строѣ рядомъ съ хозяйственными органами существовать еще и органы порядка, есть вопросъ преимущественно государственно-правового характера и вслѣдствіе этого трактуется соціалистическими теоретиками по большей части очень неясно, а довольно часто и противорѣчиво. Какъ сторонниковъ сохраненія этихъ органовъ можно было бы приблизительно назвать: Заговоръ равныхъ Бабефа: Buonarroti, Conspiration pour l'égalité, т. 2 (1828), стр. 301 (Décret de police) и 305 (Décret économique);—Saint-Simon, L'organisateur (1819, 1820), Oeuvres, т. 4 (1869), стр. 200 — 202; Сенъ-симонизмъ: Exposition de la doctrine Saint-Simonienne (1828—1830), Oeuvres т. 41 (1877), стр. 271 и слѣд., 252, т. 42 (1877), стр. 352;—Фурьеризмъ: Bases de la politique positive. Manifeste de l'école sociétaire, fondée par Fourier (1841), 2 изд. (1842), стр. 207 и слѣд.;—Gray, The social system (1831), стр. 171 и слѣд.;—Louis Blanc, Organisation du travail (1840), Questions d'aujourd'hui et de demain, т. 4 (1882), стр. 152;—Rodbertus, Das Kapital (1884), стр. 102, 103, 123 и слѣд., 158;—Atlanticus, Produktion u. Konsum im Sozialstaat (1898), стр. 87 и слѣд.;—Renard, Le régime socialiste (1898), 2 изд. (1898), стр. 23 и слѣд., 80 и слѣд.;—Vandervelde, Le collectivisme (1900), стр. 176.—Въ качествѣ органа порядка, по мнѣнію сенъ-симонистовъ, должно функціонировать іерархически организованное сословіе жрецовъ, въ качествѣ хозяйственнаго органа—система банковъ. Фурьеризмъ и Луи Бланъ требуютъ учрежденія министерства труда и прогресса, которое, наравнѣ съ политическими органами, должно выполнять хозяйственныя задачи.

сударственномъ строѣ играютъ скромную роль въ административной дѣятельности, должны были бы быть выдѣлены изъ круга ихъ вѣдѣнія и переданы въ вѣдѣніе хозяйственныхъ органовъ. Вслѣдствіе этого органы порядка народнаго трудового государства можно сравнить примѣрно со старыми мѣстными органами, которые еще въ XVIII столѣтіи соединяли въ однѣхъ рукахъ большую часть судебной и административной власти.

Но кругъ дѣятельности органовъ порядка долженъ былъ бы чрезвычайно сократиться сравнительно съ кругомъ дѣятельности упомянутыхъ мѣстныхъ органовъ, такъ какъ столь многочисленныя теперь преступленія противъ собственности, такъ же какъ и государственныя преступленія, будутъ случаться очень рѣдко (кн. II, гл. 15); точно такъ же гражданское судопроизводство, которое въ настоящее время составляетъ главную часть судебной дѣятельности, должно превратиться въ административный контроль съ сравнительно незначительной сферой дѣятельности (кн. II, гл. 16). Наконецъ, полиція, которая, вслѣдствіе постоянно растущихъ требованій государствъ по отношенію къ своимъ гражданамъ, съ конца среднихъ вѣковъ неимовѣрно развивалась и постепенно низвела насъ по сравненію съ сильными людьми эпохи Возрожденія до уровня зависимыхъ, вѣчно нуждающихся въ охранѣ государства слабыхъ людишекъ, могла бы почти совершенно исчезнуть.

Вслѣдствіе этого органы порядка могли бы распространять свою дѣятельность на гораздо болѣе обширныя по пространству области, чѣмъ хозяйственные органы. И такъ какъ ихъ дѣятельность должна бы служить интересамъ всѣхъ, поскольку она касается также и круга административныхъ дѣлъ (см. выше, стр. 229), то не было бы никакой опасности въ распространеніи гарантій независимости, принадлежащихъ судьямъ, и на всѣхъ членовъ органовъ порядка.

Преобладающая часть государственной дѣятельности,

въ соотвѣтствіи съ природой народнаго трудового государства, должна была бы достаться на долю хозяйственныхъ органовъ [1]). Они должны были бы предписывать каждому размѣръ и качество требующейся отъ него работы и постановлять о надѣленіи каждаго гражданина матеріальными благами и услугами. Въ виду такого круга дѣятельности, хозяйственные органы должны были бы находиться на самомъ мѣстѣ хозяйственной дѣятельности; въ качествѣ низшаго органа могли бы естественно служить общины (кн. III, гл. 6), которыя съ давнихъ поръ разсматривали хозяйственныя задачи какъ свою главную цѣль и въ послѣднія десятилѣтія развили даже родъ муниципальнаго соціализма. Несмотря на преимущественно техническій характеръ хозяйственныхъ органовъ, на нихъ слѣдовало бы смотрѣть, какъ на государственные органы, распоряженіямъ которыхъ каждый членъ государства долженъ немедленно повиноваться, съ правомъ приносить жалобу высшимъ хозяйственнымъ органамъ или органамъ порядка (кн. II, гл. 16).

Въ вопросѣ объ инстанціяхъ органовъ порядка и хозяйственныхъ органовъ примѣромъ могутъ служить наши современныя учрежденія. Хозяйственные органы, первую ступень которыхъ будетъ во всякомъ случаѣ представлять община, въ болѣе значительныхъ государствахъ должны были бы восходить до центральныхъ органовъ при посредствѣ четырехъ инстанцій; въ государствахъ средней величины было бы довольно трехъ инстанцій, въ неболь-

[1]) Къ соціалистамъ, которые думаютъ, что при соціалистическомъ общественномъ строѣ всѣ серьезные конфликты сами собой исчезнутъ и что вслѣдствіе этого органы порядка превратятся въ хозяйственные органы, можно, съ высказанной выше (стр. 232, прим. 1) оговоркой, причислить приблизительно слѣдующихъ теоретиковъ: Owen, The revolution in the mind and practice of the human race (1830), стр. 130. Law 31 (сравн. также Law 36);—Cabet, Voyage en Icarie (1840), 5 изд. (1848), стр. 129, 130, 133, 134;—Dezamy, Code de la communauté (1842), стр. 145;—Engels, Streitschrift gegen Dühring (1877), стр. 234, 235; Die Entwicklung des Sozialismus von der Utopie zur Wissenschaft (1882), стр. 43;—Bebel, Die Frau in der Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft (1883), 25 изд. (1895), стр. 336, 340, 396, 397.

шихъ государствахъ-городахъ—даже двухъ. Для органовъ порядка это число, въ виду незначительнаго круга ихъ дѣйствій, могло бы быть на одну инстанцію уменьшено.

Анархизмъ долженъ съ своей точки зрѣнія отвергать какъ органы порядка, такъ и хозяйственные органы (кн. I, гл. 2). Точно такъ же и нѣкоторые соціалисты исходятъ изъ того взгляда, что соціалистическое государство ограничится дѣятельностью хозяйственныхъ органовъ, органы же порядка должны будутъ исчезнуть (стр. 234, прим. 1). Энгельсъ совершенно невѣрно выражаетъ эту мысль, утверждая, что государство послѣ введенія соціалистическаго общественнаго строя будетъ не упразднено, а само собой умретъ. Въ дѣйствительности на другой день послѣ введенія народнаго трудового государства пришлось бы убѣдиться, что не одни процессы производства нуждаются въ руководствѣ, но и люди, если желательно поддерживать порядокъ между ними. Напротивъ, можно безъ опасеній допустить вмѣстѣ съ Сенъ-Симономъ (стр. 232, прим. 1), что дѣятельность органовъ порядка въ очень значительной степени отступитъ назадъ передъ дѣятельностью хозяйственныхъ органовъ.

III. Переходъ отъ современныхъ учрежденій къ будущимъ долженъ совершиться такимъ образомъ, что суды постепенно преобразуются въ органы порядка, а административные органы — въ хозяйственные. Для судовъ этотъ преобразовательный процессъ не можетъ представить значительныхъ затрудненій. Правда, по политическимъ мотивамъ большая часть высшаго судебнаго персонала должна была бы перемѣниться; но такъ какъ суды уже въ настоящее время являются органами порядка, то ихъ организація, въ особенности подготовка и выборъ членовъ судовъ, могли бы быть сохранены и въ будущемъ. Такимъ образомъ пришлось бы только постепенно отнять у административныхъ органовъ и передать судамъ тѣ дѣла, которыя относятся къ сохраненію соотношенія властей.

Суды должны были бы въ теченіе переходнаго вре-

мени производить уголовную и административную юрисдикцію въ вышенамѣченномъ объемѣ (кн. II, гл. 16). Если, далѣе, на первыхъ порахъ носителями правъ собственности и хозяйственныхъ функцій окажутся отдѣльные общины и округа (кн. III, гл. 6), то между этими корпораціями долженъ возникнуть обмѣнъ матеріальными благами и услугами, подобный существующему въ настоящее время между отдѣльными личностями; этотъ обмѣнъ должны были бы регулировать, въ виду публично-правового характера всего правопорядка, административные органы, постепенно преобразующіеся въ хозяйственные органы (ниже, стр. 242). Но на рѣшенія этихъ органовъ должно быть предоставлено право жалобы судамъ (органамъ порядка). Если бы соціализація общества произошла на первыхъ порахъ лишь отчасти, что̀ вполнѣ вѣроятно (кн. IV, гл. 4), то суды должны были бы по отношенію къ гражданамъ, живущимъ по частному праву, производить гражданскую юрисдикцію въ ея нынѣшнемъ значеніи.

Гораздо болѣе глубокія измѣненія должна испытать администрація при ея постепенномъ преобразованіи въ систему хозяйственныхъ органовъ. Она,—при нашемъ государственномъ строѣ служащая интересамъ власти,—гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ суды, должна была бы отрѣшиться отъ этой задачи и въ безпрерывно прогрессирующихъ размѣрахъ принимать технически-экономическій характеръ. Съ этимъ связано и то обстоятельство, что подготовка служащихъ въ хозяйственныхъ органахъ должна была бы быть уже не юридической, а преимущественно технической. Было бы правильнѣе всего, чтобы члены хозяйственныхъ органовъ въ высшихъ инстанціяхъ назначались, а въ низшихъ выбирались. Но въ переходный періодъ окажется необходимымъ неуклонное сосредоточеніе государственной власти, потому что при введеніи народнаго трудового государства рѣчь идетъ не о политическомъ экспериментѣ, который лишь въ незначительной степени касается жизни массъ, а о государственномъ пе-

реворотѣ соціальнаго характера, неудача котораго должна была бы поставить передъ націями вопросъ о существованіи.

Государства грековъ, римлянъ и германцевъ возникли всѣ безъ исключенія благодаря военнымъ успѣхамъ и имѣли своей задачей служить цѣлямъ узкихъ круговъ населенія. Здѣсь строго-іерархическій государственный порядокъ былъ данъ самъ собой, происхожденіемъ и цѣлью государства. При введеніи народнаго трудового государства въ первый разъ политическіе и экономическіе интересы массъ будутъ составлять истинную цѣль колоссальной реформы. Вслѣдствіе этого не исключается опасность, что при великой борьбѣ народовъ за политическую и экономическую свободу порядокъ на продолжительное время будетъ нарушенъ. А потому демократическіе предразсудки ни въ какомъ случаѣ не должны помѣшать обладателямъ власти въ новомъ государственномъ строѣ позаботиться о твердомъ правленіи при помощи цѣлесообразной организаціи государственныхъ органовъ. И если аналогіи съ первой французской революціей не обманываютъ, то для того, чтобы предохранить народное трудовое государство отъ демократически-филантропическихъ увлеченій, будетъ достаточно уже возникающихъ съ каждымъ значительнымъ переворотомъ враждебныхъ партій.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Община.

Идеаломъ всѣхъ соціалистическихъ школъ съ преобладающимъ интернаціональнымъ характеромъ (кн. I, гл. 6) является такое состояніе, при которомъ весь человѣческій родъ составлялъ бы одинъ политическій и хозяйственный организмъ, и война, такъ же какъ и экономическая конкуренція, между отдѣльными личностями и народами совершенно бы исчезла (міровой соціализмъ). Этотъ идеалъ не лишенъ и практическаго значенія, поскольку онъ указываетъ намъ конечную цѣль и тѣмъ самымъ общее направленіе нашихъ стремленій. Но было бы совершенной несообразностью разсматривать это состояніе или даже только серьезное приближеніе къ нему какъ такую цѣль соціальныхъ стремленій, къ которой слѣдуетъ непосредственно стремиться. Вѣдь до сихъ поръ не удалось организовать сколько-нибудь сноснымъ образомъ политическія отношенія даже между христіанскими народами Европы. Откладывать же введеніе народнаго трудового государства до тѣхъ поръ, пока все человѣчество созрѣетъ для великой реформы, значитъ отодвигать осуществленіе соціальныхъ идей въ безконечную даль.

Гораздо болѣе практичнымъ и трезвымъ является стремленіе сдѣлать носителями собственности и хозяйственной дѣятельности уже не все человѣчество, а отдѣльныя государства, образовавшіяся въ процессѣ историческаго развитія (государственный соціализмъ) [1]. Эта централизація

[1]) Morelly, Code de la nature (1755), стр. 190 art. 1, стр. 196 art. 1 и слѣд.;—Заговоръ равныхъ Бабефа, сравн. Buonarroti, Conspiration

всѣхъ хозяйственныхъ силъ въ рукахъ государства сама по себѣ, конечно, возможна, подобно тому, какъ и постепенное сосредоточеніе всей политической власти въ одномъ центральномъ пунктѣ фактически современнымъ культурнымъ государствамъ уже удалось. Но такъ какъ въ настоящее время субъектомъ собственности и хозяйства является преимущественно отдѣльная личность, то было бы невозможно немедленно перенести эти функціи безъ замѣшательствъ, угрожающихъ существованію народовъ, на колоссальныя государственныя организаціи нашего времени. Напротивъ, концентрація хозяйственной дѣятельности должна итти тѣмъ же осторожнымъ шагомъ, какимъ шла концентрація политической власти, которая охватывала сначала семью и родъ, затѣмъ общину и, наконецъ, все болѣе широкіе круги, пока въ концѣ концовъ не удалось образованіе міровыхъ государствъ древности, средневѣковья и новаго времени.

Поэтому народное трудовое государство должно на первыхъ порахъ удовольствоваться тѣмъ, чтобы преобразовать общину [1]) въ обычную носительницу собственности и хозяйства (общинный соціализмъ) [2]). Въ видѣ исключенія, тѣ отрасли хозяйственной дѣятельности, которыя по необходимости простираются на болѣе широкія области, такъ же какъ и необходимые для нихъ имущественные

pour l'égalité, т. 2 (1828), стр. 305 art. 1, стр. 13 art. 1;—Сенъ-симонизмъ: Exposition de la doctrine Saint-Simonienne (1828—1830), Oeuvres т. 41 (1877) стр. 271;—Dezamy, Code de la communauté (1842), стр. 31;—Rodbertus, Das Kapital (1884), стр. 114, 115, 212;—Kautsky, Das Erfurter Programm in seinem grundsätzlichen Teil (1892), стр. 121 и слѣд.

[1]) Еще ближе, чѣмъ общинный соціализмъ, къ современному индивидуальному хозяйству стоитъ групповой соціализмъ. Объ этомъ послѣднемъ см. ниже, стр. 248—251, и выше, стр. 147, прим. 1 и 2.

[2]) Meslier, Le Testament, т. 2 (1864), стр. 210 и слѣд.;—Fourier, Le nouveau monde (1829), стр. 118 и слѣд., въ Oeuvres, т. 6 (1848), стр. 99 и слѣд.; — Renaud, Solidarité, 6 изд. (1877), стр. 56—109;—Owen, The revolution in the mind and practice of the human race (1849), стр. 42, 117;—Thompson, An inquiry into the principles of the distribution of wealth (1824), стр. 386 и слѣд.; Practical directions for the speedy and economical establishment of communities (1830), стр. 11 и слѣд.;—Bebel, Die Frau, (1883), 25 изд. (1895), стр. 349.

объекты, могли бы быть переданы въ вѣдѣніе округа, провинціи, государства,—подобно тому, какъ уже въ настоящее время мѣстные пути сообщенія находятся по большей части въ вѣдѣніи болѣе значительныхъ округовъ, лѣченіе и призрѣніе душевно-больныхъ—въ вѣдѣніи провинцій, почта, телеграфъ, желѣзныя дороги—въ вѣдѣніи всего государства. Наконецъ, тѣ вещи, объемъ или хозяйственное значеніе которыхъ переходитъ границы государства, напр. море, Суэзскій каналъ и т. д., должны быть переданы въ управленіе міровымъ хозяйственнымъ органамъ.

Тѣ соціалисты, которые хотятъ ввести соціализмъ путемъ свободнаго соглашенія, а не государственнаго принужденія (Фурье, Оуэнъ, Томпсонъ и др.), предлагаютъ образованіе общинъ небольшихъ размѣровъ, съ числомъ членовъ приблизительно въ 2.000 душъ. Отдѣльные соціалисты высказываются даже принципіально противъ большихъ городовъ, на которые они смотрятъ, какъ на очаги безнравственности [1]). Народное трудовое государство могло бы, однако, примкнуть лишь къ существующему распредѣленію населенія, которое въ наше время обнаруживаетъ несомнѣнную тенденцію къ образованію большихъ городовъ. Впрочемъ, опытъ послѣднихъ десятилѣтій показалъ, что безнравственность въ большихъ городахъ имѣетъ, правда, иной характеръ, но не бо́льшіе размѣры, чѣмъ въ деревнѣ, и что даже неблагопріятныя санитарныя условія въ центрахъ промышленной жизни больше чѣмъ уравновѣшиваются улучшенными гигіеническими учрежденіями. Небольшія общины, которыя намъ оставила феодальная система и которыя довольно часто не могутъ удовлетворить даже незначительнымъ политическимъ требованіямъ современнаго государства, должны были бы быть по мѣрѣ надобности соединены вмѣстѣ.

Общинный соціализмъ, являясь первой ступенью, которой нужно достигнуть, представилъ бы очень значитель-

[1]) Buonarroti, Conspiration pour l'égalité, т. 1 (1828), стр. 221 — 223. Подобнымъ образомъ высказывались и многіе позднѣйшіе соціалисты.

ныя выгоды. Главный недостатокъ нашего современнаго экономическаго строя состоитъ, безъ сомнѣнія, въ томъ, что рабочій, получая только опредѣленное вознагражденіе, почти никогда не имѣетъ своей доли въ дѣйствительномъ продуктѣ своего труда. Общинный же соціализмъ есть такая хозяйственная форма, которая лучше, чѣмъ государственный или міровой соціализмъ, дѣлаетъ ясной связь между трудомъ и вознагражденіемъ даже для неопытнаго глаза рабочаго. Кромѣ того, общинный соціализмъ даетъ возможность, по крайней мѣрѣ въ переходную эпоху, устанавливать въ случаѣ надобности жизненный уровень рабочихъ въ различныхъ областяхъ государства не одинаково, смотря по существующимъ условіямъ. Это имѣетъ большое значеніе въ особенности по отношенію къ городскимъ рабочимъ, наиболѣе активной части рабочаго класса (ср. кн. I, гл. 11), потому что ихъ жизненный уровень, если бы его опредѣлять средне-ариѳметическимъ числомъ для всего государства, во многихъ случаяхъ, несмотря на уничтоженіе нетрудового дохода, не повысился бы, а въ видѣ исключенія, можетъ быть, даже долженъ былъ бы понизиться.

Если общину сдѣлать обычной носительницей собственности и хозяйства, то сама собой напрашивается идея о передачѣ ей также суверенитета и законодательной власти. Однако, такую мѣру я считаю совершенно нецѣлесообразной, потому что она означала бы возвращеніе къ средневѣковой раздробленности государства. Единство законодательства для обширныхъ территорій, которыя, впрочемъ, не должны непремѣнно совпадать съ нашими чрезчуръ большими національными государствами, есть одна изъ лучшихъ частей того наслѣдства, которое современное индивидуалистическое государство оставитъ будущему общественному строю. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ рядомъ съ государственнымъ существуетъ и провинціальное законодательство, послѣднее, при господствѣ народнаго трудового государства, должно быть сохранено и расширено.

Парижская коммуна 1871 г., конечно, была неправа,

когда она въ декларацiи къ французскому народу отъ 19-го апрѣля 1871 г. требовала для себя и другихъ французскихъ общинъ рядомъ съ хозяйственными функцiями также абсолютной автономiи и права законодательства въ области финансовъ, народнаго просвѣщенiя, юстицiи и даже отчасти военнаго дѣла [1]). Правда, это было вызвано необходимостью, потому что вожди коммуны очень хорошо знали, что французскiй народъ и избранное имъ нацiональное собранiе никогда не согласится на проведенiе соцiалистическихъ реформъ на всей территорiи государства. Если они въ виду такихъ обстоятельствъ не отступили даже передъ полнымъ раздробленiемъ Францiи, то отсюда слѣдуетъ только, что коммунистическое движенiе, если принять во вниманiе существовавшее соотношенiе силъ, было слишкомъ преждевременнымъ.

Общины народнаго трудового государства, которымъ были бы ввѣрены хозяйственныя задачи, стояли бы другъ противъ друга, какъ до извѣстной степени самостоятельныя индивидуальности. Тѣмъ не менѣе было бы совершенно неправильно отождествлять ихъ взаимное отношенiе съ взаимнымъ отношенiемъ отдѣльныхъ личностей, принимающихъ участiе въ экономической жизни при нашемъ современномъ общественномъ строѣ. Правда, поскольку матерiальныя блага и услуги производятся и потребляются въ одной и той же общинѣ, она, естественно, самостоятельна и независима. Но всякiй обмѣнъ товаровъ и услугъ между двумя самостоятельными общинами долженъ былъ бы находиться подъ наблюденiемъ или руководствомъ стоящихъ надъ ними хозяйственныхъ органовъ. Смотря по району обращенiя объектовъ обмѣна, высшiе или низшiе хозяйственные органы служили бы въ качествѣ руководящихъ органовъ, контрольныхъ палатъ и статистическихъ бюро.

Перенесенiе правъ собственности и хозяйственной дѣя-

[1]) Сравн. Déclaration au peuple français de la Commune de Paris отъ 19-го апрѣля 1871 г. въ «Journal officiel de la république française» отъ 20-го апрѣля 1871 г., стр. 271.

тельности съ отдѣльной личности на общину имѣло бы необходимымъ слѣдствіемъ то обстоятельство, что принадлежность къ той или другой общинѣ и къ тому или другому государству въ народномъ трудовомъ государствѣ имѣла бы несравненно большее значеніе, чѣмъ при нашемъ современномъ государственномъ строѣ. Главное содержаніе правъ гражданина въ настоящее время составляютъ такъ называемыя политическія права, т. е. гражданинъ, въ противоположность иностранцу, имѣетъ при извѣстныхъ предпосылкахъ (напримѣръ, при обладаніи цензомъ) право участвовать въ руководствѣ государственными дѣлами или непосредственно, или черезъ представителей. Принадлежность къ общинѣ (право по мѣсту родины) во многихъ странахъ даетъ, рядомъ съ указанными политическими правами, также и право на призрѣніе, тогда какъ другія государства связываютъ послѣднее право съ простымъ пребываніемъ въ опредѣленномъ мѣстѣ (вспомоществованіе по мѣсту жительства—Unterstützungswohnsitz). Поэтому въ наше время самыя важныя жизненныя цѣли отдѣльныхъ лицъ только въ незначительной степени затрогиваются ихъ принадлежностью къ государству и общинѣ. Кто не желаетъ вмѣшиваться въ политическую жизнь и не нуждается въ вспомоществованіи, тотъ можетъ жить въ теченіе всей жизни на чужбинѣ, нисколько вообще не сознавая отсутствія указанныхъ выше правъ.

Напротивъ, въ народномъ трудовомъ государствѣ принадлежность къ общинѣ будетъ составлять для всѣхъ гражданъ основу ихъ экономическаго существованія. Ибо на соціалистическомъ правѣ по мѣсту родины для обладающаго этимъ правомъ будетъ основываться по отношенію къ его общинѣ право на существованіе и обязанность работать (кн. II, гл. 7). Для лицъ, работающихъ непосредственно для округовъ, провинцій или для государства, право на существованіе должно было бы быть предоставлено по отношенію къ этимъ союзамъ. Чтобы предотвратить чрезмѣрныя различія въ хозяйственномъ положеніи

отдѣльныхъ общинъ, высшіе хозяйственные органы должны были бы имѣть право предоставлять отдѣльнымъ лицамъ временное или постоянное право согражданства въ экономически лучше поставленной общинѣ даже безъ ея согласія.

Принадлежность къ общинѣ въ народномъ трудовомъ государствѣ можетъ быть только съ большими ограниченіями основана на нашемъ современномъ политическомъ правѣ по мѣсту родины, потому что вслѣдствіе передвиженій, совершающихся въ большихъ размѣрахъ внутри государства, значительныя народныя массы живутъ и дѣйствуютъ не въ своихъ родныхъ общинахъ, а въ другихъ. Поэтому при первомъ опредѣленіи соціалистическаго права по мѣсту родины должно было бы быть принято во вниманіе преимущественно фактическое мѣсто пребыванія отдѣльныхъ лицъ и ихъ семействъ, подобно тому какъ это случилось первоначально по отношенію къ политической принадлежности къ государству и къ общинѣ. Однажды установленное соціалистическое право по мѣсту родины переносилось бы при извѣстныхъ обстоятельствахъ, такъ же какъ въ настоящее время политическое право, и на другихъ лицъ. Такъ, жена и рожденныя въ бракѣ дѣти должны были бы принадлежать къ общинѣ отца, внѣбрачныя дѣти—къ общинѣ ихъ матери. Лица, правъ по мѣсту родины которыхъ нельзя опредѣлить, должны были бы снабжаться работой и средствами существованія болѣе значительными союзами (округомъ, провинціей, государствомъ).

Свобода передвиженія нашего нынѣшняго правопорядка въ народномъ трудовомъ государствѣ должна также испытать значительныя ограниченія. При нашемъ современномъ общественномъ строѣ, при которомъ рабочіе всецѣло зависятъ отъ собственниковъ средствъ производства, можетъ быть важнѣйшимъ ихъ экономическимъ правомъ является возможность въ случаѣ нужды искать другого работодателя: свобода передвиженія и составляетъ часть этого права. Напротивъ, при господствѣ общиннаго соціализма каждый членъ общины будетъ, какъ носитель права на

существованіе, совершенно равноправнымъ съ остальными членами общины и будетъ даже наравнѣ съ другими оказывать вліяніе на хозяйственную дѣятельность общинныхъ органовъ. Вслѣдствіе этого здѣсь переходъ въ другую общину былъ бы допустимымъ вообще только въ томъ случаѣ, если бы община, изъ которой желаетъ выйти ея членъ, освободила его отъ обязательнаго труда, а община, въ которую онъ желаетъ поступить, предоставила бы ему право на существованіе. Но если даже не всѣ члены общинъ согласны, высшіе хозяйственные органы должны были бы имѣть право удовлетворять ходатайство о переходѣ въ другую общину.

Если мы взвѣсимъ состояніе соціальныхъ теорій, а еще болѣе движущіе факторы нашего современнаго общества, то придемъ къ убѣжденію, что общинный соціализмъ будетъ непосредственнымъ наслѣдникомъ существующаго государственнаго и хозяйственнаго строя. Но было бы совершенно неосновательно усматривать въ этой государственной и хозяйственной формѣ конечную цѣль соціальныхъ стремленій. Напротивъ, если нашъ современный хозяйственный строй совершенно справедливо сравнивали въ государственной области съ анархіей, то общинный соціализмъ, съ его раздробленіемъ хозяйственныхъ силъ, съ неравенствомъ жизненныхъ условій и съ федералистической организаціей всей хозяйственной жизни, можно разсматривать какъ родъ экономическаго средневѣковья. Поэтому на общинный соціализмъ слѣдуетъ смотрѣть только какъ на болѣе высокую ступень соціальнаго сознанія человѣчества, съ которой духовный взоръ можетъ устремиться въ безконечную даль. И въ самой темной дали этого кругозора, въ далекомъ туманѣ будущаго, испытующему взору обрисовывается соціальное состояніе, при которомъ весь человѣческій родъ будетъ составлять союзъ равноправныхъ братьевъ безъ какихъ бы то ни было политическихъ или экономическихъ противорѣчій.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Рабочая группа.

Небольшія общины народнаго трудового государства, численность населенія которыхъ можно приблизительно опредѣлить въ среднемъ въ 2,000 душъ, будутъ обыкновенно въ состояніи руководить производствомъ и потребленіемъ безъ промежуточныхъ организацій. Но тамъ, гдѣ дѣло идетъ о среднихъ или крупныхъ общинахъ или, наконецъ, о колоссальныхъ современныхъ городахъ, отъ которыхъ во всякомъ случаѣ должно будетъ исходить новое общество, организація экономической жизни есть задача настолько обширная и сложная, что между отдѣльной личностью и общиной должны по необходимости возникнуть посредствующія организаціи.

Такъ, прежде всего окажется необходимымъ болѣе значительные города раздѣлить, для облегченія хозяйственной дѣятельности, на топографически ограниченные округа. По тѣмъ-же основаніямъ каждая большая община, въ которой хозяйственная жизнь не можетъ быть охвачена вслѣдствіе чрезвычайной сложности однимъ взглядомъ, должна соединять лицъ, принадлежащихъ къ одной профессіи, въ рабочія группы. Обѣ эти промежуточныя организаціи, общинные округа и рабочія группы, должны быть разсматриваемы только какъ административныя учрежденія: носительницей собственности и хозяйственной дѣятельности остается все-таки община. Вслѣдствіе этого члены группъ имѣютъ, правда, по отношенію къ общинѣ право на существованіе, но они не могутъ требовать, чтобы про-

дуктъ труда рабочей группы былъ раздѣленъ между ними по какому бы то ни было масштабу.

Рабочую группу можно было бы опредѣлить какъ цехъ народнаго трудового государства, не придавая этому слову того дурного побочнаго значенія, которое внесено въ него историческимъ развитіемъ средневѣковыхъ цеховъ, длившимся цѣлыя столѣтія и преисполнившимъ его эгоизмомъ и обособленностью. Въ соотвѣтствіи съ общимъ типомъ народнаго трудового государства, рабочая группа должна была бы имѣть вполнѣ публично-правовой характеръ. Рабочая группа создается и упраздняется по распоряженію общины; точно такъ же община дѣлаетъ постановленія и относительно назначенія въ группу членовъ и предоставленія ей средствъ производства. Этимъ учрежденіе это отличается отъ серіи фурьеристской системы, которая основывается на нѣкотораго рода тяготѣніи ея членовъ къ извѣстной отрасли труда, слѣдовательно—не на внѣшнемъ авторитетѣ [1]). Точно такъ же легко усмотрѣть противоположность между рабочей группой и рабочими ассоціаціями Луи Блана и Лассаля, такъ какъ послѣднія образуются путемъ свободнаго соединенія товарищей [2]).

Лица, стоящія во главѣ рабочей группы, должны назначаться и увольняться общиной. Они отвѣтственны за продуктивность группы; но они должны также имѣть власть руководить работами членовъ группы и налагать на нерадивыхъ или ослушныхъ товарищей дисциплинарныя взысканія, съ предоставленіемъ этимъ послѣднимъ права обжалованія органамъ порядка. Тѣ же правила,

[1]) Fourier, Le nouveau monde industriel et sociétaire ou les séries passionnées (1829), стр. 57 и слѣд. въ «Oeuvres», т. 6 (1848), стр. 47 и слѣд.;—Considerant, Destinée sociale, т. 2 (1838), стр. 26, 75 и слѣд. Подобный характеръ имѣетъ также рабочая группа анархистовъ. Сравн. выше, стр. 16 и 17.

[2]) Louis Blanc, Organisation du travail (1840) въ «Questions d'aujourd'hui et de demain», т. 4 (1882), стр. 89, 90;—Lassalle, Offenes Antwortschreiben (1863) въ Бернштейновскомъ изданіи «Reden und Schriften», т. 2 (1893), стр. 429, 443; Herr Bastiat-Schulze von Delitzsch (1864), тамъ же, т. 3 (1893), стр. 224.

естественно, были бы примѣнимы и въ томъ случаѣ, когда община руководитъ работами своихъ сочленовъ безъ посредничества рабочихъ группъ.

Только тогда, когда народное трудовое государство окончательно укрѣпится, уставъ рабочей группы могъ бы быть съ большою осторожностью преобразованъ въ демократическомъ духѣ. Но и до тѣхъ поръ серьезнаго злоупотребленія авторитарнымъ рабочимъ уставомъ едва ли слѣдовало бы опасаться, потому что община, отъ которой исходитъ авторитетъ, сама будетъ организована демократически.

Я очень хорошо знаю, что такой авторитарный рабочій уставъ съ трудомъ мирится съ демократическими тенденціями рабочаго класса [1]). Но государственная конституція и рабочій уставъ должны оцѣниваться по совершенно различному масштабу. Политическія условія только въ незначительной степени касаются внутренней жизни народовъ, и народы довольно часто переносили самыя рѣзкія перемѣны государственныхъ конституцій безъ существеннаго вреда для своихъ жизненныхъ интересовъ. Такимъ образомъ могло случиться, что во Франціи на протяженіи немногихъ лѣтъ абсолютная королевская власть смѣнилась демократическими конституціями великой революціи, а эти послѣднія—деспотизмомъ первой имперіи.

Напротивъ, всякое радикальное измѣненіе организаціи труда прямо поставитъ передъ народами вопросъ объ ихъ экономическомъ существованіи. И въ самомъ дѣлѣ, хотя рабство древности позже смѣнилось крѣпостной зависимостью, а въ послѣднія столѣтія — системой наемнаго труда, организація труда все-таки сохраняла всегда, даже при господствѣ чистой демократіи, свой строго авторитарный характеръ. Быстрый непосредственный переходъ къ демократическимъ формамъ труда, въ противоположность этой тысячелѣтней традиціи, оказался бы, конечно,

---

[1]) Сравн., напр., Bebel, Die Frau (1883), 25 изд. (1895), стр. 343.

роковымъ для экономической жизни народовъ. Даже демократически настроенныя коммунистическія общины, которыя въ теченіе девятнадцатаго вѣка въ большомъ количествѣ возникали въ Англіи и въ Америкѣ, очень часто терпѣли крушеніе вслѣдствіе недисциплинированности своихъ членовъ, хотя они въ большинствѣ случаевъ состояли изъ людей съ рѣдкой силой характера и готовыхъ на всякія жертвы. Только тамъ, гдѣ сильное религіозное убѣжденіе поддерживаетъ авторитетъ или замѣняетъ его, можно наблюдать продолжительный успѣхъ [1]).

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что рабочая группа соотвѣтствуетъ больше авторитарнымъ воззрѣніямъ сенъ-симонизма, чѣмъ предложеніямъ Луи Блана и Лассаля, которыхъ можно считать главными сторонниками группового соціализма. Послѣдній состоитъ въ существенныхъ чертахъ въ томъ, что не государство или община, а рабочая группа, рабочая ассоціація или соціальная мастерская (atelier social) является носительницей собственности и хозяйственной дѣятельности. Такъ какъ, однако, рабочіе при нашемъ современномъ общественномъ строѣ обыкновенно не располагаютъ никакими капиталами, то оба упомянутые теоретика соціализма предполагаютъ, что государство окажетъ ассоціаціямъ требуемый кредитъ для пріобрѣтенія средствъ производства.

Рабочая ассоціація не только основывается путемъ свободнаго соединенія, но и управляется тоже демократическимъ способомъ, согласно волѣ товарищей. Въ первый годъ послѣ основанія соціальной мастерской (atelier social) правительство, по мысли Луи Блана, должно распредѣлить между отдѣльными товарищами высшія и низшія должности, а позже рабочіе должны выбирать своихъ должностныхъ лицъ сами. Тѣмъ не менѣе государство, которое, какъ кредиторъ, весьма заинтересовано въ успѣхѣ ассоціаціи, должно контролировать ея управленіе въ томъ отно-

[1]) Noyes, History of American socialisms (1870), стр. 656.

шеніи, чтобы кредитованныя суммы или средства производства расходовались сообразно ихъ назначенію и чтобы уставъ товарищества былъ соблюдаемъ. Продуктъ работы ассоціаціи въ своей большей части дѣлится между ея членами [1]).

Для науки о государствѣ, которая вѣдь есть не что иное, какъ теорія соотношенія соціальныхъ силъ, можетъ быть, наиболѣе важнымъ вопросомъ является вопросъ, должны ли быть объединены рабочія группы одной и той же профессіи посредствомъ высшихъ организацій во всемъ государствѣ или по отдѣльнымъ районамъ. Я хотѣлъ бы отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно. По всему характеру народнаго трудового государства развитіе сильной государственной власти не будетъ принадлежать къ его достоинствамъ, и вслѣдствіе этого было бы нецѣлесообразно, если бы оно захотѣло соединить въ крупныя обособленныя организаціи представителей различныхъ экономическихъ интересовъ. Необходимая связь между рабочими группами одной и той же профессіи можетъ имѣть мѣсто при посредствѣ общинъ и высшихъ хозяйственныхъ органовъ, которые, какъ органы всей государственно-хозяйственной организаціи, будутъ менѣе склонны служить односторонним экономическимъ интересамъ.

Еще опаснѣе было бы соединеніе рабочихъ группъ посредствомъ высшихъ организацій въ крупныя корпораціи при господствѣ существующаго группового соціализма, когда жизненный уровень каждаго члена ассоціаціи зависитъ отъ ея экономическихъ успѣховъ. Это было бы не что иное, какъ организація сильнѣйшихъ обособленныхъ хозяйственныхъ интересовъ во враждебные военные лагери, все равно, поставятъ ли вмѣстѣ съ Луи Бланомъ во главѣ ассоціацій центральную соціальную мастерскую

[1]) Louis Blanc, Organisation du travail (1840), въ «Questions d'aujourd'hui et de demain», т. 4 (1862), стр. 152—154;—Lassalle, Offenes Antwortschreiben, т. 2, стр. 429, 435, 443; Arbeiterlesebuch, т. 2, стр. 556; Bastiat-Schulze von Delitzsch, т. 3, стр. 220 и слѣд. Бернштейновскаго изданія. Сравн. выше, стр. 246 и 247.

или вмѣстѣ съ Лассалемъ объединятъ ихъ при посредствѣ кредитнаго и страхового союза [1]). Не многіе теоретики указывали на пагубныя слѣдствія экономической конкуренціи съ такой рѣзкостью, какъ Луи Бланъ. Но если бы онъ дожилъ до введенія своего группового соціализма, онъ очень скоро пришелъ бы къ убѣжденію, что духъ эгоизма и исключительности, составляющій самую худшую отрицательную сторону конкуренціи, нашелъ бы себѣ главный пріютъ въ ассоціаціяхъ, объединенныхъ по его предложенію въ одну организацію.

[1]) Louis Blanc, Organisation du travail (1840), въ «Questions d'aujourd'hui et de demain», т. 4 (1882), стр. 98—100,—Lassalle, Offenes Antwortschreiben (1863) въ Бернштейновскомъ изданіи, т. 2 (1893), стр. 435; Herr Bastiat-Schulze (1864), тамъ же, т. 3 (1893), стр. 227.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Религія.

До начала періода просвѣщенія, т. е. приблизительно до начала XVIII вѣка, соціальный строй европейскихъ народовъ основывался на почти рабскомъ подчиненіи народныхъ массъ королевской власти, дворянству и духовенству, но во всемъ остальномъ онъ имѣлъ цѣльный гармоническій характеръ. Защита государства и правопорядка была ввѣрена въ средніе вѣка военной аристократіи, позже—профессіональнымъ арміямъ; и первая и вторая постоянно и сознательно противопоставляли себя находившимся въ подчиненіи народнымъ массамъ. Эти послѣднія жили въ глубокомъ невѣжествѣ; общенародныхъ учрежденій для ихъ просвѣщенія вообще не существовало. Правда, наука со времени Коперника начала вырабатывать рядомъ съ религіознымъ міровоззрѣніемъ и научное, основанное на опытѣ; но ученые писали свои книги полатыни и съ величайшей заботливостью остерегались дѣлать практическіе выводы изъ своихъ ученій. И въ связи съ этимъ стояло всеобщее распространеніе глубокихъ и сильныхъ религіозныхъ убѣжденій, которыя обѣщали бѣднымъ и слабымъ въ иномъ, загробномъ мірѣ справедливую награду за страданія ихъ горькаго земного существованія. Такимъ образомъ внутренняя и внѣшняя жизнь народныхъ массъ были въ полномъ согласіи. Это было, конечно, не радостное, но вполнѣ сносное существованіе, въ которомъ не было внутреннихъ противорѣчій.

Изъ этого искусственнаго механизма, который въ теченіе тысячелѣтій обезпечивалъ покорность низшихъ клас-

совъ народа, въ XVIII и XIX столѣтіяхъ вынималось одно колесо за другимъ. Во Франціи, во время великой революціи, въ моментъ героическаго подъема была введена всеобщая воинская повинность, чему позже послѣдовали многія государства съ совершенно различными цѣлями и конституціями, и этимъ путемъ мечъ въ защиту правопорядка былъ ввѣренъ тѣмъ, которые были отодвинуты этимъ правопорядкомъ на самый задній планъ. Всеобщее обязательное обученіе изъ Германіи распространилось на бо́льшую часть культурныхъ странъ и дало низшимъ классамъ народа не только значительныя знанія, но и—что́ имѣетъ еще больше значенія—возможность дальнѣйшаго самообразованія. Наука сбросила чуждую ей одежду и стала вслѣдствіе этого доступна широкимъ кругамъ; при посредствѣ постоянно возрастающей популярно-научной литературы и періодической прессы научное міровоззрѣніе, основанное на опытѣ, распространилось и среди народныхъ массъ. И—что́ можетъ быть важнѣе всего и должно насъ здѣсь заинтересовать больше всего—религіозное невѣріе, которое еще Вольтеръ и другіе борцы просвѣщенія считали привилегіей богатыхъ и знатныхъ, со стихійной силой проникло сверху въ болѣе широкіе круги народа и отвлекло ихъ вниманіе отъ утѣшеній, связанныхъ съ инымъ загробнымъ міромъ, къ страданіямъ и бѣдствіямъ ихъ земной жизни.

Это ослабленіе религіозныхъ чувствъ вызываетъ столь часто наблюдаемыя двоедушіе и неискренность государства, которыя, впрочемъ, коренятся больше въ силѣ вещей, чѣмъ въ людяхъ. Громадный ростъ населенія и его потребностей, требуетъ и безпрерывнаго развитія опытной науки и техники; всякій народъ, остающійся въ стремленіи къ этому развитію позади, неминуемо долженъ потерпѣть пораженіе и въ политической и въ экономической области. Съ другой стороны, государство не можетъ не сознавать, что рѣзкіе и немотивированные контрасты нашего общества никогда не могутъ быть вполнѣ оправданы свѣт-

скими аргументами, если религія не представитъ ихъ возникшими по волѣ Бога и не пообѣщаетъ обездоленнымъ справедливой награды въ будущей жизни. Такимъ образомъ религія и опытная наука одинаково необходимы для современнаго культурнаго государства, хотя онѣ въ своемъ послѣдовательномъ развитіи неизбѣжно исключаютъ другъ друга.

Изъ этого состоянія государство стремится найти выходъ въ томъ, что оно одинаково поддерживаетъ и религію и опытную науку, и назначаетъ представителями обѣихъ областей только такихъ лицъ, которыя не рѣшаются дѣлать послѣдніе выводы изъ своего міросозерцанія. Это отношеніе бываетъ особенно комично въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ это имѣетъ мѣсто въ очень многихъ государствахъ, высшее управленіе дѣлами, касающимися культа и народнаго просвѣщенія, находится въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ, такъ что извѣстное лицо есть въ одно и то же время въ нѣкоторомъ смыслѣ министръ и вѣры и невѣрія. У людей съ глубокимъ религіознымъ чувствомъ или съ твердыми научными убѣжденіями такое двойственное положеніе вполнѣ основательно вызывало съ давнихъ поръ рѣшительную оппозицію.

И въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ недостатка въ планахъ измѣненія отношеній между государствомъ и церковью; изъ этихъ плановъ я хочу здѣсь коснуться только тѣхъ, которые имѣютъ безусловно демократическій характеръ. Дальше всего идетъ въ этомъ направленіи анархизмъ, который устами своихъ наиболѣе выдающихся представителей предлагаетъ полное устраненіе религіи и культа [1]). Если у орла съ двумя головами (государство и церковь), символически изображающаго нашъ современный общественный

[1]) Proudhon, Idée générale de la révolution au XIX siècle (1851), стр. 287;—Bakunin, Féderalisme, socialisme, antithéologisme, въ «Oeuvres», 2 изд. (1895), стр. 64, 68;—подобнымъ образомъ высказывается и Godwin, Enquiry concerning political justice (1793), 3 изд., т. 2 (1798), стр 238, 239, который однако говоритъ только противъ государственной поддержки церкви.

строй, одна голова (государство) должна быть совершенно отрублена, то, естественно, и другая не можетъ удержаться на своемъ мѣстѣ. Но и между соціалистами существуютъ отдѣльные писатели, которые высказываются за насильственное устраненіе религіи [1]). Точно такъ же и противоположный взглядъ нашелъ въ соціалистической литературѣ нѣсколько сторонниковъ: онъ сводится къ убѣжденію, что религія послѣ введенія новаго соціальнаго строя исчезнетъ сама собой, безъ принужденія и насилія [2]). Но если даже признавать имѣющими значеніе только новѣйшіе примѣры, то уже исторія сѣверо-американскихъ коммунистическихъ общинъ показываетъ намъ, что религія вполнѣ совмѣстима съ самымъ послѣдовательнымъ соціализмомъ и что даже небольшія, мало затронутыя умственными теченіями коммуны на религіозной основѣ могутъ достигнуть прочнаго процвѣтанія.

Вторая группа политиковъ и соціалистовъ, съ Руссо во главѣ, желаетъ, правда, сохранить религіозную жизнь, но поставивъ на мѣсто религіи откровенія раціоналистическую религію, состоящую изъ немногихъ тезисовъ. По опредѣленію Руссо [3]), эти догматы—слѣдующіе: существованіе всемогущаго, мудраго, благодѣтельнаго, всевѣдущаго и всѣмъ правящаго Божества, будущая жизнь, награда праведнымъ, наказаніе злыхъ, святость общественнаго договора и законовъ. Кто не желаетъ признать эти тезисы, долженъ быть изгнанъ изъ страны; кто же открыто призналъ ихъ, но своими дѣйствіями обнаруживаетъ невѣріе, долженъ быть наказанъ смертью. Подобные взгляды, правда, безъ угрозъ безмѣрно строгими наказаніями, высказывали также Морелли, Робеспьеръ, Заговоръ равныхъ Бабефа, Сенъ-Симонъ и сенъ-симонисты, Оуэнъ, Кабэ и

[1]) Сравн., напр., Meslier, Le testament, т. 3 (1864), стр. 380, 381 и въ др. мѣст.;—Weitling, Garantien der Harmonie und Freiheit (1842), 3 изд. (1849), стр. 122.

[2]) Engels, Streitschrift gegen Dühring (1877), стр. 266;—Bebel, Die Frau (1883), 25 изд. (1895), стр. 398 и слѣд.

[3]) Rousseau, Du contrat social (1762) IV, 8, стр. 319 изданія 1762 г.

многіе другіе соціалисты [1]). Только Фурье былъ увлеченъ причудливымъ направленіемъ своего духа къ такимъ религіознымъ мнѣніямъ, которыя могутъ поспорить съ самыми запутанными догматами религій откровенія [2]).

Эти и подобные планы трудно считать осуществимыми. Ибо искорененіе старой вѣры и введеніе раціональной религіи едва ли мыслимо безъ значительныхъ и широко примѣненныхъ насильственныхъ дѣйствій; между тѣмъ новая религія, несмотря на незначительное количество своихъ догматовъ, такъ же должна была бы съ момента ея введенія бороться съ научнымъ міровоззрѣніемъ, основаннымъ на опытѣ, какъ и традиціонная религія откровенія. Съ другой же стороны, она совершенно не могла бы оказывать того утѣшающаго дѣйствія, какое несомнѣнно оказываютъ въ бѣдствіяхъ жизни на своихъ послѣдователей религіи откровенія. Ибо это утѣшающее дѣйствіе покоится повсюду на предположеніи, основанномъ на стеченіи историческихъ случайностей, что основатель религіи и его сотрудники были призваны и уполномочены къ основанію религіи непосредственно самимъ Божествомъ. Религія же, которая была бы принята парламентскимъ большинствомъ и затѣмъ введена при помощи судебной власти и полиціи, никогда не можетъ возбудить вѣры въ свое сверхъестественное происхожденіе.

---

[1]) Morelly, Code de la nature (1755), стр. 184—188;—Robespierre, Рѣчь въ конвентѣ 7-го мая 1794 г. въ «Oeuvres compl.». Laponneraye, т. 3 (1840), стр. 607—642, и декретъ конвента отъ того же числа о бытіи Бога и безсмертіи души въ «Moniteur universel» отъ 8-го мая 1794;—Buonarroti, La conspiration pour l'égalité, т. 1 (1828), стр. 254, 255;—St. Simon, Lettres d'un habitant de Genève à ses contemporains (1803), въ «Oeuvres». т. 1 (1868), стр. 48—57; Le nouveau christianisme (1825), въ «Oeuvres», т. 7 (1869), стр. 113, 117, 163, 164, 173, 177;—Сенъ-симонизмъ: Exposition de la doctrine Saint-Simonienne (1828—1830) въ «Oeuvres», т. 42 (1877), стр. 293, 294;—Owen, The revolution in the mind and practice of the human race (1849), стр. 90—100 и въ безчисленныхъ сочиненіяхъ и рѣчахъ, трактующихъ о «System of rational religion»;—Cabet, Voyage en Icarie (1840), 5 изд. (1848), стр. 171;—Pecqueur, La république de Dieu (1844), стр. 1—159.

[2]) Fourier, Traité de l'association domestique-agricole, т. 1 (1822), стр. 231 и слѣд. въ «Oeuvres», т. 3 (1841), стр. 404 и слѣд.; Le nouveau monde (1829), стр. 537 и слѣд. въ «Oeuvres», т. 6-й (1848), стр. 454 и слѣд.;—Renaud, Solidarité (1842), 6 изд. (1877), стр. 165 и слѣд.

Изъ сказаннаго легко понять, почему сенъ-симонисты не могли подарить міру новую религію, хотя они достаточно старались сдѣлать изъ своей секты нѣсколько искаженную копію католической церкви. Такая жизнь, какъ жизнь Сенъ-Симона, къ тому же протекавшая въ странѣ и въ эпоху острой критики и самой широкой гласности, отнюдь не давала почвы для успѣшнаго основанія религіи. И религіозное ученіе сенъ-симонизма (стр. 256, прим. 1), сводящееся къ сбивчивому, сливающему въ одно цѣлое духъ и матерію теизму, конечно, никогда не могло при своемъ убожествѣ и трезвости быть достаточнымъ для одушевленія и поддержки благочестивыхъ душъ.

Правда, религія въ народномъ трудовомъ государствѣ вообще должна была бы играть несравненно менѣе значительную роль, чѣмъ при нашемъ современномъ общественномъ строѣ. Справедливо, что болѣзнь, смерть, нравственная распущенность, словомъ, физическое и моральное зло всегда будутъ существовать и вызывать въ благочестивыхъ душахъ религіозную потребность. Но соціальныя неравенства, для смягченія которыхъ современное государство пользуется преимущественно религіей, будутъ при новой государственной формѣ въ значительной мѣрѣ ограничены. Если различіе въ жизненномъ уровнѣ самыхъ высшихъ и самыхъ низшихъ сравнительно незначительно и всѣ могутъ питать надежду, благодаря таланту и труду, достигнуть высшаго положенія, то государство можетъ обойтись безъ громоздкаго и часто столь опаснаго для него аппарата, какой создала въ особенности христіанская религія различныхъ исповѣданій.

Это болѣе свободное положеніе по отношенію къ религіозной проблемѣ дѣлаетъ возможнымъ для народнаго трудового государства положить въ основу всѣхъ своихъ жизненныхъ проявленій научное міровоззрѣніе, основанное на опытѣ. До сихъ поръ государство и общество должны были становиться на ту точку зрѣнія, что научные методы изслѣдованія и ихъ результаты во всей своей широтѣ при-

годны только для высшихъ круговъ населенія, и что для «народа» или для «простого человѣка» должна быть сохранена религія. Только высшее образованіе имѣетъ дѣйствительно научный характеръ, между тѣмъ какъ народное образованіе, наоборотъ, носитъ преимущественно религіозный характеръ. Школы народнаго трудового государства, напротивъ, на высшихъ и низшихъ ступеняхъ будутъ давать только научное познаніе, тогда какъ религіозное обученіе должно будетъ быть предоставлено религіознымъ обществамъ.

Этимъ будетъ устранено въ области духовной жизни столь неравное отношеніе къ богатымъ и бѣднымъ, отношеніе, которое еще съ большимъ основаніемъ оскорбляетъ народныя массы, чѣмъ экономическая противоположность, и которое при возрастающемъ просвѣщеніи широкихъ круговъ населенія не можетъ сохраниться. Ибо послѣдніе очень хорошо знаютъ, что многія матеріальныя наслажденія не могутъ быть раздѣлены совершенно поровну между всѣми согражданами, но въ то же время они вполнѣ основательно думаютъ, что истина и наука могутъ быть, подобно солнечному свѣту, общимъ достояніемъ.

При переходѣ народнаго трудового государства къ научному міровоззрѣнію, основанному на опытѣ, оно должно остерегаться прямо или косвенно примѣнять насиліе по отношенію къ изслѣдователямъ религій откровенія, даже если оно будетъ имѣть полную возможность это сдѣлать. Правда, христіанство, послѣ того какъ оно при Константинѣ I (311 г. послѣ Р. Х.) одержало побѣду въ Римской имперіи, примѣняло для своего укрѣпленія и распространенія насильственныя мѣры, и это было постояннымъ занятіемъ церкви въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, пока государство постепенно, приблизительно съ XVIII вѣка, не вырвало у нея изъ рукъ по крайней мѣрѣ наиболѣе ненавистныхъ орудій принужденія; но народное трудовое государство, которое не желаетъ навязывать своимъ гражданамъ никакой новой догматики, не должно слѣдо-

вать этому примѣру. Его представители никогда не должны забывать, что хотя для приверженцевъ экспериментально-научнаго міровоззрѣнія системы догматовъ религій откровенія имѣютъ мало цѣны, но для ихъ вѣрующихъ послѣдователей на этихъ ученіяхъ лежитъ печать вѣчности. Религіи, основанныя на откровеніи, и безъ того, если у нихъ будетъ дѣйствительно отнята нынѣшняя односторонняя государственная поддержка, постепенно отойдутъ передъ экспериментально-научнымъ міровоззрѣніемъ на задній планъ.

Это отношеніе государства никоимъ образомъ не равносильно столь часто повторяющейся въ соціалистическихъ сочиненіяхъ и программахъ формулѣ, что при соціалистическомъ общественномъ строѣ религія должна быть частнымъ дѣломъ заинтересованныхъ лицъ [1]). Такъ какъ частная собственность въ народномъ трудовомъ государствѣ имѣетъ только очень незначительные размѣры, то простымъ отказомъ въ матеріальныхъ средствахъ оно могло бы сдѣлать невозможной дѣятельность религіозныхъ обществъ. Но такое механическое средство принужденія въ дѣлахъ, касающихся совѣсти, не можетъ быть примѣнено новымъ строемъ; скорѣе удовлетвореніе религіозныхъ потребностей, которое является необходимымъ для вѣрующихъ послѣдователей религій откровенія, должно быть разсматриваемо, какъ часть права на существованіе (кн. II, гл. 7). Народное трудовое государство должно, слѣдовательно, предоставить религіознымъ обществамъ матеріальныя блага и услуги, необходимыя для ихъ культа, но оно зато имѣетъ право организовать ихъ и имѣть на нихъ вліяніе.

Напротивъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что

[1]) Сравн., напр., Das Programm des Erfurter Parteitages der sozial-demokratischen Partei Deutschlands (14—20-го окт. 1891), Abs 6. Признаніе религіи частнымъ дѣломъ принадлежитъ все-таки къ тѣмъ программнымъ пунктамъ, къ осуществленію которыхъ должно стремиться въ б л и ж а й ш е м ъ б у д у щ е м ъ, т. е. уже при господствѣ нынѣшняго правопорядка. Подобные взгляды высказывалъ уже Годвинъ (стр. 254, прим. 1).

народное трудовое государство будетъ подготовлять торжество научнаго міровоззрѣнія, основаннаго на опытѣ, при помощи духовныхъ средствъ, находящихся въ его распоряженіи въ большомъ изобиліи. Наше современное государство даетъ юношеству широкихъ народныхъ массъ преимущественно религіозное воспитаніе и затѣмъ совершенно предоставляетъ ихъ вліянію церкви, такъ какъ оно вспоминаетъ о нихъ въ теченіе ихъ дальнѣйшей жизни почти исключительно лишь при требованіи съ нихъ денежныхъ налоговъ и налога крови. Напротивъ, народное трудовое государство, соотвѣтственно всей своей организаціи, будетъ сопровождать отдѣльную личность въ теченіе всей ея жизни со своими научными, эстетическими и моральными воспитательными мѣропріятіями. Уже при господствѣ отдѣльнаго домашняго хозяйства, а еще больше послѣ наступленія общежительнаго періода (кн. II, гл. 7) народное трудовое государство будетъ удовлетворять духовныя потребности массъ при помощи научныхъ докладовъ, истинно-художественныхъ изображеній и этическихъ обсужденій на опытной основѣ, — потребности, которыя въ настоящее время, вслѣдствіе пассивности государства, довольно часто прикрываются невѣрнымъ именемъ религіозныхъ стремленій.

Если народному трудовому государству удастся безъ примѣненія насилія осуществить преобладаніе въ государствѣ и жизни экспериментально-научнаго міровоззрѣнія, то этимъ была бы рѣшена одна изъ величайшихъ, можетъ быть, даже величайшая изъ всѣхъ, историческихъ проблемъ. Въ греко-римскомъ мірѣ противоположность между церковью и государствомъ, между религіей и гражданской жизнью была относительно еще мало замѣтна. Но со времени возникновенія христіанства въ сознаніе христіанскихъ націй внѣдрился глубокій разладъ, который въ средніе вѣка былъ центральнымъ пунктомъ историческаго развитія и еще и теперь лежитъ довольно большой тяжестью на судьбахъ народовъ. Отъ сколькихъ культурныхъ стремленій

должно отказываться даже современное государство и какъ часто должно оно уклоняться въ сторону отъ прямого пути культурнаго развитія, чтобы только не возбудить неудовольствія могущественныхъ религіозныхъ обществъ! Только благодаря побѣдѣ экспериментально-научнаго міровоззрѣнія лицо Януса, которое представляетъ изъ себя современное человѣческое сознаніе, снова приметъ естественныя черты цѣльнаго человѣческаго образа. И такъ какъ чисто научный опытный способъ мышленія не выставляетъ никакой новой системы догматовъ, а только выражаетъ естественное направленіе человѣческаго воспріятія и мышленія, то этотъ шагъ впередъ можно разсматривать какъ окончательный.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Образованіе и наука.

Для того чтобы народная жизнь была здоровой, а также для прочности государства, необходимы великіе народные идеалы, такъ какъ свойственное людямъ недовольство очень часто разрушало бы существующія учрежденія, если бы это чувство не было отклонено къ будущему, благодаря идеаламъ, достойнымъ того, чтобы къ нимъ стремились, и не было бы такимъ путемъ превращено въ полезный факторъ поступательнаго развитія. Въ этомъ отношеніи въ народномъ трудовомъ государствѣ неизбѣжно наступитъ большая перемѣна. Стремленіе къ величію и силѣ отечества, — стремленіе, центральнымъ пунктомъ котораго является военная слава,—при новомъ общественномъ строѣ соотвѣтственно всей его организаціи будетъ сильно отодвинуто назадъ. Такъ же точно и религіозные идеалы уже теперь все больше замѣняются у насъ прогрессомъ опытныхъ наукъ. Эти исчезающіе идеалы, которые въ настоящее время главнымъ образомъ возвышаютъ народы надъ узкими рамками эгоизма, въ будущемъ должны быть замѣнены другими, болѣе демократическими цѣлями.

Здѣсь прежде всего слѣдуетъ упомянуть о томъ, что матеріалистическое пониманіе исторіи (кн. IV, гл. 1), въ которомъ многіе видятъ центральный пунктъ марксизма, можетъ стать для развитія народнаго трудового государства роковымъ. Правда, матеріалистическое пониманіе исторіи имѣетъ въ виду не будущее, а прошедшее, когда оно утверждаетъ, что развитіе народовъ и созданныя ими политическія и религіозныя учрежденія зависятъ отъ суще-

ствующихъ въ извѣстное время экономическихъ и техническихъ условій. Но несомнѣнно существуетъ опасность, что народы, разъ они смотрятъ на всю свою прошлую дѣятельность исключительно какъ на слѣдствіе экономическихъ факторовъ, будутъ ставить себѣ и для будущаго времени однѣ лишь хозяйственныя цѣли, и что такимъ образомъ соціальное движеніе, несмотря на громадную трату духовныхъ и физическихъ силъ, закончится образованіемъ жалкаго государства, имѣющаго цѣлью лишь откармливаніе. Подобную перемѣну, хотя въ другомъ направленіи, испытала и христіанская церковь послѣ своей побѣды надъ язычествомъ въ началѣ IV вѣка (кн. I, гл. 7).

Идеаломъ народнаго трудового государства можетъ быть только достиженіе совершенства въ мышленіи, дѣйствіяхъ и чувствованіяхъ широкихъ народныхъ массъ, т. е. ихъ умственное, нравственное и эстетическое воспитаніе. Здѣсь я хочу разсмотрѣть только положеніе образованія и науки при новомъ строѣ, ибо отношеніе государства къ нравственности было уже принято во вниманіе выше (кн. I, гл. 9). Что же касается искусства, то оно, правда, украшаетъ нашу жизнь, но на соотношеніе соціальныхъ силъ не имѣетъ значительнаго вліянія.

Тѣмъ важнѣе воздѣйствіе на все состояніе общества образованія и науки. Дѣйствительно, граждане распредѣляются въ настоящее время на высшіе и низшіе классы общества по двумъ моментамъ: эти два момента—образованіе и собственность. Но въ то время какъ цѣлесообразное регулированіе отношеній собственности какъ разъ составляетъ главную проблему соціализма, справедливымъ распредѣленіемъ въ народномъ трудовомъ государствѣ образованія и знанія соціалистическая литература занималась мало. А между тѣмъ милліонеры образованія едва ли менѣе опасны для демократической общины, чѣмъ чрезмѣрное матеріальное богатство [1]).

[1]) Сравн. M e n g e r, Einheit der Volksbildung, въ берлинской «Zukunft» отъ 1-го апрѣля 1899 г.

Проблема эта могла бы быть всего проще разрѣшена такимъ образомъ, чтобы всѣ граждане въ юности получали отъ государства одинаковое воспитаніе и образованіе. Такое предложеніе дѣлали многіе старые соціалисты, которые, подъ вліяніемъ періода просвѣщенія, связывали съ проповѣдью соціализма проповѣдь низкаго уровня потребностей и простого образа жизни, казавшихся въ XVIII столѣтіи, до развитія крупной промышленности и современныхъ путей сообщенія, осуществимыми [1]). Но густое и требовательное населеніе нашихъ современныхъ культурныхъ государствъ, при его широко развитыхъ потребностяхъ, не могло бы въ теченіе продолжительнаго времени существовать безъ ученыхъ, техниковъ, врачей, юристовъ и другихъ спеціалистовъ. О равномъ же распредѣленіи спеціальныхъ знаній, уже теперь чрезвычайно обширныхъ и сложныхъ и безпрерывно продолжающихъ непомѣрно возрастать, конечно, нечего и думать даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ [2]). Такимъ образомъ и въ народномъ трудовомъ государствѣ будутъ продолжать существовать очень большія различія въ спеціальномъ образованіи, какъ опасный элементъ неравенства и притязаній на господство со стороны отдѣльныхъ лицъ и группъ.

Напротивъ, по отношенію къ общему образованію народное трудовое государство можетъ во всякомъ случаѣ стремиться, конечно, не къ полному равенству, но подобно тому какъ въ экономической области (кн. I, гл. 7),—къ возможно большему приближенію къ такому равенству

---

[1]) Morelly, Code de la nature (1755), стр. 220: Loix d'éducation, Art. 4, 7, 12;—Mably, De la législation, т. 1 (1776), стр. 64, 65;—Buonarroti, Conspiration pour l'égalité, т. 1 (1828), стр. 280, 281. Сравн. также выше, стр. 80.

[2]) Даже сенъ-симонисты различаютъ рядомъ съ предназначеннымъ для всѣхъ первоначальнымъ образованіемъ, которое, какъ и наша современная народная школа, должно было бы имѣть преимущественно гуманитарный характеръ, еще болѣе высокое среднее образованіе для наиболѣе способныхъ, которые затѣмъ переходили бы уже въ особыя, спеціальныя школы (écoles d'application)—медицинскія, техническія и др. Сравн. Exposition de la doctrine Saint-Simonienne, Oeuvres, т. 41 (1847), стр. 395—397.

всѣхъ членовъ государства. Объемъ и содержаніе общаго образованія, смотря по времени и мѣсту, очень различны; въ особенности значительно увеличился его объемъ у всѣхъ культурныхъ націй съ конца среднихъ вѣковъ. Въ настоящее время къ области общаго образованія принадлежатъ приблизительно: элементарныя знанія (чтеніе, письмо, счетъ), бѣглость въ употребленіи родного и иностранныхъ языковъ, наконецъ, основныя свѣдѣнія въ области исторіи, естественныхъ наукъ и правовой и государственной жизни. Въ рамкахъ этого ограниченнаго круга предметовъ общаго образованія возможно при посредствѣ цѣлесообразнаго преобразованія дѣла народнаго просвѣщенія въ очень сильной степени сгладить существующія различія въ образованіи, такъ что будетъ подготовлено такое состояніе, при которомъ всѣ члены государства могутъ, по крайней мѣрѣ приблизительно, быть на одномъ уровнѣ умственнаго развитія. Эту цѣль слѣдуетъ, конечно, разсматривать, какъ прекрасный идеалъ, но въ то же время и какъ самую прочную гарантію истинно демократическаго характера государства.

Приближеніе къ духовному равенству всѣхъ гражданъ, которые въ современныхъ культурныхъ государствахъ рѣзко разграничены на образованныхъ и необразованныхъ, можетъ послѣдовать двоякимъ образомъ. Прежде всего такимъ путемъ, что предметъ общаго образованія будетъ упрощенъ при помощи устраненія всѣхъ безполезныхъ или даже вредныхъ элементовъ, входящихъ въ него теперь. А во-вторыхъ, при посредствѣ улучшенія и расширенія учрежденій для преподаванія упрощенныхъ такимъ образомъ предметовъ общаго образованія.

Значительное упрощеніе предметовъ общаго образованія можетъ быть произведено, прежде всего, благодаря тому, что изъ народнаго образованія будетъ изъято наставленіе въ религіи, и народное образованіе будетъ построено цѣликомъ на фундаментѣ экспериментально-научнаго міровоззрѣнія. Объ этомъ рѣчь была уже выше (кн. III, гл. 8),

въ связи съ другимъ разсужденіемъ. Едва-ли контрастъ между образованными и необразованными обостряется до такой степени вслѣдствіе какого-либо другого обстоятельства, чѣмъ благодаря тому факту, что первые получаютъ преимущественно научное, а послѣдніе преимущественно религіозное образованіе.

Можетъ быть еще болѣе дѣйствительнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли было бы устраненіе изъ курса нашего общаго образованія древнихъ языковъ и литературъ. Въ нашемъ обществѣ, которое даже при господствѣ политической демократіи является построеннымъ по преимуществу аристократически, знакомство съ греко-римской культурой служитъ наиболѣе вѣрнымъ отличительнымъ признакомъ образованнаго человѣка, и вслѣдствіе этого современное государство едва ли когда-либо вполнѣ откажется отъ классическаго образованія.

По той же причинѣ народное трудовое государство должно вычеркнуть изученіе древности изъ программы своихъ общеобразовательныхъ предметовъ, исходя изъ убѣжденія, что греко-римская культура въ теоретическомъ и практическомъ отношеніи стоитъ гораздо ниже нашего современнаго образованія. Мы говоримъ— въ теоретическомъ отношеніи потому, что античная культура почти всецѣло была проникнута грубѣйшей вѣрой въ чудеса и ей было чуждо то критическое, тщательно анализирующее факты и традиціи направленіе духа, которое мы называемъ экспериментально-научнымъ міровоззрѣніемъ. Въ практическомъ отношеніи—потому, что институтъ рабства, никогда не подвергавшійся успѣшному нападенію, помѣшалъ древнему міру перешагнуть границы чисто аристократическаго своекорыстія въ своемъ правовомъ и государственномъ строѣ. Вслѣдствіе этого народное трудовое государство сдѣлаетъ лишь неизбѣжный выводъ изъ своей внутренней сущности, если на мѣсто классическаго образованія поставитъ изученіе новыхъ языковъ и литературъ, предоставивъ изученіе древности спеціалистамъ.

Если исключить эти и подобныя знанія, которыя только традиція и интересы сильныхъ дѣлаютъ составными частями общаго образованія, то получается образовательный матеріалъ умѣренныхъ размѣровъ, доступный для распространенія въ самыхъ широкихъ кругахъ населенія. И распространеніе такого потока общаго образованія по всему народу наступитъ тѣмъ вѣрнѣе въ томъ случаѣ, если наши современныя образовательныя учрежденія будутъ преобразованы соотвѣтственно этой великой цѣли.

Что касается прежде всего образованія юношества, то многіе соціалисты предлагаютъ, чтобы дѣти въ самой ранней юности отнимались отъ родителей и воспитывались въ соотвѣтствующихъ государственныхъ учрежденіяхъ; другіе теоретики, напротивъ, высказываются за современное семейное воспитаніе. Въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ, по моему мнѣнію, не столько о вопросѣ права, сколько о вопросѣ цѣлесообразности. Съ системой семейнаго домохозяйства естественно связано и семейное воспитаніе, тогда какъ совмѣстная жизнь членовъ общины очень скоро повлечетъ за собой и государственное воспитаніе. Обученіе въ собственномъ смыслѣ этого слова въ обоихъ случаяхъ, какъ и теперь, будетъ общественнымъ (стр. 121, прим. 2, и стр. 170, прим. 1).

Но народное трудовое государство не должно удовлетворяться этимъ скуднымъ образованіемъ юношества народныхъ массъ, которое черезъ короткое время почти безслѣдно исчезаетъ. Напротивъ, оно должно, уже для того чтобы отнять почву у церкви, распространить свою образовательную работу на всю жизнь своихъ гражданъ. И въ самомъ дѣлѣ, право на извѣстное количество образовательныхъ средствъ, зависящее, конечно, отъ того или другого состоянія народнаго хозяйства и техники, слѣдуетъ разсматривать какъ слѣдствіе права на существованіе, какъ необходимую составную часть достойнаго человѣка существованія. Къ этимъ образовательнымъ средствамъ, кромѣ упомянутыхъ уже раньше лекцій и наглядныхъ вос-

произведеній (кн. III, гл. 8), слѣдуетъ причислить также книги, газеты и журналы. Чтобы избѣжать всякой односторонности въ духовномъ творчествѣ, слѣдуетъ предоставить полную свободу индивидуальному усмотрѣнію гражданъ при выборѣ образовательныхъ средствъ.

Въ то время какъ эти измѣненія равносильны полному преобразованію всей современной постановки образованія народныхъ массъ, занятіе наукой народное трудовое государство можетъ оставить существовать въ его нынѣшнихъ формахъ. Эти формы созданы вполнѣ цѣлесообразно преимущественно буржуазіей, и полная любви поддержка образованія и науки будетъ во всѣ времена составлять славу либеральнаго буржуазнаго класса. Наша наука нуждается не въ большей поддержкѣ, а въ большей свободѣ и независимости.

Всякая значительная политическая сила опасна для независимости ученыхъ въ тѣхъ областяхъ знанія, которыя преимущественно касаются ея интересовъ. Такъ, абсолютная или полуабсолютная монархія рѣшительнымъ образомъ вліяетъ на историческую науку, а также на науку о правѣ и о государствѣ; такъ, могущественная церковь дѣлаетъ просто невозможной свободную философію или естествовѣдѣніе. Не нужно думать, какъ это столь часто случается среди широкихъ народныхъ массъ, о сознательномъ вѣроломствѣ ученыхъ по отношенію къ истинѣ; но существующія продолжительное время соотношенія силъ создаютъ такую духовную атмосферу, отъ вліянія которой не легко избавиться отдѣльнымъ личностямъ. Случается также довольно часто, что научные взгляды, которые были выставлены извѣстными учеными первоначально изъ побужденій личнаго своекорыстія, превращаются у ихъ учениковъ въ теоріи, а у позднѣйшихъ послѣдователей въ политическія, соціальныя и религіозныя убѣжденія. Вслѣдствіе этого можно вполнѣ основательно утверждать: обладатель могущества и власти въ странѣ тотъ, для кого пишутъ ученые и судятъ суды.

Примѣръ, за которымъ недалеко ходить, сдѣлаетъ эту мысль еще яснѣе. Въ протестантской Германіи, въ силу извѣстныхъ историческихъ причинъ, церковь очень слаба, королевская же власть, напротивъ, очень сильна. Вслѣдствіе этого религіозныя идеи подвергаются въ германской наукѣ безпощадной критикѣ, тогда какъ государственныя теоріи у столь многихъ нѣмецкихъ ученыхъ-спеціалистовъ права, исторіи и государственной науки едва выходятъ за предѣлы болѣе или менѣе замаскированнаго полуабсолютизма. Это распредѣленіе и соотношеніе силъ является, такимъ образомъ, причиной того крайне страннаго явленія, что въ германской наукѣ Божество является менѣе защищеннымъ, чѣмъ король. Доказательства этого могли бы быть приведены изъ тысячи научныхъ произведеній; я хочу указать здѣсь лишь на двухъ мыслителей, которые по отношенію къ философской и теологической традиціи были, можетъ быть, болѣе свободны, чѣмъ всѣ ихъ товарищи по профессіи.

Кантъ, какъ извѣстно, въ своей «Критикѣ чистаго разума» опровергъ всѣ теоретическія доказательства бытія Божія, но въ «Ученіи о правѣ», написанномъ и появившемся въ 1797 г., въ царствованіе Фридриха-Вильгельма II, онъ предлагаетъ запретить подданнымъ слишкомъ много «умничать» относительно происхожденія правительственной власти и становится вообще на точку зрѣнія грубаго абсолютизма [1]). Давидъ Штраусъ, который въ «Жизни Іисуса» (1835—1836) и еще больше въ «Христіанскомъ вѣроученіи» (1840—1841) изорвалъ въ клочки всѣ тайны христіанской религіи, не желаетъ, однако, допустить прикосновенія къ тайнѣ монархіи [2]). Хотя въ этомъ случаѣ рѣчь

[1]) Kant, Rechtslehre (1779), § 49. Противъ абсолютистскихъ взглядовъ Канта полемизируетъ П. І. Ансельмъ Фейербахъ въ несправедливо забытомъ теперь сочиненіи «Anti-Hobbes» (1798), стр. 83 и слѣд.

[2]) David Friedrich Strauss, Der alte und der neue Glaube (1872), № 81. Это произведеніе безпощаднаго критика всѣхъ христіанскихъ традицій ясно показываетъ, въ какой значительной степени, при господствѣ основанныхъ на авторитетѣ учрежденій, монархія въ Германіи превосходитъ силой и значеніемъ религію.

идетъ о двухъ величайшихъ научныхъ критикахъ нѣмецкаго народа, нужно все-таки думать, что они оба не сознавали, насколько ихъ теоріи согласны съ существующими соотношеніями силъ.

Никоимъ образомъ не является случайностью, что Кантъ и Давидъ Штраусъ оказываютъ силамъ неба и земли столь различную степень почтительности. Точно такъ же Гёте, Шопенгауэръ, Ф. Гартманъ, Геккель и многіе другіе нѣмецкіе мыслители въ области религіозной жизни оперируютъ съ большой свободой и независимостью, останавливая свое изслѣдованіе передъ воротами богатыхъ и сильныхъ. Въ Англіи соотношеніе силъ—обратное, такъ что тамъ нападеніе на Божество гораздо опаснѣе, чѣмъ нападеніе на короля.

Какъ извѣстно, англійская поговорка гласитъ: «знаніе есть сила». Съ равнымъ правомъ можно было бы сказать: сила есть наука. Въ самомъ дѣлѣ, вліяніе силы на основные элементы человѣческаго знанія едва ли можно преувеличить. И это вліяніе проявляется не столько въ томъ, что ученые и изслѣдователи утверждаютъ фактически невѣрныя вещи, сколько въ способѣ мышленія и изложенія, который я назвалъ бы односторонней истиной. Послѣдняя состоитъ въ томъ, что факты, благопріятные личнымъ или партійнымъ интересамъ, выдвигаются на первый планъ, между тѣмъ какъ неблагопріятные или совершенно замалчиваются или, по крайней мѣрѣ, отодвигаются на задній планъ.

Односторонняя истина въ области науки—безконечно болѣе опасный врагъ, чѣмъ ложь. Такимъ образомъ сущность монархіи можно изучать, почти исключительно изучая государства погибшихъ династій, и относительно той или иной религіозной общины полную истину едва ли можно услышать отъ кого-нибудь, кромѣ ея враговъ.

Но не повторятся ли эти отрицательныя явленія и при господствѣ народнаго трудового государства? Конечно, и эта государственная форма вызоветъ такія соотношенія

силъ, воздѣйствіе которыхъ на науку будетъ неизбѣжно. Но такъ какъ народное трудовое государство по всей своей организаціи направлено не на развитіе силы, а на хозяйственную и культурную работу, то эта сила всегда будетъ оставаться сравнительно незначительной. Въ рамкахъ новаго общественнаго порядка никогда не найдется ученаго, который рѣшился бы назвать самыхъ выдающихся представителей науки духовной лейбъ-гвардіей могущественнаго человѣка. Отсюда ясно, что политическія формы, которыя больше всего соотвѣтствуютъ интересамъ широкихъ народныхъ массъ, оказываются также и самыми благопріятными для служенія истинѣ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Переходъ къ народному трудовому государству.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О причинахъ современнаго соціальнаго движенія.

Соціальное движеніе современности во многихъ отношеніяхъ есть единственное въ своемъ родѣ явленіе. Оно отличается отъ первой стадіи христіанства, съ которой оно имѣетъ наибольшее сходство (кн. I, гл. 1), тѣмъ, что у него по большей части отсутствуетъ религіозная основа. Легко замѣтное отличіе его отъ возстаній рабовъ въ древности и отъ крестьянскихъ возстаній въ средніе вѣка и въ новое время заключается въ томъ, что оно покоится на широкой философско-правовой и экономической теоріи и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ интернаціональный характеръ. Здѣсь неизбѣжно возникаетъ вопросъ: какія особенныя причины создали это движеніе, не имѣющее никакого прообраза въ предшествующемъ историческомъ процессѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ броситъ яркій свѣтъ не только на прошедшее, но и на будущее соціальнаго движенія.

Духовныя функціи человѣческаго тѣла, или, какъ мы говоримъ, примыкая къ старымъ предразсудкамъ, духовная дѣятельность человѣка распадается на три отрасли, подчиняющіяся существенно различнымъ законамъ: мышленіе, волю и чувство. Законы, на которыхъ покоятся какъ человѣческое мышленіе и чувство, такъ и ихъ высшее выраженіе—наука и искусства, находятся внѣ области моего разсмотрѣнія. Здѣсь можно отмѣтить только, что наука и искусство несравненно больше слѣдуютъ своимъ собственнымъ законамъ и являются гораздо болѣе независимыми отъ внѣшнихъ вліяній, чѣмъ воля и дѣйствія людей, всюду опредѣляемыя внѣшнимъ міромъ и волей

окружающихъ. Вслѣдствіе этого нѣтъ бо́льшаго насилія надъ фактами, чѣмъ сведеніе этой внутренно столь неоднородной духовной жизни и ея модификацій къ одной единственной причинѣ, напримѣръ, къ экономическимъ и техническимъ условіямъ (Марксъ) [1]). Съ равнымъ правомъ можно было бы подчинить одному и тому же принципу объясненія [2]) процессъ человѣческой исторіи и астрономическія и геологическія измѣненія.

Что касается человѣческой воли и дѣятельности, то здѣсь прежде всего слѣдуетъ указать на то, что человѣческая дѣятельность, подобно другимъ естественнымъ явленіямъ, конечно, строго подчинена закону причинности, но что причина и слѣдствіе далеко не всегда имѣютъ равное значеніе. Скорѣе здѣсь случается довольно часто, какъ и въ области явленій природы, что незначительныя причины производятъ большія слѣдствія. Искра сама по себѣ есть незначительное, по большей части безслѣдно проходящее явленіе; но если она упадетъ въ бочку съ порохомъ, то она можетъ разрушить городъ. А полководецъ, который въ день рѣшительной битвы боленъ и вслѣд-

---

[1]) Marx, Misère de la philosophie (1847), стр. 99 и слѣд., 113 и слѣд.— Marx-Engels, Das kommunistische Manifest (1848), Abs. I;—Marx, Zur Kritik der politischen Oekonomie, 1 Heft (1859), стр. V;—Engels, Streitschrift gegen Dühring (1877), стр. 9 и слѣд.; Die Entwicklung des Sozialismus von der Utopie zur Wissenschaft (1882), стр. 26.

[2]) Тогда какъ соціалисты XVIII столѣтія придавали еще очень большое значеніе государственнымъ формамъ, слѣдующія за французской революціей соціальныя системы Сенъ-Симона, Фурье и ихъ школъ говорятъ о политическихъ вопросахъ съ величайшимъ пренебреженіемъ и всюду желаютъ подчинить ихъ экономическимъ и соціальнымъ интересамъ. Опытъ упомянутаго великаго переворота какъ разъ показалъ, что политическія учрежденія сами по себѣ недостаточны, чтобы исцѣлить недостатки человѣчества. Вслѣдствіе этого у отдѣльныхъ учениковъ Сенъ-Симона и Фурье мы находимъ такія заявленія, которыя почти буквально совпадаютъ со взглядами Маркса относительно матеріалистическаго пониманія исторіи. Сравн., напр., Brisbane (фурьеристъ), Social destiny of man (1840), стр. VIII: «Мы утверждаемъ, что величайшая и самая важная проблема, которая можетъ быть предложена обществу... заключается въ реорганизаціи промышленности или въ реформѣ всей нашей системы труда Это значитъ, что реформа должна быть начата съ фундамента соціальнаго зданія, а не съ его надстройки—администраціи или политической власти». Далѣе стр. 6, слѣд. и въ друг. мѣстахъ.

ствіе этого упускаетъ въ надлежащій моментъ дать необходимыя приказанія, можетъ привести къ гибели государство и къ ниспроверженію его правового и общественнаго строя. Такъ какъ по отношенію къ народнымъ движеніямъ эти незначительныя причины никогда не регистрировались столь точно, какъ по отношенію къ исторіи дворовъ и кабинетовъ, то понятно, что народныя движенія такъ часто представляются изслѣдователю случайными, стихійными событіями, подымающимися изъ темныхъ нѣдръ исторіи.

Тогда какъ явленія внѣшней природы и человѣческая дѣятельность по отношенію къ только что разсмотрѣнному вопросу очень сходны, обусловливающія ихъ причины имѣютъ существенно различный характеръ. Причины, дѣйствующія во внѣшней природѣ, дѣйствуютъ слѣпо, т. е. съ этими дѣйствіями, поскольку даетъ возможность судить нашъ опытъ, не связаны явленія, подобныя сознанію. Напротивъ, на человѣческую дѣятельность внѣшнія причины производятъ вліяніе лишь въ томъ случаѣ, если онѣ при посредствѣ душевнаго процесса превратились въ личные мотивы дѣйствующаго субъекта, при чемъ онъ разсматриваетъ существующее положеніе и сравниваетъ его съ будущимъ лучшимъ положеніемъ, къ достиженію котораго именно и должно служить дѣйствіе. Если этотъ мыслительный процессъ часто довольно труденъ уже въ мелочахъ обыденной жизни, то тѣмъ болѣе онъ труденъ, когда дѣло идетъ о значительныхъ политическихъ и соціальныхъ вопросахъ; онъ предполагаетъ у народныхъ массъ такое развитіе культуры и мыслительной дѣятельности, въ которомъ нѣкоторымъ расамъ отказано, можетъ быть, навсегда, а другимъ—въ болѣе раннихъ стадіяхъ ихъ духовнаго развитія. Если бы на нѣмецкихъ фабрикахъ работали негры или китайскіе кули, то, разумѣется, соціалъ-демократія никогда не возникла бы даже при наличности всѣхъ экономическихъ предпосылокъ. Поэтому такой деспотъ, какъ Наполеонъ I, съ своей точки зрѣнія справедливо

употреблялъ слово «идеологія» въ презрительномъ смыслѣ [1]); но несправедливо то, что народный вождь Карлъ Марксъ разсматривалъ идеологическіе факторы какъ простыя слѣдствія экономическихъ и техническихъ условій.

Къ области человѣческой воли и дѣятельности относятся великіе институты практической жизни: религія и нравственность, государство и право, наконецъ, народное хозяйство. Религію, государство и народное хозяйство слѣдуетъ разсматривать, какъ основные устои человѣческой дѣятельности, которые, если взять среднее ариѳметическое всѣхъ временъ и народовъ, имѣютъ одинаковое значеніе и въ дѣйствительной жизни безпрерывно вліяютъ друга на друга. Вслѣдствіе этого является совершенно произвольнымъ со стороны Маркса и марксизма выставленіе религіи и государства простыми слѣдствіями экономическихъ отношеній, хотя эти послѣднія стали предметомъ болѣе глубокаго научнаго изслѣдованія только два вѣка назадъ и лишь съ этого времени могли быть сознательно положены правительствами и народами въ основу ихъ дѣятельности. Скорѣе надо признать, что у всѣхъ народовъ въ болѣе древнія эпохи ихъ существованія рѣшающее положеніе занимала религія, а въ настоящее время государство вліяетъ на народное хозяйство несравненно сильнѣе, чѣмъ наоборотъ. Еще въ XIX вѣкѣ соперничество домовъ Габсбурговъ, Гогенцоллерновъ и Бонапартовъ, т. е. чисто политическій факторъ, оказалось гораздо болѣе дѣйствительнымъ двигателемъ историческаго процесса, чѣмъ всѣ измѣненія въ народномъ хозяйствѣ, происходившія въ то же время.

Среди упомянутой троицы великихъ практическихъ институтовъ религія занимаетъ особое, почти независимое отъ государства и хозяйства положеніе. При посредствѣ религіи люди должны быть поставлены въ непосредствен-

---

[1]) Сравн. Aulard, Histoire politique de la révolution française (1901), стр. 745, 753 (русск. перев. Оларъ, Политическая исторія французской революціи (1902), стр. 904, 915).

ныя отношенія къ Божеству и этимъ подняты выше бѣдствій жизни и ужаса смерти. Въ противоположность государству и хозяйству, она преслѣдуетъ существенно неземныя цѣли, которыя почти никогда не совпадаютъ съ государственными и экономическими цѣлями и даже довольно часто стоятъ въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ ними. Вслѣдствіе этого міровыя религіи—христіанство, исламъ, буддизмъ—и могли покорить многочисленные народы съ совершенно различными правовыми и хозяйственными условіями.

Если, такимъ образомъ, Марксъ и еще больше марксизмъ разсматриваетъ и религіозную жизнь, какъ простое слѣдствіе экономическихъ условій, или если, напримѣръ, Энгельсъ съ этой точки зрѣнія выставляетъ утвержденіе, что взгляды Кальвина на предопредѣленіе суть религіозное выраженіе того факта, что въ торговомъ мірѣ, мірѣ конкуренціи, успѣхъ или банкротство не зависятъ отъ дѣятельности или ловкости отдѣльнаго лица, а отъ обстоятельствъ, которыя отъ него независимы [1]), то такіе взгляды тѣсно граничатъ съ областью смѣшного. Кто знакомъ съ исторіей христіанства, тотъ знаетъ, что каждое болѣе или менѣе важное изреченіе Христа или апостоловъ производило на религіозное сознаніе христіанъ несравненно бо́льшее вліяніе, чѣмъ все экономическое развитіе. Только когда экспериментально-научное міровоззрѣніе въ духѣ защищаемыхъ мною воззрѣній займетъ мѣсто религій откровенія (кн. III, гл. 8), когда вся нравственность станетъ свѣтской (кн. I, гл. 9) и государство, основанное на силѣ, уступитъ свое мѣсто трудовому государству (кн. I, гл. 7),—тогда экономическіе факторы должны будутъ выступить на первый планъ; однако и тогда все же не они исключительно будутъ обусловливать человѣческую дѣятельность.

Въ гораздо болѣе близкихъ отношеніяхъ другъ къ другу

[1]) Engels въ «Neue Zeit», Jahrgang 1892—1893, т. I, стр. 43.

стоятъ, конечно, государственный и правовой порядокъ и экономическая жизнь, такъ какъ они преслѣдуютъ исключительно земныя цѣли. Ибо государство и право есть организація соотношеній силъ, а народное хозяйство — организація производства и распредѣленія матеріальныхъ благъ и услугъ. Но не было бы ничего ошибочнѣе, какъ считать вслѣдствіе этого вмѣстѣ съ Марксомъ и Энгельсомъ, что правовой порядокъ есть просто правовая надстройка, юридическое выраженіе существующихъ въ данное время экономическихъ отношеній. Въ области права рѣшающимъ моментомъ является скорѣе, прежде всего, сила и уже затѣмъ экономическая потребность, насколько она вообще сознана и признана обладателями силы. Съ надежнымъ войскомъ и хорошей полиціей можно основывать и въ теченіе цѣлыхъ столѣтій поддерживать такія правовыя организаціи, которыя стоятъ въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ экономическими условіями. Нѣкоторые извѣстные примѣры ближе освѣтятъ этотъ фактъ, и безъ того хорошо знакомый каждому знатоку исторіи права.

Прежде всего большая часть нашихъ современныхъ правовыхъ отношеній по крайней мѣрѣ косвенно опирается на насиліе. Когда греки, римляне и германцы вторгались въ чужія страны въ качествѣ завоевателей, то они отнимали у прежнихъ жителей большую часть ихъ собственности и раздѣляли ее между побѣдоноснымъ войскомъ или объявляли ее государственной собственностью. Это основаніе новаго, устойчиваго правового порядка при помощи насильственнаго отнятія собственности повторялось сотни разъ и позже. Я напомню только о раздѣленіи англійской земли послѣ норманскаго завоеванія, о массовыхъ секуляризаціяхъ церковныхъ имуществъ, начиная съ XVI вѣка, о конфискаціи значительной части Богеміи послѣ Бѣлогорской битвы и національныхъ имуществъ во время французской революціи (кн. II, гл. 3). Даже самый пламенный приверженецъ матеріалистическаго пониманія исторіи не усмотритъ однако въ этихъ массовыхъ грабежахъ, ко-

торые въ своихъ послѣдствіяхъ продолжаютъ оказывать воздѣйствіе даже до настоящаго времени, слѣдствія тогдашняго способа производства или другихъ экономическихъ отношеній.

Но если даже не говорить объ этихъ всемірно-историческихъ катастрофахъ и имѣть въ виду только обычный ходъ развитія права, то именно въ наиболѣе важныхъ вопросахъ независимость права отъ экономическихъ отношеній всюду выступаетъ на первый планъ. Такъ, при посредствѣ ленной системы, которая почти во всей Европѣ обусловливала развитіе средневѣковаго права, большая часть земельной собственности и ея наслѣдованіе были поставлены въ зависимость по преимуществу отъ военныхъ соображеній. Римское право, рецепцію котораго Энгельсъ, правда, желаетъ использовать какъ доводъ въ пользу матеріалистическаго пониманія исторіи, было навязано нѣмецкому народу въ концѣ среднихъ вѣковъ противъ его воли и вопреки его потребностямъ абсолютными монархами и юристами; не только дворянство и сельское населеніе, но и города оказывали сопротивленіе введенію римскаго права [1]). Французское законодательство, т. е. право народа, умственно высоко развитаго, политически и экономически было распространено вслѣдъ за побѣдоносными знаменами Наполеона I въ такихъ странахъ, которыя, какъ, напр., Польша и Неаполь, тогда едва еще перешагнули чрезъ средневѣковыя правовыя и экономическія отношенія [2]). И послѣ паденія Наполеона нѣкоторые

[1]) Сравн. Stobbe, Geschichte der deutschen Rechtsquellen, т. 1 (1860), стр. 616 и слѣд.; т. 2 (1864), стр. 49 и слѣд.;—Moddermann, Die Rezeption des römischen Rechts въ нѣмецкомъ переводѣ (1875), стр. 96 и слѣд. Послѣ того какъ рецепція абсолютистскаго римскаго права была проведена обладателями власти. несмотря на сопротивленіе самыхъ широкихъ круговъ народа, въ Германіи (не въ Англіи!), естественно не было недостатка въ ученыхъ, которые пытались конструировать для этого историческаго событія всякаго рода политическіе, юридическіе и экономическіе принципы. Сравн., напр.. Moddermann, назв. соч., стр. 1—14; Engels, Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie, въ «Neue Zeit» (1886), стр. 205 и др.

[2]) Изъ переписки Наполеона I вполнѣ ясно, что онъ разсматривалъ

призванные назадъ Вѣнскимъ конгрессомъ монархи, напр. курфюрстъ гессенскій и король сардинскій, какъ будто они заранѣе желали опровергнуть матеріалистическое пониманіе исторіи, возстановили однимъ почеркомъ пера правовые и административные порядки, господствовавшіе въ день ихъ низложенія, ясно доказывая, что капризъ одного маленькаго деспота можетъ ниспровергнуть весь правопорядокъ вопреки всѣмъ возникшимъ политическимъ, юридическимъ и экономическимъ отношеніямъ, если только въ его распоряженіи есть нужныя для этого силы и средства [1]).

Такъ же точно и изъ событій новѣйшаго времени могутъ быть приведены многочисленные примѣры для опро-

---

распространеніе «Code Napoléon», какъ дѣло своего личнаго честолюбія, нисколько не принимая во вниманіе политическихъ, правовыхъ и экономическихъ условій странъ, о которыхъ шла рѣчь въ данномъ случаѣ. Въ письмѣ къ своему брату Іосифу, тогда неаполитанскому королю, отъ 31-го октября 1807 г. Наполеонъ говоритъ, что онъ не знаетъ, введенъ ли (!) уже «Code» въ Неаполѣ, но что это во всякомъ случаѣ должно быть сдѣлано къ 1-му января 1808 г. Точно такъ же по отношенію ко всѣмъ другимъ странамъ, для которыхъ было намѣчено и отчасти осуществлено введеніе «Code», онъ становится исключительно на точку зрѣнія политической власти. Очень странно, что послѣ паденія Наполеона «Code» удержался съ незначительными отступленіями именно въ наиболѣе отсталыхъ странахъ, напр., въ Неаполѣ и въ Польшѣ; напротивъ, въ гораздо болѣе развитыхъ прирейнскихъ государствахъ Германіи онъ пересталъ дѣйствовать. Сравн. Case, Supplément à la correspondence de Napoléon I (1887), стр. 63; Correspondence de Napoléon I, т. 16 (1864), стр. 149, 190, 206; т. 17 (1865), стр. 304 и т. д. Кто вмѣстѣ съ Марксомъ и Энгельсомъ смотритъ на гражданское право, какъ на непосредственное выраженіе экономическихъ условій, можетъ изъ этой интимной корреспонденціи Наполеона, въ которой онъ отклоняетъ всякое обсужденіе содержанія «Code» и просто приказываетъ его опубликовывать, почерпнуть убѣжденіе, что и въ области гражданскаго законодательства экономическія отношенія сильно отступаютъ назадъ передъ факторами политическаго могущества. Сравн. Marx, Misère de la philosophie (1847), стр. 17, 67; Engels, Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie, въ «Neue Zeit» (1886), стр. 205.

[1]) Сравн. относительно полнаго ниспроверженія всего соціальнаго строя въ курфюршествѣ Гессенскомъ «Die kurhessischen Verordnungen» отъ 31-го дек. 1813 г.; отъ 4, 14, 18-го янв.; 4, 12, 21-го февр.; 7, 31-го марта; 20-го апрѣля; 11-го іюня; 7, 22-го іюля; 19, 29-го авг.; 2, 23-го сент.; 11-го окт.; 27-го дек. 1814 г. и Alfred Stern, Geschichte Europas seit den Verträgen von 1815 bis zum Frankfurter Frieden 1871, т. 1 (1894), стр. 358; дальше относительно однородной реставраціи въ королевствѣ Сардиніи: Stern, т. 2 (1897), стр. 66.

верженія матеріалистическаго пониманія исторіи. Такъ, правовые порядки европейскихъ колоній въ Азіи и Африкѣ, вмѣстѣ составляющихъ значительную часть земного шара (Индія, Сибирь, Алжиръ и т. д.), конечно, являются слѣдствіемъ не экономическихъ отношеній этихъ обширныхъ областей, а главнымъ образомъ политическихъ и экономическихъ интересовъ ихъ далекихъ обладателей. То же самое, естественно, можно сказать о правовыхъ системахъ всѣхъ народовъ, удерживаемыхъ противъ ихъ воли чужимъ государствомъ подъ своею властью. И даже великія современныя національныя государства, политическимъ идеаломъ которыхъ является единство и сила ихъ народовъ, издаютъ обыкновенно большую часть законовъ для всей своей территоріи, хотя въ столь обширныхъ государствахъ, естественно, населеніе стоитъ на самыхъ различныхъ ступеняхъ экономическаго развитія.

Такъ какъ жизнь права и государства, какъ видно изъ этого изложенія, опредѣляется приливами и отливами въ соціальныхъ отношеніяхъ, основанныхъ на силѣ, то можно предположить заранѣе, что соціальное движеніе нашего времени вызвано благопріятной для неимущихъ классовъ населенія перемѣной въ распредѣленіи соціальныхъ силъ. И въ самомъ дѣлѣ мы видимъ, что въ наше время великія историческія теченія впервые сливаются какъ бы въ одномъ пунктѣ, чтобы вести пролетаріатъ культурныхъ странъ навстрѣчу болѣе счастливой судьбѣ. Я хочу резюмировать здѣсь эти измѣненія въ соотношеніи соціальныхъ силъ, которыя по большей части уже упомянуты раньше.

1. Прочность всего правового строя въ послѣднія два столѣтія на европейскомъ континентѣ сильно поколебалась, вслѣдствіе длиннаго ряда революцій и coups d'état (кн. III, гл. 3).

2. Религіозныя убѣжденія народныхъ массъ съ начала эпохи просвѣщенія все больше теряютъ свое значеніе благодаря опытнымъ наукамъ, при чемъ свѣтскіе и духовные

властители не могутъ уничтожить опытныя науки, такъ какъ онѣ необходимы для поддержанія существованія густо разросшагося населенія (кн. III, гл. 8).

3. Международный характеръ соціальнаго движенія (кн. I, гл. 6) обезпечиваетъ ему, даже въ случаѣ пораженій въ отдѣльныхъ мѣстахъ, непрерывное развитіе, подобно тому, какъ христіанство и буддизмъ, хотя почти уничтоженные въ мѣстахъ своего происхожденія, въ другихъ областяхъ продолжали процвѣтать.

4. Фактическая сила неимущихъ классовъ народа значительно увеличивается благодаря совмѣстной жизни большими массами промышленныхъ и частью сельскихъ рабочихъ. Къ этому присоединяется еще воздѣйствіе всеобщаго избирательнаго права и еще несравненно болѣе важное вліяніе всеобщей воинской повинности, значеніе которой для распредѣленія соціальныхъ силъ покажетъ только будущее (кн. I, гл. 6; кн. III, гл. 2).

5. Умственное развитіе народныхъ массъ, благодаря всеобщему обязательному школьному обученію и другимъ демократическимъ образовательнымъ средствамъ, настолько возросло, что онѣ пріобрѣли способность усваивать соціальныя теоріи (кн. III, гл. 8).

Неимущіе классы народа должны стараться при помощи безпрерывной серьезной работы увеличить эти сами по себѣ значительныя силы. Не было бы ничего болѣе ошибочнаго, какъ если бы они въ духѣ матеріалистическаго пониманія исторіи пожелали предаться извѣстному экономическому фатализму, который самъ призоветъ къ жизни новый общественный порядокъ, когда пробьетъ надлежащій часъ. Если монархія, несмотря на посредственность ея представителей, все-таки стала преобладающей формой правленія во всемъ мірѣ, то причина этого, безъ сомнѣнія, заключается въ томъ, что она умѣетъ безпрерывно въ теченіе цѣлыхъ поколѣній подготовлять силы и средства для наиболѣе важныхъ политическихъ цѣлей лучше, чѣмъ аристократія и демократія. И исторія учитъ,

что именно тѣ династіи достигли высшаго блеска, которыя въ теченіе столѣтій совершенствовали и расширяли свои политическія, военныя и хозяйственныя силы и средства, оставляя безъ вниманія культурныя потребности своихъ народовъ. Если неимущіе классы населенія послѣдуютъ этимъ примѣрамъ, то они могутъ надѣяться достигнуть своихъ соціальныхъ цѣлей безъ ниспроверженія общественнаго порядка, которое угрожало бы ихъ существованію. Ибо несомнѣнная сила побѣждаетъ, даже не прибѣгая къ насилію, какъ это ясно показала въ четвертомъ вѣкѣ нашей эры побѣда христіанства.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Способъ введенія народнаго трудового государства.

Крупныя измѣненія въ правѣ и религіи происходятъ или вслѣдствіе свободной рѣшимости заинтересованныхъ снизу или вслѣдствіе государственнаго принужденія сверху. Самый естественный способъ, которымъ осуществляется въ дѣйствительности потребность въ новыхъ формахъ жизни, несомнѣнно заключается въ томъ, что сторонники новаго направленія пытаются прежде всего осуществить свои стремленія въ рамкахъ традиціонныхъ порядковъ и только позже, если потребность, о которой идетъ рѣчь, обнаружитъ въ теченіе продолжительнаго времени жизненную силу, наступаетъ признаніе новаго порядка со стороны государства и законодательства. Но возможно также, что законодательство предписываетъ новыя учрежденія сверху безъ такого импульса со стороны заинтересованныхъ и такимъ образомъ проявляетъ въ извѣстномъ смыслѣ воспитательную дѣятельность въ правовой и религіозной областяхъ.

Первая форма свойственна въ особенности правовымъ, религіознымъ и соціальнымъ преобразованіямъ Европы въ ея развитіи болѣе давняго времени, тогда какъ вторая стала очень обыкновенной въ послѣднія столѣтія, послѣ усиленія государственной власти благодаря абсолютизму монарховъ и французской революціи.

Христіанство, какъ извѣстно, было организовано апостолами и ихъ преемниками въ первые три вѣка нашей эры въ открытомъ противорѣчіи съ римскимъ государствомъ. До 311 года, когда послѣдовало офиціальное при-

знаніе новой религіи императорами Константиномъ I и Лициніемъ, въ христіанство перешло добровольно едва ли больше десяти процентовъ населенія греко-римской имперіи [1]); но эта сравнительно незначительная часть населенія составляла, благодаря своей крѣпкой организаціи, крупную политическую силу. Немного лѣтъ спустя (325 г. послѣ Р. Х.) на вселенскомъ соборѣ въ Никеѣ собралось больше 250 епископовъ [2]). Подавляющее большинство населенія имперіи было, правда, въ теченіе четвертаго и пятаго столѣтій длиннымъ рядомъ самыхъ насильственныхъ мѣръ (стр. 315, прим. 1) принуждено къ вступленію въ христіанскую церковь; но эта послѣдняя все-таки оказалась въ состояніи принять такія огромныя массы народа безъ нарушенія порядка, благодаря своей уже крѣпко сложившейся организаціи.

Подобнымъ образомъ и старые соціалисты, въ особенности Фурье, Оуэнъ и сенъ-симонисты, хотѣли ввести новый соціальный строй безъ государственнаго принужденія при помощи добровольнаго основанія соціалистическихъ общинъ. Точно такъ же ассоціаціи Луи Блана и Лассаля должны были опираться на свободное соединеніе товарищей, хотя при ихъ основаніи и имѣлась въ виду матеріальная поддержка государства. Но почти всѣ безъ исключенія практическія попытки, которыя дѣлались въ первой половинѣ XIX вѣка въ Европѣ и Америкѣ, въ особенности для осуществленія предложеній Оуэна и Фурье, не удались. Только тѣ соціалистическія общины, которыя опирались на сильное религіозное убѣжденіе, какъ, напримѣръ, шекеры, истинные инспираціонисты въ Аманѣ [3]) и

[1]) Опредѣленіе числа христіанъ къ 311 году, т. е. передъ принятіемъ насильственныхъ мѣръ обращенія, колеблется между 5 процентами (Гиббонъ) и 16 процентами (Шульце) всего населенія имперіи. Сравн. Gibbon, History of the decline and fall of the Roman empire, гл. 15, базельское изданіе 1787 г., т. 2, стр. 306;—Schultze, Geschichte des Untergangs des griechisch-römischen Heidentums, т. 1 (1887), стр. 23.

[2]) Eusebius, De vita Constantini, III, 8.

[3]) William Rufus Perkins, History of the Amana society, Iowa city (1891), стр. 64 и слѣд.;—A brief history of the Amana society (1900), и

т. д., обнаружили въ отдѣльныхъ случаяхъ жизненную силу, проявлявшуюся въ теченіе продолжительнаго времени. Точно такъ же коммунистическія общины моравскихъ братьевъ, образовавшіяся (около 1533 г.) въ связи съ реформаціей и имѣвшія тоже религіозный характеръ, достигли прочнаго процвѣтанія, пока онѣ не были вынуждены въ 1685 г., частью вслѣдствіе внутренняго упадка, но еще больше вслѣдствіе преслѣдованій со стороны духовныхъ и свѣтскихъ властей и всякаго рода военныхъ бѣдствій, къ уничтоженію общности имуществъ [1]).

То обстоятельство, что христіанство создало свою организацію преимущественно въ противорѣчіи съ государственной властью, тогда какъ современный соціализмъ ждетъ своего практическаго осуществленія главнымъ образомъ только отъ государства, не можетъ, конечно, никого удивить. Ибо принятіемъ новой религіи условія жизни отдѣльной личности затрагиваются фактически несравненно меньше, чѣмъ вступленіемъ въ соціалистическое общество. Религіозная жизнь внѣшнимъ образомъ выражается только въ отдѣльныхъ дѣйствіяхъ—въ молитвѣ, посѣщеніи храмовъ, въ принесеніи жертвъ,—которыя лишь въ незначительной степени измѣняютъ общее теченіе человѣческой жизни. Напротивъ, переходъ къ практическому соціализму предполагаетъ поистинѣ полное возрожденіе человѣка, потому что здѣсь какъ разъ то, что составляетъ собственно содержаніе человѣческой жизни, именно хозяйственная работа и потребленіе хозяйственныхъ благъ, подвергается коренному преобразованію. Такъ, для того, чтобы стать исходнымъ пунктомъ для основанія міровой религіи, было достаточно интенсивнаго религіознаго чувства первичной христіанской общины въ Іерусалимѣ; но предпринятая одновременно попытка ввести между послѣдователями новой религіи

стр. 25 и слѣд.,—Hinds, American communities, 2 изд. (1902), стр. 26 и слѣд., 263 и слѣд. См. выше, стр. 249.

[1]) Beck, Die Geschichtsbücher der Wiedertäufer in Oesterreich-Ungarn (1883), стр. 549;—Loserth, Der Kommunismus der mährischen Wiedertäufer im 16 und 17 Jahrhundert (1894), стр. 11 и слѣд., 156, 157.

общность имуществъ очевиднымъ образомъ потерпѣла крушеніе. Апостолъ Павелъ принужденъ былъ нѣсколько разъ собирать пособія для терпѣвшей нужду іерусалимской общины и остерегался предпринимать подобный соціальный экспериментъ въ основанныхъ имъ самимъ религіозныхъ общинахъ.

Эта рѣзкая противоположность между современнымъ частноправовымъ строемъ и практическимъ соціализмомъ неизбѣжно должна была производить въ двоякомъ направленіи вредное вліяніе на основывавшіяся въ столь большомъ количествѣ соціалистическія общины въ XIX столѣтіи. Прежде всего благодаря этому оказывалось, что выросшіе подъ властью частнаго права члены соціалистическихъ общинъ гораздо труднѣе сживались съ совершенно отличными условіями жизни, чѣмъ это происходитъ въ новой религіозной общинѣ, и что они довольно часто возвращались къ индивидуализму временъ ихъ юности. Затѣмъ и внѣшній міръ неизбѣжно долженъ былъ приходить въ гораздо болѣе рѣзкія столкновенія съ соціалистическими общинами,—потому что онѣ были направлены къ полному преобразованію внѣшняго строя жизни,—чѣмъ съ новой религіей или религіозной общиной. Фактически именно вслѣдствіе этихъ противорѣчій и погибла большая часть основанныхъ на принципѣ договора соціалистическихъ общинъ, хотя онѣ въ большинствѣ случаевъ состояли изъ дѣльныхъ и одушевленныхъ стремленіемъ къ новымъ жизненнымъ формамъ членовъ.

Если принять во вниманіе, что христіанская церковь была признана римскимъ государствомъ только въ 311 году, и что язычество, какъ политическая сила, было уничтожено лишь въ первыя десятилѣтія пятаго вѣка, то введеніе христіанства въ Римской имперіи можетъ вообще разсматриваться, какъ образецъ постепеннаго преобразованія соціальнаго строя. Между тѣмъ уже первыя начинанія практическаго соціализма должны быть регулируемы въ порядкѣ государственнаго законодательства (кн. IV,

гл. 4), такъ какъ практическій соціализмъ менѣе пригоденъ для введенія его путемъ добровольнаго соглашенія товарищей.

Но въ то же время, съ другой стороны, народное трудовое государство должно, даже если политическая власть вполнѣ будетъ въ его рукахъ, избѣгать тѣхъ строгостей и жестокостей, которыя примѣнялись въ четвертомъ вѣкѣ нашей эры для подавленія язычества, и пользоваться для достиженія своихъ цѣлей преимущественно мягкими средствами (кн. IV, гл. 5), подъ опасеніемъ, что иначе торжество соціализма будетъ замедлено на цѣлыя столѣтія (кн. I, гл. 3, 7) [1]). Ибо хотя насильственные и деспоти-

---

[1]) Уже при Константинѣ I (306—337 послѣ Р. Х.), на котораго нѣкоторые историки смотрятъ, какъ на защитника свободы религіи, въ достаточной степени ясно проявляется по отношенію къ язычникамъ политика насильственнаго обращенія, выразившаяся въ запрещеніи столь важной части языческаго культа, какъ гаданіе, въ ограбленіи храмовъ, и въ неразрѣшеніи возстановленія разрушившихся храмовъ, такъ же какъ и сооруженія новыхъ изображеній боговъ; можетъ быть, и запрещеніе жертвоприношеній слѣдуетъ отнести уже къ послѣднимъ годамъ его царствованія (Eusebius, De vita Constantini, II, 45; IV, 25). Во всякомъ случаѣ эта важнѣйшая часть языческаго культа, которую можно было сравнить приблизительно съ католической мессой, была запрещена подъ страхомъ смертной казни его сыновьями Констанціемъ и Константомъ нѣсколькими законами, относящимися къ 341, 346, 353 и 356 гг. послѣ Р. Х., и одновременно было сдѣлано распоряженіе о закрытіи храмовъ (c. 2, 4—6 Cod. Theod. de paganis, XVI, 10). Наконецъ, при Ѳеодосіи I (379—395 послѣ Р. Х.) эти предписанія не только были усилены и распространены на домашнее богослуженіе (жертвы ларамъ и пенатамъ, c. 9—12. Codex Theod, de paganis, XVI, 10), но императоръ послалъ своего довѣреннаго любимца Цинегія въ Египетъ и Сирію, чтобы онъ принялъ по своему усмотрѣнію мѣры противъ еще процвѣтавшаго тамъ и отличавшагося чувствомъ собственнаго достоинства язычества, и въ частности разрушилъ храмы. Естественнымъ слѣдствіемъ этого было то, что въ обширныхъ областяхъ Римской имперіи образовывались, подъ предводительствомъ духовныхъ лицъ, цѣлыя шайки, принявшіяся по собственной иниціативѣ разрушать мѣста языческаго культа. По сравненію съ этими революціонными насильственными дѣйствіями, столь часто подвергавшіяся порицанію нападенія гебертистовъ и въ послѣднее время анархистовъ на христіанскія церкви въ значительной степени стушевываются. Только въ 399 г., послѣ того какъ дѣло разрушенія было въ большей части сдѣлано, былъ изданъ законъ (c. 18 Codex Theod. de paganis, XVI, 10) въ защиту языческихъ храмовъ. Въ виду этого террористическаго подавленія язычества нельзя удивляться тому, что въ первомъ десятилѣтіи V столѣтія оно исчезло изъ Римской имперіи, какъ политическій факторъ. Сравн. c. 22, 23 Codex Theod. de paganis, XVI, 10. 423 г.

ческіе законы сыновей Константина и императора Ѳеодосія I несомнѣнно сильно способствовали быстрой гибели язычества, но въ то же время они надолго придали христіанской церкви нетерпимый характеръ, который былъ чуждъ болѣе раннимъ религіямъ древности и стоитъ въ непримиримомъ противорѣчіи съ самимъ ученіемъ Христа.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Общіе принципы для введенія народнаго трудового государства.

Тогда какъ правопорядокъ демократическаго трудового государства вытекаетъ съ большой опредѣленностью изъ сущности соціалистическаго движенія, средства для достиженія этой цѣли во многомъ неясны и зависятъ отъ случая. Здѣсь, какъ и при всѣхъ историческихъ переворотахъ, оказываютъ сильное вліяніе личные интересы руководителей, составъ представительныхъ учрежденій, настроеніе націй, которое довольно часто перевѣшиваетъ дѣйствіе принциповъ. Пути, по которымъ человѣчество будетъ стремиться къ новому соціальному строю, вслѣдствіе этого могутъ быть намѣчены только предположительно и въ самыхъ общихъ чертахъ.

I. Можетъ быть, наиболѣе важный вопросъ—это вопросъ о томъ, будетъ ли создано народное трудовое государство путемъ реформы или путемъ революціи. Всемірноисторическая практика, какъ и соціалистическая теорія, отвѣчали на этотъ вопросъ различнымъ образомъ. Христіанство, какъ мы знаемъ, было навязано населенію Римской имперіи, правда, насильственнымъ путемъ, но все-таки преимущественно съ соблюденіемъ внѣшнихъ формъ права (кн. IV, гл. 2). Напротивъ, преобразованія реформаціи и французской революціи были осуществлены при помощи длиннаго ряда открытыхъ нарушеній права.

Изъ соціалистическихъ теоретиковъ Сенъ-Симонъ и его школа, Фурье и фурьеризмъ, Родбертусъ и большинство англійскихъ соціалистовъ стоятъ за мирное осуще-

ствленіе новаго соціальнаго строя [1]), тогда какъ Заговоръ Бабефа, большинство французскихъ соціалистовъ, наконецъ, Лассаль, Марксъ и Энгельсъ стоятъ на революціонной точкѣ зрѣнія [2]). Въ связи съ этимъ направленіемъ теоріи и соціалъ-демократія европейскаго континента стремится къ введенію народнаго трудового государства по большей части путемъ революціоннаго насилія, тогда какъ англійскіе рабочіе, по крайней мѣрѣ, громадное большинство ихъ, высказываются за постепенное улучшеніе своего экономическаго положенія законодательнымъ путемъ.

Противъ введенія народнаго трудового государства путемъ революціоннаго насилія нельзя, какъ это довольно часто дѣлается, приводить въ доказательство святость существующаго правопорядка, запрещающую уничтожать насильственнымъ образомъ пріобрѣтенныя честнымъ путемъ права. Ибо господствующія династіи и партіи никогда не колебались въ рѣшительныя минуты разрушать даже права, пріобрѣтенныя наиболѣе честнымъ путемъ, если дѣло шло объ основаніи или прочномъ укрѣпленіи ихъ господства. Такъ, европейскіе монархи съ конца среднихъ вѣковъ при-

---

[1]) Saint-Simon, L'industrie (1817, 1818), въ Oeuvres, т. 3 (1869), стр. 159; Du Système industriel (1821), Oeuvres, т. 6 (1869), стр. 12 и слѣд., 32, 67, 106, 123, 127; Le nouveau christianisme (1825), Oeuvres, т. 7 (1869), стр. 178;—Exposition de la doctrine Saint-Simonienne, Oeuvres, т. 41 (1877), стр. 279, 281;—Fourier, Traité de l'association domestique-agricole, т. 1 (1822), стр. 37, Oeuvres, т. 3 (1841), стр. 47, 48 и др. мѣста;—Bases de la politique positive. Manifeste de l'école sociétaire, fondée par Fourier (1841), 2-е изд. (1842), стр. 195 и слѣд.;—Rodbertus, Der Normalarbeitstag (1871) въ изданныхъ М. Виртомъ «Kleinen Schriften» (1890), стр. 359;— Bellamy, Looking backward (1888), гл. 5;—Sombart, Sozialismus und soziale Bewegung im 19 Jahrhundert (1896), 4-е изд. (1901), стр. 64 и слѣд., 84 и слѣд.

[2]) Заговоръ Бабефа: Acte d'insurrection въ «Copie des pièces saisies dans le local que occupoit Babeuf lors de son arrestation», т. 2 (An V), стр. 244, и у Buonarroti, La conspiration pour l'égalité, dite de Babeuf, т. 2 (1828), стр. 244;—Proudhon, Idée générale de la révolution au XIX siècle (1851), стр. 35, 77;—A. Blanqui, Critique sociale, т. 1 (1885), стр. 201 и слѣд.;—Marx-Engels, Kommunistisches Manifest (1848), изд. 1872 г., стр. 19, 27;—Marx, Das Kapital (1867), 3-е изд. (1883), стр. 790;—Lassalle, Arbeiterprogramm (1862), въ изд. Бернштейна, т. 2 (1893), стр. 24; Die Wissenschaft und die Arbeiter (1863), въ томъ же изданіи, т. 2, стр. 104 и слѣд.; Die indirekte Steuer und die Lage der arbeitenden Klassen (1863), т. 2, стр. 382 и слѣд.

своили себѣ цѣлымъ рядомъ правонарушеній права государственныхъ чиновъ и этимъ подготовили абсолютно-монархическое государство XVII и XVIII вѣковъ. Болѣе крупные нѣмецкіе государи во время войнъ французской революціи не испытывали никакихъ сомнѣній при отнятіи съ помощью иностранныхъ войскъ у своихъ духовныхъ и свѣтскихъ совластителей ихъ верховныхъ правъ, которыя, впрочемъ, и этими послѣдними были въ свою очередь отняты у нѣмецкихъ королей въ теченіе столѣтій тоже по большей части революціоннымъ путемъ. Какъ часто и частныя права въ большихъ размѣрахъ уничтожались насильственнымъ образомъ въ пользу политическихъ интересовъ господствующихъ династій и партій, указывалось уже выше (кн. II, гл. 3; кн. IV, гл. 1). Между тѣмъ, при этихъ крупныхъ переворотахъ рѣчь шла только объ интересахъ узкихъ круговъ населенія, тогда какъ введеніе народнаго трудового государства касается блага всего народа или даже всего человѣчества.

Такимъ образомъ, въ качествѣ аргумента противъ введенія народнаго трудового государства путемъ революціи можно выставить прежде всего не несправедливость, а нецѣлесообразность или даже невозможность. Правда, политическія конституціи различныхъ народовъ въ древнее и новое время очень часто низвергались революціонными государственными переворотами сверху и снизу, и это могло побудить столь многихъ соціалистическихъ теоретиковъ рекомендовать такой же образъ дѣйствій и при осуществленіи новаго соціальнаго строя. Но политическія революціи приводятъ въ движеніе только пѣну въ потокѣ народной жизни, такъ какъ онѣ по большей части преслѣдуютъ лишь ту цѣль, чтобы, отнявъ политическую власть у одной клики, передать ее другой. Напротивъ, введеніе народнаго трудового государства дѣлаетъ неизбѣжнымъ полное преобразованіе всей жизни и дѣятельности всѣхъ гражданъ государства; оно предполагаетъ, такимъ образомъ, нравственное возрожденіе людей, которое я хотя

и считаю возможнымъ, но оно во всякомъ случаѣ можетъ быть результатомъ только продолжительнаго воспитанія народа. Внезапное поднятіе соціалистическаго знамени можетъ столь же мало достигнуть своей цѣли, какъ, положимъ, законъ, что всѣ граждане государства съ извѣстнаго момента должны быть мудры и добродѣтельны.

Къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что революція, направленная на полное преобразованіе общества, должна на продолжительное время привести въ безпорядокъ весь организмъ хозяйственнаго производства и потребленія. Конечно, политическія и религіозныя революціи также производили всегда такое же дѣйствіе въ соотвѣтствующихъ областяхъ жизни; но опытъ учитъ насъ, что народы въ теченіе довольно продолжительнаго времени могутъ очень хорошо обойтись безъ религіи и государства. Напротивъ, непрерывное снабженіе населенія пищей, одеждой, отопленіемъ и т. п. безусловно необходимо: продолжительный застой въ производствѣ, вслѣдствіе соціальной революціи, долженъ былъ бы вслѣдствіе этого поставить передъ широкими кругами населенія прямо вопросъ о существованіи.

Отклоняя, такимъ образомъ, осуществленіе народнаго трудового государства путемъ революціи, я ни въ какомъ случаѣ не утверждаю, что народныя массы должны ждать введенія новаго соціальнаго строя, положимъ, только отъ усмотрѣнія и благоволенія господствующихъ и имущихъ. Скорѣе можно сказать, что наше современное милитаристское государство, эта наиболѣе послѣдовательная форма индивидуалистическаго государства, основаннаго на власти, заключаетъ въ себѣ самомъ элементъ разложенія—благодаря тому, что военныя неудачи должны значительно уменьшать авторитетъ господствующихъ и вызывать въ народныхъ массахъ радикальныя теченія. До сихъ поръ эти послѣднія преслѣдовали преимущественно политическіе идеалы, но съ прогрессирующей организаціей соціальныхъ партій пораженія на войнѣ необходимо все больше будутъ

порождать соціалистическія движенія. Если представлять себѣ введеніе новаго соціальнаго строя (подобно введенію христіанства) процессомъ, продолжающимся не годы или десятилѣтія, а столѣтія, то для всѣхъ культурныхъ государствъ по очереди наступитъ необходимость кореннымъ образомъ, но съ сохраненіемъ внѣшнихъ формъ права, преобразовать свои соціальные порядки.

Если отклонить мысль о насильственной соціальной революціи, преобразовывающей всѣ отношенія въ теченіе короткаго промежутка времени, то этимъ въ то же время открывается возможность, чтобы введеніе новаго соціальнаго строя послѣдовало въ тѣсной связи съ традиціонными понятіями о правѣ и государствѣ [1]). Фактически уже нашъ современный правовой строй содержитъ въ частно-правовыхъ товариществахъ, въ городскихъ и сельскихъ общинахъ съ ихъ широкимъ муниципальнымъ соціализмомъ и въ остальныхъ государственныхъ хозяйственныхъ предпріятіяхъ образцы для сформированія будущаго соціальнаго строя. И правительства XVIII и XIX вѣковъ прямо соперничали другъ съ другомъ въ пріученіи народовъ— при посредствѣ уничтоженія привилегій дворянства и отмѣны крѣпостного права, освобожденія земельной собственности отъ барщины и оброка, конфискаціи церковныхъ имуществъ, многочисленныхъ государственныхъ банкротствъ и другихъ такихъ же революціонныхъ мѣропріятій—къ насильственному вторженію законодательства въ традиціонный правопорядокъ. Поэтому разумному соціалистическому правительству не нужно при введеніи народнаго трудового государства слишкомъ далеко отступать отъ прежнихъ традицій ни по отношенію къ правовымъ фор-

[1]) Такъ была введена, напр., земельная община (міръ), т. е. одна изъ формъ общиннаго соціализма (стр. 131, прим. 1) въ сѣверной Россіи простымъ распоряженіемъ петербургскаго министерства финансовъ въ 1829 г. безъ всякихъ всемірно-историческихъ катастрофъ. Дѣло шло при этомъ не о крѣпостныхъ, а о свободныхъ крестьянахъ, такъ какъ крѣпостное право никогда не проникало въ сѣверную Россію. Сравн. Simkhovitsch, Die Feldgemeinschaft in Russland (1898), стр. 1, 22.

мамъ, ни по отношенію къ способамъ введенія новаго соціальнаго строя.

II. Второе важное правило, которое должно быть соблюдено при введеніи народнаго трудового государства. состоитъ въ томъ, что власть центральныхъ правящихъ органовъ не должна быть чрезмѣрно усилена распространеніемъ государственной дѣятельности на хозяйственныя задачи. Преобразованіе современнаго индивидуалистическаго государства, основаннаго на власти, въ народное трудовое государство, далѣе введеніе общиннаго соціализма, который долженъ былъ бы составить ближайшую ступень въ соціальномъ развитіи человѣчества (кн. III, гл. 6), скорѣе уменьшатъ, чѣмъ увеличатъ сосредоточеніе политической власти въ рукахъ немногихъ лицъ. Но и позже одна изъ важнѣйшихъ задачъ соціалистической политики будетъ состоять въ томъ, чтобы раздѣлить хозяйственныя задачи между высшими и низшими государственными органами столь цѣлесообразно, чтобы центральная власть никогда не могла стать всемогущимъ хозяиномъ всего народа.

Но, съ другой стороны, было бы совершенно ошибочно, если бы народное трудовое государство захотѣло использовать введеніе общиннаго соціализма для того, чтобы уничтожить традиціонную политическую централизацію и передать общинамъ также все управленіе военными дѣлами, финансами, юстиціей и народнымъ просвѣщеніемъ. Такое возвращеніе къ среднимъ вѣкамъ должно было бы безъ всякой нужды оскорбить національное чувство, которое въ сущности покоится на сознаніи политическаго единства народа. Парижская коммуна 1871 г. во всякомъ случаѣ сдѣлала ошибку, требуя для себя не только хозяйственныхъ задачъ, но и самостоятельнаго попеченія объ упомянутыхъ выше отрасляхъ политическаго управленія [1]). Конечно, введеніе общиннаго соціализма вслѣдствіе этого ограниченія, естественно, будетъ отсрочено до тѣхъ поръ,

[1]) Сравн. выше, стр. 242.

пока соціалистическая партія не станетъ достаточно сильна, чтобы овладѣть политической властью во всемъ или почти во всемъ государствѣ.

III. Третье главное правило при введеніи народнаго трудового государства состоитъ въ томъ, что отдѣльныя мѣры должны быть принимаемы въ столь цѣлесообразной послѣдовательности, чтобы приносить неимущимъ классамъ непосредственныя экономическія выгоды. Всякая политическая система, которая отказывается отъ религіозной санкціи, имѣетъ, конечно, то преимущество, что она не колеблется и не опровергается безпрестанно прогрессирующей наукой; но, съ другой стороны, она не можетъ обѣщать своимъ приверженцамъ тѣхъ изобильныхъ выгодъ въ будущей жизни, по отношенію къ которымъ могутъ быть столь щедры религія и опирающаяся на нее политика.

Но и земныя выгоды, которыми естественно ограничено народное трудовое государство, не должны находиться въ слишкомъ большомъ отдаленіи. Если столько политическихъ революцій было обречено на неудачу, то главная причина этого, безъ сомнѣнія, заключается въ томъ, что широкія народныя массы, которыя всегда были ихъ главными авторами, очень скоро приходили къ убѣжденію, что онѣ не должны ожидать непосредственнаго возмѣщенія за принесенныя ими жертвы. Народное трудовое государство, съ своей стороны, можетъ обезпечить трудящимся классамъ народа экономическія выгоды, которыя по своему значенію далеко превосходятъ всѣ политическія преобразованія; но оно также никогда не должно будетъ забывать, что широкія народныя массы въ силу всей своей предшествующей подготовки менѣе всего способны цѣнить комбинаціи, приносящія результаты въ отдаленномъ будущемъ и что онѣ, вслѣдствіе своего жалкаго экономическаго положенія, нуждаются въ немедленной помощи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Принудительный выкупъ крупной собственности.

Въ одной изъ предыдущихъ главъ (кн. IV, гл. 2) я уже показалъ, что введеніе народнаго трудового государства едва ли можетъ быть подготовлено въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ путемъ добровольнаго образованія соціалистическихъ общинъ, и что, напротивъ, даже первые шаги должны быть сдѣланы законодательнымъ путемъ. Въ выборѣ этихъ подготовительныхъ мѣръ, конечно, должна быть соблюдаема величайшая осторожность. Съ одной стороны, въ хозяйственныхъ вопросахъ онѣ не должны превосходить довольно умѣренную власть нашего современнаго государственнаго строя и должны, насколько это только возможно, примыкать къ историческимъ традиціямъ. А съ другой—существующія соотношенія силъ должны быть преобразованы этими мѣрами такимъ образомъ, чтобы государственный порядокъ съ внутренней необходимостью направлялся къ народному трудовому государству, чтобы всякое возвращеніе къ пережитымъ порядкамъ стало невозможнымъ. Средство, которое больше всего отвѣчаетъ этимъ требованіямъ, есть выкупъ крупной собственности государственной властью.

Уже Маккіавелли съ свойственной ему тонкой наблюдательностью замѣтилъ, что истинно свободное государственное устройство невозможно въ тѣхъ странахъ, гдѣ есть много гражданъ, живущихъ не своимъ трудомъ, а доходами, получаемыми ими безъ труда [1]). Въ самомъ дѣлѣ

[1]) Machiavelli († 1527), Discorsi sopra la prima deca di Tito Livio (1531), libr. I, cap. 55.

въ такихъ государствахъ мы видимъ непрекращающуюся борьбу между созданными частной собственностью соціальными силами и конституціоннымъ правопорядкомъ, борьбу, въ которой искусственно привитыя государственныя формы лишь съ трудомъ могутъ противостоять естественному господству богатыхъ. Конечно, народное трудовое государство должно уже съ первыхъ моментовъ своего существованія выступить противъ чрезмѣрнаго накопленія доходовъ, получаемыхъ безъ труда. Ибо хозяйственная работа никогда не пріобрѣтаетъ того авторитета и того всеобщаго признанія, на которые опирается все народное трудовое государство, если работающіе мало или не работающіе совсѣмъ будутъ имѣть возможность, благодаря обладанію собственностью, распоряжаться многочисленными рабочими. Естественно, такимъ образомъ, что соціальное преобразованіе должно начаться немедленно именно въ этомъ всеопредѣляющемъ пунктѣ.

Едва ли можно разсматривать принудительный выкупъ крупной собственности какъ задачу, превосходящую силы современнаго государства. Вѣдь во всѣ времена и во всѣхъ странахъ имѣла мѣсто насильственная конфискація крупной собственности въ пользу господствующихъ династій и партій безъ значительнаго нарушенія внѣшняго порядка (кн. II, гл. 3; кн. IV, гл. 1). При нашемъ современномъ правовомъ состояніи крупная собственность, правда, является болѣе могущественной и болѣе защищенной, чѣмъ мелкая, потому что государственная власть гораздо больше стоитъ за первой, чѣмъ за послѣдней; но съ всемірно-исторической точки зрѣнія она представляетъ изъ себя все-таки лишь очень несовершенное право. Ибо крупный собственникъ принужденъ, естественно, осуществлять свое право при посредствѣ постороннихъ лицъ съ очень различными отъ его интересовъ личными интересами и потому можетъ отстоять свое право противъ враждебной государственной власти лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, тогда какъ у мелкаго собственника право и сила обыкновенно покрываются даже

и во время всемірно-историческихъ катастрофъ. Отсюда та поразительная легкость, съ которой такъ часто производилась въ громадныхъ размѣрахъ конфискація крупной собственности, тогда какъ прямое отнятіе мелкой собственности пытались примѣнить въ тѣхъ же размѣрахъ лишь въ крайнихъ случаяхъ по отношенію къ побѣжденнымъ врагамъ [1]). Тѣмъ менѣе, конечно, вѣроятій на возникновеніе непреодолимыхъ трудностей, если рѣчь идетъ не о конфискаціи, а только о принудительномъ выкупѣ крупной собственности.

Этотъ принудительный выкупъ, конечно, не слѣдуетъ представлять себѣ осуществленнымъ средствами современнаго принудительнаго отчужденія (экспропріаціи). Существенный недостатокъ нашего института собственности состоитъ во всякомъ случаѣ въ томъ, что вещи, предоставленныя правовымъ порядкомъ отдѣльной личности, вовсе не должны стоять въ какой бы то ни было связи ни съ ея личными потребностями, ни съ совершаемымъ ею хозяйственнымъ трудомъ (кн. II, гл. 2, 3). Такъ какъ частная собственность есть, такимъ образомъ, соціальная сила, совершенно оторванная отъ своихъ экономическихъ основъ, то законодательство всѣхъ странъ могло объявить ее священнымъ неприкосновеннымъ правомъ, и эта неприкосновенность не уничтожается и экспропріаціей, потому что вслѣдствіе долженствующаго быть гарантированнымъ полнаго вознагражденія экспропріированнымъ, распредѣленіе хозяйственныхъ цѣнностей между отдѣльными гражданами во всякомъ случаѣ не подвергается никакому измѣненію. Въ это распредѣленіе цѣнностей, по широко распространенному взгляду, современный законодатель не долженъ непосредственно вторгаться даже въ томъ случаѣ, если оно прямо колеблетъ всѣ основы государства, напримѣръ, вслѣдствіе слишкомъ рѣзкаго контраста между богатствомъ и бѣдностью.

[1]) Сравн. Menger, Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag (1886), 2 изд. (1891), стр. 125, 126.

Совершенно иной характеръ долженъ носить принудительный выкупъ крупной собственности въ томъ случаѣ, если онъ является подготовительной мѣрой къ введенію народнаго трудового государства. Здѣсь не можетъ быть рѣчи о полномъ возмѣщеніи стоимости имущества или хотя бы получавшагося до тѣхъ поръ нетрудового дохода, такъ какъ иначе соотношенія соціальныхъ силъ остались бы существовать безъ перемѣны. Наоборотъ, связь между собственностью и человѣческими потребностями должна была бы быть возстановлена такимъ образомъ, чтобы крупнымъ собственникамъ и ихъ находящимся въ живыхъ потомкамъ выдавалась въ теченіе ихъ жизни за уступленную собственность скромная рента, достаточная для удовлетворенія ихъ законныхъ потребностей. Этимъ безъ ненужной жестокости было бы создано соціальное состояніе, заключающее въ себѣ элементы для дальнѣйшаго развитія съ исторической необходимостью въ направленіи къ народному трудовому государству.

Принудительный выкупъ долженъ былъ бы, само собой разумѣется, относиться ко всей крупной собственности безъ различія ея экономическихъ свойствъ, въ частности также къ земельной, промышленной и торговой собственности, а также къ владѣнію домами и цѣнными бумагами. Наиболѣе важный вопросъ, конечно, состоитъ въ томъ, какъ далеко слѣдуетъ провести границы принудительнаго выкупа. Здѣсь, безъ сомнѣнія, рѣшающими моментами явятся прежде всего соотношенія политическихъ силъ въ разныхъ странахъ. Въ качествѣ масштаба могли бы прекрасно служить размѣръ нетрудового дохода, число занятыхъ въ отдѣльныхъ производствахъ рабочихъ, площадь земли, причитающаяся съ имущества сумма налоговъ. Такъ какъ большая часть цѣнныхъ бумагъ въ настоящее время выдается «на предъявителя», то принудительному выкупу должно было бы предшествовать ликвидаціонное производство, при которомъ была бы точно установлена собственность отдѣльныхъ лицъ. Если крупный собственникъ,

что въ настоящее время случается очень часто, извлекаетъ свой нетрудовой доходъ изъ нѣсколькихъ источниковъ, то должна была бы приниматься во вниманіе совокупность доходовъ.

Такимъ образомъ въ свободное распоряженіе правительства досталась бы масса средствъ производства, а также пользуемыхъ и потребляемыхъ вещей, расположенныхъ по всему пространству территоріи государства, безъ вторженія со стороны государства въ дѣйствующій правопорядокъ, хотя подобныя вторженія уже нерѣдко и въ довольно рѣзкой формѣ имѣли мѣсто въ историческомъ процессѣ. Эта огромная масса матеріальныхъ благъ дала бы затѣмъ государственной власти возможность повсюду основать соціалистическія общины—на первыхъ порахъ въ авторитарной формѣ (кн. III, гл. 6), и такимъ образомъ пропитать частноправовой порядокъ соціалистическими элементами, подобно тому, какъ въ средніе вѣка аллодіальная система была постепенно вытѣснена феодальнымъ строемъ. Наряду съ подчиненіемъ крупной собственности соціалистическому правопорядку, средняя и мелкая собственность продолжала бы существовать въ формахъ частнаго права. Только послѣ того какъ соціалистическія правовыя формы, благодаря продолжительному практическому примѣненію, будутъ испытаны и выработаны въ деталяхъ, было бы желательно перейти также къ соціализированію средней и мелкой собственности (кн. IV, гл. 5).

Народное трудовое государство, однако, не должно удовлетворяться тѣмъ, что оно покроетъ свою территорію сѣтью соціалистическихъ общинныхъ организацій; оно должно сдѣлать также политическіе выводы изъ этого великаго преобразованія. Въ средніе вѣка и даже въ новое время, вплоть до XVIII и XIX вѣка, крупный землевладѣлецъ (крупное землевладѣніе было тогда почти единственной формой крупной собственности), благодаря своему экономическому положенію, держалъ въ своихъ рукахъ также правосудіе и административную власть въ низшей

инстанціи. Со времени французской революціи въ большинствѣ странъ отправленіе правосудія было передано имѣющимъ государственную организацію судамъ, точно такъ же, какъ и общинное управленіе—если не говорить о странахъ, наиболѣе отсталыхъ политически—было ввѣрено почти повсюду выборнымъ общиннымъ органамъ. Тѣмъ не менѣе—главнымъ образомъ при посредствѣ общинныхъ избирательныхъ законовъ и другихъ мѣръ—дѣло было организовано такимъ образомъ, чтобы управленіе общинными дѣлами, такъ же какъ и государственными дѣлами въ низшей инстанціи, оставалось въ рукахъ крупной собственности.

Такъ какъ крупная собственность должна была бы перейти къ соціалистическимъ общинамъ, то на эти послѣднія, согласно съ нашимъ современнымъ строемъ, должна была бы быть перенесена также и политическая власть на низшей ступени. Онѣ должны были бы, такимъ образомъ, быть организованы не только какъ хозяйственные органы, но изъ нихъ должны были бы также образоваться преимущественно и органы порядка первой инстанціи (кн. III, гл. 5). Безразлично, была ли бы эта политическая власть вручена непосредственно органамъ соціалистической общины или та же самая цѣль была бы достигнута при посредствѣ назначенія или выбора соотвѣтственныхъ органовъ. Продолжающая жить по частному праву средняя и мелкая собственность едва ли могла бы жаловаться на несправедливость, если бы ей въ общинномъ управленіи, поскольку оно, однако, не касается хозяйственныхъ интересовъ соціалистической общинной ассоціаціи, была предоставлена только та скромная доля участія, которой должны довольствоваться неимущіе классы народа при современныхъ общинныхъ порядкахъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Переходъ къ народному трудовому государству.

Совмѣстное существованіе соціалистическаго и частноправового порядковъ въ государствѣ и общинѣ необходимо должно создать острое противорѣчіе, можетъ быть, самое острое во всемірной исторіи. Наше традиціонное индивидуалистическое государство, основанное на власти, едва ли нашло бы для разрѣшенія этого противорѣчія иное средство, кромѣ меча. Ибо съ точки зрѣнія индивидуалистическаго государства, основаннаго на власти, является, конечно, вполнѣ справедливымъ взглядъ Макіавелли, великаго знатока и теоретика этой государственной формы, что всякая вновь возникшая государственная власть, все равно монархія или республика, можетъ упрочить свое существованіе только при помощи страха [1]). Такъ какъ, однако, народное трудовое государство будетъ имѣть въ матеріальныхъ интересахъ народныхъ массъ несравненно болѣе прочную основу, чѣмъ всякая только политическая форма правленія, и такъ какъ, затѣмъ, насильственныя мѣры при основаніи извѣстнаго государства необходимо придаютъ ему надолго характеръ государства, основаннаго на насиліи, то государственная власть во время того переходнаго состоянія, о которомъ идетъ рѣчь, должна по возможности отказываться отъ непосредственнаго примѣненія насилія и довольствоваться болѣе косвенными мѣропріятіями, подъ угрозой отодвинуть инымъ образомъ дѣйствій

[1]) Macchiavelli, Discorsi sopra prima deca di Tito Livio (1531), libr. cap. 3.

окончательное торжество соціалистическихъ идей въ далекое будущее.

Подробное изложеніе этихъ мѣропріятій едва ли бы имѣло бо́льшую цѣнность, чѣмъ разработанный въ деталяхъ планъ войны, потому что въ политикѣ, какъ и на войнѣ, дѣятельность руководителей въ такой же степени опредѣляется образомъ дѣйствій противника, какъ и собственными рѣшеніями. Однако, слѣдующія ниже замѣчанія могутъ, можетъ быть, претендовать на болѣе чѣмъ только гипотетическое значеніе.

1. Благодаря принудительному выкупу крупной собственности, государственной власти досталась бы значительная масса матеріальныхъ благъ, обладающихъ по своей доходности и задолженности очень различной цѣнностью. Чтобы уже заранѣе не допустить слишкомъ большого неравенства въ экономическомъ положеніи рабочихъ, на общины, оказавшіяся въ болѣе благопріятномъ положеніи, долженъ бы быть наложенъ платежъ деньгами, продуктами или трудомъ, приблизительно уравнивающій указанное различіе ренты. Тѣ, конечно, очень значительные доходы, которые, такимъ образомъ, получило бы народное трудовое государство, естественно, слѣдовало бы прежде всего обратить на удовлетвореніе государственныхъ потребностей; остатокъ могъ бы быть употребленъ на постепенный выкупъ еще подчиняющихся частному праву имущественныхъ объектовъ.

2. Соціалистическій правопорядокъ долженъ былъ бы во всѣхъ отношеніяхъ имѣть преимущество передъ частнымъ правомъ и разсматриваться какъ организація общества, опредѣляющая весь строй жизни. Вслѣдствіе этого, кто однажды вступилъ въ соціалистическую общину, не долженъ былъ бы имѣть права возвратиться къ частноправовому порядку. Между приверженцами соціализма и частнаго права могли бы существовать долговыя отношенія только постольку, поскольку этимъ не являлась бы связанной дѣятельность первыхъ (кн. II, гл. 9). Наслѣд-

ства, отказы по духовному завѣщанію и подарки, достающіеся на долю соціалиста, могли бы имѣть силу для него только въ предѣлахъ его правъ имѣть собственность (кн. II, гл. 3, 4), т. е. только по отношенію къ потребляемымъ вещамъ; средства производства и пользуемыя вещи должны были бы быть предоставляемы тѣмъ соціалистическимъ общинамъ, къ которымъ онѣ подходятъ больше всего по своему положенію и экономическому назначенію.

3. И частное право во всѣхъ областяхъ человѣческой жизни должно было бы подвергнуться, благодаря постоянному соприкосновенію съ соціализмомъ, весьма значительному преобразованію. Уже въ настоящее время собственникъ, ограниченный со всѣхъ сторонъ въ пользованіи своимъ правомъ полицейскими предписаніями, касающимися благоустройства, и податнымъ законодательствомъ, имѣетъ только тѣнь своей прежней власти (кн. II, гл. 2). Это постепенное лишеніе содержанія права собственности, безъ сомнѣнія, будетъ ускорено и усилено вліяніемъ соціализма. Напротивъ, защита рабочихъ въ государственномъ строѣ съ преимущественно соціалистической окраской необходимо должна будетъ далеко перешагнуть свои прежнія границы; это должно будетъ, однако, еще болѣе ухудшить экономическое положеніе средней собственности, которое уже и безъ того должно было бы подвергнуться большой опасности вслѣдствіе перехода рабочихъ къ соціализму. Наконецъ, наслѣдственное право, въ особенности право наслѣдованія по закону родственниковъ въ боковыхъ линіяхъ, конечно, потерпитъ значительныя ограниченія въ пользу соціалистической общины.

4. Широкая соціалистическая организація, которую, вслѣдствіе принудительнаго выкупа крупной собственности, должно было бы основать народное трудовое государство, сдѣлало бы для него очень легкимъ постепенное расширеніе области соціалистическаго жизненнаго строя и среди живущихъ еще по частному праву гражданъ. Прежде всего здѣсь, безъ сомнѣнія, наступилъ бы переходъ въ вѣдѣніе

государства распредѣленія матеріальныхъ благъ, въ особенности потребляемыхъ вещей, въ виду того, съ одной стороны, что распредѣленіе, благодаря своему преимущественно механическому характеру, гораздо легче можетъ быть взято въ свои руки нашимъ государствомъ, которое долго еще окончательно не сброситъ своихъ военно-бюрократическихъ формъ, чѣмъ производство; а съ другой стороны и на томъ основаніи, что распредѣленіе матеріальныхъ благъ при посредствѣ почты, желѣзныхъ дорогъ, монополій уже и теперь въ значительной части находится въ рукахъ государственныхъ органовъ. Въ самомъ дѣлѣ, уже при нашемъ нынѣшнемъ общественномъ строѣ нѣсколько разъ предлагалось монополизированіе хлѣбной торговли. Напротивъ, переходъ въ вѣдѣніе государства производства, поскольку оно ведется живущими по частному праву средними и мелкими собственниками, было бы цѣлесообразнѣе отсрочить до тѣхъ поръ, пока правовыя формы народнаго трудового государства не сживутся съ сознаніемъ народовъ.

Можетъ быть, еще важнѣе, чѣмъ эти установленныя закономъ учрежденія, была бы та благосклонность, которую трудовое государство естественно оказывало бы соціалистическимъ элементамъ. Со времени французской революціи многіе демократическіе принципы являются почти неотъемлемой составной частью европейской государственной политики, но, правда, съ ограниченіями, такъ какъ на практикѣ они, частью благодаря искусному примѣненію, частью благодаря косвеннымъ законодательнымъ мѣропріятіямъ, ослабляются или даже обращаются въ собственную противоположность. Такъ, равенство всѣхъ гражданъ въ отношеніи къ занятію должностей на государственной службѣ и къ обложенію налогами пользуется всеобщимъ признаніемъ; въ дѣйствительности, однако, въ обоихъ отношеніяхъ въ благопріятномъ положеніи находятся несомнѣнно весьма узкіе круги населенія, напримѣръ, дворянство. Продолженіе такой политики,—конечно, въ измѣненномъ на-

правленіи,—можетъ быть, больше всего способствовало бы распространенію соціализма.

Вообще, можно принять безъ излишняго оптимизма, что борьба между соціализмомъ и частнымъ правомъ, если разъ будетъ сдѣланъ первый шагъ въ видѣ принудительнаго выкупа крупной собственности, разрѣшится гораздо быстрѣе, чѣмъ борьба между язычествомъ и христіанствомъ. Язычники и христіане Римской имперіи боролись другъ съ другомъ въ первыя пять столѣтій нашей эры почти исключительно изъ-за сверхчувственныхъ вопросовъ, относительно которыхъ можно, правда, спорить, но никогда нельзя притти къ соглашенію. Главный вопросъ—Юпитеръ или Христосъ—вообще не могъ быть разрѣшенъ средствами человѣческаго опыта и съ точки зрѣнія человѣческихъ интересовъ.

Напротивъ, противорѣчіе между соціализмомъ и частнымъ правомъ принадлежитъ всецѣло къ области земныхъ интересовъ, по отношенію къ которымъ массы съ давнихъ поръ обнаружили тонкое пониманіе. Въ виду этого, если соціализму удастся въ наиболѣе вліятельныхъ странахъ въ надлежащее время выдвинуть государственныхъ людей, отличающихся проницательностью и благоразуміемъ, то не исключена возможность, что и наиболѣе важный вопросъ человѣчества будетъ разрѣшенъ путемъ такого же постепеннаго развитія, какъ вытѣсненіе рабства крѣпостнымъ правомъ или ленной системы свободной собственностью.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Заключеніе.

Конечно, ни въ одной области историческаго познанія не проявляется такъ ясно тотъ недостатокъ въ мышленіи или въ коренныхъ убѣжденіяхъ, который я назвалъ односторонней истиной (кн. III, гл. 9), какъ при сужденіи о соціалистическомъ міровоззрѣніи. Религіозные и династическіе перевороты оцѣниваются не только историками и государственными людьми, но даже народными массами, не съ экономической, а съ политической, даже съ конфессіональной и патріотической точки зрѣнія. Такъ, нѣтъ ничего достовѣрнѣе того факта, что реформація, благодаря своему слѣдствію—тридцатилѣтней войнѣ—на цѣлыя столѣтія уничтожила экономическое процвѣтаніе Германіи; но кто же вслѣдствіе этого осудитъ это всемірно-историческое движеніе? Войны, которыя вели Фридрихъ II въ первыя десятилѣтія своего царствованія и Французская республика во время великой революціи, чрезвычайно повредили экономическому благу Пруссіи и Франціи; тѣмъ не менѣе, онѣ являются для широкихъ народныхъ круговъ въ этихъ странахъ предметомъ гордыхъ воспоминаній. Въ этихъ и многихъ подобныхъ случаяхъ рѣчь шла именно о достиженіи религіозныхъ и политическихъ цѣлей, и потому разсмотрѣнію подвергается только вопросъ, достаточно ли велики были силы для ихъ достиженія и былъ ли цѣлесообразенъ выборъ средствъ.

Только когда дѣло идетъ о политическихъ и экономическихъ интересахъ народныхъ массъ—и это есть самый вѣрный признакъ еще недостаточно испытанныхъ и упро-

ченныхъ на дѣлѣ ихъ силъ—вопросъ о силѣ ужъ черезчуръ отступаетъ на задній планъ передъ вопросомъ о пользѣ. Ибо въ этомъ случаѣ не только защитники современнаго соціальнаго строя спрашиваютъ о вліяніи соціализма на классы общества, находящіеся въ настоящее время въ привилегированномъ положеніи, но даже многіе соціалистическіе теоретики пытаются доказать, что всѣ классы населенія—какъ имущіе, такъ и неимущіе—получатъ выгоду при соціальномъ преобразованіи. Такая манера смотрѣть на вещи, если бы дѣло шло о дѣйствіяхъ династій и другихъ признанныхъ представителей власти едва ли вызвала бы что-либо, кромѣ смѣха. Вѣдь въ самыхъ важныхъ предпріятіяхъ государственныхъ и церковныхъ властей, существующихъ много столѣтій, не только необходимой предпосылкой, но по большей части даже настоящей цѣлью является стремленіе, чтобы противникъ былъ ослабленъ въ своихъ политическихъ и экономическихъ интересахъ на возможно болѣе продолжительный срокъ.

Но если мы будемъ разсматривать соціальное движеніе какъ борьбу высшихъ и низшихъ классовъ народа изъза власти въ государствѣ и обществѣ, то мы не можемъ утверждать, чтобы соціалистическимъ переворотомъ была поставлена человѣчеству задача, единственная въ своемъ родѣ. Напротивъ, подобная борьба соціальныхъ силъ, хотя за гораздо менѣе значительныя цѣли, велась уже довольно часто. И дѣйствительно для осуществленія соціалистическаго міровоззрѣнія мною были предложены только такія средства, которыя въ прошломъ находили себѣ частое примѣненіе въ борьбѣ соціальныхъ силъ.

Такъ же точно правительства,—все равно какая государственная форма ни существовала бы въ ихъ странахъ,—должны привыкнуть видѣть въ соціальномъ движеніи прогрессивное завоеваніе политическаго могущества неимущими классами народа. Правда, это несомнѣнно наиболѣе трудная задача, какая можетъ выпасть на долю государ-

ственныхъ людей,—опредѣлить моментъ, въ который увеличившаяся соціальная сила извѣстнаго слоя населенія требуетъ также увеличенія ея государственнаго вліянія. Пролетаріатъ всѣхъ странъ съ давнихъ поръ вполнѣ основательно оцѣнивалъ такое безпрепятственное развитіе своего могущества гораздо выше, чѣмъ простое обезпеченіе экономическими благами. Вслѣдствіе этого отношеніе рабочаго класса къ существующему государственному порядку въ Англіи и Франціи гораздо благопріятнѣе, чѣмъ въ Германіи, гдѣ государство хотя и создало въ страхованіи рабочихъ широкую систему экономическаго попеченія въ интересахъ трудящихся классовъ народа, но вмѣстѣ съ тѣмъ при посредствѣ исключительныхъ законовъ и полицейскаго гнета постоянно тормозило упомянутый выше естественный процессъ завоеванія политическаго могущества. Ибо проявляемое государствомъ экономическое попеченіе о рабочихъ въ любой моментъ можетъ быть снова ослаблено или даже уничтожено пошлинами на жизненные припасы, освобожденіемъ отъ налоговъ, вывозными преміями и тому подобными льготами, оказываемыми высшимъ классамъ; и напротивъ, гарантированное и признанное государствомъ политическое могущество есть для низшихъ классовъ народа такое пріобрѣтеніе, изъ котораго для нихъ безпрерывно вытекаютъ все новые политическіе и экономическіе успѣхи.

Но и трудящіеся классы народа должны сознать, что всякое увеличеніе ихъ политическихъ правъ можетъ быть пріобрѣтено только возрастаніемъ ихъ соціальной силы. Въ этомъ отношеніи имъ могутъ служить примѣромъ христіане первыхъ столѣтій нашей эры, которые не производили никакихъ революцій, но, благодаря развитію и распространенію своего ученія и непоколебимой вѣрности своей религіи, постепенно, несмотря даже на величайшія опасности, пріобрѣли такую силу, что предъ ними вынужденъ былъ склониться даже римскій принципатъ. Конечно, для этой цѣли недостаточно повторять въ новой формулировкѣ нѣсколько экономическихъ тезисовъ, выставленныхъ ста-

рыми англійскими и французскими соціалистами; напротивъ, вся духовная жизнь—философія, право, мораль, искусство и литература—должны быть проникнуты соціалистическимъ духомъ.

Сознаніе этой великой, еще долженствующей быть разрѣшенной задачи гораздо вѣрнѣе удержитъ пролетаріатъ отъ несвоевременныхъ насильственныхъ дѣйствій, чѣмъ самый жестокій военный и полицейскій гнетъ. Ибо только представители аристократическаго военнаго государства и класса крупныхъ предпринимателей могутъ смотрѣть на нынѣшнюю соціалъ-демократію въ Германіи и другихъ культурныхъ странахъ какъ на крайнюю, по своей природѣ революціонную партію. Съ исторической точки зрѣнія она, напротивъ, окажется просто средней партіей, только сильно клонящейся влѣво, а за ней находится анархизмъ, являющійся представителемъ непримиримой революціи. Вслѣдствіе этого, въ случаѣ побѣдоносной соціальной революціи, соціалъ-демократія очень скоро должна будетъ стать въ такія же отношенія къ анархизму, какъ жирондисты къ террористамъ во время великой французской революціи. А вожди жирондистовъ не только должны были разстаться съ жизнью, но—что гораздо важнѣе—ихъ федералистическіе принципы были на неопредѣленное время вытѣснены изъ общественной жизни Франціи.

УКАЗАТЕЛЬ.

А.

Абсолютизмъ 218.
Австрія 99, 141, 204.
Аграрное устройство, критское и спартанское 128.
Агриппа, Менений 38.
Административные (и судебные) органы 229, 230, 231, 235, 236.
— право 220, 222.
— производство 189, 228, 236, 237.
Администрація 8, 10, 56, 57, 228—231, 236, 237.
— соціалистическая 232, 235.
Амана 121, 287.
Анабаптисты (перекрещенцы), см. Моравскіе братья.
Анархизмъ 7—18.
— введеніе его 13.
— дѣятельность его 14.
— и законодательная власть 218.
— и исполнительная власть 218.
— индивидуалистическій 10, 11.
— и распредѣленіе матеріальныхъ благъ 12, 13, 18, 119.
— и соціализмъ 312, 313.
— коммунистическій 10, 12.
— отмѣна религіи 254.
— свободная любовь 154, 155, 159—164.
— содержаніе дѣтей 169.
Англія 91, 99, 205, 214, 270.
Анфантенъ 48, 156, 157.
Аргументъ крайній 205.
Аристократическіе интересы 214.
Аристократія 211.
Арійцы 116.
Армія 134, 216; см. Войско, Пролетаріатское войско.
Ассоціація, см. Рабочія ассоціаціи и Рабочія группы.
Аѳины 87, 225.

Б.

Бабёфъ 20, 79, 81, 149, 255, 293.
Баденъ-Поуэль 111.
Базаръ 48, 157.
Базель 209.
Бакунинъ 12, 254.
Балканскія государства 100.
Банкъ народный Прудона 145.
— трудовой мѣновой 125, 129, 130, 142, 143.
Бастилія 203.
Бастіа 8.
Бебель 81, 125, 155, 178.
Безнаказанность преступленій вообще 182, 186.
— убійства 182.
Безнравственность 178.
Бельгія 209.
Благо государственное 193—201.
— жизненныя цѣли, всеобщія—см. это слово.
— индивидуальное 91—93, 189.
— народное 194.
— общественное 24, 25, 91—93, 189.
Благосклонность къ соціализму 308—309.
Бланъ, Луи 147, 161, 247, 249—251, 287.
Богемія 99, 280.
Боденъ 207.
Больные, попеченіе о нихъ 121.
Бонапартъ 99, 203, 215, 277, 281, 282.
Борьба государствъ 43, 44.
— за объединеніе Германіи 215.
— изъ-за власти народныхъ массъ 215, 275, 311.
— — старыхъ силъ 310.
Бракъ 30, 94, 153—166, см. Общій бракъ, государственый бракъ и многобрачіе.
Братство 64, 119.
Брачно-имущественное право 166.

Бресбань 276.
Буддизмъ 116. 279, 284.
Буонарроти 20.
Буржуазія 196.

В.

Валлингфордъ 155.
Варренъ, Жозіа 142.
Введеніе народнаго трудового государства 235, 236, 286—291, 305—309.
— — — насильственное 305.
— — — общіе принципы 292—298.
— христіанства 289—291, 309.
См. Христіанство, Церковь.
Величество 182, 203.
Вещи изнашиваемыя 102.
— никому не принадлежащія 118.
— пользуемыя 102, 104, 110—112.
— потребляемыя 101, 102, 106—109.
— приносящія плодъ 104.
— какъ средства производства 104, 105, 113—115.
Вещное право, соціалистическое 98—105.
Вейтлингъ 124, 125.
Викторъ-Эммануилъ (Италія) 99.
Владѣніе 108, 109.
— матеріальное и духовное 196.
— потребляемыми вещами 109.
Властелинъ 193—195, 207.
Властелинъ-народъ 205, 206.
Власть законодательная 202, 203, 218—227.
— и блескъ 195, 196, 199, 208.
См. Цѣли властителей государствъ.
— и соотношеніе силъ 220, 221.
— исполнительная 218, 228—237.
Военное (милитаристское) государство 51, 52, 88.
Возникновеніе права и государства 35—42.
Возстаніе рабовъ 4, 38, 216, 275.
Война 204, 225—227, 310.
Войско, см. Армія, Пролетаріатское войско.
Вольтеръ 253.
Воровство 183, 184.
Воспитаніе 22, 30, 81, 121, 168, 169, 260, 267.
— религіозное 260, 266.
Всеобщая воинская повинность 52.
Выборная палата 221—223. См. Палата
Выборы 29.
Выговоръ публичный 139.
Выгоды непосредственныя 298.
Выкупъ крупной собственности 299—304, 306—307. См. крупная собственность.
— средней и мелкой собственности 301, 303, 307.
Выселеніе 171.
Вѣнскій конгрессъ 208.

Г.

Гаагская мирная конференція 200.
Габсбурги 278.
Газеты 71, 72, 268.
Гай 98.
Гайндсъ 146.
Галлеръ 55.
Галь 21, 131.
Гармонія интересовъ, естественная 7, 64—66.
Гартманъ 270.
Гастингсъ 99.
Гебертисты 290.
Геккель 270.
Генрихъ VIII 99.
Германія 26, 99, 141, 204, 215, 216, 223, 269.
Германо-Австрія 204.
Германская имперія 205, 215.
Германскій союзъ 204, 215.
Герои, культъ ихъ 61, 62.
Гессенскій курфюрстъ 282.
Гете 151, 270.
Гиббонъ 287.
Гоббсъ 55.
Гогенцоллернъ 213, 278.
Годвинъ 10, 11, 21, 155, 254.
Голіэкъ 21.
Государственная область вѣдѣнія 193.
Государственный бракъ 30, 155—157, 164, 189.
Государственное воспитаніе 22, 30, 168, 169, 265—267.

— законодательство 289.
Государственные перевороты 203, 204, 215, 283.
— преступленія 182.
— лица 198, 199.
— формы 211—217.
— цѣли, см. это слово.
Государство Божье 19, 20, 199, 200.
— его теорія 55.
— владѣлецъ земли 130.
— казарма и смирительный домъ 76.
— какъ наслѣдникъ 150.
— индивидуалистическое, основанное на силѣ (власти) 19, 20, 24, 54—62, 91, 92, 201, 211, 212, 268.
— — его цѣль (задачи) 22, 55—57.
— — и эгоизмъ 64.
— и религія (Церковь) 8, 259, 260.
— милитаристское 51, 52, 88.
— мірское 19.
— національное 91, 241 283.
— ночныхъ сторожей 57.
Государство, основанное на завоеваніи 91, 92, 201.
— суверенитетъ его 206.
— соціалистическое 275—285; см. Народно-трудовое государство.
Грабежъ 183, 184.
Гражданское право 281, 282; см. Частное право.
Гражданскій процессъ 188—190.
— участіе въ немъ государственныхъ органовъ 190.
Гракхи 128.
Границы между юстиціей и администраціей 228—232.
Греки 98, 237, 280.
Греція 98.
Групповой соціализмъ 146, 239, 246—251.
Группы населенія съ различными интересами 194—197.

Д.

авность 115.
виженіе соціальное 275—285.
ворянство 195, 281, 308.
Деньги бумажныя, Прудона, 145.
— металлическія 125, 126, 129, 142, 143.
— рабочія 125, 129, 143.
Дифференцированіе гражданъ государства 84—88.
Доброта естественная человѣка 65.
Договоръ 134—147.
— кредитный 144—145.
— купли-продажи 142—144.
— найма 140—142.
— обмѣна 135, 142—144.
— общественный 10, 38.
— товарищескій 145—147.
Договорное право и демократія 132, 133.
— — частное 137—139, 145—147. см. Переходъ въ вѣдѣніе государства.
Долговыя отношенія, см. Договорное право, Обязательственное право.
Дома для подкидышей и сиротъ 121.
Домашнее хозяйство, отдѣльное 121, 164, 165, 168, 267.
— — совмѣстное (общее) 121, 169, 267.
Доходъ національный 143.
— получаемый безъ труда 74, 111, 128, 300, 302.
Древніе языки и литература 266.
Дѣти внѣбрачныя 174—179, 244.
— — законодательство о нихъ 174, 175, 244.
— — содержаніе и воспитаніе ихъ 169, 177.
— — издержки на это 177—179.
— рожденныя въ бракѣ 150, 167—173, 244.
— — содержаніе и воспитаніе 167—170.
— — издержки на это 169—173.
Дѣтскіе пріюты 168.
Дѣянія недозволенныя 124, 138.
Дѣятельность духовная 275—278.
Дюверье 157.
Дюнойе 57.

Е.

Единобрачіе 157.
Естественно-правовая теорія государства, см. Теорія государства.

Equitable Labour Exchange, см. Трудовой мѣновой банкъ.
Естествовѣдѣніе 268.

Ж.

Жена 163—165, 244; см. Женщина.
Женщина, активное и пассивное избирательное право ея 223.
— въ сенъ-симонизмѣ 156.
— обязательный трудъ ея 120, 165.
— право на существованіе ея 28, 123, 165.
Жизненныя цѣли, всеобщія 24—27, 91—93, 189, 193—197.
— группъ населенія 195—197. См. Цѣли.
Жилища общія 121.
— обособленныя 121.
Жирондисты 313.
Жребій 87.
Журналы 268.

З.

Заговоръ равныхъ 79, 149, 255.
Зависимость экономическая 77, 78.
Законодательная власть, см. Власть.
Законъ 202, 203.
— аграрный 128.
Законы Kulturkampf'a 215, 221.
Заработная плата, минимальная 141.
Земельная община, русская, см. Міръ, Община.
Земля, владѣніе ею 130.
Злоупотребленія правомъ употребленія вещи 107.

И.

Избирательное право, всеобщее 29, 223—225, 284.
— женщинъ 223.
Изгнаніе крестьянъ изъ имѣній 141.
Императивъ категорическій 70, 73.
Имущіе классы 183.
Индійская сельская община 111.
Инстанціи 234.
Интересы аристократическіе 214; см. Цѣли.
Instruments du travail 103.
Ирландія 214.
Искусство 14, 263, 275.
Исламъ 116, 158, 279.
Исполнительная, см. Власть.
Историческая теорія государства, см. Теорія государства.
Исторія, см. Матеріалистическое пониманіе ея.
Италійцы 98.
Италія 98, 99, 216.

І.

Іерархія въ демократическомъ трудовомъ государствѣ 80—83.
Іерусалимъ 288.

К.

Кабэ 255.
Казарменное государство 76.
Кальвинъ 279.
Кампанелла 86.
Кантоны въ Швейцаріи 209.
Кантъ 70, 73, 269.
Карлъ V Великій 34, 99.
Книги 268.
Кодексъ Наполеона 282.
Колоніи европейскія 283.
Коммуна парижская 241, 297.
Коммунизмъ 31, 95.
— и системы распредѣленія 31—33, 94, 95.
Коммунистическія общины, см. Сѣверо-Американскія.
Консидеранъ 224.
Константинополь 49.
Константинъ I, императоръ 119, 216, 290.
Константинъ II, императоръ 290.
Константъ 290.

Конституція французская 1791 г. 203.
— 1793 г. 203, 225.
Contract social 10, 38.
Контъ, Огюстъ 86.
Конфискація, см. Выкупъ; Отчужденіе, Секуляризація, Экспропріація.
Крайній аргументъ 205.
Кредитные договоры 144—145.
Кредитъ безденежный 144—145.
Крестьяне 141.
Крестьянская война 216, 275.
Критское и спартанское аграрное устройство 128.
Крупная собственность, выкупъ ея 299—304.
— способъ выкупа 300—302.
— предѣлы 302.
— и политическая свобода 299, 300.
— слабость ея 300.
Крѣпостное право, его отмѣна 296, 309.
Coup d'état 204—206, 214, 215, 283.
Культуркампфъ 215, 221.
Культурныя учрежденія въ современномъ государствѣ 58.
Культъ героевъ 61, 62.
Курфюршество Гессенское 282.

Л.

Лассаль 49, 57, 66, 147, 161, 172, 247, 249, 251, 287, 293.
Лейбъ-гвардія духовная 271.
Ленная система 281, 303, 309.
Леру, Пьеръ 49.
Лица государственныя 198, 199.
Лишенные собственности, см. Неимущіе, Жизненныя цѣли.
Loi agraire 128.
Локкъ 125, 219, 222.
Любовь къ ближнимъ 64, 66.
— свободная 154, 155, 160—164, 172.
— и содержаніе дѣтей 169.

М.

Мабли 20.
Мадзини 52.
Малообразованность современная 265.
Мальтузіанцы, нео- 172.
Мальтузіанство въ соціалистической литературѣ 170.
Мальтусъ 170.
См. Увеличеніе населенія.
— его соціалистическіе противники 170.
Маккіавелли 55, 299, 305.
Марешаль 81.
Марія-Христина (Испанія) 99.
Марксизмъ 263.
Марксъ 50, 66, 161, 172, 276, 278—280, 293.
Матеріалистическое пониманіе исторіи 50, 262, 263, 276, 280, 283, 284; см. Пониманіе исторіи.
Международныя отношенія 8, 43—53, 200, 201, 283.
Мелкая собственность 300, 303, 304; см. средняя и м. собственность.
Мелье 20.
Милитаристскія государства 51, 52, 88.
Минимальная заработная плата 141.
Министры 221.
Міровое государство 49, 52, 53, 239.
— политическое 52, 53.
Міровоззрѣніе опытное 34, 252—254, 259, 260, 265.
Міровой соціализмъ 238.
Міръ (община) 111, 131, 307.
Многобрачіе 158—160.
Многоженство 158.
Многомужество 158.
Мнѣніе общественное 69—71, 138.
Моменты дифференцированія 84—87; См. Неравенство.
Монархія 211, 213, 214, 216, 269, 284, 294.
— условія для продолженія ея существованія 216.
Монтескье 26.
Моравскіе братья (анабаптисты, перекрещенцы) 288.
Морелли 20, 255.
Мормоны 158.
Мостъ 12.
Мотивы и причины 276, 277.
Мошенничество 183.
Муниципальный соціализмъ 234, 296.
Мышленіе 275, 276.

Н.

Назначеніе 86, 236.
Налоги уравнительные 302, 306.
Наполеонъ I, см. Бонапартъ.
Народное благо 24, 25, 91—93, 188, 189, 194.
— воспитаніе 263.
— хозяйство 278—280.
Народные идеалы 83—84, 262, 263.
Народный банкъ Прудона 145.
Нарушенія 181.
Насиліе при внѣбрачномъ сожительствѣ 176, 185.
Наслажденіе, средства 83.
Наука 268—271.
— и сила 268—271.
Науманъ 51.
Національныя государства 91, 241, 283.
— имущества, французскія 99, 280.
Неаполь 281, 282.
Невѣріе 252, 253.
Независимое отъ закона рѣшеніе; см. Рѣшеніе.
Непзмѣнность основныхъ человѣческихъ побужденій 66—67.
Неимущіе классы, см. Жизненныя цѣли.
Необразованность 265.
Неприкосновенность тѣлесная 25, 27, 181.
Неравенство, границы 87, 88.
— какъ стимулъ 83—84.
— въ соціализмѣ 33, 80, 129—131.
— промышленныхъ рабочихъ 80—83.
— профессіональныхъ знаній 81—83.
— силы 81.
— труда 31, 32, 81, 83.
Нидерланды 209.
Никея (соборъ) 287.
Нитцше 62.
Нордгоффъ 146.
Норма правовая 220.
Нормальный рабочій день 141.
Норманны 40, 99, 280.
Нравственность 68—73, 138, 278
— и право 68—73.
— и религія 68—70.

О.

Обезпеченіе условій существованія 196, см. Цѣли.
Обманъ при внѣбрачномъ сожительствѣ 176, 185.
Обмѣнъ 135.
— между соціалистическими общинами 242.
Обособленное хозяйство 121. 260, 267.
Образованіе 80, 85, 86.
— всеобщее обязательное, см. Обученіе.
— классическое 266.
— и наука 262—271.
— общее 264—268, 284, см. Совмѣстное.
— профессіональное 80, 81, 263—264.
Образованный 263.
Обученіе совмѣстное 264.
Общая собственность 28, 29.
Общее хозяйство 9.
Общежитіе, см. домашнее хозяйство,—соединенное.
Общественное благо 24, 25, 91—93, 189, 194.
— мнѣніе 69—71, 138.
Общественный договоръ (contract social) 10, 38.
— — частноправовые 145—147.
Община 238—245.
— владѣлецъ земли 130.
— индійская сельская 111.
— іерусалимская 288.
— русская (міръ) 111, 131.
— соціалистическая 289.
Общинный соціализмъ 239, 240, 241, 243—245, 297, 303.
Общій бракъ 154, 155, 160, 164.
Общія жилища 121.
Общность имуществъ 156, 239, 288; см. Общая собственность, Коммунизмъ.
Объединеніе судебнаго и административнаго производства 229, 231, 236, 308.
Объединительное движеніе 209.
Объявленіе войны 226, 227.
Обычное право 36.
Обязанность мужа содержать жену 166; см. Жена.
— родителей — —, см. Дѣти.

Обязательное всеобщее обученіе 252—261, 265, 284.
Обязательность труда 120, 165, 185, 245.
Обязательственное право 132—139.
— — и демократія 132—133.
Округъ (область) 209, 240, 246.
Онеида 121, 155.
Опека 178. 179.
Опытное міровоззрѣніе, см. Міровоззрѣніе.
Organisation du travail 134.
Организація гражданскаго процесса 188—190.
— политической власти 135, 136.
— общественнаго труда 134—136, 137.
— — государствомъ 135.
— — при посредствѣ приказанія 134.
— — — договора 135.
Органическая теорія государства, см. Теорія.
Органы порядка, соціалистическіе 232—235, 304.
Отдѣленіе отъ государства 208, 209.
Отдѣльный союзъ (части Швейцарскихъ кантоновъ и Сѣверо-Американскихъ Штатовъ) 209.
Отношенія зависимыя (злоупотребленія) 176, 185.
Отчужденіе 13, 301.
Оуэнъ 21, 49, 125, 142, 143, 146, 155, 240, 255, 287.
Охрана рабочихъ 140—142, 206.
— крестьянъ 142.

П.

Павелъ, апостолъ 289.
Палата аристократическая (пэровъ) 48, 221—223; см. Выборная палата.
Парламентъ 221—223; см. Власть законодательная.
Парламентарное правленіе 221, 222.
Патріотизмъ 43—51.
— и національность 44, 45.
— и низшіе классы населенія 44—47.
— и религія 44.
Патріотизмъ и соціализмъ 47—51.
Переходъ договорнаго права въ вѣдѣніе государства 136, 137.
— имущественныхъ правъ 29.
— семейныхъ правъ 30, 155—157, 189.
Побужденіе 277.
Поддержаніе существованія 121.
Подкидыши (сироты), пріюты для нихъ 121.
Покупка 135.
Платонъ 86, 155, 156.
Плебсъ римскій 38, 133.
Полигамія, см. Многобрачіе.
Половое влеченіе (безнравственность), обузданіе его 172, 178.
Пользуемыя вещи 102, 104, 110—112.
Польша и поляки 281, 282.
Пониманіе исторіи, см. Матеріалистическое.
Попеченіе о неспособныхъ къ труду 121.
Порицаніе общественное 70, 71, 138.
Потребляемыя вещи 102, 106—109.
Потребности какъ масштабъ распредѣленія 13, 120—121.
— болѣе тонкія 13, 122—125.
Правительство 8, 220—222, 236, 237.
Право административное 220.
— естественное (самобытно) возникшее 41, 116.
— и народное хозяйство 280.
Право и нравственность 68—73.
— на полный продуктъ труда 12, 128.
— на существованіе 121, 165, 166, 169, 177, 243, 245, 246, 259, 267.
— на трудъ 121.
— обязательное 132—139.
— пользованія 102, 103, 110—112.
— публичное 41, 220.
— распоряженія собственностью 107.
— рефлекторное (сознательное) 41, 116.
— римское 3, 95.
— родины, соціалистическое 243, 244; см. принадлежность къ общинѣ.
— семейное подчиненіе государству 30, 155—157, 164, 189.
Правовое государство 57.
Правовыя нормы 220.
Правопорядокъ 202.

Правопорядокъ античный 3, 4.
— средневѣковый 3.
— современный 3.
Правосудіе 189, 190, 228—231, 235, 236.
Предопредѣленіе 279.
Преступленія 181.
— безнаказанность ихъ 182, 186.
— исчезновеніе ихъ изъ правопорядка 186, 187.
— имущественныя 183, 184.
— противъ государства 182.
— — закона (права) 182—186.
— — личности 181, 183.
— — семейнаго права 185.
— — собственности 183, 184.
Привилегированное положеніе 196; см. Цѣли.
Принадлежность земли государству и общинѣ 130.
— къ государству 243, 244.
— къ общинѣ 243, 244.
Принудительное отчужденіе, см. Выкупъ, Отчужденіе, Секуляризація, Экспропріація.
Принужденіе въ правѣ 68—69.
Причина и слѣдствіе 276, 277.
Причины современнаго соціальнаго движенія 275—285.
Пріобрѣтеніе по праву давности 115.
— потребляемыхъ вещей 102, 107.
— права на пользуемыя вещи и средства производства 102—104, 110—112.
Пріюты для дѣтей 168.
Провинція 240, 241, 243, 244.
Продуктъ труда, см. Право.
Производство, непорядки въ немъ 295.
— переходъ въ вѣдѣніе государства 303.
Происхожденіе права и государства 35—42.
Пролетаріатское войско 52, 216, 253.
Промышленныя товарищества, договоры о нихъ 145—147.
Просвѣщеніе, см. Образованіе.
Проституція 164, 178.
Проступки 181.
Профессіональное образованіе, см. Образованіе.
Проценты, свобода взиманія ихъ 74.
Процессъ 188—190.
Прудонъ 10, 15, 16, 81, 144, 145.
Пруссія 52, 215.
Публичность распредѣленія имуществъ 120.
Пути сообщенія 229.

Р.

Работы, внушающія отвращеніе и вредныя для здоровья 14, 83, 123.
Рабочая группа, анархистская 15—17.
— — соціалистическая 146, 240, 246—251; см. Рабочія ассоціаціи.
— конституція 247—249.
Рабочее время, увеличеніе его 123, 124.
Рабочія ассоціаціи 145—147, 243, 247—251; см. Рабочая группа.
— организація ихъ 249—251.
Рабочія деньги 125, 129, 143, см. Металлическія деньги.
Равенство 31, 79—88.
— гражданъ 308.
— передъ закономъ 33, 79.
— въ соціализмѣ 32, 81, 129, 130.
— экономическое 31, 32, 79, 80, 82, см. Неравенство.
Равноправіе мужчины и женщины 165.
Развитіе духовное 85.
Рамель 100.
Распорядительные органы 232—235.
Распредѣленіе въ анархизмѣ 12, 13, 17, 18, 119.
— государственное 120—127, 232, 234.
— гражданъ (дифференціація) 84—88.
— самостоятельное 13, 18, 118—120, 123.
Растрата 183, 184.
Раціоналистическая религія (религія разума) 255, 256.
Революція 209, 283, 292—297.
— 1-я англійская 200.
— польская 100.
— французская 6, 100, 292, 310.
— 1848 г. 215.
— новѣйшая 6.
— сверху 286.
— снизу 286.

Революціонныя склонности германцевъ 212—216.
— — романскихъ народовъ 212.
Реестръ 111.
Религія 33, 34, 252—261, 262, 278—279, 286, 298.
— частное дѣло 259.
— ослабленіе ея 253.
— и нравственность 68—70.
— и соціализмъ 255—257, 287—289.
Ремесленное образованіе 264
Республика 211—217.
— политическая у римлянъ 211—213.
Референдумъ 224—225.
— обязательный 224.
Референдумъ факультативный 224. 227; см. Революція.
Реформа 34, 292—298.
Реформація 99, 216, 292, 310.
Рецепція римскаго права 281.
Рикардо 125
Римская имперія 98, 217, 290, 309.
Римляне 91, 98, 237, 280.
Риттингаузенъ 224.
Робеспьеръ 255.
Родбертусъ 66, 77, 125, 143, 150, 161, 172, 292.
Родина, право ея 243, 244.
Родители, обязанности ихъ 85, 87. 179.
Родригесъ, Олиндъ 157.
Родственники по боковой линіи, ихъ наслѣдственное право 150.
Романскіе народы 212.
Россія 91, 100, 200; см. Міръ.
Русская сельская община, см. Міръ.
Руссо 65—67, 207, 222, 255.
Рѣшеніе, независимое отъ закона 218—221.

С.

Саксы, см. Норманны.
Самооборона 182.
Сардинія 282.
Сардинскій король 282.
Свобода 74—78.
— договоровъ 74.
— передвиженія 244.
Свобода политическая 74, 75.
— экономическая 76, 77.
Сводничество 186.
Святость правопорядка 293, 294.
Секуляризація 99, 280.
Семейное воспитаніе 30, 267.
— домашнее хозяйство, см. Домашнее хозяйство, отдѣльное.
— право 28, 30, 153.
Семиты 116.
Семья 9, 94; см. Бракъ, Дѣти.
Сенъ-Симонизмъ 48, 86, 149, 156, 157, 255, 257, 287.
Сенъ-Симонъ 21, 47—49, 156, 235, 255, 257, 276, 292.
Серіи (Фурье) 16, 247.
Симковичъ 111.
Сила и блескъ 195, 199; см. Цѣли.
Сирія 290.
Сироты 121.
Систематика этого сочиненія 93.
Системы распредѣленія, субъективныя 116—127.
— — объективныя 117, 128—131.
Случай (аргументъ) крайній 105.
Слѣдствіе и причина 276, 277.
Смирительное государство 76.
Смитъ, Адамъ 125.
Собственность, см. Общая, Крупная собственность, Вещи, Вещное право, Владѣніе, Мелкая и средняя собственность.
Собственность, насильственное происхожденіе ея 98—101.
— матеріальная и духовная 196.
— въ римскомъ правѣ 95, 96.
— общая 29, 94—97.
— преобразованіе ея въ соціализмѣ 96, 97.
— на потребляемыя вещи 102, 106, 107, 109, 137.
— на средства производства 114, 115.
— ослабленіе ея 95—97.
— частная 29, 94—97.
Совмѣстное обученіе 264; см. Дѣти, Жена, Содержаніе.
Сожительство, внѣбрачное, особенно противозаконное 176, 177.
— — уголовное наказаніе 176, 177, 185.
— внѣбрачное, слѣдствія его 177.
— — законодательство конвента 177.

Сожительство внѣбрачное и террористы 178.
Солидарность 64, 65.
Соотношенія силъ (власти) 58—62, 180, 202, 204, 211, 212, 280—285, 290, 292.
Соотношеніе силъ и уголовное право 180.
— — и предписанія закона 202, 203.
Соціализмъ 30, 32, 33; см. Общинный, Групповой, Государственный и Міровой соціализмъ.
Соціализмъ, благосклонное отношеніе къ нему 308.
Соціализмъ, происхожденіе слова 20, 21.
— общинный 240.
— и анархизмъ 313.
— и милитаристское государство 51, 52.
— муниципальный 234, 296.
— и патріотизмъ 47—51.
— и частное право 289.
— и религія, см. Религія.
— и системы распредѣленія 117.
— его торжество 305—309.
— и исполнительная власть 232—236.
— современный 288.
Страхованіе рабочихъ 206, 312.
Строительное искусство, соціалистическое 121, 122.
Ступени житейской лѣстницы 122, 123.
— — — высшія 122.
Суверенитетъ 202—210; монарха и народа 204—207.
— государства 206.
— общины 241.
— и Церковь 209.
— его примѣненіе насильственное 208.
— ослабленіе его 209, 210.
Судебная расправа 190, 228, 232, 235, 236.
Суды 8, 9, 230, 231, 235, 268, 304.
Существованіе, см. Право.
— обезпеченіе условій его 196.
Соціализмъ, какъ первоначальный общественный порядокъ 26.
Соціалистическая община 289, 304.
Соціалистическіе органы порядка 232—235.
Соціалъ-демократія 221, 293.
Соціалъ-революціонная партія 215.
Спарта 128, 225.
Спартанское аграрное устройство 128.
Спенсеръ, Гербертъ 57.
Спексъ, Томасъ 21, 131.
Спеціальное образованіе 264.
Спиноза 55.
Средняя и мелкая собственность 300, 303, 304.
Средства наслажденія, рѣдкія 83.
— — см. средства удовлетворенія 122.
— образованія 260. 265—268.
— производства 104, 105, 113—115, см. Вещи.
— пропитанія 173.
— труда 103, см. instruments du travail.
— сообщенія 229.
— удовлетворенія потребностей 122.
— — — увеличеніе ихъ 123—124.
Старики 121.
Сѣверо-Американскіе Штаты 205, 209; см. Коммунистическія общины въ нихъ.

Т.

Теорія индивидуалистическаго государства, основаннаго на силѣ (власти) 55.
Теорія государства естественно-правовая 38, 39
— — органическая 36, 37.
— — теократическая 19, 20, 199.
— — и частное право 39, 40.
Терроризмъ 290, 305.
Террористы 178, 313.
Техническая подготовка 236.
Томпсонъ, Вильямъ 21, 66, 146, 240.
Торжество соціализма 305—309.
Трейчке 22, 204.
Трудовое государство народное 20, 24, 27, 52, 54—62, 208—210, 240, 264, 286—291.
— — — сущность его 55.
— — — цѣль его 55, 59.
— — — и эгоизмъ 63—65.
— — двигательныя силы въ немъ 63—67.
Трудовой мѣновой банкъ (Оуэна) 125, 129—130, 142.

Трудъ, право на него 121; см. Право.
— обязательность его 165.
Тьерри 47.

У.

Убійство 181.
— безнаказанность его 182.
Увеличеніе населенія 155, 172.
Увѣчье 181, 184.
Уголовные законы 176, 177, 180—187.
Уголовная юстиція 230, 236.
Угроза 176, 185.
Управленіе, см. Администрація
Ульпіанъ 91.
Усадебные участки 111, 131.
Условія существованія, обезпеченіе ихъ 196.

Ф.

Федерализмъ, экономическій 245.
Фейербахъ, Ансельмъ 269.
Фердинандъ II (Австрія) 99.
Фильмеръ 218, 219.
Философія 268.
Франція 52, 99, 203, 205, 213, 242, 310.
Фридрихъ Вильгельмъ II 269. 310.
Фурье 8, 16, 49. 65, 83, 84, 146, 158—160, 240, 256, 276, 287.

Х.

Хозяйственные органы 232, 234, 245.
Хозяйство общее 121.
— обособленное 121.
Христіанство 4, 5, 116, 119, 157, 161, 163, 258, 260, 279, 284, 285, 286, 288, 290; см. Введеніе христіанства, Церковь, Цѣли.
Христіане 308.
— число ихъ въ Римской имперіи 287.

Ц.

Центральная власть 234, 241, 297.
Централизація политическая 238, 239, 297, 298.
Централизація экономическая 239, 297.
Церковныя имущества, секуляризація ихъ 99, 280.
Церковь 8, 60, 188, 209, 215, 260, 269, 287.
Цивилизація 65.
Цинегій 290.
Цѣли, см. Жизненныя цѣли.
— государства 193—201.
— — и ихъ неподвижность 199, 200.
— властителей (главъ) государства 22—24, 55—58, 199, 200, 205.
— высшихъ руководителей государства 195.
— дворянства 195, 281.
— буржуазіи и крестьянъ 196.
— лишенныхъ собственности (неимущихъ) классовъ населенія 196, 197.
— направленныя на развитіе силы 194, 197, 198.
— — — въ христіанствѣ 60, 290.
— — въ народномъ трудовомъ государствѣ 60, 62.
— сверхчувственныя (чудесныя) 4, 5, 19, 20, 70, 279, 298.

Ч.

Частное право 91—93, 117, 126, 128, 131, 138, 147, 188, 189, 219, 281, 282, 289, 294, 307, 309.
Частная собственность 29.
Число римскихъ христіанъ 287.
Чувство 275, 277.

Ш.

Швейцарія 205, 209, 224.
Швейцеръ 50.
Шевалье, Мишель 157.

Шэкеры 287.
Школьное обязательное обученіе всеобщее 30, 264—268.
Шометтъ 178.
Шопенгауэръ 270.
Шталь, Юліусъ 199, 228.
Штейнъ, Лоренцъ 21
Штирнеръ 10, 11.
Штоббе 281.
Штраусъ, Давидъ 269, 270.
Штурмъ Бастиліи 203
Шульце 287.

Э.

Эгоизмъ и индивидуалистическое государство, основанное на силѣ (власти) 63, 262.
Эгоизмъ и народное трудовое государство 63—65.
Экспропріація 13, 300; см. Выкупъ, Отчужденіе, Секуляризація.
Энгельсъ 50, 125, 279, 280, 281, 282, 293.
Эрфуртская программа 259.

Ю.

Южные Штаты Сѣверо-Американскаго Союза 205, 209.
Юридическая подготовка 236.
Юстиція 190, 218—227, 230, 235, 236, 303.

Я.

Язычники 309.

Ѳ.

Ѳеодосій I, импер. 34, 291.

5 p

Dq XII 1954